

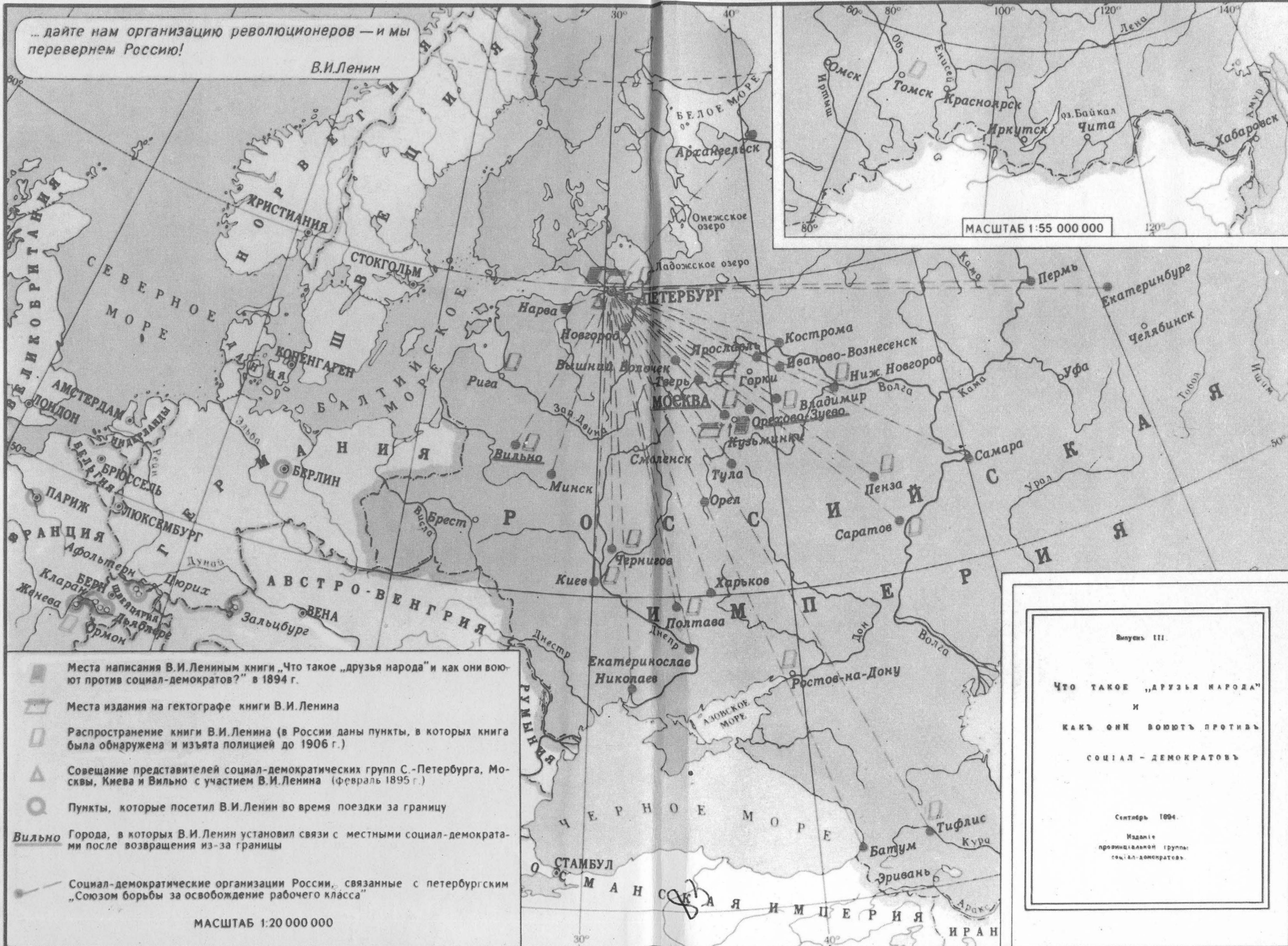

**ЛЕНИН.
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ГОДЫ**

... дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!

В.И. Ленин

■ Места написания В.И. Лениным книги „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?“ в 1894 г.

▭ Места издания на гектографе книги В.И. Ленина

□ Распространение книги В.И. Ленина (в России даны пункты, в которых книга была обнаружена и изъята полицией до 1906 г.)

△ Совещание представителей социал-демократических групп С.-Петербурга, Москвы, Киева и Вильно с участием В.И. Ленина (февраль 1895 г.)

○ Пункты, которые посетил В.И. Ленин во время поездки за границу

Вильно Города, в которых В.И. Ленин установил связи с местными социал-демократами после возвращения из-за границы

— Социал-демократические организации России, связанные с петербургским „Союзом борьбы за освобождение рабочего класса“

МАСШТАБ 1:20 000 000

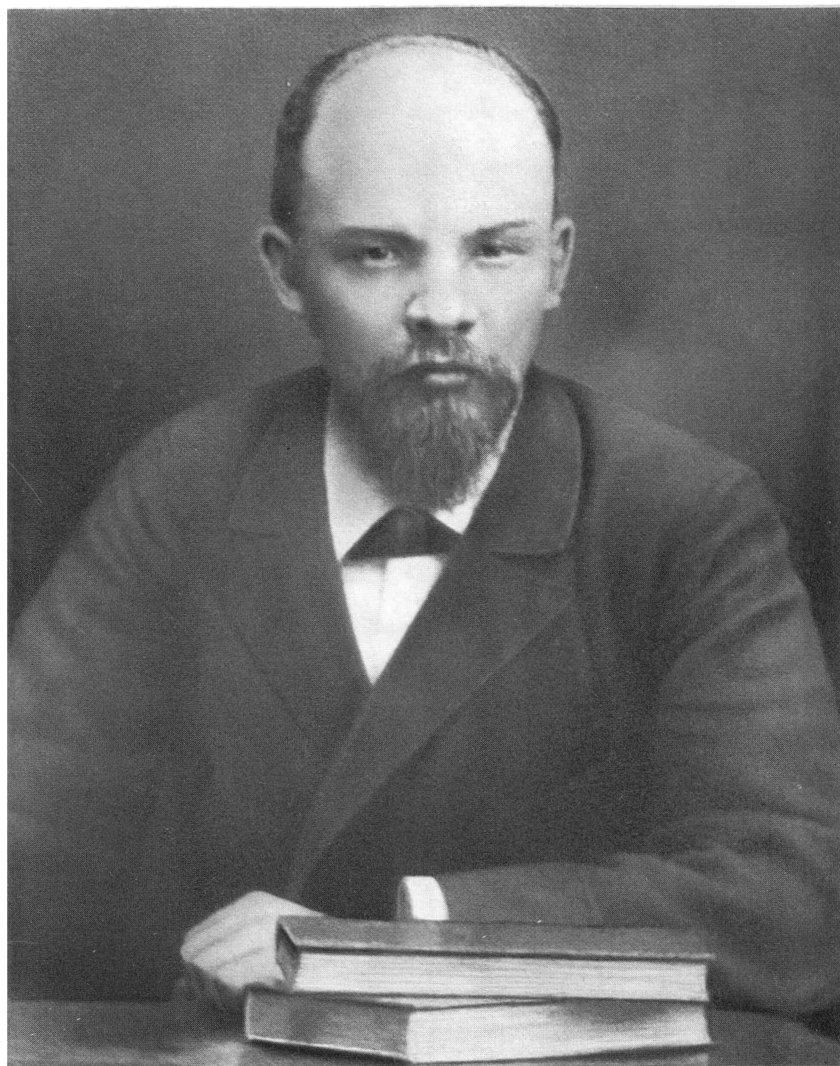
Выпуск III.

ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА“
И
КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВЪ

Сентябрь 1894.

Издано
проvincиальной группой
соц. ал-демократовъ.

ЛЕНИН.
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ГОДЫ

По воспоминаниям
современников и документам

Составитель А. И. Иванский

*Издательство политической литературы
Москва · 1972*

Л45 Ленин. Петербургские годы. По воспоминаниям современников и документам. Сост. А. И. Иванский. М., Политиздат, 1972.

423 с. с илл.

Книга посвящена жизни и деятельности В. И. Ленина в петербургский период — от его приезда в Петербург 31 августа 1893 года до отъезда в сибирскую ссылку 17 февраля 1897 года. В ней рассказывается о том, как Владимир Ильич установил тесные связи с передовыми петерскими рабочими, идейно разгромил народничество, создал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», стал руководителем, организатором и вождем революционного пролетариата России.

Книга является продолжением вышедшего в Политиздате в 1964 году труда А. И. Иванского «Молодой Ленин». Она рассчитана на массового читателя.

*...Дайте нам организацию
революционеров —
и мы перевернем Россию!*

В. И. Ленин

Об этой книге

В Ленинском юбилейном году редакция одной московской газеты пригласила как-то нескольких писателей, критиков и педагогов поговорить о книгах, посвященных историко-революционной теме.

Разговор получился оживленный, для литераторов, работающих в этой области, чрезвычайно полезный.

Помню, общее внимание привлекло выступление старой большевички, невысокой и хрупкой, совершенно седой, державшейся просто и в то же время со спокойным достоинством. Это была Лидия Александровна Фотиева, секретарь Совнаркома при Ленине. Тогда, на той встрече, Л. А. Фотиева в своем интересном выступлении дала добрую оценку книге А. Иванского «Молодой Ленин».

Может ли быть дороже награда? Ведь Лидия Александровна не обычный читатель. Она долгое время близко знала Владимира Ильича и, конечно, малейшая неверная нота в книге была бы замечена ею. Правдивой и достоверной, очень нужной назвала Фотиева эту книгу.

Прошло несколько лет, и на столе у читателя новая работа А. Иванского — «Ленин. Петербургские годы». Естественное и необходимое продолжение первой.

Если допетербургские годы были порой накопления и первой пробы сил, то теперь в столице Российской империи титанический революционный труд Ленина развернулся с необычной, поражающей смелостью.

«Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма,— вспоминает Глеб Кржижановский.— Отборная рать здоровеннейших городских, торчавших на каждом перекрестке, не менее упитанные фигуры дюжих «околодков», характерная дробь барабанов с пронзительным присвистом маршевой дудочки, сопровождающей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск... и целые тучи шпионской рати,

шныряющей в мглистом тумане бесконечных петербургских улиц».

В этот гранитный каменный город, в эту, казалось, необоримую крепость приезжает с Волги двадцатитрехлетний Владимир Ульянов, полный решимости к самоотверженной борьбе за дело трудящихся.

Революционная теория марксизма — оружие Ленина, его знамя, путеводный маяк, неиссякаемый источник творчества. Появление Владимира Ильича осенью 1893 года в среде петербургских марксистов Г. М. Кржижановский сравнивает «с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь».

В книге читатель найдет множество убедительных и интересных свидетельств современников Ленина, рисующих его неповторимую, необыкновенную личность. Кржижановский, Сильвин, сестры Невзоровы, Крупская, Мария и Анна Ульяновы, много других выдающихся деятелей партии, петербургских рабочих с любовью и гордостью расскажут о Владимире Ильиче — революционере, Владимире Ильиче — человеке, будя взволнованный отклик в сердце читателя. Именно оттого, что свидетельствуют близкие Ленину люди, воспоминания эти читателю особенно дороги. Как верно говорит Анна Ильинична: никакие научные исследования не дадут того, что дает память о человеке друзей, хотя бы и через десятилетия!

Размах революционной работы Ленина ширится, и тем больше появляется у него друзей и товарищей.

Видный член партии М. М. Эссен, знавшая Владимира Ильича, метко характеризует одну существенную черту его личности: «В присутствии Ленина мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и главное — работать. От одной мысли, что Ленин знает о твоей работе, удесятерились силы».

Товарищи Ленина — убежденные марксисты, бесконечно преданные революционным задачам рабочего класса. Много среди них было людей очень талантливых. Ленин любил таланты. «Он положительно готов был «ухаживать» за такими людьми, радовался их

успехам», — трогательно вспоминает Г. М. Кржижановский. Но самые просвещенные и ярко одаренные товарищи Ленина всегда знали и ценили его исключительность, «огромное обаяние», его «власть над сердцами и умами отдельных людей, обусловленную полным забвением собственной личности и исключительным служением одной великой цели — освобождению человечества».

В петербургские годы служение великой цели стало осуществляться практически. В петербургские годы открылась новая страница истории классовой борьбы. Эту страницу Ленин назвал соединением марксизма с рабочим движением, указывая тем самым путь и цель всей борьбы российского пролетариата.

Каменный, гранитный Петербург, наводненный войсками и шпиками, еще не подозревал о своем опасном противнике, а на десятках заводов и фабрик по всей России уже зрели грозные силы, вооруженные учением Маркса и передовыми традициями русской демократической мысли, уже действовал созданный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», уже поднимались воспитанные им Шелгуновы и Бабушкины — великая рабочая армия.

«...Народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину», — напишет позднее Владимир Ильич, глубоко веря в классовый инстинкт пролетариата, его творческие силы, его историческую миссию.

Между тем врагами рабочего класса на пути выполнения им его исторической миссии были не только царские чиновники и полицейские. Были и другие противники, особенно опасные тем, что, отвергая марксизм и революционную роль рабочего класса, выступали со своими ошибочными теориями под маской «друзей народа».

Читатель узнает, как Владимир Ильич печатными буквами в четырех экземплярах написал первый агитационный листок о невыносимой жизни рабочих. Как создавал знаменитую книгу, наголову разбивая народников и уже тогда, летом 1894 года, предвидя социалистическую революцию в России. Как товарищи

Ленина тайно печатали книгу, и Владимир Ильич тоже тайно приезжал в деревню Горки Владимирской губернии проверять печатание. Как боролся с «легальным марксизмом», утверждая революционный марксизм, революционные методы борьбы и работы.

Влияние ленинского «Союза» расширилось, сотни рабочих втянуты были в борьбу, книги и статьи Владимира Ильича указывали путь, вдохновляли, учили, и всем было ясно: в российское рабочее движение пришел гениальный теоретик и революционер. Приход его Зинаида Невзорова называет нашим огромным историческим счастьем.

Но царской цензуре и охранке имя Ульянова тоже известно. Все чаще оно встречается в донесениях жандармов. Слежка растет. Ежедневно, ежечасно грозит опасность ареста.

В это время Ленин уезжает в Женеву. Для встречи с членами заграничной русской группы «Освобождение труда», и прежде всего основателем группы, талантливейшим теоретиком, пропагандистом и распространителем марксизма в России Г. В. Плехановым, о котором Ленин потом скажет: «Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением». А Крупская добавит — с такой влюбленностью.

Тогда было еще далеко до разрыва, и Ленин рвался увидеть Плеханова, чтобы обсудить с ним насущные вопросы русского и мирового рабочего движения, услышать советы, получить конкретную помощь от группы «Освобождение труда». Владимир Ильич рассчитывал организовать печатание за границей марксистского сборника, наладить доставку нелегальной социал-демократической литературы в Россию, чего невозможно было бы добиться без согласия и поддержки Плеханова.

Ленин в Швейцарии. «Природа здесь роскошная. Я люблюсь ею все время», — пишет он матери.

Страстно чувствующий природу, молодой, полный жизни, энергии, огромных творческих планов, как должно быть, был счастлив в ту пору Владимир Ильич!

Но со швейцарскими пейзажами приходилось знакомиться не всегда по доброй воле.

Департамент полиции сообщает чиновнику особых поручений министерства внутренних дел о выезде В. И. Ульянова из России. За Владимиром Ильичем и здесь установлен надзор. Плеханов и его посетители тоже под неусыпным наблюдением русской охранки. Оттого встречи двух крупнейших русских марксистов, молодого и ветерана, происходят в отдаленной деревушке, куда Ленин и его провожатые добираются пешком, горными тропами, одолевая высокий перевал.

«Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди!» — сказал о Ленине не слишком щедрый на похвалы Г. В. Плеханов.

Так сильно интеллектуальное и эмоциональное воздействие Владимира Ильича на людей, что даже ревнивый к своей славе Плеханов, познакомившись с ним, восхитился его удивительной эрудицией, целостностью революционного мировоззрения, бьющей ключом энергией.

А. Иванский тщательно отбирает материалы, воспоминания, письма и записи очевидцев, характеризующие того и другого, и перед читателем зримо встают живые человеческие образы.

После Швейцарии, долгих разговоров с Плехановым, после встречи в Париже с Лафаргами, а в Берлине — с основателем немецкой социал-демократической партии Вильгельмом Либкнехтом, после сосредоточенной и весьма плодотворной работы в европейских столичных библиотеках, после многих общений с французским и немецким пролетариатом Ленин вернулся домой. Довольный, веселый, обогащенный впечатлениями, с новыми силами, новой энергией, он вступает «на путь организации политической партии социал-демократов в России».

Владимир Ильич всегда умел увидеть дальнюю и ближнюю, сегодняшнюю задачу борьбы.

Ближней, сегодняшней задачей было объединение петербургских социал-демократов, совершенствование организации.

«Надо знать своих людей в районе, настроение в районе. Без этого нет центра. Без этого центр не может руководить. К нему должны стекаться сведения из районов, и они должны быть точны» — так, детально продуманная Лениным, формировалась новая структура социал-демократического «Союза борьбы» с руководящим центром во главе. «Союз борьбы» еще не был так назван, но он существовал, работал, боролся, и Владимир Ильич вдохновенно и твердо направлял его деятельность. Рабочее движение развивалось и крепло, вступая в решительную войну с капиталистическим строем.

Действенной формой этой войны Ленин считал обличительные листки о злоупотреблениях на фабриках, нарушениях закона, произволе заводского начальства. Ленин сам писал такие листки. Писали товарищи Ленина. Рабочие сообщали центру «Союза» факты о непорядках и безобразиях в цехах. И сами тоже писали о них. И эта «нелегальная социал-демократическая пресса», как называла листки Н. К. Крупская, оказывала громадное политическое и моральное действие, революционизируя рабочих, мобилизуя их на борьбу, вынуждая фабричную администрацию считаться с их требованиями.

Всего год назад Владимир Ильич вывел печатными буквами в четырех экземплярах первый листок, призывая рабочих Семяниковского завода к организованному протесту против хозяйских бесчинств, а теперь воззвания «Союза» и прокламации разбрасывались тысячами на улицах и в рабочих кварталах.

Разбуженные, вдохновляемые обличительными листками, забастовки и стачки бушевали на фабриках.

Рабочие зачитывались брошюрой Ленина «Объяснение закона о штрафах». Очень просто, очень понятно Ленин объяснял рабочим необходимость политической борьбы. Шаг за шагом вел рабочий класс к неблизкой еще, но уже видной ему революции.

И задумывал выпуск газеты. Первой русской марксистской газеты «Рабочее дело». Ленин мечтал о ней, мечтал рассказать российскому рабочему классу всю

правду о его безрадостной жизни и звать, звать к борьбе против царя, царских чиновников, против капиталистического строя.

Все основные статьи написал Ленин для первого номера газеты «Рабочее дело». Трудился самозабвенно, заражая всех верой в силы пролетариата, оптимизмом, душевным спокойствием.

И все шло хорошо, все радовало, революционное дело углублялось и ширилось, когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Владимир Ильич, многие его близкие друзья и помощники, многие рабочие были арестованы и отвезены в Дом предварительного заключения на Шпалерной улице. Отныне одиночная камера № 193 станет обиталищем Владимира Ильича на долгие четырнадцать месяцев.

Полутемная камера, шесть аршин в длину, три в ширину, крошечное окно под потолком, через решетку виден клочок тусклого петербургского неба.

Но и здесь, в камере, продолжались петербургские годы. Продолжалась кипучая грандиозная деятельность. Ленин ухитрялся пересылать из тюрьмы через родных рабочим листовки. Руководить пролетарским движением. Писать статьи. Обдумывать проект программы социал-демократической партии. Подготавливать через Н. К. Крупскую Первый съезд партии.

И читать сотни экономических книг и статистических сборников, собирая материал для будущей книги «Развитие капитализма в России».

Восхищение вызывают воля и мужество, бесконечная преданность революционным задачам и гениальный труд Ленина. Всегда, всюду, при любых обстоятельствах. Даже в тюрьме. Нисколько не меньше в тюрьме!

«Это была пора весны русского рабочего движения», — называет Крупская петербургские годы Ленина. Бесстрашно и мудро способствовал Ленин расцвету весны, приближению великой революционной бури.

За мудрость, поразительный интеллект, образованность и отчасти, может быть, за рано появившуюся лысину называли его Стариком. Но он был молод.

В книге тактично и бережно рисуются отношения молодых Владимира Ильича и Надежды Константиновны Крупской.

«Я крепко любила Ильича; то, что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и умения помогать ему в работе»,— рассказывает она в одном из писем.

Сдержанно, скромно. И сильно. Такой она была, жена, друг и верная спутница Ленина, делившая с ним его мысли и труд, лишения ссылки и эмиграции и революционное творчество. Прекрасный, благородный союз!

Разносторонне показывая теоретическую, пропагандистскую и организаторскую работу Владимира Ильича в петербургские годы, книга богата свидетельствами друзей и соратников Ленина о его яркой, пленительной личности, внимании к людям, увлечениях людьми, силе чувств и богатстве души, о его разительном, покоряющем смехе,— так смеяться могут только очень чистые, здоровые, благородные люди. «Воистину человек-магнит!» — говорили о Ленине.

Весь жизненный путь Ленина был героическим. Петербургские годы — начало. Петербургские годы определили и направили дальнейший ход борьбы пролетариата, развитие могучего рабочего движения в России, создание великой Ленинской партии.

Мария Прилежаева

Глава первая

Марксист с берегов Волги

Животворный грозовой разряд

Старик и «старики»

Перекличка гениев

Прямая жизненная дорога

Цельность характера

Счастье — в борьбе

Ученый-боец

Любовь к литературе

Человек-магнит

Друг, сын, брат

Богатырь земли русской

Животворный грозовой разряд

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Владимир Ильич переехал из Самары в Петербург осенью 1893 года с целью взяться за революционную работу. Окончательные экзамены при университете были им сданы еще в 1891 году. Самара не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уже взято им...

Но ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет меньшим братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере... Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компромитировать.

М. А. Сильвин:

В 1893 году осенью (*23 августа* *), перебираясь в Петербург, Владимир Ильич на пути заехал в Нижний Новгород переговорить с тамошними марксистами. Время тогда было очень глухое, марксизм был еще явлением новым, марксистов в России буквально можно было пересчитать по пальцам. Владимир Ильич никогда не упускал случая завязать сношения с какой-нибудь новой группой, договориться с ней по вопросам теоретическим, осведомиться о состоянии пропаганды и вообще о различных вопросах подпольной работы, о получении заграничной литературы, состоянии «техники» и т. д., а главное, завязать связи...

В Нижнем он осведомился о каких-нибудь связях в Петербурге; ему указали на меня и дали ко мне письмо.

*Из донесения петербургского
охранного отделения 7 сентября 1893 года:*

Состоящий под негласным надзором полиции:

Фамилия — *Ульянов*.

Имя — *Владимир*.

Отчество — *Ильин*.

Звание — сын действительного статского советника.

---

* *Здесь и в дальнейшем даты, относящиеся к дореволюционному периоду в России, указаны по старому стилю.*

Прибыл 31 августа 1893 г. в С.-Петербург и поселился в д. № 58 по Сергиевской ул. (ныне улица Чайковского), 4 участка Литейной части.

Г. М. Кржижановский:

Каменные громады зданий, гранит и мрамор его дворцов, могучая черная лента Невы, блеск европейских магазинов, синие лучи электричества на главных величественных проспектах и тонушие в нездоровой сырой мгле, балансирующие на болотистой почве, угрюмые фабричные закоулки окраин.

Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма. Отборная рать здоровеннейших городских, торчавших на каждом перекрестке, не менее упитанные фигуры дюжих «окологков», характерная дробь барабанов с пронзительным присвистом маршевой дудочки, аккомпанирующей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск, «цвет» бюрократии и генералитета, гранивший тротуары Невского проспекта, и целые тучи шпионской рати, шныряющей в мгlistом тумане бесконечных петербургских улиц...

П. Ф. Куделли:

Придавая такое огромное значение пролетариату, Владимир Ильич с первых же шагов своей подпольной работы в 90-е годы естественно направил все свое внимание прежде всего на рабочих, и главным образом на петербургских рабочих.

Само собой разумеется, что Ленина глубоко интересовали рабочие всей тогдашней России и всего мира. Но в условиях, когда рабочие в России пробуждались еще только к сознательной борьбе с самодержавием, Владимир Ильич остановился на Петербурге, как на самом большом промышленном центре, где все шире развивалась классовая борьба пролетариата и где поэтому лучше можно было развернуть агитационно-пропагандистскую и организационную партийную работу.

А. М. Воден:

Энгельс сказал, что он надеется, что скоро в самой России выдвинутся энергичные вожди...

А. И. Ульянова-Елизарова:

Знакомства по приезду в Петербург Владимир Ильич стал заводить понемногу, осмотрительно: он знал, что правительство смотрело на него предубежденно, как на брата Александра Ильича, он видел, как часто за неосторожную болтовню влетала молодежь, не успев ничего сделать... Он хотел нести свои знания, свою работу в тот слой, который — он знал — совершит революцию, в слой рабочих. Он искал знакомства с людьми, которые разделяли его взгляды,

Прибыв в Петербург, Владимир Ильич поселился в доме № 58 по Сергиевской улице...

которые считали, что революцию можно ждать не от крестьянства, якобы социалистически настроенного, якобы разделявшего коммунистические верования и навыки предков, и не от представителей интеллигенции — самоотверженных, готовых идти на смерть, но одиноких. Он искал таких, которые знали твердо, как и он, что революция в России будет произведена рабочим классом или ее не будет вовсе (слова Плеханова). Таких людей, социал-демократов, было тогда меньшинство...

И в Питере в ту зиму у Владимира Ильича было мало знакомств. Он сошелся с кружком технологов, группировавшихся вокруг братьев Красиных...

М. А. Сильвин:

Кто были эти товарищи, первоначальные члены будущего «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Было их немного, и имена их теперь всем известны. Происходили они из бедных, во всяком случае не зажиточных, семей, из крестьян, как Запорожец, мелких торговцев и мещан, как Радченко, или из чиновничьей среды, как братья Красины, Ванеев или я. Кажется, одна только Н. К. Крупская была из старой дворянской семьи, с которой она давно, по-видимому, порвала всякие отношения, потому что никакого упоминания о ее родственных связях, сестрах или братьях мы никогда от нее не слышали, и жила она на заработок от службы в Управлении железной дороги... Но мы не интересовались социальным происхождением

наших товарищей. Мы искали друг в друге только одного, того, что и объединяло нас в крепкую, дружную семью,— революционного воодушевления, пламенной жажды борьбы с проклятием существующего порядка, готовности пожертвовать всем, даже жизнью, ради воплощения в человеческих отношениях свободы и справедливости. По своим личным свойствам каждый из нас был, конечно, вполне индивидуален: спокойный, сдержанный, даже несколько скрытный, но добродушный Степан Радченко, с хохлацким юмором и с хитрой усмешкой опытного конспиратора; чувствительный и нежный поэт-революционер Кржижановский; всегда казавшийся замкнутым в себе Старков, которому, по-видимому, чужды были всякие сантименты; Малченко — изящный брюнет, с лицом провинциального тенора, всегда молчаливый, всегда любезный товарищ; широкоплечий, кудлатый Запорожец, в глазах которого светилась вера подвижника; Ванеев — с его тонкой иронией, в которой сквозил затаенный в душе скептицизм к вещам и людям; и, наконец, я, смотреший на мир жадно открытыми глазами, часто полными наивного недоумения...

Мы много читали, многому учились, особенно хорошо знали первый том «Капитала», для своего времени и для нашего возраста были достаточно образованными людьми, но ни на ком из нас не мог бы я остановиться как на индивидуальности выдающейся, крупной личности, оставляющей после себя след в истории, способной увлечь сердца, влиять на толпу, заражать ее своим настроением, воодушевлять своими идеями.

Мы были идеалисты по своей психологии, полны жертвенности, мы были славные русские интеллигенты,— но и только...

Время от времени, не регулярно, в порядке товарищеских встреч или взаимных посещений, мы собирались и обсуждали вопросы нашей «революционной» работы. Каждый сообщал, сколько у него слушателей, как посещаются занятия, какие вопросы ставятся. Чтобы отвечать на все предъявлявшиеся нам вопросы, надо было и самим много читать и рекомендовать книги товарищам рабочим. Для кружков составлялись дешевые библиотечки популярных книг, которые иной раз отсылались им целыми комплектами в провинцию, в фабричные местности, иногда даже в деревни...

Держателем всех связей, хранителем всех тайн... в нашем кружке был С. И. Радченко. К нему-то я иногда и обращался на наших собраниях с общими воп-

росами: много ли в Петербурге таких кружков, как у меня, связаны ли они между собой, есть ли какая-нибудь другая социал-демократическая организация кроме нашей...

В нашей же... организации никакого руководства не замечалось, не было у нас лидера, который давал бы руководящие организационные идеи, предложил план, программу деятельности на более или менее длительный период. Ведем пропаганду, готовим кадры. Когда наступит желанный исторический момент революции, эти кадры помогут нам организовать выступление рабочих масс, классово обособленное, со своими коммунистическими требованиями. Вот в таких смутных общих выражениях, приблизительно отдавали мы себе отчет о наших задачах и целях нашей работы. Не было у нас даже никакой общей для всех программы кружковых занятий.

...В это время в Петербурге вели пропаганду среди рабочих и некоторые другие кружки, объединения с которыми у нас не было отчасти по конспиративным соображениям, отчасти вследствие того, что, по нашему мнению, у членов этих кружков не вполне четко определилась марксистская идеология...

Наша теоретическая подготовленность как марксистов была -слабовата. Мы много работали, читали, но большей частью бессистемно, случайно, по мере возникавших у нас вопросов. Технологи, кроме того, были загружены своими институтскими занятиями... Все злободневное, касавшееся нашей идеологии, мы, конечно, прочитывали: Николай — она (Даниельсона Н. Ф.), Михайловского, В. В. (Воронцова В. П.) и Н. Водовозова. Мы читали все, что могли достать, из Плеханова, Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского; читали наших экономистов: Чупрова, Ходского, Иванюкова (о близких отношениях последнего к Плеханову мы ни тогда, ни после не подозревали), Ключевского и других историков.

Надо сказать и то, что марксистская литература того времени была невелика, по крайней мере на русском языке, а иностранные мы знали плохо. От Невзоровых и Радченко я слышал, что есть в Петербурге образованные марксисты, называли имена Струве, Классона, Потресова, но говорили, что они держатся особняком, как своего рода духовная аристократия, чуждаются революционных кружков, много работают теоретически, хорошо знают языки и даже пишут в немецких журналах. Заглазно уже было у меня недоброе чувство к этой публике,— русские марксисты не желают писать для русских!..

Так мы и жили всю осень 1893 года. Жизнь шла сама по себе, вне нашего круга. Местами волновались рабочие — в Харькове, в Риге, в Егорьевске, в Иванове, даже у нас под носом в Петербурге, а мы продолжали вести свое обучение в кружках прежним тихим манером. Появлялись новые книги, вызывавшие волнение умов, обсуждения и споры, а мы пережевывали теорию стоимости. Развитие капитализма в России, самый бьющий факт нашей современности, понималось нами довольно своеобразно, узко и схематически...

На этом уровне теоретической беспомощности, топтания на одном месте в нашей «революционной» пропаганде и незнания того, что принесет нам завтрашний день и что мы принесем ему, на этой ступени и застало нас появление Владимира Ильича Ленина.

М. К. Названов: Владимир Ильич застал кружок в период, так сказать, «марксистского культурничества». Основной задачей нашей мы считали подготовку в кружках руководителей будущего рабочего движения без непосредственного сношения с рабочей массой¹, с расчетом на рост числа таких руководителей наподобие снежного кома... «Капитал» Маркса был нашей настольной книгой. Мы составляли программу занятий с рабочими, в которую входило и знакомство с естественными науками. От естественных наук мы переходили к теории стоимости, в отдельных случаях к изучению «Капитала» в подлиннике. Последнее, конечно, возможно было при занятиях с отдельными рабочими...

Из письма В. И. Ленина матери 5 октября 1893 года:

Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен.

Свое знакомство с петербургским марксистским кружком Владимир Ильич начал с М. А. Сильвина, к которому он пришел с письмом от марксистов Нижнего Новгорода.

М. А. Сильвин: В одно осеннее утро Владимир Ильич пришел ко мне нерано, часов около одиннадцати, но я еще спал в маленьком алькове за перегородкой. Хозяйка-немка ввела его в комнату и укоризненно заворчала по поводу моего недостойного образа жизни. Заслышав

разговор, я, полуодетый, вышел и увидел сидящего в кресле, в пальто, этого всем теперь так хорошо знакомого человека. Глаза его смеялись, и он солидно, в тон скрывшейся хозяйке, проговорил:

— Однако!

С полуслова поняв, в чем дело, я, извинившись, наскоро оделся. Владимир Ильич снял пальто, но от чая отказался. Он объяснил затем, что недавно приехал, осмотрелся, снял комнату где-то на Ямской, записался в сословие (*адвокатов*) и теперь заводит знакомства.

В переданном им письме, которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали мне отнестись к Владимиру Ильичу с полным доверием и упомянули об Александре Ильиче. Этого было более чем достаточно, и я сейчас же понял, какого рода знакомства ищет мой посетитель. Я откровенно сообщил ему, что я здесь человек новый и связан с небольшой группой, с которой его и познакомлю. Свои впечатления от группы и все, что я знал в пределах моего ограниченного тогда горизонта о состоянии социал-демократической пропаганды, я ему тут же рассказал. Он выслушал все это молча. Посидев недолго и спросив кое-что об университете — не столько, видимо, из интереса к университету, сколько желая слышать мои суждения, — мой гость ушел, оставив свой адрес.

Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Г. Красина, сообщил об интересном приезде и настойчиво предложил познакомиться. Имя «Ульянов» произвело впечатление, но мне заявили:

— Обсудим.

Очень скоро, однако, пришел ко мне В. В. Старков и сказал, чтобы я сообщил Ульянову место и время свидания. Я сообщил Владимиру Ильичу об этом лично, зайдя к нему на Ямскую...

Г. Б. Красин:

Однажды зимой (*в октябре*) 1893 года Степан Иванович (*Радченко*) заявил мне, что сегодня вечером мы должны пойти познакомиться с недавно приехавшим марксистом, братом известного революционера А. И. Ульянова, казненного по делу подготавливавшегося покушения на царя Александра III. Этот брат изъявил желание вступить в наш кружок.

— Пойдем — посмотрим.

И мы явились к Владимиру Ильичу с целью познакомиться и произвести попутно легкий теоретический экзамен ему по части твердости его в принципах марксизма (ведь брат-то его был народовольцем). Нас встретил необычно живой и веселый человек... экза-

меновать которого оказалось делом довольно трудным, так как сами мы сразу же оказались в положении экзаменуемых.

М. А. Сильвин: Как рассказывал мне позже Степан Иванович Радченко... перед Владимиром Ильичем были раскрыты все карты, и случайный, кустарный характер нашей пропаганды, и отсутствие широкой организации среди рабочих.

Г. М. Кржижа-новский: Наш тогдашний революционный центр был очень малочислен, он состоял по преимуществу из студентов Технологического института, считавших себя, при своей малой опытности, и зрелыми революционерами и уже весьма недурными конспираторами. Но уже первые встречи с юном Владимиром Ильичем Ульяновым показали нам совершенно явственно наш подлинный масштаб и в революционной и в духовной зрелости...

В лице 23-летнего Владимира Ильича мы имели перед собою учителя и законченного мастера, тогда как мы в своих духовных исканиях были лишь учениками и подмастерьями.

Стоило юному Владимиру Ильичу появиться в 1893 году среди нашей студенческой — передовой по тогдашнему времени — петербургской молодежи, как он немедленно занял доминирующее положение.

Мы, конечно, знали, что он родной брат Александра Ильича Ульянова, героически державшегося на последнем крупном народовольческом процессе и казненного в Шлиссельбурге. Но не это одно так сильно выделяло его среди нас. И внешность этого молодого человека на первый взгляд еще не являла чего-то такого, что прямо свидетельствовало бы о его грядущих необычных судьбах...

...Небольшого общения с ним уже было достаточно, чтобы почувствовать, что от него так и веет особо подбадривающей силой и энергией борца страстного, находчивого, удачливого и высокозрудированного. Его большой природный здравый смысл как-то по-особенному, по-ильичевски обрамлялся всесторонней тонкой одаренностью, исключительной «суммой разумения»...

Вот эта яркая выявленность подлинной, никогда ничем не прикрашиваемой личности сразу бросалась в глаза при встрече с Владимиром Ильичем, и дальнейшее знакомство с ним только подкрепляло в нашем сознании эту его черту...

Якобинец Робеспьер, как известно, весьма заботился о том, чтобы и самый костюм его был запечат-

ляем в глазах массы как нечто присущее только ему, Робеспьеру.

Карл Маркс случайно застиг явившегося к нему впервые Луи Блана за прихорашиванием перед зеркалом в передней. Это сразу принизило Луи Блана в глазах Маркса.

Ничего подобного не могло случиться с Владимиром Ильичем...

Выходило так, что без какой-либо натуги со своей стороны в самые ответственные моменты своей жизни он всегда был самим собой, а это и было то самое лучшее, что он мог дать людям.

*З. П. Невзорова-
Кржижановская:*

Определенность линии, глубина анализа, огромная эрудиция как по части теории Маркса, так и окружающей русской действительности в соединении с неукуротимой революционной энергией, огромной работоспособностью быстро обеспечили ему (*Владимиру Ильичу*) громадное влияние среди товарищей, и он, естественно, как-то само собой становится центром и главой группы.

М. А. Сильвин:

Это его (*Владимира Ильича*) главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, — он имел для нас и огромный моральный авторитет... Нам казалось, он был совершенно свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом.

Г. М. Кржижановский:

...Большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя и свои основные целевые устремления. Не в этом ли вообще и заключается главная удача жизни? Если это так, то такая удача выпала на долю Владимира Ильича в полной мере. Он говорил мне, что уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор. А когда я его впервые встретил 23-летним человеком, это был еще не отграниченный, но уже вполне отчетливо обрисовывающийся тип человека-монолита, которому суждено было в дальнейшем перед всем миром выявить необычайную силу своей внутренней целостности.

Перед моим умственным взором проносятся картины Петербурга и петербургских студенческих революционных кружков начала 90-х годов прошлого века. Попытаюсь на примере первого периода деятельности Владимира Ильича в Петербурге показать, в чем именно заключались целевые устремления этого не-

обычайного юноши. И мне кажется, что тогда до некоторой степени станет ясной та особая складка его исключительной индивидуальности, которая делала из фигуры весьма одаренного, полного жизненной энергии Владимира Ильича Ульянова гениального Ленина.

Учение научного социализма мы считаем самой великой и самой важной для трудящихся наукой... Именно работы Маркса и Энгельса приуготовили для трудящихся могучие средства борьбы за осуществление трудного перехода от капитализма к социализму...

И вот на наших северных равнинах появляется необычайный человек, который, как никто, отдает себе отчет в разящей силе того оружия, которое выковано гением Маркса. Для него марксист — прежде всего революционер. Бурно врывается он в этот арсенал запасного оружия немецкой социал-демократии, срывает боевые доспехи со стен, распахивает окна и двери, ударяет в набат и созывает к себе миллионы трудящихся, вооружая их марксовым оружием для борьбы с капитализмом и его слугами не на жизнь, а на смерть. Таким человеком был В. И. Ульянов-Ленин...

Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозовым разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь.

Старик и «старики»

Г. М. Кржижа-новский:

Вернувшись осенью 1893 года с летней заводской практики, я нашел весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый друг, Владимир Ульянов, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральное место... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того непрестанного горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожертвованию до конца. Может быть, это шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы. Однако нам... гораздо более импонировало в нем его удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с

экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников.

М. К. Названов: Когда я стараюсь отличить Владимира Ильича — Ильича, Старика, как мы его звали, — от других членов кружка, я должен в первую голову подчеркнуть его умение сосредоточиться на вопросе, быстро схватить его сущность при полном отсутствии склонности... разбрасываться, умение ставить работу в определенных рамки...

Г. М. Кржижжановский: За обнаженный лоб и большую эрудицию Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой Старик, находившейся в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бившей в нем ключом молодой энергией. Но те глубокие познания, которыми свободно оперировал этот молодой человек, тот особый такт и та критическая сноровка, с которыми он подходил к жизненным вопросам и к самым разнообразным людям, его необыкновенное умение поставить себя среди рабочих... все это прочно закрепило за ним придуманную нами кличку. Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным Стариком, как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

В. В. Старков: На меня и на моих товарищей по работе Владимир Ильич с самого начала произвел глубочайшее впечатление. Во-первых, я должен сказать, что все мы, несмотря на юный возраст, были большими книжниками в смысле теоретической научно-литературной подготовки. К этому вынуждали нас условия нашей работы... И тем не менее Владимир Ильич поразил нас всех, хотя он был таким же юнцом, как и все мы, тем литературным и научным багажом, которым он располагал.

М. А. Сильвин: Владимир Ильич... удивлял нас своей невероятной для его возраста эрудицией (мне было 19 лет, а ему 24 года), и, однако, ни один из наших профессоров не импонировал мне так огромностью своих знаний, своей начитанностью, как Владимир Ильич. Я интересовался тогда вопросами русского права, отчасти под влиянием лекций Сергеевича², и меня всегда очень удивляло, что всякую новую книгу, которую прочтешь, всякий вопрос, которым интересуешься, — будь то вопрос о возникновении общинного землевладения или вопрос о земельных владениях московских митрополи-

тов, или иные вопросы русской истории, связанные с развитием хозяйства,— были уже знакомы Владимиру Ильичу. Казалось, он читал об этом все, давал характеристику каждой незнакомой мне книги и указывал различные направления в науке по этому вопросу.

...Не раз я находил его за чтением Маркса в оригинале и во французском и английском переводах. Как-то на мой вопрос, свободно ли он читает на этих языках, он заметил, что революционеру необходимо знать иностранные языки, что лично ему сравнительно трудно дается английский, в особенности произношение...

Оговариваюсь, что я не передаю точно подлинных его выражений, а лишь общий смысл его суждений. Я, однако, хорошо помню и существование этих суждений, и живой, часто язвительный их тон, и его жесты, и манеры его речи...

В моих университетских занятиях я... заинтересовался... возникновением сельской общины, происхождением крепостничества. Сергеевич рекомендовал мне книгу Кесслера, но поговорить со мной обстоятельнее и дать более подробные сведения не обнаружил склонности. Владимир Ильич указал мне обширную литературу, особенно рекомендуя Ефименко³. От Ленина впервые я услышал о знаменитом споре Беляева и Чичерина⁴, причем последнего Владимир Ильич высоко ценил как реалиста, чуждого всякой романтики в вопросах научного исследования.

Наших экономистов, Чупрова (отца) и других, он невысоко ставил и подсмеивался над моим пиететом к ним. Он очень ценил работы наших земских статистиков и говорил, что экономисты не умеют их читать, Воронцов же (В. В.) вычитывал в этой статистике буквально то, чего в ней нет.

— Между тем,— говорил Владимир Ильич,— по данным земской статистики можно выяснить причины и размеры экономической розни в деревне и классовую борьбу среди крестьян.

Он также первый обратил мое внимание на книгу Гурвича «Переселение крестьян в Сибирь»⁵.

— Заметьте,— говорил он,— что переселяются не беднейшие, а скорее зажиточные или, по крайней мере, средние крестьяне, у которых есть с чем взяться за хозяйство на новом месте.

Владимир Ильич также рекомендовал моему вниманию книгу профессора Скворцова⁶ «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство».

— Явный буржуа, но прекрасно выявил процесс рассеяния промышленности по стране, процесс обра-

звания новых промышленных и торговых центров, оттесняющих на задний план «гнилые местечки», процесс образования провинциальной буржуазии,— как из мужиков, прасолов, скупщиков, ссыпщиков и т. п. вырастает эксплуататорская масса, крепко вцепляющаяся в хребет хлебоборода и питающая самые корни нашего капитализма.

От Владимира Ильича я впервые услышал о книге Корсака «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России»⁷. Он указал мне и другую интересную работу, обрисовывающую до известной степени психологию хозяйственного мужичка,— «Письма из деревни» Энгельгардта⁸.

— Еще в 70-х годах он подметил,— говорил Владимир Ильич,— что наиболее культурным, способным к сопротивлению, с некоторыми зачатками буржуазного классового сознания в деревне является кулацкий элемент.

По указанию Владимира Ильича я нашел также в одном из старых журналов (кажется, в «Слове» за 1878 или 1879 год) экономическую статью Эккариуса, отредактированную Марксом, в которой особенно остановила мое внимание квалификация самостоятельного крестьянина, хозяйчика, как «сверхъестественно трудолюбивого животного».

Меня удивляет теперь, почему в связи с моими юридическими занятиями Владимир Ильич никогда не назвал мне М. Ковалевского⁹. Я могу объяснить это только тем, что книги его он мог видеть у меня на столе, или же тем, что, несмотря на большое научное значение работ Ковалевского, особенно в области первобытного права и истории общинного землевладения, Владимир Ильич видел в нем цехового ученого — буржуа, враждебного движению народных низов, каким и показал себя впоследствии М. Ковалевский.

Старков:

...Не меньше, чем теоретической подготовленностью, Владимир Ильич поразил нас также практической зрелостью и, я бы сказал, трезвостью мысли. Это последнее свойство его ума особенно резко подчеркивается его принципиальной прямолинейностью и неуступчивостью, доходящими до «твердокаменности», как со временем стали говорить. Будучи очень твердым в установлении общей принципиальной линии, он был сравнительно очень эластичным в вопросах повседневной тактики, не проявляя в таких случаях излишнего ригоризма...

М. А. Сильвин: ...С каждым днем каждый из нас невольно останавливался все внимательнее на этом странном человеке. По-видимому, присматривался и он к нам, очевидно разбираясь в каждом из нас и острыми своими глазами как бы нащупывая, за что нас скорей всего можно было ухватить и повернуть так, как ему хотелось; и поворот этот начался очень быстро.

Мы собирались обыкновенно еженедельно по очереди друг у друга в наших студенческих комнатах и обсуждали дела организации, менялись своими впечатлениями. Нас было человек 10—12, большей частью студенты-технологи: Г. Красин, Кржижановский, Старков, Запорожец, Ванеев, Радченко. Универсант был один я, и один уже не студент — Владимир Ильич...

Г. М. Кржижановский:

Владимир Ильич не замедлил внести ряд существенных коррективов в ход наших занятий. Уже в то время он резко отличался от всех нас отсутствием всякого педантизма в восприятии марксовской доктрины. Уже в первых докладах в нашем кружке он дал нам образчик того нового подхода к изучению русской действительности, который так превосходно демонстрируется в целом ряде его работ, и, между прочим, в известном труде «Развитие капитализма в России».

М. А. Сильвин:

Он (*Владимир Ильич*) посещал наши групповые собрания... где мы обменивались впечатлениями своего опыта, и сразу же внес в них недостающую им четкость. Он предложил, чтобы каждый из нас на собраниях коллектива давал ясный отчет о своей пропагандистской работе в рабочих кружках, об организационной работе среди студентов, о тех студенческих и интеллигентских группировках, с которыми приходилось кому-нибудь из нас близко соприкасаться.

Так, я помню свое сообщение о кружке интеллигентов, в который я случайно был приглашен, где под руководством Коробко, одного из легальных марксистов, близких Струве, читался «Насущный вопрос» — программная брошюра партии «Народное право»¹⁰.

С. П. Шестернин:

...Я и сейчас живо представляю Г. М. Кржижановского, спокойного и сдержанного В. В. Старкова, коренастого, рассудительного и скромного А. А. Ванеева, энергичную с розовыми щеками и блестящими глазами А. А. Якубову, нервного и подвижного М. А. Сильвина, веселых и жизнерадостных сестер Невзоровых. А во главе этой группы стоял Владимир Ильич Ульянов.

С. П. Шестернин: «Меня, как представителя промышленного района, Владимир Ильич встретил очень дружелюбно...»

Своей необыкновенной начитанностью, несокрушимой логикой и горячим темпераментом он произвел на меня громадное впечатление. Меня, несколько робкого провинциала, привлекала и пленяла жизнерадостность, простота и задушевность этих товарищей. Порою здесь раздавался молодой, задорный смех Владимира Ильича... Сразу было видно, что Владимир Ильич является авторитетным руководителем кружка... Членов этого кружка по их начитанности и образованности называли «стариками», в отличие от других марксистских студенческих кружков...

Владимир Ильич немного картавил, но это «грасирование» придавало какую-то особую гармоничность и приятность его речи. Помню, однажды Владимир Ильич, я и еще несколько товарищей выходили от Невзоровых. При выходе, как это часто бывает, мы несколько задержались. Владимир Ильич был в ватном пальто с мерлушковым воротником. Надвигая черную мерлушковую шапку на уши, он сказал какую-то веселую остроту. Все громко рассмеялись.

— Ну, а теперь,— шутливо прибавил Владимир Ильич,— ударим по всем трем.

Это была его любимая поговорка, когда предстояла какая-нибудь большая работа...

Меня, как будущего ивановца, представителя промышленного района, кружок и, в частности, Владимир Ильич встретили очень дружелюбно...

В результате моих бесед с членами кружка было установлено, что я буду связующим звеном между

питерским кружком и ивановцами. Кружковцы дали мне шифр для сношений с ними и обещали снабжать нелегальной литературой, а я должен был присылать в Питер сведения о положении иваново-вознесенских рабочих и особенно о стачках. Когда Владимир Ильич в разговоре со мной узнал, что я давно собираю подобные сведения, и, в частности, имею некоторый материал о морозовской стачке, он усиленно рекомендовал мне написать агитационную брошюру об этой исторической стачке...¹¹

Перед (*моим*) отъездом из Питера Владимир Ильич дал мне адрес своей старшей сестры Анны Ильиничны, которая в то время жила в Москве со своим мужем Марком Тимофеевичем Елизаровым, служившим тогда в управлении Московско-Курской железной дороги. Владимир Ильич очень рекомендовал познакомиться с сестрой, говоря, что это будет полезно для нашей работы в Иванове.

М. А. Сильвин:

Мы дали себе аннибалову клятву бороться за социализм до конца, и мы были уверены, что именно нашему поколению выпадет счастье сломить самодержавие... На мои сомнения в некоторых случаях он (*Владимир Ильич*) с той насмешкой, которая часто смотрела из его глаз, замечал мне: «Революция — не игра в бириульки». «Это обывательские соображения,— говорил он.— Для того чтобы достигнуть намеченной цели, нужно исключительно к ней стремиться, нужно сосредоточить на ней все свое внимание, всю свою энергию, все свои силы и всю волю, сосредоточить, отбрасывая все лишнее, все не идущее к цели».

В. И. Ленин:

Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи,— и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перенем Россию!

Переключка гениев

Н. К. Крупская:

Ленин сделал чрезвычайно много для того, чтобы осветить путь борьбы российского пролетариата светом марксизма...

Тщательно изучал Ленин опыт революционной борьбы мирового пролетариата. Этот опыт особенно

ярко освещен в произведениях Маркса и Энгельса. И Ленин вновь и вновь перечитывал их, перечитывал на каждом новом этапе нашей революции. Все знают, какое громадное влияние имели Маркс и Энгельс на Ленина. Но важно было бы посмотреть, в чем и как помогал Ленину изучение их произведений при оценке текущего момента и перспектив развития на каждом этапе нашей революции. Такая исследовательская работа... вскрыла бы с необычайной наглядностью, как помогал опыт мирового революционного движения ленинскому предвидению... Она показала бы, какое громадное влияние на нашу революцию, на все наше революционное движение имел опыт революционной борьбы рабочего класса более передовых в промышленном отношении стран. Такая работа дала бы возможность лучше почувствовать, что русская революция, вся наша борьба и строительство — кусок борьбы мирового пролетариата. Такая работа показала бы, что и как брал из опыта международной борьбы пролетариата Ленин, как этот опыт применял.

П. Н. Лепешинский:

Для Ленина марксизм был неразлучным компасом, с которым он постоянно справлялся, прокладывая путь для партии и для революционного пролетариата к намеченным целям борьбы. Без этого компаса он не делал ни одного шага вперед. Но это не значит, что он не производил выбора из богатейшего идеологического наследства, завещанного последующим марксистским поколениям Марксом и Энгельсом, применительно к обстоятельствам места и времени, то есть применительно к данному историческому этапу в развитии движения, с его особыми запросами к революционной теории, с его особыми задачами, поставленными историей на очередь дня...

Всякий новый этап революции, с его особыми задачами, особыми лозунгами борьбы, особенными центрами общественного внимания, требовал выбора из богатейшего марксистского материала наиболее нужного в данный момент идеологического оружия, и Ленин умел это делать с таким искусством, как никто другой.

Н. К. Крупская:

Ленин прекрасно знал Маркса. Когда он в 1893 году приехал в Питер, он поразил всех нас, тогдашних марксистов, тем, как много он знал из произведений Маркса и Энгельса.

В 90-е годы, когда стали организовываться марксистские кружки, публика изучала главным образом первый том «Капитала». С большим трудом, но все-

таки «Капитал» можно было достать. По части других произведений Маркса дело было совсем плохо. Большинство членов кружка не читало даже «Коммунистического манифеста». Я читала, например, его впервые лишь в 1898 году, уже в ссылке, на немецком языке.

Маркс и Энгельс были под строжайшим запретом...

Владимир Ильич знал, старался раздобыть все, что мог, из Маркса и Энгельса на немецком и французском языках... Больше всего приходилось ему читать на немецком языке. Наиболее важные, заинтересовавшие его места из произведений Маркса и Энгельса он переводил для себя на русский язык...

Но Ленин не только знал Маркса, но глубоко продумал все его учение...

«Капитал» Маркса вооружил Ленина методом для изучения конкретного капиталистического уклада России.

П. Н. Лепешинский:

...Марксистская теория послужила в его (*В. И. Ленина*) революционной практике величайшим фактором в деле организации классовых битв пролетариата... Ленин никогда не забывал, что великое учение Маркса, как научная система мышления, неразрывно связано с ее революционностью, с ее способностью воодушевлять и стимулировать широчайшие массы пролетариата на решительную борьбу с классовыми антитепами трудящихся.

Н. К. Крупская:

...*Как Ленин работал над Марксом?*.. Надо уяснить себе метод Маркса, научиться у Маркса изучать особенности рабочего движения в определенных странах. Это и делал Ленин. Для Ленина учение Маркса было не догмой, а руководством к действию. У него раз сорвалось такое выражение: «Кто хочет посоветоваться с Марксом...» Выражение очень характерное. Сам он постоянно «советовался» с Марксом...

Брать произведения Маркса, посвященные разбору *аналогичных ситуаций*, тщательно анализировать их, сравнивать с переживаемым моментом, выявлять сходство и различия — таков был метод Ленина.

Г. М. Кржижжатовский:

Перед нами в лице юного Владимира Ульянова в знаменательный 1893 год был не просто первоклассный знаток нашей родной литературы и знаток творений Маркса и Энгельса, но уже и самостоятельный мыслитель, превосходно справлявшийся с «первозданным» материалом искомым им научных истин. И чем

больше мир будет знакомиться с творческим делом Маркса и Ленина, тем с большей ясностью для него будет выявляться тот факт, что эти два великана были удивительно конгениальны. Величайшим счастьем тесного кружка окружавших в ту пору Владимира Ильича лиц была возможность непосредственно наблюдать, как Ленин юных лет находился как бы в прямой знаменательной переключке со своим гениальным первоучителем К. Марксом.

Теперь в этом так легко может убедиться каждый мыслящий человек; в те далекие 90-е годы мы, конечно, могли об этом только радостно догадываться.

...В год смерти Маркса Владимир Ильич был 13-летним мальчиком. Но в расцвете своего юношеского возраста, в начале 90-х годов, он уже был убежденным марксистом, основательно изучившим почти все основные работы Маркса, которые он только мог получить в то время на русском или иностранном языках. Вышло так, что на этот раз, преодолевая разрывы пространства и времени, мысль величайшего гения человечества быстро и плодотворно пала могучими ростками в восприимчивый мозг другого гениального человека в расцвете его юношеской огненной энергии...

Проводя наши параллели между Марксом и Лениным, мы, конечно, все время ощущаем, что наряду со сходством между ними, без сомнения, наблюдаются и отличительные черты, поскольку глубоко различны исторические эпохи, в которые они жили. Ленин был великим продолжателем учения и дела Маркса. Ленинизм, говорим мы, есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Но в данном случае мы хотим проследить *общие черты*, свойственные этим двум великим людям.

Прямая жизненная дорога

Г. М. Кржижжя-новский:

Маркс и Ленин поражают прежде всего тем, что оба они были ярчайшими образцами прямой жизненной дороги, исключительной целеустремленности всех сил своего интеллекта, направленных на дело защиты угнетенных и обездоленных. Продумайте жизненные пути Ленина и Маркса. Вам сразу бросится в глаза, что оба они ни разу, ни в одном случае не находились на какой-нибудь службе у того общественного строя, непримиримыми борцами против которого они были всю жизнь до последнего вздоха. Более того, нельзя себе даже и представить этих людей в таком положе-

нии, настолько глубок был их разрыв с житейскими нормами, идущими от ненавистного прошлого. Юного Маркса готовили в профессора. Несколько выступлений на юридическом поприще, которые пришлось сделать Владимиру Ильичу после окончания университета, сразу дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед ними человек исключительных дарований. Но прямые революционные пути жизни Маркса и Владимира Ильича уже на заре их юношеских дней покончили с Марксом-профессором и Лениным-юристом, сразу и бесповоротно отшвырнув все то, что хотя бы отчасти могло идти от обывательского существования.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Он (*Владимир Ильич*) жил тогда в Б. Казачьем переулке вблизи Сенного рынка и числился помощником присяжного поверенного. Несколько раз брат выступал, но, кажется, только по уголовным делам, по назначению суда, то есть бесплатно, причем облакался во фрак покойного отца.

В. А. Князев:

В 1893 году умерла моя бабушка, и мне предстояло получить наследство. Зная, что я всегда могу получить совет со стороны товарищей, как мне поступить, с тем чтобы это наследство попало мне в руки, я обратился к ним. Они меня отправили к помощнику присяжного поверенного В. И. Ульянову, предупредив при этом меня, чтобы я адреса его не записывал, а запомнил бы, а если и придется, записать условно, прибавив к числам № дома и № квартиры число 9.

Придя в дом № 7 в Казачий переулок, в квартиру № 13, я отыскал по данному мне плану эту квартиру. На звонок дверь мне открыла квартирная хозяйка, заявив, что Ульянова дома нет, но он скоро будет, и разрешила мне обождать его в его комнате. Комната имела два окна... Осмотрев все, я задумался: «Что это за адвокат и возьмется ли он за мое дело?..» Раздался звонок, и вскоре в комнату вошел мужчина.

— А, вы уже ждете? — сказал он мне, при этом быстро скинул пальто и стал расправлять немного помятый фрак. — Ну-с, одну минуточку: я сейчас переоденусь, и мы с вами займемся.

Посмотрев этому адвокату в лицо, я обомлел: да это же ведь Николай Петрович! * Пока я приходил в себя, передо мною появился переодетый в другую

---

* В. А. Князев знал Владимира Ильича по рабочему кружку под именем Николая Петровича (см. стр. 97—98 наст. издания).

«Владимир Ильич
жил тогда
в Большом Ка-
зачьем переулке
вблизи Сенного
рынка...»

одежду Николай Петрович и, указывая на стул, обратился ко мне:

— Вы расскажите мне все по порядку.

Сев, я, как умел, начал рассказывать, а он, перебивая меня, требовал пояснений, как бы вытаскивая из меня один факт за другим. Узнав от меня, что бабушка моя умерла в услужении у одного генерала и что последний может присвоить наследство, хотя и имеет собственный каменный дом в три этажа, Николай Петрович потер руки и сказал с ударением на этих словах:

— Ну что же, отберем дом*, если выиграем. Затруднение лишь в том, что очень трудно отыскать по семейный список, так как покойная из крепостных.

Сказав это, он взял бумагу и стал писать прошение для получения ревизских сказок**. Написав его, он указал мне, куда придется ходить, куда подавать, и велел по получении того или иного сообщения по делу прийти к нему.

И. И. Яковлев:

В одно из воскресений я на занятия не явился. Прихожу в следующее. Смотрю, «Федор Петрович»***

---

* Речь идет о доме, оставленном В. А. Князеву в наследство.

** То есть переписи податного населения.

*** И. И. Яковлев знал Владимира Ильича под именем Федора Петровича.

нахмурился и довольно неласково спрашивает, почему не был прошлый раз. Я рассказал ему, что я и Костя Куприянов сидели три дня в арестном доме на Казачьем плацу за оскорбление городского. И вот его подлинные слова:

— Как жаль, что вы мне раньше об этом не сказали, я бы выступил в суде, и, конечно, вас все равно бы посадили, но по крайней мере можно хоть душу отвести и попортить крови этим мерзавцам.

М. А. Сильвин: ...Когда я как-то спросил Владимира Ильича, как идет его юридическая работа, он сообщил мне, что работы, в сущности, никакой нет, что за год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов на ведение дел. Об адвокатской работе он скоро вовсе перестал думать.

М. С. Ольминский: ...Помогало В. И. Ленину и отсутствие всякого буржуазного влияния: он никогда не поддерживал никаких буржуазных знакомств, не показывался ни в каком буржуазном «обществе». К нему приходили, но он не делал ни одного шага навстречу. И весь обиход его жизни был всегда пролетарский...

П. Н. Лепешинский: Можно думать, что он упорно старается охранить свою психику от всяких излишних и посторонних (с точки зрения условий его работы) привычек к комфорту, которые могли бы только помешать этой работе, определяющей весь смысл его существования.

А. И. Ульянова-Елизарова: Володя был всегда очень непрактичен в житейских обыденных вещах,— он не умел и не любил покупать себе что-нибудь, и обычно и позже эту задачу брали на себя мать или я. В этом он напоминал всецело отца, которому мать заказывала всегда костюмы, выбирала материал для них и который, как и Володя, был чрезвычайно безразличен к тому, что надеть, привыкал к вещам и по своей инициативе никогда, кажется, не сменил бы их. Володя и в этом, как и во многом другом, был весь в отца.

М. И. Ульянова: Одной из характерных черт Владимира Ильича была... строгая экономия в расходовании средств вообще, а в частности, лично на себя. Вероятно, эти качества передались Владимиру Ильичу по наследству от матери, на которую он походил во многих чертах характера.

М. А. Сильвин:

Он (*Владимир Ильич*)... не имел ненужных и вредных привычек. Он не курил. Из напитков охотно пил только легкое пиво, никогда не пил водки и вообще крепких напитков...

В Петербурге в 90-х годах жил он очень скромно. В Казачьем Большом переулке (теперь переулочек Ильича) можно видеть комнату, которую он занимал в квартире какой-то простой женщины. Небольшая комнатенка в третьем этаже невысокого дома; ход в нее — из подворотни по мрачной, грязноватой лестнице с какими-то старинными маршами, напоминающими угрюмые переходы в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. В левом углу у окна стол, кажется единственный в комнате, за которым Владимир Ильич занимался. Тут же, на краю стола, ставился чайный прибор и тарелка с хлебом, когда требовалось.

На столе было опрятно... для книг между кроватью и комодом стояла невысокая простая этажерка; на столе была керосиновая бедного вида лампа, электрического освещения в те времена не было. Слева вдоль стены стояла кушетка или, может быть, диван, довольно убогий, старый, помятый, без всякой накидки на нем. Приходя к Владимиру Ильичу, на этот диван я и усаживался. На него же садились обычно и другие посетители.

В комнате было два-три стула, простая железная кровать, покрытая байковым одеялом. Одеяло было, видимо, недостаточно теплое, потому что, когда Владимир Ильич заболел как-то и лежал в постели, он накрывался сверх одеяла еще и своим пальто... Никаких семейных или гимназических фотографий на комод... я не помню, либо я, приходя обыкновенно по вечерам, их не замечал.

На стенах никаких фотографий и вообще ничего развешано не было. Бытовые условия жизни Владимира Ильича не отличались от наших, студенческих. Иные из нас жили, пожалуй, даже лучше, комфортабельнее, чем он.

Одевался он также очень просто: темного цвета пиджак, отложной воротничок с черным галстуком, ленточка часов болталась из жилетного кармана, суконное на вате пальто в зимнее время и темная фетровая шляпа, коричневые замшевые перчатки... Как-то зимой я встретил его на улице в меховой шапке. По улицам он предпочитал ходить пешком или ехать в конке, трамваев тогда еще не было; никогда я не видел, встречая его в городе, чтобы он ехал на извозчике.

Из письма В. И. Ленина матери 5 октября 1893 года:

Нынче первый раз в С.-Петербурге вел приходо-расходную книгу, чтобы посмотреть, сколько я в действительности проживаю. Оказалось, что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счета и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный — 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1 р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду.

М. И. Ульянова: И он действительно экономил, особенно когда не было собственного заработка и приходилось прибегать к «вспомоществованию», как он называл помощь матери в деньгах...

На чем Владимиру Ильичу, однако, трудно было экономить, так это на книгах. Они были нужны ему для его работ, чтобы быть в курсе иностранной и русской политики и экономики и прочее...

Но и в этом он старался урезать себя главным образом тем, что ходил работать в библиотеки...

М. А. Сильвин: Отдыхом для него (*Владимира Ильича*) была только перемена предмета занятий. И для того, чтобы эти занятия были возможно более продуктивными, он укладывал свой рабочий день в строго размеренные рамки...

В 90-х годах рабочий день Владимира Ильича обычно был такой: вставал в семь-восемь часов, работал дома, часам к одиннадцати шел в читальню газеты «Новости»¹². Читальня эта помещалась в доме № 33 по Морской Большой (ныне улица Герцена) в довольно просторной, сравнительно комфортабельной комнате...

В читальне он подбирал из газет материал для своих работ, главным образом касательно общественной жизни провинции, деревни, фабрично-заводской и вообще экономической статистики, сообщения о новых книгах.

Именно Ленин указал нам эту читальню, и я иной раз также заглядывал туда. Редко, лишь в самых неотложных случаях, мы пользовались читальней для конспиративных свиданий, потому что помещение было небольшое и гораздо удобнее было использовать для таких встреч залы Публичной библиотеки.

Обедал он у своих личных знакомых — кажется, еще по Самаре — Чеботаревых¹³, всегда в определенный час. Вечером, если не было назначено с кем-нибудь свидания по литературным или политическим делам, он сидел у себя дома за книгами, но эти занятия нередко прерывались посещениями — или кем-нибудь из нашего кружка, или рабочими, с которыми он занимался, или литераторами из группы легальных марксистов. Я часто заходил к Владимиру Ильичу, и, если случалось застать конец беседы, он после ухода гостя делился со мной впечатлениями от нее.

Иногда он бывал возбужден только что закончившимся разговором, и быстро ходил из угла в угол по своей маленькой комнате, заложив большой палец правой руки в пройму жилета, и с горячностью продолжал или, может быть, повторял мне еще не остывшие от внутреннего пыла аргументы.

А. И. Ульянова-Елизарова:

В то же время обращает на себя внимание простота и естественность Владимира Ильича, его большая скромность, полное отсутствие не то что кичливости, хвастовства, но какого-либо выдвигания своих заслуг, красования ими — и это с молодых лет, когда некоторое такое красование присуще обычно способному человеку.

М. А. Сильвин:

Однажды, зайдя к нему (*Владимиру Ильичу*) на пасху, я увидел на краю стола кулич, пасху и крашенные яйца. На мой вопрос, что это такое, Владимир Ильич с кислой улыбкой заметил:

— Хозяйкино угощенье.

Этот бесконечно деликатный человек не решился обидеть добрую женщину отказом от ее пасхального угощения, которое она предложила, жалеючи скромного, одинокого жильца, заброшенного на чужбину. Деликатность, нежелание обидеть, быть грубым я не раз наблюдал у Владимира Ильича по отношению ко многим назойливым людям и также по отношению к себе лично, чувствуя иногда, что мешаю ему заниматься или надоедаю вопросами, отвечать на которые ему было скучно или досадно из-за их элементарности...

...Большей частью мои ошибки в суждениях, наивные вопросы невежды или тактические промахи только заставляли его широко открыть глаза или блеснуть ими с несравненной, незабываемой усмешкой.

...Сам будучи крупным человеком и сознавая это, имея все данные стать известным профессором, гени-

альным ученым или видным «общественным» деятелем, Владимир Ильич бросил без колебания все сокровища своего гения в горнило революции.

Цельность характера

Г. М. Кржижановский:

Уже в юном Владимире Ильиче бросалось в глаза изумительное сочетание благороднейших качеств: исключительный трудолюбец и не педант, пронизательная ясность эрудированного мозга и горячая отзывчивость пламенного сердца, непрестанная работа над собой, неукоснительный порядок рабочего дня для верного подъема к сияющим вершинам знания и отвращение ко всякому ханжеству, к лицемерной морали — все это давало ему право сказать о себе, подобно известному ответу К. Маркса:

— Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

П. Н. Лепешинский:

Сочетание таких свойств ума, как реализм, практичность, трезвость мышления, с одной стороны, и «мечтательное» забегание мысли вперед — навстречу завтрашнему дню — с другой, как умение ясно различать «хозяйственным» глазом все подробности окружающей обстановки, а в то же время зорко вглядываться в еле различимую даль с ее конечными линиями на обозримом горизонте, — это сочетание в огромной степени было присуще и Марксу и Ленину...

В качестве непревзойденных диалектиков, способных более полно, чем кто-либо другой, отражать в своем сознании сложнейшие процессы развития в окружающей жизни, и Маркс и Ленин умели предвидеть такие явления грядущего завтра, которые были еще скрыты от глаз их современников. Само учение этих двух величайших мыслителей приводило их диалектическую мысль на каждом шагу к правильному пониманию действительности не только в ее прошлой или настоящей фазе развития, но и ожидаемой в последующие периоды.

В. В. Воровский:

У Владимира Ильича большой теоретический УМ. Главное — то, что теория для него никогда не представляла самодовлеющей ценности, как для профессионалов-ученых. Он всегда смотрел на нее как на способ познания того мира, в котором живет пролетариат, с которым он борется и который стремится перестроить. И в этой тесной связи теоретической мысли с практическими задачами могучего революционного класса и создается та особая острота и меткость мы-

сли Ленина, которая позволяет ему из всякого, с виду самого отвлеченного, положения выковать боевое оружие и поражать им противника. Здесь сказывается та скрытая духовная связь, которая существует между классом и его идеологом и благодаря которой идеолог молодого, восходящего, революционного класса имеет в нем бесконечный источник духовного творчества.

Благодаря этому практическому, глубоко жизненному характеру теоретического мышления Ленина, благодаря этой духовной связи с массой он обладает удивительным даром политического предвидения, то есть способностью намечать линию исторического развития на ближайшее время, определять перспективы движения, заглядывать вперед...

Г. М. Кржижановский:

В том поколении 90-х годов, которое явилось носителем идей Маркса в нашей стране, было немало даровитых, талантливых людей, упорно и со страстным напряжением изучавших великие творения Маркса. Но не было такого человека, в котором существо марксизма, так сказать вся его органика, так пронизала бы собственное его существо и его собственную органику, как это было у Владимира Ильича. И если можно говорить об известном средстве интеллекта, то без всякого преувеличения можно сказать: Маркс и Ленин являются редчайшими образчиками такого сродства. Изучение их личностей на почве этого факта уже само по себе поучительно: оно должно показать, как бессильны перегородки индивидуальных особенностей, национальных отличий и т. д., если над ними доминирует нечто более мощное: фактическое движение восходящего класса.

Одной из характернейших особенностей Владимира Ильича, по словам М. С. Ольминского, является

способность неизменно, в течение всей жизни сосредоточивать свое внимание только на одном деле — на деле революционной борьбы пролетариата. Обратите внимание на литературную его деятельность — на его бесчисленные статьи, брошюры и на его книги. Все они без исключения являются откликами только на один вопрос — на вопрос о наилучших, наиболее прямых путях пролетарской революции.

Н. К. Крупская:

У Ленина выбор тем всегда очень актуален: каждая статья, каждое произведение дают определенный ответ на вопрос: что делать? Каждое произведение, каждая статья — руководство к действию.

Г. М. Кржижжатовский:

Мы видим, что он (*Владимир Ильич*) рано нашел самого себя, нашел ту линию, неуклонное следование которой сделало его великим другом и вождем трудящихся масс. Всю свою удивительную работоспособность, всю энергию своей страстной души он умел сосредоточить для служения одной всепоглощающей цели: организации и подъема масс революционного пролетариата, действенного подъема для немедленного преобразования самых основ жизни, тех отношений, в которых стоит человек к человеку в общественном процессе производства.

М. А. Сильвин:

Мы видели, мы постоянно чувствовали в нем (*Владимире Ильиче*) необычайную силу убеждений, глубокую идейность; мы видели, что во всех своих рассуждениях, чего бы они ни касались, он исходил из одной только идеи, из идеи борьбы русского рабочего класса за революцию, за социализм; этой идее он отдавал себя всецело; для него не было других интересов, кроме тех, которые были связаны с ней, другой жизни, кроме той, которая была всецело отдана им этой идее.

П. П. Маслов:

Было видно, что не только научные проблемы, но и вся легальная литературная деятельность играла для него (*Владимира Ильича*) лишь служебную и второстепенную роль перед основной, *революционной* задачей. Пожалуй, ни раньше, ни после я не встречал ни одного человека, у которого бы было все так сосредоточено на одном пункте: и огромная, какая-то никогда не виданная мною воля, и научная работа мысли, и литературная деятельность, и отношение к людям — все сводилось только к революционной цели. Это, по-видимому, чувствовалось и всеми другими, кто имел соприкосновение с Владимиром Ильичем. По крайней мере, когда в 1895 году в Петербурге я встретил Владимира Ильича в литературном кружке марксистов и заговорил о чем-то с П. Б. Струве по поводу революционных вопросов и дел, он меня сразу прервал:

— Об этих делах нужно говорить с Владимиром Ильичем.

...Я прихожу к заключению, что... цельность, «монолитность» определялись основной, руководящей им целью — максимальных революционных достижений. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что на все основные вопросы, которые можно поставить, его цельность дала бы такой ответ:

— Что есть истина?

— То, что ведет к революции и к победе рабочего класса.

— Что нравственно?

— То, что ведет к революции.

— Кто друг?

— Тот, кто ведет к революции.

— Кто враг?

— Тот, кто ей мешает.

— Что является целью жизни?

— Революция.

— Что выгодно?

— То, что ведет к революции.

И т. д., и т. д.

Только при поразительной цельности и при огромной моральной силе могла создаться такая крупная историческая личность, как Владимир Ильич Ленин.

В. В. Воровский:

Трудно представить себе более цельное сочетание в одном лице громадной мысли, могучей воли и великого чувства: Владимир Ильич как бы вытесан весь из одной глыбы и нет в нем линий раскола. Все в нем сосредоточено, как бы пригнано к одной большой общей задаче — служению делу пролетариата и руководству им на пути к социализму. И с какой бы стороны вы ни подходили к нему, вы неизменно наткнетесь на ту же единую, но грандиозную идею, охватывающую его целиком и не оставляющую места другим интересам...

У него нет общего и частного, нет общественной жизни и личной жизни. Он и в этом выкован из одной глыбы. В общественную жизнь он ушел весь без остатка, спаяв с нею и свое личное существование. Вся его личная жизнь — рабыня его общественной деятельности. Здесь нет места внутренним противоречиям, трагедиям, компромиссам — всему тому наследию мещанства, которое разбило не одну жизнь интеллигента-революционера. И эта цельность ставит Ленина на ту нравственную высоту, до которой даже клевета врагов бессильна подняться.

Счастье — в борьбе

Г. М. Кржижжатовский:

Жизнь подлинного революционера всегда отличается исключительной напряженностью. В этом лагере нет места для людей с теплым или тепловатым темпераментом. Маркс и Ленин были страстными борцами. Маркс, как известно, был «мавром» и по вне-

шнему облику. Его современники свидетельствуют, что его живые глаза, металлически резкий голос и несколько угловатая, но решительная манера держаться немедленно выделяли его фигуру среди всех окружающих.

Мое первое знакомство с Владимиром Ильичем в его юношеские годы прочно связано в моей памяти с удивительным блеском и остротой его глаз и с ярким румянцем одухотворенного молодого лица...

И Маркс, и Ленин были людьми большого темперамента... Последовательность подлинного революционера может идти только от глубочайшего восприятия всего того, что мы именуем жизнью. Но раз это восприятие налицо, то результатом его обычно является глубоко оптимистическое мировоззрение. Так дает себя знать «вечно зеленое дерево жизни».

П. Н. Лепешинский:

Во всем, что он (*Владимир Ильич*) делает, чувствуется революционный темперамент... Революционно он разрешает... всякую проблему жизни и борьбы, ставшую у него на пути.

З. П. Невзорова-Кржижановская:

Быстрый и самособранный, с чуть насмешливым и острым глазом, через край полный энергией и жизнью, он (*Владимир Ильич*) и тогда был как искра.

Г. М. Кржижановский:

Пламенная натура Владимира Ильича сказывалась и в быстроте и слаженности его движений, остро насмешливом взгляде его чудесных глаз, в некоторой обычной для него естественной «приподнятости» всего его существа, в особой остроте восприятия всего окружающего.

В. В. Старков:

...Владимир Ильич поражал революционным пылом и даже некоторым задором, а также беззаветной преданностью делу революции. Если вообще про задор социал-демократов того времени ходило немало разговоров и публика охотно читала стихотворение, в котором после описания растерянности представителей других течений было сказано: «Юные же марксисты, задирая нос, заявили гордо, что решен вопрос», то все это в значительно большей степени можно было бы отнести к Владимиру Ильичу, чем к любому из нас. Пыл и задор, с которыми Владимир Ильич пускался в бой со сторонниками противных течений, были неиссякаемы.

Г. М. Кржижановский:

Владимир Ильич для нас был прекрасным примером душевного и физического здоровья.

Если он смеялся, то смеялся от души, до слез, невольно заражая своим смехом окружающих, а гнев его немедленно принимал также выразительные формы. Энгельс свидетельствует о Марксе, что он мог бурно гневаться и быть заразительно веселым, но «мавр» никогда не мог прийти в отчаяние. Владимир Ильич в отчаяние тоже никогда не приходил, а ему пришлось, как всякий легко может себе представить, переживать в своей жизни такие моменты, такие стечения самых неблагоприятных обстоятельств, которые редким людям выпадали на долю.

М. М. Эссен:

Я не встречала более жизнерадостных людей, чем Ленин. Его способность смеяться всякой шутке, умение использовать свободный час и находить повод для веселья и радости были неисчерпаемы.

А. В. Луначарский:

Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи.

Необычайно увлекателен с чисто эстетической точки зрения был Ильич, когда он смеялся и в особенности когда он улыбался... В смехе Ильича было много беззаветно детского, а беззаветность смеха — это его победоносность, это показывает наличие и в натуре и в сознании привычки чувствовать себя силою...

Улыбка Ильича вовсе не была такой беззаветной; она, наоборот, была чрезвычайно тонкой, довольно сильно иронической, лукавой. Кто не помнит этой очаровательной улыбки Ильича? Когда он слушал вас с этой улыбкой, вы понимали, что он лучше, глубже, шире знает то, что вы ему говорите, что он уже сделал выводы... Но вместе с тем это была улыбка человека, который готов протянуть дружески руку помощи, — когда вы подойдете ближе, посмеяться над вашей ошибкой, но посмеяться мягко, по-товарищески. Тут было что-то такое от старшего брата, почти, я скажу, от матери, что всегда вызывало взрыв самой теплой любви к этому человеку с морщинками возле насмешливых глаз и с полными доброго смеха глазами...

Н. К. Крупская:

Из тысячи замечаний, даже отдельных выражений, оборотов речи, разбросанных в его статьях и речах,

глядит личность Ильича — коллективиста, борца за рабочее дело. Быть коллективистом, борцом за рабочее дело — большое счастье. Человек все время чувствует, как все шире становится его кругозор, глубже понимание жизни, шире поле деятельности, как растет его умение работать; он ощущает, как он растет вместе с ростом массы, вместе с ростом дела. И потому так заразительно смеялся Ильич, так весело шутил, так любил он «зеленое древо жизни», столько радости давала ему жизнь... Теория марксизма дала ему глубокую уверенность в победе дела пролетариата, дала ему необходимую дальнзоркость; борьба и работа в исключительной близости к пролетариату, борьба за дело пролетариата воспитала в Ильиче черты человека будущего...

М. А. Сильвин:

Как в теоретических занятиях, так и в работе по организации партии Ленин обычно связывал себя определенным планом. Это не значит, что он был сухой, футлярный человек. Он знал и прелесть остроумной дружеской беседы, и радость физического отдыха и спорта, охоты, шахмат, катанья на коньках... Вместе с тем было ясно, что Ленин ни на минуту не забывал о раз поставленной себе великой цели. И только под углом зрения достижения этой цели он рассчитывал все свои действия, все усилия своего мощного ума.

Н. А. Семашко:

Ленин был физически крепкий, сильный человек. Его коренастая фигура, крепкие плечи, короткие, но сильные руки — все обличало в нем недюжинную силу. Ленин умел, поскольку он мог, заботиться о своем здоровье. Поскольку мог, то есть поскольку позволяла это его чрезмерно напряженная работа... Ленин был физкультурником в самом точном смысле слова: он любил и ценил свежий воздух, моцион, прекрасно плавал... ездил на велосипеде.

М. А. Сильвин:

Он (*Владимир Ильич*) был прекрасно сложен, сложен и ловок в движениях.

Г. М. Кржижжановский:

Как-то даже странно читать, и читать неоднократно, в биографических заметках о Владимире Ильиче упоминания о его мощном организме. Некрупная фигура Владимира Ильича как будто не вяжется с обычным представлением о мощности. И тем не менее это так: в этом небольшом компактном теле действительно ключом была жизненная энергия не только духа, но и крепкого, здорового, нормального физического человека. Вспоминаю, что, когда в период сибир-

ской ссылки в одном из разговоров с Владимиром Ильичем я рассказал ему об определении здорового человека, данном известным в то время хирургом Бильротом, по которому здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности, Владимир Ильич был чрезвычайно доволен этим определением.

— Вот именно так,— говорил он,— если здоровый человек хочет есть, так уж хочет по-настоящему; хочет спать — так уж так, что не станет разбирать, придется ли ему спать на мягкой кровати или нет, и если возненавидит, так уж тоже по-настоящему...

Я взглянул тогда на яркий румянец его щек и на блеск его темных глаз и подумал, что вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека.

Н. А. Семашко: Представьте себе подвижного, живого человека — таким был Ленин. Но живость и подвижность Ленина никогда, ни на одну секунду не переходили в суетливость. В минуты самой большой оживленности, даже в минуты торопливости (точнее, когда нужно было торопиться), Ленин всегда оставался «собранным». Ленин всеми фибрами своей души ненавидел суматоху, беспорядочность поступков и движений.

Глаза Ленина ярко отражали его переживания в данный момент. То они были ласковы, дружелюбны; то внимательно-серьезны; то иронически насмешливы, прищурены, и морщинки образовывались вокруг них; а то грозно-гневны и метали молнии. Вот почему так трудно поддавались отображению на фотографиях глаза Ленина.

Все это еще можно было бы описать. Но нельзя описать тот «сверлящий» прищуренный взгляд, о котором вспоминают все знавшие Ленина. Этот взгляд, действительно, насквозь пронизывал человека... «Сверлил» он всякого, у кого хотел узнать не то, что тот говорит, а что думает.

С. П. Шестернин: Казалось, что у него (*Владимира Ильича*) не пара, а тысяча глаз, которые видели насквозь человека. Перед такими проникновенными глазами — я уверен — никто ничего не мог скрыть.

М. А. Сильвин: Он (*Владимир Ильич*)... любил людей, любил жизнь и ее радости, но главной из них были борьба и стремление к победе. Он отдал себя всецело революции, для него не было других интересов, другой жизни, кроме той, которая была с ней связана.

Ученый-боец

Поль Лафарг:

Маркс работал всегда с величайшей добросовестностью; любой факт, любая цифра, приводимые им, подтверждались ссылкой на самые выдающиеся авторитеты. Он не довольствовался сообщениями из вторых рук; он сам всегда добирался до первоисточника, какие бы трудности это ни представляло...

Н. К. Крупская:

Ильич не боялся самой черной, мелкой работы. Без такой черной, будничной, невидной работы нельзя было ничего добиться в те времена. Эта невидная повседневная работа сочеталась с необычайно ясным пониманием того, что нужно делать, с умением спланировать около основной работы новые и новые кадры.

...И чем больше придавал он значения той или другой работе, тем больше вникал он во все мелочи...

Он много работал над земскими статистическими данными, над их обработкой. В его тетрадках много тщательно выписанных таблиц. Когда дело касалось цифр, имеющих большое значение, большой удельный вес, он проверял даже подсчеты уже напечатанных таблиц. Тщательная проверка каждого факта, каждой цифры характерны для Ильича. Свои выводы он строит на фактах.

Это стремление обосновать каждый вывод фактами рельефно выступает в его ранних пропагандистских брошюрах «Объяснение закона о штрафах», «О стачках», «Новый фабричный закон». Он ничего не навязывает рабочему, он доказывает фактами. Некоторым казалось, что брошюры растянуты. Рабочим зато они казались особенно убедительными... Ленин, в жизни которого чтение «Капитала» Маркса сыграло такую громадную роль, помнил, на каком громадном количестве фактического материала основал Маркс свои выводы.

Ленин не полагался на свою память, хотя память у него была прекрасная. Он никогда не излагал фактов по памяти, «приблизительно», он излагал их с величайшей точностью. Он просматривал горы материала... но то, что хотел запомнить, выписывал себе в тетрадки. В его тетрадках сохранилась масса выписок... Записанное он потом перечитывал не раз, о чем свидетельствуют пометки, подчеркивания и прочее.

Если книга принадлежала ему, то он ограничивался подчеркиванием, заметками на полях, а на обложке выписывал лишь страницу, подчеркивая ее одной или несколькими чертами, смотря по важности

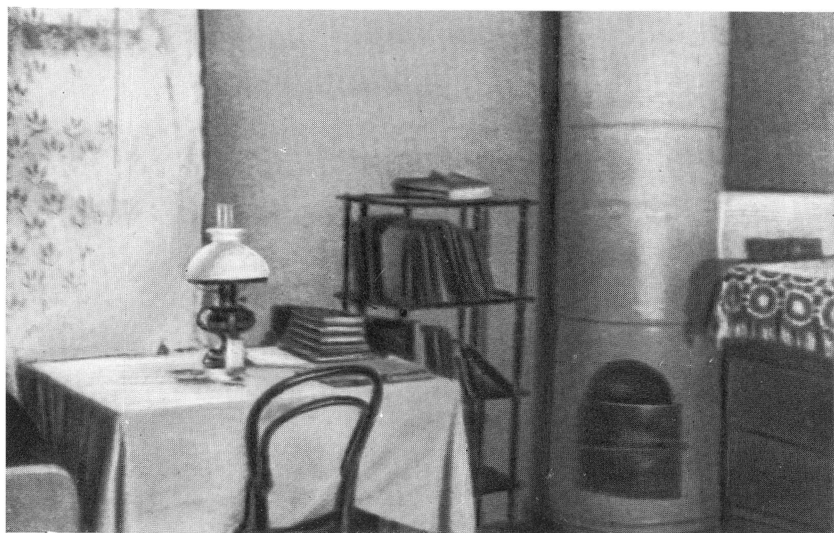

В. И. Ленин в 1893 году
Художник В. Прагер

Петербург. 90-е годы XIX века

Комната Владимира Ильича в Б. Казачьем переулке

отмечаемого места. Перечитывал он и свои статьи, делал и на них заметки, и то, что навело на какую-нибудь новую мысль, тоже подчеркивал и страницу помечал на обложке. Так организовывал Ильич свою память.

П. Н. Лепешинский:

Для Ильича высший закон его жизни — это служение своему общественному идеалу. Как бы ни была для него заманчива та или иная перспектива личного наслаждения, личной радости, он все свои волевые акты упорно и всегда подчиняет соображениям о пользе того великого дела, которому он решил посвятить всю свою жизнь и все свои огромные силы. Тут для него вопрос совершенно ясен.

М. А. Сильвин:

Владимир Ильич всегда поражал нас своей необычайной работоспособностью. Революционная кухня, все мелочи подпольной организации, вся ее сложная техника работы, которой Владимир Ильич никогда не избегал, — брала массу времени и требовала напряженного внимания.

М. С. Ольминский:

Кажется, будто этот человек (*В. И. Ленин*) никогда не знает отдыха и не нуждается в отдыхе. Изо дня в день, целыми годами он, можно сказать, стоит у своего станка, бесменно, вечно за работой...

Г. М. Кржижжатовский:

Маркс был исключительным трудолюбцем. И он же утверждал, что если какой-нибудь ученый хочет отгородиться от жизненных восприятий, зарыться в своем ученом кабинете, наподобие того как «крыса зарывается в сыр», — дело его пропащее. Ассоциация его мыслей была изумительной. Лафарг утверждает, что мозг Маркса как бы напоминал военный корабль в полном боевом вооружении, всегда готовый отплыть в любом направлении. Он говорит, что по любому вопросу у Маркса всегда можно было найти исчерпывающую справку, причем рядом с огромным фактическим материалом он неизменно давал при этом яркие философские обобщения.

Маркс любил говорить, что книги — «его послушные рабы», и беспощадно подчеркивал в них необходимые ему места, загибал углы на страницах и на полях делал выразительные отметки, ставил восклицательные и вопросительные знаки. Тысячи томов его собственной библиотеки были для него недостаточны. Превосходно владевший тремя основными европейскими языками, он проводил долгие рабочие часы в основных европейских книгохранилищах, в особенно-

сти высоко оценивая книжную сокровищницу Британского музея. Для того чтобы написать несколько десятков страниц «Капитала», посвященных обрисовке действительного положения английского рабочего класса, он протудировал огромные тома «Синих книг» английской фабричной инспектуры и впервые дал исчерпывающую сводку всего ценного, что в них заключалось.

Здесь полная аналогия с Владимиром Ильичем. Умственный труд и для него был отрадой стихией, доставлявшей ему глубокое наслаждение. Ассоциация мыслей Владимира Ильича была также изумительной. Этой богатейшей ассоциацией определяется и вся своеобразная архитектоника его речей. Подлинные стенограммы его речей доставляли ему немалые муки при последующей литературной обработке. Броски изошедшей мысли, вооруженной громадным ассоциированным материалом, нередко были препятствием для гладкого литературного стиля...

Высоко ценя представителей действительного знания (известно отношение Ленина к нашим крупнейшим ученым), Владимир Ильич, подобно Марксу, особенно ценил тех из них, которые не боялись самой гущи жизни.

Н. К. Крупская: Марксизм неразрывно связан с умением вглядываться в жизнь, разбираться в ней. Маркс и Энгельс жестоко критиковали капиталистический уклад, все его стороны, но критиковали не просто потому, что они были «критически мыслящие личности», а потому, что эта критика открывала правильный путь борьбы.

У Маркса учился Ленин критически вглядываться в жизнь, разбираться в ее явлениях, отличать основное от второстепенного, учился связывать теорию с практикой, втягивать пролетариат в борьбу, организовывать его для победы.

М. А. Сильвин: Большой ученый, выдающийся писатель, Владимир Ильич не замыкался в себе, а всегда искал соприкосновения с действительностью, с живой жизнью, всегда проверяя практикой жизни свои теоретические предпосылки. В этом отношении он был полной противоположностью Плеханову, который являлся больше кабинетным ученым, чем вождем политической партии.

Г. М. Кржижановский: Сам он (*Владимир Ильич*), как и Маркс, являл собой совершеннейший образчик ученого-борца. Книжки, которыми он пользовался, были также его «по-

слушными рабами»: читал он необыкновенно быстро, точно так же снабжал прочитанную им книгу подчеркиваниями и краткими заметками на полях. Мне иногда приходилось пользоваться экземплярами прочитанных им книг. При этом мысли невольно приковывались к подчеркиваниям и заметкам, сделанным Владимиром Ильичем, и как-то выходило так, что эти подчеркивания и заметки были настолько выразительны, что на долю собственной, самостоятельной проработки уже ничего не оставалось.

Неоднократно я подшучивал, когда Владимир Ильич при мне перелистывал какую-нибудь книгу, что я заранее трепещу за бедного автора. Действительно, постоянно случалось так, что при простом перелистывании книги его зоркая, сверлящая мысль с удивительной легкостью нащупывала слабые места, как бы оправдывая поговорку «На ловца и зверь бежит». Если случалось отправлять Владимиру Ильичу на просмотр собственную рукопись, то и таковая обыкновенно возвращалась с выразительными подчеркиваниями и не менее выразительными пометками на полях. Как жалею я о том, что такие рукописи не хранил после их типографского использования: в этих пометках ведь были такие яркие доказательства его умения концентрировать мысль на важнейшем и решающем. Для своей фундаментальной работы «Развитие капитализма в России» он проделал поистине циклопический труд личной переработки и проверки фолиантов земской статистики, где сырой материал отличался разнородностью и обилием не менее, чем английские «Синие книги».

Лафарг свидетельствует, что Марксу было одновременно и легко и весьма трудно давать литературное оформление своей мысли. Колоссальный материал точного фактического знания здесь давал себя так же чувствовать, как в любой химической реакции время ее завершения находится в прямой зависимости от массы вещества, вступающего в реакцию. Известно, что Маркс был чрезвычайно требователен к себе в поисках лучшего литературного оформления. Для него было величайшей мукой показывать кому-нибудь свою незаконченную вещь. Маркс говорил Лафаргу, что предпочел бы лучше сжечь свои рукописи, чем оставить их в незаконченном виде. В одном из писем к Энгельсу он пишет, что литературная обработка первых набросков ему чрезвычайно приятна, что-де приятно «облизывать собственного ребенка».

...Целый ряд фундаментальных работ Ленина, лично им подготовленных к печати, свидетельствует о та-

кой же его громадной требовательности к себе. Мне пришлось быть первым читателем его работы «Развитие капитализма в России»... Я неоднократно негодовал на Владимира Ильича, что по мере своей работы он, на мой взгляд, слишком многое зачеркивал и слишком сурово сжимал объем книги. Когда книга была закончена, я убедился, что Владимир Ильич был совершенно прав и в этом случае, но и по сие время жалею, что, по-видимому, утеряны рукописи первоначальных набросков.

Подобно Марксу, Владимир Ильич был большим знатоком крупнейших европейских книгохранилищ. Об этом свидетельствует оставленное им литературное наследство. Превосходно зная основные европейские языки, он всю жизнь продолжал неустанно трудиться, чтобы до тонкости освоить, так сказать, самый дух каждого из этих языков... Подобно Марксу (*Владимир Ильич*)... любил предварительно обдумывать свои мысли на ходу. В прогулках с ним мы обыкновенно оживленно беседовали, причем Владимир Ильич во время таких прогулок давал такие яркие концепции своих соображений, что всегда приходилось жалеть относительно невозможности в таком же виде немедленно закрепить их в письменной форме.

П. Н. Лепешинский:

Общей... чертой у Маркса и Ленина в манере изложения своей мысли является органическая ненависть к фразе, затемняющей «обаятельным» термином или шумихой слов политическую сущность вопроса.

...Речь его (*В. И. Ленина*) льется бурным потоком, причем автор ни на один момент не останавливает своего внимания на форме, в которую выливается его мысль, никогда не любит своей «красивой фразой»...

Он неумолимый враг пустой и звонкой фразы... вряд ли найдется хоть одна такая, в которой чувствовалось бы желание автора сказать что-нибудь просто ради красного словца. И в устных и в письменных выступлениях он часто допускает повторение одной и той же мысли... Но, внимательно приглядевшись к этой манере, скоро начинаешь приходить к тому заключению, что она отнюдь не случайна. Ильич возвращается обыкновенно к той именно мысли (не стесняясь повторить ее несколько раз на протяжении иногда одного и того же абзаца), которую он считает центром внимания в данном случае и которую как бы старается вбить в голову своего читателя или слушателя.

Г. М. Кржижа-
новский:

Необыкновенная четкость и убедительность его литературного языка являются прямым результатом его громадной работы над собой. Стоило только при Владимире Ильиче произнести какое-либо незнакомое ему русское слово, как он немедленно учинял допрос:

— Откуда вы взяли это слово, правильно ли вы его употребляете...

И неизменно рылся в известном словаре Даля, выско расценивая его авторитет и отражая все мои атаки на ограниченность этого источника...

Громадная эрудиция сочеталась как в Марксе, так и в Ленине с удивительной четкостью и последовательностью аргументации. Относительно их обоих можно с одинаковым правом говорить, что они были людьми железной логики, и плохо приходилось их противникам, попавшим в когти этой логики. Стрелы их полемики всегда отличались острой отточенностью, и в этой полемике они отнюдь не были поклонниками «язвущей словесности». Невежество и головоупяство, ханжество и поповщина, клеветничество, лживость и лакейство,— сколько метких и звонких пощечин нанесли конкретным носителям этих зол и Маркс, и Ленин в своей неустанной жизни борцов.

П. Н. Лепешин-
ский:

Диалектика у Владимира Ильича сокрушительная. Все неясности речи храброго витязя (*то есть оппонента*), все неудачные его фразки и словечки, все «эмбрионы» проскользнувшей у него ереси в потенции будут мгновенно подхвачены на острие ильичевского сарказма, причем смеющиеся, мечущие время от времени искры убийственной иронии, пронзительные черные глаза с раскосом на широком скуластом лице положительно приводят оппонента Ильича в смущение и заставляют его язык прилипать к гортани.

Одна любопытная особенность полемики Ильича: он не столько защищает свою мысль, сколько обыкновенно нападает на мысль противника, заставляя этого последнего становиться в оборонительную позу. Но эта оборона ведет только к тому, что у Ильича получается все более и более объектов для жестокой критики. Он пользуется тезисами или даже случайными фразами противника, чтобы уложить в них определенное жизненное содержание и вскрыть их подоплеку, переводя их с языка мудреной, путаной, туманной фразеологии на язык конкретной живой действительности, так что автор инкриминируемых словечек или фраз приходит в ужас от этих операций. У обиженного противника получается такое убеждение, что

Ильич «придирается» к нему и «искажает» его мысль в кривом зеркале своей критики до полной неузнаваемости.

...«Заворачивая» то или иное словечко, целиком выражающее тот или иной оттенок его *политической* мысли, его *политической* оценки противника, он (*В. И. Ленин*) никогда за всю свою жизнь не погрешил хлестким выпадом личного характера, никогда не обнаружил ни малейшего желания просто «ушипнуть» своего оппонента, лично оскорбить, задеть чье-нибудь личное самолюбие красным словом, лишенным политического значения и смысла, а не то и просто набросить на противника тень с помощью откровенной клеветы или замаскированной инсинуации. В этом отношении он как небо от земли отличался от полемистов типа Мартова или даже таких, как Плеханов.

Любовь к литературе

Г. М. Кржижановский:

Подобно Марксу, Владимир Ильич не упускал случая для ознакомления с классиками научной и художественной литературы. В пору своей молодости он неоднократно жаловался мне, что он не ощущает в себе достаточно изощренного вкуса к художественным произведениям. Однако в личной беседе всегда приходилось убеждаться в обратном: его замечания о классиках русской литературы, как об этом свидетельствуют его литературные высказывания о Л. Н. Толстом и о М. Горьком, всегда отличались необыкновенной меткостью и полновесностью. Я очень сожалею, что не записывал своевременно таких высказываний, но, например, отчетливо помню блестящую оценку, данную Владимиром Ильичем творениям А. П. Чехова. Помню, как он восхищался стилем этого писателя, в котором с такой удивительной гармонией сочетались высокая жизненная правда, простота и точность художественного слова.

М. А. Сильвин:

Однажды, зайдя ко мне, Владимир Ильич с явным удовольствием стал читать вслух страницы из беллетристического очерка Блеклова с описанием сценки при опросе крестьян статистиком, а затем перешел к тому, каким языком надо говорить с народом, как к нему подойти, каковы должны быть приемы политических ораторов у нас и каковы они за границей. Он говорил, что нам надо еще многому учиться в этом отношении, и в частности познакомиться с яко-

бинской публицистической французской революции, так как, очевидно, ораторы и писатели того времени сумели найти общий язык с народом. Я с грехом пополам читал по-немецки, и Владимир Ильич дал мне как-то «Государство будущего» В. Либкнехта — речь, произнесенную им в рейхстаге в ответ на речь или статью Евг. Рихтера, в которой тот иронически описывал порядки воображаемого социалистического государства.

По словам Владимира Ильича, кто-то из депутатов сказал по поводу речи Либкнехта, что он прочел лекцию рейхстагу. Хорошо помню, что Владимир Ильич перевел эту речь Либкнехта, и я, как и другие товарищи, брал у него рукопись этого перевода, чтобы прочитать еще раз, уже по-русски. Не понимаю, почему никто до сих пор не упомянул в своих воспоминаниях об этой работе Владимира Ильича...

...Беллетристика интересовала Ленина... тогда, когда она была связана с публицистикой. Он назвал кого-то из знакомых, кажется Потресова, который работал в то время над беллетристической 60-х годов. В ней, по словам Владимира Ильича, было много интересных общественно-политических мотивов. При этом Владимир Ильич упомянул роман Кушевского «Николай Негорев». Над чтением этого-то романа и захватил меня однажды Владимир Ильич в Публичной библиотеке... Проходя мимо моего стола в читальном зале, он, не замеченный мною, заглянул мне через плечо и, увидя развернутую книгу «Современника», заметил с едкой иронией:

— Вот вы чем занимаетесь!..

О публицистике 60-х годов он говорил с уважением:

— Они умели найти язык и литературные приемы, чтобы захватить читательскую толщу, они будили ее, вызывали в ней интересы, находили отклики и были богаты связями с читателями... Они были утопистами-просветителями, но они взяли верный прием — обличение общественного зла. Этот прием всегда будет удачен, нам можно у них поучиться.

Н. К. Крупская: Когда мне впервые товарищ по кружку рассказывал о новом приезде с Волги, о Владимире Ильиче, он мне так его охарактеризовал, он мне сказал:

— Он, говорят, очень ученый, он никогда не читал ни одного романа, ни одного стихотворения.

Признаться сказать, я очень удивилась, что есть такие люди. Но как-то в горячке работы мне никогда не пришлось спросить Владимира Ильича за первые

полтора года, читал ли он или не читал какие-нибудь романы, стихи и т. д. И только в ссылке я с большим удивлением увидела, что Владимир Ильич не только читал тогдашнюю беллетристику, он знал ее. Я помню, как меня удивило знание Владимиром Ильичем Некрасова, знание им Чернышевского. Он так знал до мельчайших подробностей «Что делать?» Чернышевского, с такими тонкостями, что, конечно, я увидела, что все те рассказы о Владимире Ильиче, что это человек, который ни одного романа не читал, являются каким-то мифом. Владимир Ильич читал беллетристику, изучал ее, любил. Но одно было у Владимира Ильича — у него сливался воедино общественный подход с художественным отображением действительности. Эти две вещи он как-то не разделял одну от другой, и, так же как у Чернышевского его идеи отражаются полностью в его художественных произведениях, так же и Владимир Ильич при выборе книг по беллетристике особенно любил те книги, в которых ярко отражались в художественном произведении те или иные общественные идеи.

...В брошюре Ленина «Что делать?» есть косвенное указание на влияние Чернышевского. Говоря о периоде, предшествовавшем созданию партии, о периоде между 1894 годом и 1898 годом, когда рабочее движение стало быстро развиваться, приняло массовый характер, Ленин указывает на то, что молодежь, которая примкнула к этому движению, развивалась и воспитывалась под обаянием революционной деятельности предшествующих революционеров и что ей стоило большой внутренней борьбы идейно высвободиться из-под влияния и пойти по другому пути — по пути марксизма. В этой характеристике есть автобиографический момент.

Человек-магнит

Г. М. Кржижановский:

Громадная требовательность к самому себе давала и Марксу и Ленину законное право на такую же требовательность и по отношению к другим людям. Как у того, так и у другого эта требовательность прежде всего имела четкий, целеустремленный характер, в основе которого лежало определенное положение: благо пролетарской революции — высший закон. Как известно, Маркс всем своим личным поведением давал яркий образец выдержанной партийности. Маркспартиец — ведь это чрезвычайно благодарная тема

для специальной статьи. Владимира Ильича можно было легко рассердить расплывчатой характеристикой какого-нибудь человека в качестве вообще «хорошего» человека.

— Причем тут «хороший»,— говорил он.— Лучше скажите-ка, какова политическая линия его поведения...

И Маркс и Ленин были грозными борцами за чистоту и отточенность генеральной политической линии коммунистов, и как тот, так и другой немедленно рвали с самыми дорогими для них людьми, если видели, что с этими людьми они уже не могут идти по путям борьбы за пролетарскую революцию. Известны едкие сарказмы Маркса по адресу всех противников рабочего класса, всего капиталистического охвостья. И Плеханов и Мартов относились к числу таких людей, которых Ленин чрезвычайно высоко ценил, но это не мешало тому же Ленину жестоко бичевать того и другого в точном соответствии с их действительными политическими позициями. А ведь разрыв с Плехановым стоил Владимиру Ильичу не одной бессонной ночи.

Переписка между Марксом и Энгельсом свидетельствует о резком изменении Марксом своих отношений к Лассалю, как только стала явной шаткость политических позиций последнего. Немало досталось тому же Лассалю от Маркса за кокетничанье ученостью.

Нам напоминает несколько аналогичных случаев вскрытого Владимиром Ильичем «прихорашивания» какого-либо лица, неизменно приобретающего в его глазах репутацию «пустого человека» (слова, которые Ленин произносил с особо выразительной интонацией).

Лафарг подчеркивает, что Маркс... был остроумным собеседником, подхватывавшим в тесном дружеском кругу все жизнерадостно-остроумное... В тесном дружеском кругу Владимир Ильич немедленно становился душою всего общества. Именно около него слышались самые страстные речи и наиболее веселый смех. Он был чрезвычайно осведомлен о личных особенностях каждого товарища и удивительно умел подходить к человеку именно сообразно с его особенностями. Он был воистину человек-магнит. Лишь одного Владимир Ильич не терпел, как не терпел и Маркс: фальши, позировки, фразистости.

Н. К. Крупская: Он (*Владимир Ильич*) очень внимательно вглядывался в людей, вслушивался в то, что они говорили,

старался охватить самую суть, и потому он умел по ряду незначительных мелочей улавливать облик человека, умел замечательно чутко подходить к людям, раскрывать в них все хорошее, ценное, что можно поставить на службу общему делу.

А. И. Ульянова-Елизарова: Давая всегда много поручений и добиваясь настойчиво выполнения их, он (*Владимир Ильич*) воспитывал в смысле свойственной ему точности и аккуратности всех работавших с ним в то или в другое время товарищей.

Г. М. Кржижановский: Если мы скажем, что Владимир Ильич всегда стремился окружить себя людьми большого таланта и волевой энергии, то этого будет мало. Он положительно готов был «ухаживать» за такими людьми, радовался их успехам, прощал им порой многие «слабости», которые, казалось бы, не могли ускользнуть от его зоркого взгляда.

Н. К. Крупская: У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные «увлечения» людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека... И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души, своего я, отражавшуюся в их отношении к работе, ее постановке, во всем их подходе к ней. Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной.

Г. М. Кржижановский: Чтобы в наибольшей мере завоевать личность приближавшегося к нему человека, Владимир Ильич не нуждался ни в каких искусственных средствах: для этой цели ему достаточно было только оставаться самим собой... В самом его существе сочетались такие черты, которые бесповоротно исключали всякое притворство, всякую фразу, всякую ходульность.

Н. К. Крупская: Он (*Владимир Ильич*) ни с кем не хитрил, не дипломатничал, не втирал никому очки, и люди чувствовали его искренность, прямоту.

М. А. Сильвин: В. И. Ленин был прямой человек, чуждый всякой рисовки, позы. Он говорил с рабочими обыкновенным

своим языком, без всякой подделки под простоту народной речи, без этой вульгарной манеры приспособления к «низшим», без дешевой популярности изложения своих мыслей якобы для большей понятности, как это замечалось у некоторых товарищей.

Г. М. Фишер:

Он (*Владимир Ильич*) умел так подойти к человеку, что тот незаметно для самого себя начинал чувствовать себя как дома, непринужденно выкладывал свою душу, чувствуя, что он получит ответ на все свои вопросы. Вот такое чувство обаяния у меня осталось от знакомства с *Владимиром Ильичем*.

М. М. Эссен:

Замечательная была черта у *Ленина*: он никогда не давал чувствовать своего превосходства, не давил своим авторитетом, считался с мнением других, видел в каждом товарище равного себе. Оттого так легко было с ним, так радостно и свободно дышалось около него. Он умел внимательно выслушать собеседника, втянуть в спор, заставить высказаться до конца, а если видел, что собеседник не сводит концов с концами, путается в противоречиях, он, добродушно посмеиваясь над зарвавшимся спорщиком, доведшим свою мысль до логического абсурда, направлял его на правильный путь, не задевая самолюбия, не обескураживая, как делал бы обязательно в таком случае *Плеханов*. Тот доводил иногда застенчивых людей до желания провалиться сквозь землю. *Владимир Ильич* никогда не спрашивал, что вы читали, как усвоили прочитанное, а просто беседовал с вами по поводу отдельных вопросов и сразу видел и пробелы, и слабые места, причем и собеседнику становилось ясно, над чем надо ему поработать.

В присутствии *Ленина* мысль обострялась, хотелось больше знать, думать, читать, учиться и главное — работать. От одной мысли, что *Ленин* знает о твоей работе, удесятерились силы.

Г. М. Кржижжановский:

В присутствии *Владимира Ильича* без всяких видимых усилий с его стороны создавалась всегда какая-то особая атмосфера чистоты и подъема, как-то само собой выходило, что там, где он, не уместны ни праздный разговор, ни пустое и тем более пошлое слово.

Н. К. Крупская:

В каждом из товарищей по работе была как бы частица *Ильича* — потому, может быть, он чувствовался таким близким.

М. А. Сильвин:

...Этот человек был одарен способностью увлекать, импонировать, внушать преданность к себе и к общей поставленной себе цели. Эту его способность увлекать сердца, внушать к себе беспредельное доверие, наполнять чувством беззаветной преданности единой цели — все это я не раз имел случай наблюдать и в отношении целых групп и отдельных лиц. Бывали случаи, что человек достаточно зрелый, независимый в своем образе мыслей, в своих суждениях, образованный и опытный, которого никак нельзя было упрекнуть в недостатке самостоятельности, после нескольких недель общения с Владимиром Ильичем совершенно подпал под влияние его железной воли, его сильного ума. И это огромное обаяние, эта власть над сердцами и умами отдельных людей и огромных масс обусловлена была полным забвением собственной личности и исключительным служением одной великой цели — освобождению человечества.

Друг, сын, брат

Г. М. Кржижановский:

Лафарг подчеркивает, что Маркс... с трогательной чуткостью относился к своему другу Энгельсу и к своему семейному кругу... Огромная переписка, оставшаяся после Маркса, свидетельствует, что он был партийным товарищем в лучшем смысле этого слова. Владимир Ильич в этом отношении также не знал себе соперников... Мы все чувствовали, что его дружеский, зоркий глаз неустанно следит за нами, и с великой... готовностью он спешил навстречу, если только убеждался в том, что товарищи находятся в затруднительном положении.

М. А. Сильвин:

...Я зачастил к Владимиру Ильичу на Большой Казачий переулок (ныне переулок Ильича), № 7, где он вскоре поселился и жил до самой весны 1895 года. Я заходил к нему обыкновенно по вечерам от восьми до девяти передать какое-нибудь сообщение «по делу», а иногда просто поговорить, всегда узнавая от него что-нибудь интересное. В моменты тяжких раздумий или душевной депрессии я приходил к Владимиру Ильичу искать моральной опоры.

В таком угнетенном состоянии духа пришел я к нему однажды осенью 1894 года с похорон Александра III, на которые мы с Ваневым пошли посмотреть из любопытства.

Зрелище пышной, предназначенной для толпы демонстрации величия и мощи царизма было внушительно. Отряды армии и флота со своими знаменами, пушки, парадно разодетые казачьи части, двор со всей его челядью, свита и знать, дипломатические представители и депутаты и, главное, почтительное безмолвие толпы за шпалерами войск производили желаемое впечатление.

Это безмолвие толпы, символизовавшей страну, казалось залогом ее покорности режиму...

В довольно мрачном настроении пришел я к Владимиру Ильичу в этот день. Разбудим ли мы когда-нибудь эту массу? Сможем ли мы когда-нибудь противопоставить всему этому свои демонстрации? Сломим ли мы когда-нибудь эту силу, царизм? Владимир Ильич ободрил меня, говоря, что революционное движение всегда развивается быстрее, чем этого ожидают...

— Вы увидите, мы скоро вырастем в настоящую партию. Подобно тому как в начале XIX века немцы переживали в философии то, что французы и англичане переживали на практике, мы в нашем мышлении, в нашей социологической полемике переживаем процессы развития новых форм жизни, соответствующие давно изменившемуся ее содержанию. Революция придет, и мы выйдем на свет как коммунистическая партия, готовая выполнить свою задачу.

С. П. Невзорова-Шестернина:

...На другой день после посещения врачей сижу я в своей маленькой комнате, завернувшись в теплый платок. Сил совсем еще мало. Вдруг отворяется дверь и входит Владимир Ильич — я была прямо поражена. А он берет стул, садится рядом со мной и так хорошо и тепло расспрашивает меня о моем здоровье, о моем самочувствии, о моей поездке в Нижний. До сих пор так ясно помню его милое, ласковое лицо. Глубоко тронуло меня его товарищеское внимание. Он тогда много работал, был очень занят и все-таки нашел минуту забежать к больному товарищу.

М. А. Сильвин:

...Ленин всегда... находил время для того, чтобы просто быть хорошим товарищем или другом.

В январе 1895 года, приехав из Нижнего, я, должно быть, простудился в дороге и больным поселился в каких-то меблированных комнатах по Гороховой улице в доме, кажется, № 34 (на углу Садовой); Владимир Ильич, узнав о моем беспомощном положении, пришел навестить меня, вызвал ко мне врача, всячески хотел помочь мне.

М. М. Эссен: Владимир Ильич был безгранично внимателен к тем, кто шел в ногу с партией, кто боролся за революционный марксизм, за дело освобождения рабочего класса, за социализм, но был беспощаден к своим политическим противникам, был непреклонен при защите своих принципиальных позиций.

Г. М. Кржижа-новский: ...Верный друг и чуткий товарищ для своих подлинных друзей, для работников той пролетарской партии, интересам которой он посвятил безраздельно всю свою жизнь, он (*Владимир Ильич*) был всегда и всюду непримиримейшим врагом всякого филистерства и обывательщины, всякого примиренчества с болотной обстановкой среды, в какие бы оболочки это примиренчество ни закутывалось.

Н. К. Крупская: ...Чуткость и отзывчивость ни в каком противоречии с суровой непримиримостью и ненавистью к врагам революции не находятся. Чуткое, внимательное отношение к людям должно быть присуще каждому коммунисту. В корне неправильно считать, что в Ильиче было два человека: один в домашнем быту — веселый, улыбающийся, внимательный к людям, чуткий — и другой в общественной жизни — не улыбка, не интересующийся людьми, тем, чем они живут, что думают. Двух людей не было в Ильиче. Как в быту, так и в борьбе он был один и тот же. Нельзя изображать его каким-то двуликим. Он был замечательно цельным человеком.

М. К. Названов: ...Все Ульяновы были сдержанны в проявлениях своих чувств, и Владимир Ильич в своих отношениях к родным не составлял в этом отношении исключения. Но за этой сдержанностью и отсутствием сентиментальности чувствовалось заботливое отношение к матери и сестрам.

М. М. Эссен: Больше всего трогало меня в Ленине его какое-то поразительное внимание, которым он окружал своих близких.

Из письма В. И. Ленина матери 5 октября 1893 года:

Напиши, в каком положении твои финансы... Много ли осталось... после расходов на переезд и устройство?

Из писем В. И. Ленина младшей сестре Марии Ильиничне.

*Октябрь
1893 года:* Напиши, много ли проводишь времени за уроками дома?..

Как идут занятия у Мити?

*13 декабря
1894 года:* Как твоё здоровье, Маняша? Мне писали, что ты уже ходишь в гимназию.

Следовало бы заставить себя гулять ежедневно часа по два...

Что ты подделываешь кроме гимназических занятий? Что читаешь?..

Здорова ли мама? Поцелуй ее за меня.

*24 декабря
1894 года:* Основательно ли гуляешь теперь? Вероятно, нет. Почему бы тебе не кататься на коньках? Ты скажешь опять: «скучно». Да ведь нельзя же доводить себя до такой слабости: «веселого» тут еще меньше. Надо себя заставить.

27 мая 1895 года Владимир Ильич пишет матери из Парижа:

Ужасно жаль, что такая нелепость вышла с Митиной болезнью; я не понимаю, каким это образом можно отказать человеку в отсрочке экзамена, если у него есть медицинское свидетельство о болезни. Почему он не хочет хлопотать дальше? что за охота терять год? — У Маняши, вероятно, кончаются уже теперь экзамены или кончила. Следовало бы ей хорошенько отдохнуть летом.

6 июля в письме из Швейцарии он спрашивает мать:

Как довольны вы своим путешествием по Волге? Что нового там? Все ли здоровы?

*26 августа в письме матери
перед отъездом из Германии в Россию:*

Не нужно ли чего-нибудь привезти? Я могу купить здесь всяких вещей в каком-нибудь большом магазине, и, как кажется, фабрикаты здесь дешевле нашего и, вероятно, лучше. Может быть, Мите нужны какие-нибудь книги — пусть напишет [напр., может быть, атлас какой-нибудь анатомический или какая-нибудь другая медицинская штука] и Маняша тоже. Если она не имеет ничего в виду, — может быть, ты или Аня посоветуете мне, что привезти ей.

Из писем В. И. Ленина старшей сестре Анне Ильиничне.

*12 января
1896 года:* Здорова ли мама и остальные у нас дома?

14 января: Очень рад, что мама и Марк поправились.

16 января: Я очень боюсь, что причиняю тебе слишком много хлопот. Пожалуйста, не трудись чересчур — особенно относительно доставки книг по списку: это все успеется...

М. И. Ульянова: По печатаемым... письмам Владимира Ильича можно судить и об отношении его к родным и, до некоторой степени, к людям вообще. Сколько внимания и заботливости проявляется к ним в этих письмах! Владимир Ильич был очень привязан к своим родным, особенно к матери, и заботы о том, чтобы ей лучше, покойнее и удобнее жилось, сквозят во всех письмах как непосредственно к ней, так и к другим членам нашей семьи...

Много внимания уделял всегда Владимир Ильич и своим сестрам и брату, а также М. Т. Елизарову, интересуюсь постоянно тем, как они живут, как чувствуют себя, имеют ли заработок, хорошо ли отдыхают и т. п.

Богатырь земли русской

*Г. М. Кржижановский о Карле Марксе
и Владимире Ильиче Ленине:*

...Нет в мировой истории других, более высоких образов проникновенной любви к той части человеческого коллектива, с которой эти суровые в борьбе люди связывали будущее всего человечества. Рабочие всего мира не забудут тех пламенных строк, которые посвящены в творениях Маркса и Ленина защите их передовых позиций.

П. Н. Лепешинский:

Между Марксом и Лениным было много общего не только с точки зрения общности их мировоззрения, но и сходства их индивидуальных особенностей, характеризующих революционное лицо того и другого. Да это и понятно. Оба они счастливо сочетали в себе все те черты, которые бывают присущи каждому великому человеку, подлинному вождю революционных классов. Не только определенные навыки мысли, но и темперамент, революционная страстность, непоколебимая преданность рабочему классу, неугасимая ненависть к враждебным классам, стойкость в борьбе, отсутствие интеллигентской расхлябанности, способность не только восторгаться победами своего класса, но и не хныкать в случае его временных поражений — все это и

многое другое составляет основные черты людей, которых история ставит в центре классовой борьбы угнетенных всего мира против их угнетателей.

М. А. Багаев:

...Мы слышали о талантливом организаторе и крупном теоретике марксизма В. И. Ульянове (Ленине). Он уже тогда выделялся как вождь нелегальной социал-демократической организации, и учащиеся (*М. А. Сильвин, сестры Невзоровы и другие*) о нем отзывались как о русском Марксе.

Г. М. Кржижа-новский:

...Необычные судьбы Ленина станут более понятными, если мы подчеркнем еще один момент в характеристике Ленина юных лет. Я бы позволил себе сказать, что в нем и тогда уже сказывалось нечто особо его роднящее с великой стихией русского народа.

Один из величайших художников мира — Л. Н. Толстой, поражающий миллионы своих читателей удивительно правдивым воспроизведением картин самой жизни, не случайно пишет в своих «Севастопольских рассказах»:

«Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда»...

Ленину особо свойственны черты ясной правдивости, непримиримой вражды ко всякой ходульности, ко всему тому, что шло вразрез с подлинной правдой жизни...

Ленин, как никто, умел ценить здравую находчивость нашего народа в самых трудных положениях, его меньше без лишних слов, не считаясь с преходящими судьбами отдельных людей, отдавать себя во имя величия неумирающего целого — Родины.

Вот почему, думается нам, великий правдоискатель — российский народ и великий правдолюбец Ленин так быстро нашли друг друга и так крепко сроднились.

...Придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я и не беру на себя ее решение, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала. Задача эта большая и трудная: «Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». На первый взгляд он не импонировал. Но припомните, как говорил Маркс об отличительных свойствах пролетарских революций по сравнению с буржуазными. Если верно, что самая сущность движения пролетариата

исключает внешнюю фееричность и показной драматизм в действиях главного героя этих революций — народной массы, то не вправе ли мы ожидать выявления особой, так сказать, простоты и в тех лицах, на долю которых выпадает крупная историческая роль истинных вождей пролетариата? Во всяком случае это отсутствие внешнего, показного блеска было отличительной чертой Владимира Ильича.

Начнем хотя бы с простой, скромной внешности Владимира Ильича. Его невысокая фигура в обычном картузике легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком — вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, — было в его облике именно нечто как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови. Но стоило взглянуться в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности, как только вы начинали несколько ближе всматриваться в его облик. Недаром один известный французский скульптор (*Н. Л. Аронсон*), вероятно не предчувствовавший дальнейшей исторической деятельности Владимира Ильича, тем не менее был так поражен и восхищен превосходными очертаниями его лба, что буквально преследовал его в Париже своими предложениями вылепить его голову, обладавшую, по мнению этого художника, особой духовной красотой. Он находил громадное сходство в очертаниях лба Владимира Ильича со скульптурами, изображавшими великого мыслителя древности Сократа.

Однако с гораздо большей силой сказывалась духовная сущность Владимира Ильича не в его внешности, а в процессе общения с людьми. Неоднократно бывая с Владимиром Ильичем в таких коллективах, которые не имели возможности знать о нем ранее, я всегда наперед предвидел то несомненное, что должно было случиться. Это несомненное заключалось в том, что, где бы ни появлялся Владимир Ильич и в каком бы окружении он ни появлялся, раз только его посещение было связано с необходимостью высказать-

ся по существу, заранее можно было сказать, что он немедленно станет центром общего внимания. Никаких крикливых, громких слов он не скажет, но все, что он скажет, будет так веско и многозначительно, так метко и выразительно, что исключительная одаренность человека, могущего говорить так, станет для всех очевидной...

Простая на первый взгляд внешность, но именно только на первый взгляд, а затем та же внешность, необычайно привлекательная по своему озарению особой духовной красотой, простые слова его речи, но в таком сочетании, в котором немедленно сказывается концентрированная, необычайная мощь его интеллекта,— это, конечно, лишь некоторые отдельные штрихи гениальной личности Владимира Ильича...

Бурным и дерзким был этот верный сын могучего русского народа. И уже начало революционной деятельности молодого Ленина предвещало, что суждено ему стать одним из славнейших богатырей земли русской.

М. Стеклов:

История знает многих выдающихся деятелей в различных областях жизни, в науке, политике, общественной работе и прочее. Но ни один из них с Лениным сравниться не может. *В Ленине поражает гармоническое соединение всех талантов...* Это гений разносторонний, чтобы не сказать — всесторонний.

И однако не этим одним объясняется популярность Ленина, не этим целиком исчерпывается его право на почетнейшее место в пантеоне великих людей. Суть дела заключается в том, что в отличие от других великих исторических героев Ленин поставил себе задачу *освобождение трудящихся масс, а значит, и освобождение всего человечества, уничтожение гнета и эксплуатации во всех их формах и разновидностях.* Не только поставил себе эту задачу, но и начал осуществлять ее на практике. И не просто начал осуществлять ее в жизни, но и создал условия, при которых дело освобождения человечества впервые поставлено на твердую почву.

С тех пор как существует человеческая история, с тех пор как началась борьба классов, из среды пораженных непрерывно выдвигались все новые и новые борцы и вожди... Начиная с XVI века выдвигаются крупнейшие фигуры борцов за освобождение эксплуатируемых масс: Томас Мюнцер, Иоанн Лейденский, Грахк Бабеф, Огюст Бланки, Лассаль, Бакунин, Чернышевский, Энгельс, Гед, Жорес, деятели Парижской Коммуны и величайший из них, Карл Маркс,— много

их было, и не перечислить их заслуг в короткой заметке. И вот все то, что принесли в мир с собою эти выдающиеся деятели и стоявшие за ними многомиллионные угнетенные массы, *все это объединил в своей душе и сознании Ленин, для того чтобы претворить принципы в дело и открыть этим новую, славнейшую страницу мировой истории.* То, о чем великие революционеры мечтали, то, что лучшие и проникательнейшие из них подготовляли, Ленин начал первый осуществлять на практике. Начинали и другие, пытались строить и другие, не останавливаясь ни перед какими жертвами, отдавая свою жизнь за дело поработенных братьев, но Ленин первый положил угловой камень в здание мирового освобождения, Ленин первый положил начало делу, которого не одолеть никаким возвратным приступом реакции...

Гений должен прежде всего *суметь понять ход исторического процесса*, выдвигаемые им задачи, взаимное отношение борющихся социальных сил, найти точку приложения накопившейся социальной энергии. Это Ленин умел делать, как никто. Маркс и его школа подготовили в этом отношении путь для Ленина. Гениальный анализ развития капиталистического общества, который дан в работах Маркса и Энгельса, подвел прочный теоретический и отчетливые практический фундамент под растущее движение международного пролетариата. Ленин не остановился на достигнутых его предшественниками результатах. Он повел дальше их теоретический анализ. Он применил основные выработанные ими положения к новой стадии развития капитализма...

Ленин сумел понять не только ход исторического процесса и выдвигаемые им на очередь дня задачи, но он сумел и *подготовить условия победы рабочего класса.* История знает многочисленные примеры народных революций, восстаний угнетенных масс, которые все кончались поражением. Этой участи не избежали и первые пролетарские восстания, как мятеж «национальных мастерских» в июне 1848 года в Париже, как Парижская Коммуна 1871 года и т. д. Ленин хотел *такой* рабочей революции, которая, в отличие от предыдущих, закончилась бы не поражением, а победой. И *вся его работа, теоретическая и организационная,* с юных лет и до самой смерти, свелась к тому, чтобы найти и осуществить те условия, при которых раз отвоёванные пролетариатом позиции не могли бы быть вырваны из его рук враждебными классами. И это, пожалуй, *одна из главных заслуг Ленина.*

Глава вторая

Среди питерских рабочих

Русские Бебелы

Народовольцы и социал-демократы

К рабочим с Марксом

«Поговорим о социализме...»

Николай Петрович

Каждый завод — наша крепость

За Невской заставой

Первая листовка

Забастовка в Новом порту

Русские Бебелы

В. И. Ленин:

Капитализм довел главные отрасли промышленности до стадии крупной машинной индустрии; обобществив таким образом производство, он создал материальные условия новых порядков и в то же время создал новую социальную силу: класс фабрично-заводских рабочих, городского пролетариата. Подвергаясь такой же буржуазной эксплуатации, каковою является по своей экономической сущности эксплуатация всего трудящегося населения России,— этот класс поставлен, однако, в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он ничем не связан уже со старым, целиком построенным на эксплуатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что социал-демократы обратили все свое внимание и все надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат.

Н. К. Крупская:

Это были 90-е годы. Тогда он (*В. И. Ленин*) не мог говорить на митингах. Он пошел в Петроград (*тогда еще Петербург*), в рабочие кружки. Пошел рассказывать то, что он сам узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он у него нашел. Пришел он к рабочим не как надменный учитель, а как товарищ.

Н. И. Подвойский:

Ленин... начинал свою революционную работу среди отдельных рабочих, среди рабочих групп, старался сам от них научиться, узнать то, чего он не мог узнать из книг, чего не мог добиться размышлениями и наблюдениями.

В. И. Ленин:

Из петербургских рабочих, действовавших в то время, можно назвать Василия Андреевича Шелгунова, который впоследствии ослеп и лишен был возможности действовать с прежней активностью, и Ивана Васильевича Бабушкина, горячего «искровца» (1900—1903) и «большевика» (1903—1905), который был расстрелян за участие в восстании в Сибири в конце 1905 или в начале 1906 года.

Н. К. Крупская:

В числе старых товарищей, встретивших Ленина в день его приезда (*в Россию в 1917 году*), был слепой

ветеран русского социал-демократического движения, рабочий, имя которого хорошо знакомо многим петербургским пролетариям, Василий Андреевич Шелгунов.

Из воспоминаний Ивана Ольбрахта о II конгрессе Коминтерна:

Когда члены Исполнительного Комитета партии заняли свои места в президиуме, на сцену вышел и тов. Ленин. Он обвел взглядом огромный зал собрания, потом почему-то вдруг спустился в партер и направился вверх по проходу амфитеатра. Все оборачивались и не сводили с него глаз. Где-то в задних рядах сидел старый друг Ленина, ослепший питерский рабочий и революционер Шелгунов...

Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом. Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и оба борца крепко расцеловались.

Вот и все. Мне кажется, что они не сказали друг другу ни слова.

И все же их встреча была прекрасна своей яркой человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось.

В. А. Шелгунов: В 1877 году, 9 лет, я поступил на чугунолитейный завод Петрова и нагревал там трубочки для шпшек, получая 65 копеек в день при 11-часовом рабочем дне. Через 5 месяцев я заболел брюшным тифом. Завод пришлось оставить; в школу тоже ходить не мог — болели глаза, а учиться хотелось...

Помню первое марта 1881 года¹⁴... В (*переплетную*) мастерскую (*где в то время работал Шелгунов*) пришли чиновники и конфисковали журнал «Слово». Тут только впервые я узнал, что есть книжки, которые можно читать, и есть такие, какие читать нельзя. В марте из журнала «Новое обозрение» в мастерской стали делать вырезки запрещенных мест, и я начал почитать газеты...

В переплетной же появился у меня интерес к книге вообще... Иногда читали вслух, читал я тогда недурно. Из книг мне больше нравились тогда Некрасов и Шевченко...

Осенью... 1885 года поступил чернорабочим на судостроительный завод «Новое Адмиралтейство» за 50 копеек в день. За поступление отец дал взятку 5 рублей жене указателя (мастера).

По дороге на работу прочитал объявление о вечерней школе, где преподавались физика, химия, геометрия, география... Я был принят в 1-й класс, где

проучился с месяц, изучил 4 правила арифметики и мог делать правильные переносы, обогнав других... В 3-м классе, когда стали преподавать космографию, геометрию, стал беседовать с товарищами-учениками. Критиковали библию, сотворение мира, критиковали то, что говорил священник.

В 3-м классе один из учеников дал мне первую нелегальную книжку: «Слово на Великий Пяток» Тихона Задонского, потом — «Царь-голод»...

В 1888 году я призывался и был забракован; в этом же году окончил и вечернюю школу...

Общество «Борьба» организовалось нелегально и преследовало уже революционные цели—просвещение и пропаганду среди рабочих. Членский взнос — по 25 копеек в месяц. Казначей и главный руководитель был Климанов¹⁵. Я ушел на службу в солдаты; но связь поддерживал... Помню, состоялась в Питере вечеринка рабочих-революционеров, куда был приглашен и я. Собралось человек 30. Я умышленно явился в солдатской форме, чтобы показать, что и солдаты принимают участие...

Получал я книжки через Бруснева¹⁶, когда приезжал в Питер в отпуск, а сам писал им с подписью «Солдат»; книжки эти я давал читать солдатам в казарме...

По выходе с военной службы я приехал в Питер и поступил на Путиловский завод за 70 копеек в день. В 1893 году летом перешел на Балтийский завод, получая 1 рубль 30 копеек в день, а после ареста рабочей группы в 1894 году ушел с него и поступил на Обуховский завод за 1 рубль 40 копеек в день. Многие товарищи уже были арестованы, и только после некоторых розысков удалось мне найти Владимира Илларионовича Прошина¹⁷.

Прошин имел связь с интеллигенцией, и я обратился к нему с просьбой свести меня с кем-либо из интеллигентов с целью подготовиться на звание учителя. Это было сделано с двойным умыслом: во-первых, с целью конспирации; во-вторых, подготовиться по-больше по общему образованию.

К. М. Тахтарев:

Василий Андреевич Шелгунов казался мне положительно самым выдающимся рабочим, каких я когда-либо знал... Он отдался целиком рабочему делу и был головою рабочего движения, как называл его Бабушкин. Я бывал у него, и меня удивляли чистота и уют его комнаты, где все было аккуратно прибрано, словно женской рукой. На полке лежали в определенном порядке книги, журналы и газеты, за которыми он вни-

мательно следил. Несмотря на недостаток времени, он очень много читал, интересуясь самыми различными вопросами... Василий Андреевич пользовался всякими способами, чтобы пополнить свое образование, и его можно было увидеть иногда и на какой-нибудь публичной лекции в городе, и даже в университете, на защите особо интересной в общественном отношении научной диссертации... В. А. Шелгунов в это время имел очень обширный круг знакомств как среди рабочих, так и среди интеллигенции, социал-демократической в особенности.

В. А. Шелгунов: Владимир Илларионович (*Прошин*) свел меня с Германом Борисовичем Красиным (в конце 1892 года или в начале 1893 года). Первые несколько уроков были посвящены исключительно грамматике и арифметике, но дальше, установив общих знакомых, грамоту забросили — разговоры стали политические. Я брал книжки: К. Маркса «Наемный труд и капитал» и другие. Тут же я познакомился с Глебом Максимилиановичем Кржижановским... Герман Красин познакомил меня с литератором; это был В. И. Ленин.

...Когда меня познакомили с другими интеллигентами — Старковым, Кржижановским, Ваневым, — то это происходило просто: назначали свидание или посылали по определенному адресу и никаких особых характеристик о них не давали. Но когда Герман Борисович (*Красин*) заговорил со мной о Владимире Ильиче, то сказал:

— С вами хочет познакомиться один очень интересный человек, который пишет.

Конечно, в это слово «пишет» вкладывался смысл, что он пишет то, что нужно для нас...

Свидание было назначено у Германа Борисовича... Я пришел в назначенное время, и минут через пять в комнату вошел человек. Одет он был больше чем скромно... Когда он снял фуражку, то мне представился лоб с уже намечающимися углами лысинки, рыженькие усы и бородка, видно еще не стриженная...

Хотя он вошел непринужденно, просто и как-то весело поздоровался, но настоящее лицо его я увидел только в процессе разговора.

У Германа Борисовича на столе лежала книга Николая — она «Очерки нашего пореформенного (*общественного*) хозяйства». Как-то сразу мы об этой книге и заговорили. В то время о ней вообще много говорили. Не помню, в каких выражениях, но Владимир Ильич говорил об этой книге как-то пренебрежительно. Я эту книгу тоже просматривал и, может

быть, под влиянием разговоров с Германом Борисовичем, но, как мне тогда казалось, я имел и свой собственный взгляд, и в особенности на взгляды этого писателя на характер развития нашей промышленности, высказал свое мнение, которое сходилось с мнением Владимира Ильича...

Говорили мы недолго. Владимир Ильич дал мне адрес своей квартиры.

...Вошел я тогда в квартиру (*Владимира Ильича*) — его дверь была направо; показавшаяся хозяйка говорит:

— Кого надо?

Я назвал. Она открыла дверь. Он мне навстречу:

— Как раз,— говорит,— кстати пришли, у меня есть интересная книжка.

На столе лежит немецкая книжка (*«Промышленные синдикаты, картели и тресты» Бруно Шенланка*). Я хочу сказать, что немецкого не знаю, а он свое:

— Мы сейчас будем читать.

И он начал читать эту книжку по-русски. Читал он ее так бегло, что если бы я был за ширмой, то не поверил бы, что можно так бегло читать с немецкого. Книга говорила о «синдикатах, картелях и трестах». На книжку эту он потратил часа 3, не меньше. Закончили мы ее; он сразу же стал задавать мне вопросы. Конечно, когда он начал читать книжку, я не думал, что это так будет проходить. Как с Красным мы читали, так, думаю, и тут он читает, чтобы пропагандировать меня. Но он начал задавать мне массу вопросов. Я тогда даже сразу не понял, почему он так усердно читал эту книжку и затратил на это только на одного человека целых 3 часа. Ушел я от него довольно поздно. Потом только я понял, что это был прием Владимира Ильича. Вопросами он пытался изучить меня, а через меня и ту обстановку, в которой я нахожусь, и тех, с которыми я вхожу в общение...

Мне пришлось встретить еще одного человека... это Струве. Я с ним встретился у Александры Михайловны Калмыковой. После некоторых разговоров я ему предложил:

— А вот вы бы согласились читать у нас на политических кружках?

Он скорчил физиономию какого-то божества,— очевидно, ему и хотелось, но в то же время, прикидывая в уме, не будет ли это с его стороны большой щедростью, он сказал:

— Видите ли, у меня сейчас более серьезные задачи, я решил посвятить себя более серьезному труду.

Сопоставьте теперь... ответ Струве мне и манеру Владимира Ильича, который считал нужным, важным делом прочесть только одному лицу почти целую книжку и затратить на это 3 часа. Мы здесь видим два разных подхода к рабочим массам.

Г. М. Фишер:

С Владимиром Ильичем мы проходили вопрос о положении народного хозяйства. Владимир Ильич читал со мной, вернее, я читал, а он объяснял непонятные места книги Николая — она «Наше пореформенное хозяйство» (точнее, «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»). В этой книге, написанной в доказательство взглядов народников, как раз было много материала, опровергающего эту точку зрения, и это послужило поводом Владимиру Ильичу доказывать как раз обратное тому, о чем писал автор. В руках Владимира Ильича эта книга для меня стала неопровержимым доказательством существования и развития капиталистических отношений в отсталой России. Мною была усвоена прочтенная под руководством Ильича книга Николая — она. Такое понимание помогло нам (я пишу «нам», потому что мы, рабочие, делились друг с другом) разобраться в разногласиях, существовавших между группой «Народной воли» и группой социал-демократов.

Был я у Ильича несколько раз, и его образ или, лучше, способ подхода остался у меня в памяти на всю жизнь.

И. И. Яковлев:

Осенью 1894 года не помню точно кто, Фишер или Шелгунов направили меня к Владимиру Ильичу Ленину для изучения «Капитала» Маркса, и я ходил к нему всю зиму, каждое воскресенье от 10 до 12 часов дня... Меня провели в небольшую комнатку...

Смотрю, за столом сидит рыжеватый, лысый человек и пишет. Увидев меня, отложил свою работу и, наскоро допив чай, стал меня спрашивать: где я работаю, как обстоят дела на заводе, что и как я проходил в кружках, и лишь после этого стал читать Маркса. Конечно, из чтения я немного почерпнул бы — ведь я и сам умел читать, — но каждый абзац, где встречались какие-либо трудности, он объяснял, и объяснял так, как только он один и мог: коротко и ясно. За все время наших занятий я никого у него не встречал и лишь один раз в дверях столкнулся с В. А. Шелгуновым.

В. И. Ленин:

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают

идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движение обещает не отстать в этом отношении от европейского.

П. Ф. Куделли:

В занятиях с рабочими Владимир Ильич преследовал цель воспитать из более способных рабочих твердых, убежденных и преданных профессионалов-революционеров, то есть таких, которые уже не работают на предприятиях, а исключительно занимаются революционной деятельностью и способны вести работу самостоятельно, где бы ни пришлось им жить по волье охранного отделения и царской полиции...

При подпольных условиях работы в то время он считал настоятельно необходимой организацию революционеров-профессионалов как из интеллигенции, так в особенности из рабочих, которые имели бы возможность все свое время отдавать делу революции...

Мы видим, что Владимир Ильич старался поднять рабочего на высшую ступень, сделать его сознательным борцом за дело пролетариата, заложить остов пролетарской партии в России. И усилия его не пропали даром. Несмотря на краткий срок своей подпольной работы в 90-е годы среди петербургских рабочих (неполных два года: 9 декабря 1895 года Владимир Ильич был арестован), он воспитал несколько десятков петербургских рабочих, сыгравших большую роль не только в петербургском, но и в общероссийском рабочем движении. В партийной работе они были верными проводниками ленинских идей, ленинских организационных и тактических взглядов.

В. И. Ленин:

Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — тогда с этими отрядами не совладеет никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс.

Народовольцы и социал-демократы

Н. К. Крупская: Еще до того времени, как возникла в России социал-демократическая рабочая партия, из которой выросла потом наша большевистская коммунистическая партия, была партия «Народной воли», которая вела борьбу против царского гнета, вела борьбу с произволом царских чиновников, стояла за крестьянство, темное тогда, забитое. В партии «Народной воли» было много героев, которые, идя на убийство царя, его чиновников, жандармов, сознательно шли на верную смерть во имя дела. С величайшим уважением относился Ленин к героям «Народной воли», хотя и считал, что они идут по неправильному пути, что изменить существующий строй можно лишь усилиями миллионов организованных масс, их борьбой, а не борьбой одиночек.

П. Н. Лепешинский: ...Революционная работа... выходцев из народо-вольческих организаций носила в то время... характер приспособления к неустойчиво растущему рабочему движению...

В центрах рабочего движения жизнь забила ключом. Стаечная волна подняла полуразбитое суденышко русской революции с мели реакции и бросила его вместе с обновленным его командным составом в водоворот бурной политической жизни...

Как известно, главная роль по работе среди петербургского пролетариата в 1894—1895 годах принадлежала группе социал-демократов...

Следующую ступень занимали народовольцы, по большей части предоставленные самим себе и действовавшие за свой собственный риск и страх.

Хотя... условия революционного момента на практике сближали их работу с однородной деятельностью социал-демократических кружков, но ни идейной выдержки, ни определенности в методах работы у них, конечно, не могло быть. Центр притяжения у всех этих элементов был общий, но если группу В. И. Ульянова можно было бы сравнить с планетой, окончательно сформировавшейся из революционных сгустков, то одиночек из народо-вольческой «туманности» хочется уподобить блуждающим кометам, которые то приближаются к своему центру тяготения, то удаляются от него черт знает на какое расстояние.

А. И. Ульянова-Елизарова: Полиция, власти считали тогда... опаснее представителей народо-вольчества, идущих на насилие, несущих

щих смерть для других и ставящих на карту и свою жизнь. По сравнению с ними социал-демократы, ставящие себе целью мирную пропаганду среди рабочих, казались мало опасными. «Маленькая кучка, да когда-то что будет — через пятьдесят лет», — говорил о них директор департамента полиции Зволянский.

Таково же приблизительно было воззрение на социал-демократов и в обществе. Если такой руководитель умов того времени, как Михайловский, настолько не понимал взглядов Маркса, что не видел — или загушевывал — революционное значение их, то чего же можно было ожидать от широких слоев.

В. А. Шелгунов: ...Когда в один и тот же кружок протестантски настроенных рабочих приходили представители (народовольческого и социал-демократического), то рабочие задавали себе вопрос, почему это и те и другие как будто хотят устроить все к лучшему, а между тем у них у самих чувствуется какое-то несогласие. Для рабочих интеллигент или студент представлялся какой-то неоспоримой истиной. И когда рабочий слышал, что один начинает оспаривать то, что говорит другой, то он становился в какой-то тупик и некоторые из начинающих рабочих просто отходили прочь, говоря: «Да они и сами не знают, что нужно делать». Более же определенные рабочие, конечно, не отходили прочь, но под влиянием этих споров стали задаваться вопросом, как бы сделать так, чтобы не было разногласий. С этой целью некоторые отдельные рабочие делали наивные попытки уговорить интеллигентов не спорить между собой, так как это вредит общему делу пробуждения рабочих. Убедившись же, что из этого ничего не выйдет, решили позвать и тех и других для того, чтобы выслушать, в чем заключается разница взглядов как одной группы интеллигенции, так и другой. С этой целью в декабре 1893 года на моей квартире был устроен диспут: со стороны народовольцев был некий Сущинский, по кличке Василий Михайлович¹⁸, и с ним еще какой-то другой, ни фамилии, ни клички которого я не знал; со стороны социал-демократов были Василий Васильевич Старков и Герман Борисович Красин. Из рабочих присутствовали кроме меня Фишер, И. И. Кейзер (расстрелянный в 1920 году в январе белыми) и Константин Максимович Норинский. Перед нами были изложены взгляды как народовольцев, так и социал-демократов. Разницу мы усмотрели только в том, что народовольцы хотят немедленно вести агитацию, как нам показалось, за чемедленный переворот, а социал-

демократы говорили, что нужно сперва вести более глубокую пропаганду. Из нас четверых тут же выяснилось, что один склонялся больше к народовольчеству, хотя нам казалось, думали, что мы только протестанты и разницы между собой никакой не чувствовали. Впоследствии, когда стали организовываться пропагандистские кружки, мы увидели, что разница есть и что уничтожить ее просто нам не удастся; тогда мы задались целью выяснить себе на более широком собрании, кого нужно допустить к работе в более широких кружках.

С этой целью в марте 1894 года мы решили устроить новый диспут, на который пригласили рабочих по возможности со всех районов Петербурга. Кроме нас четверых, то есть Фишера, Кейзера, Норинского и меня, было еще приглашено человек 15 как рабочих, так и рабочих. Со стороны народовольцев на этом собрании присутствовали: Сущинский, Зотов¹⁹ и Михаил Степанович Александров-Ольминский. Со стороны социал-демократов — Василий Васильевич Старков, Герман Борисович Красин и, кажется, Степан Иванович Радченко. Кроме того, нами были приглашены еще помимо этих двух групп два интеллигента: Константин Михайлович Тахтарев и Николай Николаевич Михайлов, зубной врач (известный по «Союзу борьбы» провокатор). Со стороны народовольцев был приглашен один рабочий Василий Кузьмич Кузюткин (*Кузьмин*), как впоследствии выяснилось тоже провокатор. На этом собрании после заслушивания докладов как социал-демократов, так и народовольцев мы постановили, чтобы интеллигенты в кружках говорили только то, что считает нужным рабочая организация. На этом собрании выяснилось, что все рабочие, за исключением Кузюткина, соглашались с социал-демократами, ввиду этого мы пришли к выводу, чтобы народовольцы в кружках вели социал-демократическую пропаганду. С этой целью во всякий кружок, куда шел народовец, должен был идти один из более передовых рабочих, для того чтобы, как мы выражались, «одергивать» интеллигента...

Осенью 1895 года, когда съезжается студенчество, ко мне за Невскую заставу снова начали ходить Василий Васильевич Старков и Александр Леонтьевич Малченко, и вообще интеллигенция, группировавшаяся около Владимира Ильича.

П. Ф. Куделли:

Работая в рабочих кружках как пропагандист и агитатор, выступая с теоретическими докладами среди марксистской интеллигенции того времени, он

С. И. Радченко

Г. Б. Красин

Г. М. Кржижановский

М. А. Сильвин

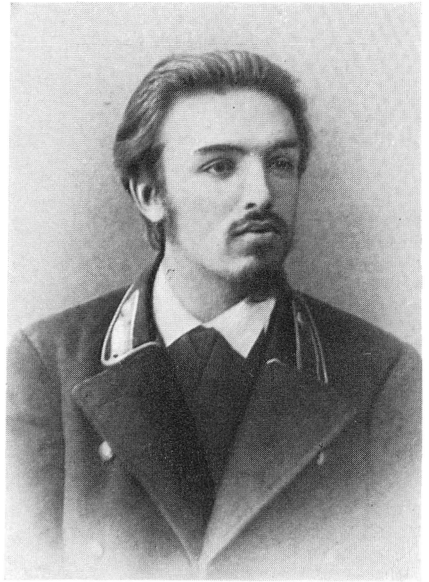
В. В. Старков

А. А. Ванев

П. К. Запорожец

А. Л. Малченко

(Владимир Ильич) тогда уже прокладывал путь к победе революционного марксизма над пережитками народофильских взглядов и всяческими извращениями научного социализма, подготавливая основу для создания рабочей партии.

К рабочим с Марксом

В. А. Шелгунов: Владимир Ильич живо интересовался положением питерских рабочих: кто из них участвует в кружках и есть ли у меня знакомые рабочие, способные руководить кружками.

...Я ему назвал товарищей по центральному кружку, и он тут же попросил, чтобы я его с ними познакомил.

Н. К. Крупская: ...Были отдельные сознательные рабочие. Из этих сознательных рабочих Шелгунов организовал небольшой кружок за Невской заставой, где он вел среди рабочих энергичную организаторскую и пропагандистскую работу. В этот кружок ездил каждое воскресенье Ленин...

М. А. Сильвин: По воскресеньям утром, часов в одиннадцать, приходил пропагандист в прибранную по-праздничному комнату, в которой жил ее хозяин, часто бывший главой, организатором кружка... На овальном старомодном столе перед диваном водружался огромный «хозяинский» самовар со всеми принадлежностями чаепития, ставился белый, нарезанный большими кусками хлеб, масло. На случай неожиданного посещения дворника или полицейского чина ставилась на стол бутылка водки, так и остававшаяся непочатой до ухода пропагандиста. О чае, вообще об угощении никто не думал, все это было только декорацией, потому что собравшиеся позавтракали уже до этого...

Близ порта, в прилегающих к нему улицах, или в линиях Васильевского острова, в районе Гавани и Балтийского завода население жило менее скученно, чем за Невской или Нарвской заставой или на Обводном канале, где пропагандист в дешевых, до отказа переполненных квартирах с трудом находил искомленную комнату, узкую, как щель, душную, убого обставленную; да еще иной раз хозяин комнаты был семейный человек и жена его, с грудным ребенком на руках, простая женщина, не искусенная в отвлеченном мышлении, сидела тут же на кровати, внимательно прислушиваясь к разговору четырех-пяти членов кружка...

Один из рабочих кружков, которым руководил Владимир Ильич, собирался в комнате Шелгунова в доме № 23 по Ново-Александровской улице...

Ниже в социальном отношении стоявшие рабочие, так или иначе, родством или повинностями, связанные с деревней, у которых еще свежа была в памяти вся тьма деревенского существования: и трудности в получении паспорта, и принудительные платежи за землю, давно брошенную, высокомерие и алчность помещиков и кулаков, и произвол административных сошек, и продажи животишек за недоимки, и порка за ослушание начальства,— такие рабочие с особенной жадностью слушали проповедь о равенстве всех людей, о праве каждого на человеческое существование. Они внимали словам пропагандиста как новому откровению, как проповеди новой веры, служению которой они себя отдавали самоотверженно и безвозвратно, всегда готовые пострадать за эту веру. В отличие от них «умственные», главным образом рабочие металлообрабатывающих предприятий, распропагандированные нами, хотели учиться, быть прежде всего образованными людьми, постигнуть учение К. Маркса и Ф. Энгельса во всей полноте, чтобы распространять его затем шире и глубже...

Пропагандист вел свой кружок — а случалось, и два, — пока какие-нибудь «объективные» обстоятельства не разрушали его: бытовые условия, переезды рабочих, отъезд самого пропагандиста или полицейские преследования...

Идя в рабочий кружок, мы, интеллигенты, никак не маскировались, шли в нашем обыденном платье, конечно, не в форменном студенческом пальто. Я, помню, удивился однажды, направляясь в воскресный день к Путиловскому заводу и встретив в районе Ого-

родного переулка Владимира Ильича Ленина в новом пальто и круглой меховой шапке с бархатным верхом.

*Г. М. Кржижжано-
новский:*

Как бы мал по числу слушателей ни был кружок, с которым по тем временам приходилось заниматься Владимиру Ильичу, он с неизменным рвением, в определенно назначенный час всегда был в распоряжении своих слушателей.

Н. К. Крупская:

...Он (*Владимир Ильич*)... объяснял рабочим, как оценивал Маркс существующее положение вещей, как смотрел он на то, куда идет общественное развитие, какое значение придавал Маркс рабочему классу, его борьбе с классом капиталистов, почему считал, что победа рабочего класса неизбежна...

Учение Маркса хотел сделать он близким и понятным рабочим массам. В 90-х годах, занимаясь в кружках, он старался изложить им прежде всего первый том «Капитала», иллюстрируя изложенные там положения примерами из жизни своих слушателей.

...Половину времени он уделял на то, чтобы объяснить рабочим «Капитал» Маркса. Надо сказать, это может показаться странным, что как это он такую трудную и толстую книгу сразу несет рабочим, неквалифицированным рабочим 1894 года, рабочим, мало еще развитым, идет с объяснением научной большой книги. Это вытекало из всех взглядов Владимира Ильича. Он не считал, что рабочему надо давать что-то такое упрощенное, а считал, что ему нужно дать всю науку целиком... С рабочими он занимался чтением Маркса половину времени, а половину времени он употреблял на то, чтобы спрашивать рабочих об их условиях труда и об условиях жизни. И один рабочий в своих воспоминаниях говорит: «Вспотеешь, так закидает вопросами».

Характерно, что в разговоре с рабочими Владимир Ильич очень внимательно вслушивался и во все, что рабочий говорит и как он говорит. Разговаривая с рабочим где-нибудь в кружке... Владимир Ильич потом долго... этот разговор со всех сторон обдумывает.

Владимир Ильич обладал умением вслушиваться и обдумывать каждую мелочь.

...Он говорил, что до конца положиться мы можем только на рабочий класс. Говоря это, он в то же время тщательно изучал все особенности рабочего в данный период...

Он вслушивался в то, что говорит рабочий, и сам говорил всерьез, как с близким товарищем. Поэтому рабочие относились к нему как к особенно близкому

человеку, который умеет подойти, умеет передать и рассказать свои мысли...

Вся эта тяга к рабочим у Ильича была связана с пониманием той роли рабочего класса, которую, по убеждению Владимира Ильича, он должен сыграть, она была связана со всеми надеждами, которые он возлагал на рабочий класс. Это отношение к рабочему классу вытекало из его понимания тех задач, которые стоят перед рабочим классом.

...Рабочие, участвовавшие в то время в кружках Ильича, вспоминают: бывало, он прочтет им ту или иную главу из «Капитала», а потом мобилизует на собрание соответствующего материала на их фабрике по цехам.

М. А. Сильвин:

Вопрос об изучении условий работы и жизни рабочих на каждом заводе был уже поставлен Владимиром Ильичем. Теперь он составил подробный «вопросник»... Вопросник этот занимал несколько более четырех четвертушек листа, исписанных его убористым почерком. Этот вопросник имелся у каждого из нас. Мы размножили его на гектографе и раздавали пропагандистам других кружков...

В вопроснике Владимира Ильича главное место отводилось выяснению условий работы и жизни рабочих данного предприятия, рабочему дню, связи с деревней, зарплате во всех ее формах — цеховой, сверхурочной, ночной, сдельной работы, браковке, вычетах, штрафам, расплате товарами, а также степени соблюдения заводской администрацией тех постановлений и законов, которые, хотя и недостаточно, ограждали права рабочих. Уделялось в нем также место характеристике бытовых условий, жилища, питания, алкоголизма, умственных интересов, религиозных устремлений.

Из вопросника, изданного

«Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»:

1) Число рабочих в заведении — мужчин, женщин, подростков, детей, общее число? 2) Когда и на какие сроки или без срока производится наем? Нет ли при этом особенностей? (Наем через подрядчика, волостные правления, артелью и т. п.) 3) Не нарушает ли хозяин до срока условия найма, например расценку? 4) Уходят ли от хозяина рабочие до срока? Гуртом или в одиночку? Как поступает тогда хозяин — жалуется в суд или инспектору, заявляет другим хозяевам? 5) Сколько часов в сутки продолжается работа?

Есть ли ночная и праздничная работа? Всегда или временно? Как распределяются смены? Часто ли бывает сверхурочная работа? Можно ли отказываться от сверхурочной и праздничной работы? 6) Сведения о месячной выработке. Число рабочих. Занятия мужчин и женщин, вместе или отдельно? Месячная выработка: заурядного рабочего, искусного, тихого. Чей харч? Чья квартира? Работа сдельная, поденная или месячная? 7) Насколько выше плата за сверхурочную и праздничную работу? 8) Сколько раз в месяц выдается заработок и чем: деньгами, товаром, талоном в лавку? Не бывает ли при выдаче злоупотреблений (задержки, обсчитывания и т. п.)? 9) Не повышалась ли и не понижалась ли последнее время заработная плата? Если да, то чем это объясняется? 10) Вычеты из заработной платы в рублях и копейках: в артели, в лавки, в недоимки. 11) Список штрафов. Сколько круглым счетом приходится в месяц на человека? Нет ли злоупотреблений при штрафовании? 12) Как обращаются мастера и хозяева с рабочими? Привести примеры. 13) Нет ли недовольства среди рабочих фабричными порядками? В чем это недовольство сказывается? Бунты. Возможно подробнее сообщить обо всех стачках в этом заведении и о других, в которых участвовали или хорошо знали: когда, по какому поводу, сколько человек участвовало, как шло — мирно или буйно, вызывались ли войска, чем кончилось — удачей или неудачей и почему так кончилось? 14) Есть ли какой толк рабочим от фабричных законов? Что за человек фабричный инспектор? Как обходится с рабочими? Привести для примера несколько поступков его. 15) Существуют ли при заведении фабричные лавки и потребительные товарищества? Если да, то вписать следующую таблицу: каковы цены на рынке и в фабричной лавке на ржаную муку, пшеничный первач, говядину-солонину, сало, яйца, молоко, картофель, сахар, соль, керосин и т. п.? 16) Во что обходится рабочему — холостому и семейному — в месяц: квартира, харч (в артели, в одиночку), отопление, освещение, и в год: подати, заем в долг, одежда, обувь, табак, водка?

М. А. Сильвин:

Мы так увлеклись собиранием сведений, что на некоторое время забросили всякую пропаганду. Владимир Ильич также занялся этим делом очень ретиво... Получить точные ответы на, казалось бы, простые вопросы о рабочей жизни было не так легко по той причине, что, как это ни странно, наши «умственные» рабочие не останавливались на них, не замечали мно-

гого, не задумывались над тем, что было обыденно, повседневно и что было вместе с тем особенно важно, с нашей точки зрения.

Мы спрашивали, например, чем в особенности недовольны рабочие в данный момент, на что они жалуются, что они хотели бы устранить на заводе, и получали иногда неожиданный ответ: «Перестали давать кипяток, вот и волнуются по этому поводу, требуют кипятку». Или из другой области: «Убавлена расценка на пяточок, предвидится из-за этого пяточка забастовка».

Эти «кипяток» и «пяточок» были у всех на языке и испортили нам впоследствии немало крови, после того как агитация развернулась. Нашим рабочим, да и многим из нас также эти вопросы, естественно, казались мелкими, ничтожными, не стоящими внимания революционера...

Как практически использовать материал, полученный путем расспросов рабочих, мы некоторое время себе не представляли, и Владимир Ильич выдвинул новую идею: начать агитацию на почве «законных» требований. Собранные при помощи вопросника сведения по каждому заводу показывали, насколько и в каких отношениях нарушаются уже существующие законы, худо ли, хорошо ли охраняющие права рабочих. Агитация должна была начаться на почве требований соблюдения закона.

Владимир Ильич указывал при этом на тактику Моисеенко и его товарищей во время Орехово-Зуевской забастовки 1885 года.

С. П. Шестернин: Этот вопросник послужил для меня необходимым руководством в моей дальнейшей работе по собиранию сведений о положении ивановских рабочих. Один экземпляр этого вопросника-программы я получил и для Ивана.

Н. К. Крупская: ...Питерские рабочие говорили ему (*Владимиру Ильичу*) не только о порядках на фабриках, не только об угнетении рабочих. Они говорили ему о своей деревне.

В зале Дома союзов, у гроба Владимира Ильича, я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке у Владимира Ильича. Это тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семяниковского завода, говорил Владимиру Ильичу:

— Тут,— говорит,— в городе, мне все трудно объяснить, пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, другим

крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают...

Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дали Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся и что за ним идут далее трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. Только как вождь всех трудящихся рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих. И эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что... историческая задача рабочего класса — освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

В. В. Старков:

Этого человека (*Владимира Ильича*), непрерывно горящего пламенем революции и непрерывно переваривающего в своем мозгу все, что может иметь хотя бы косвенное отношение к поставленной им себе цели, я видел и на маленьких пропагандистских рабочих собраниях, и в рабочих кружках. Надо было видеть, с каким огромным терпением и чуткостью к уровню понимания слушателей он развивал им теорию Маркса о стойкости и об основах буржуазного строя. И, надо сказать, рабочие платили ему за это данью огромного уважения и любви.

В. А. Шелгунов:

Это был период 1893—1895 годов... Уже жилось значительно веселее, чем в 80-е годы. Тогда была действительно страшная пустота, а тут уж и кружки стали организовываться и больше уже мы стали задаваться вопросом, как бы это сделать, чтобы на каждом крупном заводе у нас был бы хотя бы один товарищ... И вот Владимир Ильич в те времена, занимаясь в... кружке, знал, что работа предстоит куда более трудная, но что она должна быть выполнена; и он знал при этом, что она будет выполнена.

В. И. Ленин:

И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию...

...Народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди,

которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самостоятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

И. В. Бабушкин: ...Я поступил на работу в Петербурге на (*Семяниковский*) завод. При поступлении мне удалось попасть на аккордную (штучную) работу... На этой работе человек себя не жалеет, он положительно забывает о своем здоровье, не заглядывает вперед своей жизни, никогда не задумывается, как влияет работа на продолжительность его жизни...

Однажды, в такой же день, как и в бесчисленные дни раньше, когда так же монотонно вращались приводы и скользили ремни по шкивам, так же всюду по мастерской кипела работа и усиленно трудились рабочие, так же суетливо бегал мастер, появляясь то в одном, то в другом конце мастерской, и не менее суетливо вертелось множество разного рода старших дармоедов, я стоял у своих тисков на ящике и, навалившись всем корпусом на 18-й (*18-дюймовый*) напильник, продолжал отделявать хомут для эксцентрика паровоза...

— Будет стараться-то, все равно всей работы не переработаешь! — раздался около меня голос незнакомого слесаря из другой партии, такого же молодого человека, как и я...

Хотя в то время знакомых у меня было уже достаточно много, но совершенно не было таких, каким мне представлялся Костя (*Илья Федорович Костин*). С работы мы пошли вместе...

Около часу дня в воскресенье я направился к Косте и без труда разыскал квартиру, в которой он жил... Комната была небольшая, квадратная. Кроме хозяина в ней сидело два молодых человека... Я сел, мы перекинулись парой слов... В это время Костя вынимает откуда-то печатный листок...

— Может, хочешь почитать? Так почитай,— сказал Костя, подавая мне листок.

Я развернул и приступил к чтению. С первых же слов я понял, что это что-то особенное, чего мне ни-

когда в течение своей жизни не приходилось видеть и слышать... В листке говорилось про попов, про царя и правительство, говорилось в ругательской форме, и я тут же каждым словом проникался насквозь, верил и убеждался, что это так и есть и нужно поступать так, как советует этот листок... Я молча передал листок Косте, сразу уразумел цель моего приглашения и решил, что нужно жертвовать для этого дела всем, вплоть до своей жизни...

Ближе знакомясь с разного рода нелегальной литературой, с людьми революционных убеждений, разговаривая с товарищами на те же темы, создавая всевозможные планы изменения всего строя жизни, при строгом разборе не выдерживающие критики, мы жили в постоянном волнении. Та жизнь, которая ранее казалась нам самой обыкновенной, которой мы раньше не замечали, давала нам все новые и новые впечатления...

...Утром или вечером каждого воскресенья мы собирались у Фунтикова²⁰... Тут же, у Фунтикова, мы познакомимся с П. А. Морозовым²¹, который в наших глазах являлся самым образованным человеком из рабочих, и мы постоянно мечтали сделаться когда-нибудь таковыми же...

Мы знали, что уже за Фунтиковым следят, и постепенно подготавливались к его утрате. А П. А. Морозов решил для наибольшей осторожности снять отдельную квартиру, что вскорости и привел в исполнение...

В этой квартире у Фунтикова находилась библиотека, кажется, всей Невской заставы, и мы находили большое удовольствие в ней порыться...

Арест Фунтикова еще больше влил энергии в наши молодые натуры... Костя в это время поступил в другую мастерскую, где его поставили распорядителем над мальчиками, и у него сейчас же появилась масса пропагандистской работы... Дело у нас уже было: мы должны были начинать развивать молодежь, такую же, как и мы, и много моложе нас, и выводить наружу некоторые злоупотребления, производившиеся заводской администрацией...

Итак, мы приступили в это лето (1894 года) к пропагандистской деятельности на правах совершеннолетних, хотя и чувствовали себя не вполне подготовленными для самостоятельной работы, но делать нечего, приходилось мириться с обстоятельствами. Не было Фунтикова, не было... Морозова, и поневоле частенько чувствовали мы кругом осиротелость. Но вот направляется к нам за Невскую заставу человек, уже давно знакомый со всякого рода революционной дея-

тельностью, одаренный опытом и безусловно преданный делу. Мы тотчас же почувствовали новый прилив энергии, и наше положение быстро начало поправляться. Не проходило ни одно воскресенье, чтобы мы кого-либо не приглашали к себе или сами не сходили к другим. Сношения с фабрикой Паля, Максвеля, Торнтона и Николаевскими железнодорожными мастерскими уже были налажены, и происходили частые собрания, которые хотя и носили чисто личный характер знакомства, однако цель и стремления были у всех одни, и потому чувствовался подъем движения...

Как только настала питерская осень, со всех сторон понаехала интеллигенция и закипела бурная умственная жизнь. Мы с Костей просто не приходили в себя от нахлынувшей со всех сторон бурной жизни. Новый знакомый (*Василий Андреевич Шелгунов*)... рабочий, поселившийся за Невскою заставой, связанный с интеллигенцией, которая имела, видимо, широкий круг своих работников и потому желала и за Невской вести кружковые систематические занятия, организовал кружок. Местом для занятий послужила моя комната, как наиболее удобная, где не было посторонних лиц. Кружок составил из шести человек и седьмого лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор (*Владимир Ильич Ленин*) излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством для уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора... Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добычанию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни. И вот во время работы на заводе часто приходилось отправляться в другую мастерскую... за собираньем необходимых сведений посредством наблюдений, а иногда, при удобном случае, и для разговоров. Мой ящик для инструмента был всегда набит разного рода записками, и я старался во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской...

Это время у нас было самое интенсивное в смысле умственного развития, каждая минута нам была очень дорога, каждый свободный от работы час был заранее определен и назначен, и вся неделя так же строго распределялась. Когда припоминаешь теперь это время, просто удивительно становится, откуда только бралась энергия для столь интенсивной жизни... Мы в это время были просто подавлены со всех сторон окружающими нас знаниями и желанием переливать в нас эти знания...

Так шла и готовилась работа в Петербурге, за Невской заставой, в конце осени 1894 года, когда происходила медленная созидательная работа в кружках.

«Поговорим о социализме...»

1. Бодров:

На квартире мы жили втроем, занимая маленькую каморку, да еще я позвал Байкова с Семянниковского завода. Вот сюда к нам и пришел Владимир Ильич. Поздоровались. Сел он на табуретку. Окинул глазами всю неприглядную картину нашего житья... Спросил, где мы работаем. Рассказали о жалованье, что получаем 15 рублей да штрафа выплачиваем в месяц рубля два,— и так обо всем. Покачал головой и говорит:

— А семейные еще, должно быть, хуже живут.

— Да,— отвечали мы.

— А ведь можно улучшить положение ткачей, и вот каким путем. Путем организации. Должны быть организованы кружки. Организованный рабочий должен развивать своих товарищей рабочих, нужно давать хорошие книги читать. Надо разъяснять им, как появились на свет фабриканты и как они не выдают рабочему всю заработную плату, удерживая добрую половину, считая ее своей прибылью. Когда мы научим рабочих, как нужно бороться с капиталистами, сделаем общую забастовку всех фабрик и заводов. Предъявим им требование уменьшить рабочий день и увеличить заработок. Развитые кружковые рабочие будут руководителями забастовок. Полиция будет арестовывать и сажать в тюрьмы, но, чтобы лучше было бороться рабочим с капиталистами, рабочие должны требовать освобождения товарищей из-под ареста. Не освободят — рабочие должны увеличить требования, кроме экономических нужно выставить и политические, как-то: свобода стачек, свобода союзов,

слова и печати. Ничего сразу не дадут. Вот рабочие сразу и поймут, что царь на стороне капиталистов, что нужно вести борьбу против царя и капиталистов.

Уверенный голос, незабываемые глаза, речь, зовущая и требующая, притягивали к себе. Крепла воля. С этого момента каждый из нас понял, что за дело Ильича, за угнетенных мы готовы биться до последней капли крови...

А. И. Бодров:

...В этот дом, где жил я и мой брат Филипп Бодров, каждое воскресенье приходил к нам в нашу каморку Владимир Ильич Ленин.

А было это так...

...Одна учительница (*воскресной школы*) — не помню, как ее фамилия, — сказала мне:

— Почему бы вам не организовать в кружок? Небольшой такой кружок организуйте, а к вам и будет ходить на дом студент или курсистка... Только вам надо переехать на отдельную квартиру, а то в артели у вас народ все разный и, может быть, с подлейкой, да потом для кружка шестнадцать человек — это очень много, оно заметно сразу станет...

Мы, значит, я и мой брат, Филипп Бодров, и переехали в дом № 42 за Невской заставой. В этом доме мы сняли маленькую каморку — кладовочку. Деревянная койка, крохотный столик и две табуретки, а больше ничего не вмещалось. Так и порешили мы с братом моим Филиппом Бодровым: спать на одной койке будем, зато ума-разума наберемся.

Пожили мы в этой комнатке месяц, и никто к нам не приходил. Но потом одна из учительниц, кажется Надежда Константиновна (*Крупская*), говорит мне:

— Завтра, значит, в воскресенье, будьте дома. К вам часа в четыре вечера придет студент для занятий.

А потом еще тише, почти шепотом, добавила:

— Но смотрите не забудьте спросить у него пароль.

А пароль был не то «серп», не то «молот» — не вспомню точно.

Ну и вот. На следующий день мы с моим братом Филиппом Бодровым да еще рабочим нашей фабрики Борисом Жуковым еще с утра прибрали, подмели пол и ждем. Ровно в четыре часа в дверь к нам постучали. Открыли мы дверь и смотрим — стоит молодой человек в плохоньком пальтишке и в треушке на голове, стоит и улыбается. Славный такой юноша. И одет хоть и бедно, плохо одет по зимнему времени, а аккуратный такой, на мастерового немножко похож.

**Рабочие текстиль-
ной фабрики
Максвеля братья
Филипп Ильич и
Арсений Ильич
Бодровы.**

Мы сразу догадались: студент. Спросили пароль — он еще пуше заулыбался и ответил нам. Ну, мы тут сразу ввели его в комнату, прикрыли дверь и для начала угостили его чаем с ситным хлебом, чтобы согрелся. Холодно, зима на дворе стояла, а другого угощения у нас не было. За чаем, значит, и начали наш разговор.

Разговор у нас сразу как-то получился интересный. Умел он начать разговаривать, заинтересовать умел. И все, бывало, улыбается. А улыбка светлая, чистая такая, глаза очень дружелюбно смотрят, и словно тепло от них идет.

— Организовались? — спросил он.

— Да, — ответили мы.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Таких кружков надо побольше организовать, чтобы рабочие скорее узнали, как кто живет и чем живет.

Пьем это мы чай, прихлебываем и ведем беседу. И вдруг он спрашивает:

— А вот знаете ли вы, откуда капиталист прибыль себе добывает?

Мы ничего не знали.

Тогда он прищурился немного и сказал:

— Ну, вот возьмем, к примеру, какую-нибудь кустарную мастерскую. Скажем, где чайники делают. В этой мастерской работает народу, ну, человек сто. И вот теперь давайте прикинем следующее: хозяин покупает лист жести; платит за него, скажем для ровного счета, один рубль. Сколько чайников может выйти из одного листа жести? Ну, скажем, четыре. Значит, хозяину чайник обходится в двадцать пять ко-

пеек. Так? Теперь дальше: за работу за каждый чайник он платит рабочему, к примеру, один гривенник. Значит, чайник уже стоит ему тридцать пять копеек. Ну, еще отопление, освещение и ремонт круговую тоже стоят пять копеек, если разложить это на каждый чайник. Значит, всего чайник обходится хозяину сорок копеек. Цифры, конечно, приблизительные... Хозяин эти чайники продает и получает прибыль. Откуда же она берется, эта прибыль?..

Долго и подробно говорил наш студент. Он объяснил, что хозяин богатеет за счет рабочего, платит ему меньше, чем он вырабатывает.

Еще приводились примеры. Очень много примеров приводилось. И все так просто, ясно, что сидишь, бывало, слушаешь его и думаешь: отчего тебе самому раньше не пришло это в голову?

Массу всяких вопросов освещал он перед нами в такой доступной рабочему человеку форме. О чем только не рассказывал он!

О национальном вопросе, например.

— Вот,— говорит,— вы часто оскорбляете евреев, татар, поляков. Часто кричите им: «жидовская морда» или «татарская морда». А вот вы вдумайтесь, товарищи: какая разница — родился человек евреем, татарин или поляком? Носит ли он белую кожу, желтую или черную? Если он рабочий, так все равно с него капиталист сдирает прибыль и он, так же как и вы, живет в голоде, в бесправии, в темноте. А капиталист набивает себе карман за счет его труда, за счет его заработной платы, за счет его нужды и лиха. Почему же он хуже вас?

И действительно. Мы, например, считали, что самый первый человек на земле — это православный человек. А все остальные — мразь. Так нам внушали в церкви, так говорили в кабаке, в трактире и всюду. А тут мы действительно поняли, что дело совсем не в православии, а в слезах нужды и эксплуатации — вот в чем дело-то!

Или о войне рассказал он нам:

— Вот священная история считает, что православный человек — это божеский человек, а турки — «басурманская нехристь». И потому их надо уничтожать. Враги, дескать, они. А знаете ли вы этих своих врагов? Видели ли вы их когда-нибудь? Ведь те, кого убивают сейчас на войне, такие же рабочие или крестьяне, как вы. И никогда вы с ними не ссорились и ничего плохого друг другу не сделали. С какой же стороны вам нужна война? Капиталистам — да, им война нужна. Они делают ружья и пушки и богатеют

от этого. Там завоюют какую-нибудь землю, в колонию ее превращают. А вы?.. На войне вас убивают. А в тылу после войны, когда уже не надо делать пушки и ружья, хозяин выбрасывает вас с завода. Вот и считайте свою выгоду от войны...

Каждое воскресенье приходил он к нам в четыре часа. Это были лучшие наши дни. У нас прямо глаза открывались. Мы чувствовали, что светлее нам становится после бесед с ним. Вот так придет, бывало, снимет свое худенькое пальтишко, шапочку-треушку, аккуратно сложит их, пожмет нам руки и ласково спросит:

— Ну, не надоел ли я вам еще?

Как можно было задавать нам такие вопросы! Мы даже обижались. А он прищурится, бывало, посмотрит на нас внимательно, улыбнется и скажет:

— Ну-ну, не обижайтесь, товарищи, пошутил я...

И садится за стол. Тут, значит, у нас уже приготовлено — чай и ситный, хотя и не всегда деньги были и на чай и на ситный. Так вот. Сидим мы, пьем чай и беседуем. На столе горит лампа — жестяная банка для керосина и семилинейное стекло. Тогда электричества у нас вообще не было. Даже на фабриках горел светильный газ. Слушаем мы, что он нам рассказывает, и забываем про все.

Вот сейчас я вспоминаю про эти вечера и волнуясь. Как живой стоит он перед нами — ласковый, простой такой, доступный. Бывало, иногда лицо у него на минуту затуманится заботой — верно, и ему несладко жилось. А потом сразу как-то улыбнется и спросит:

— О чем это вы задумались?

Мы задумались... Он задумался, а не мы! Но мы стали уже поумнее: чувствовали, понимали.

Однажды пришел он к нам, как всегда, в четыре часа, разделся, сел.

— Ну,— говорит,— сегодня, ребята, мы поговорим о социализме. Знаете вы, что такое социализм?

Мы, конечно, не знали. Слышали это слово, а что оно такое, что за вещь — не видать ее. Мы так и сказали ему:

— Нет, не знаем.

А Жуков Борис даже спросил:

— Может быть, это какая-нибудь интересная машина?

Смешно, право, спросил. Но тогда мы ведь мало что знали. И вот он нам рассказал. Сколько жить буду, никогда не забуду этого дня. Он говорил нам о свержении самодержавия, о революции. Как говорил! Сидели мы и слушали во все уши. Огонь в человеке был. Тут и ненависть, и восторг — порох, а не

человек. И все так ясно! Большая голова была у него и мысли большие, грандиозные мысли.

— Вот когда свергнем царя,— говорил,— и капиталистов, когда возьмем власть в свои руки, тогда и будем строить социализм... При полном социализме,— говорил он,— рабочий будет работать не больше пяти-шести часов в сутки. А потом, после работы, будет развлекаться, отдыхать, в театры ходить, учиться, читать лучшие книжки, которые написали самые великие люди, на скрипке играть, стихи даже писать будет...

Мы сидели, слушали его словно зачарованные. Не верилось. Это мы-то, которые работаем по пятнадцати часов в сутки и хлеба не едим вдоволь, в театры ходить будем? Это мы-то, голь пережатая, да со скрипкой и стихами возиться будем?!

Но он так горячо, так здорово говорил, что потом мы начали верить. Мы только не понимали, как же это так выйдет.

Он объяснил нам.

— Конечно,— говорил он,— при социализме рабочие будут работать не на таких фабриках. Мы построим большие новые предприятия, где будут и солнце, и цветы, где машины будут мощнее, чем сейчас. А то,— говорит,— если мы вступим в социализм с этими старыми склепами, как ваша фабрика, никакого социализма тогда не будет. При социализме у всех должно быть много одежды, хлеба, мяса, масла. Чтобы никто ни в чем не нуждался. Тогда можно рабочему заниматься и удовольствиями, и искусством...

В тот день, когда мы услышали о том, что такое социализм, мы спросили:

— А скажите, пожалуйста, неужели такое счастье может когда-нибудь случиться? Прямо сказка какая-то.

— Не может, а будет,— ответил он нам.— И обязательно будет! Рабочим только надо хорошо и крепко организовать себя.

Потом он встал, оделся и сказал:

— Ну, товарищи, я у вас сегодня последний раз занимался...

Мы знали почему: опасно им было ходить в один и тот же район. Полицейские, как собаки, нюхали их следы. Но нам было так тяжело расставаться, что мы все разом вскрикнули:

— Как так?

— Не могу больше, товарищи,— сказал он.

Трудно передать, как стало нам грустно в тот миг. Смотрели мы тогда на него, как стоял он у дверей, уже

одетый, готовый к выходу, и к горлу у нас у всех подкатывал ком. Ясный такой юноша, чистый, светлый, непохожий на других. Полюбили мы его страшно. Он был для нас самым дорогим. И вдруг уходит. Мы даже не знали тогда, как его зовут! «Товарищ студент» — так называли его, и все...

Помолчали еще немножко. Потом он улыбнулся, подал нам руку и сказал:

— Ну, прощайте, товарищи, прощайте... Не бросайте кружок. И помните, о чем мы здесь с вами говорили...

Как будто это можно забыть! Жило это у нас не только в голове, но и в сердце.

— Прощайте,— сказали мы,— всего вам хорошего. Всего самого лучшего и самого счастливого!..

Ушел. И в каморке у нас стало серо, пасмурно. Как будто было солнце и зашло оно.

Николай Петрович

В. А. Князев:

...Когда я организовал несколько рабочих кружков... и заявил, что необходимо прислать интеллигентов в эти кружки для чтения лекций, то мне в нашем центре сказали:

— Хорошо, к вам придет Николай Петрович. Это один из лучших, поэтому люди в кружках должны быть благонадежными и серьезными.

В силу этой директивы я отобрал среди завербованных в члены кружков рабочих, более мне известных: Ильина, Астафьева, Крылова, Нилянтера, сам же был пятым. Первое собрание этого нашего кружка состоялось на Петербургской стороне, в доме на углу Съезжинской и Большой Пушкарской улиц, в комнате, в которой я жил и которая имела отдельный ход с лестницы, так что мои квартирные хозяева не видели, кто ко мне приходил.

В назначенный час ко мне кто-то постучал. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, круглым лицом, с пронзительными глазами, с нахлобученной на глаза фуражкой, в осеннем пальто с поднятым воротником, хотя дело было летом, вообще на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком. Войдя в комнату, он спросил:

— Здесь живет Князев?

На мой утвердительный ответ заметил:

— А я — Николай Петрович.

— Мы вас ждем,— сказал я.

— Дело в том, что я не мог прийти прямым сообщением... Вот и задержался. Ну как, все налицо? — спросил он, снимая пальто.

Лицо его казалось настолько серьезным и повелительным, что его слова заставляли невольно подчиняться, и я поторопился успокоить его, что все пришло и можно начинать.

Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и начал знакомить собрание с планом той работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью и была как бы не терпящей возражений. Собравшиеся слушали его внимательно. Они отвечали на его вопросы: кто и где работает, на каком заводе, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих...

Главной мыслью Николая Петровича, как мы поняли, было то, что люди неясно представляют себе свои интересы, а главное, не умеют пользоваться тем, чем могли бы воспользоваться. Они не знают, что, если бы они сумели объединиться, сплотиться, в них была бы такая сила, которая могла бы разрушить все препятствия на пути к достижению лучшего. Приобретя знания, они смогли бы самостоятельно улучшить свое положение, вывести себя из рабского состояния и т. п.

Речь Николая Петровича продолжалась более двух часов; слушать его было легко, так как он все объяснял, что было нам непонятно. Сравнивая его речь с речами других интеллигентов, становилось ясно, что она была совсем иной, выделялась, и когда Николай Петрович ушел, назначив нам день следующего собрания, то собравшиеся стали спрашивать меня:

— Кто это такой? Здорово говорит.

Но я им объяснить не мог, кто был Николай Петрович, так как сам его в то время не знал. Он посещал нас часто — раз в неделю...

Так как я был членом центрального кружка, то у меня на квартире собирались и представители других кружков, и интеллигенты. Эти собрания были еще более конспиративны. На этих собраниях руководителем был тот же Николай Петрович. Но как его звали по-настоящему, никто из рабочих и здесь не знал. Николай Петрович на этих собраниях распределял по кружкам интеллигентов-пропагандистов и давал им указания, знакомил их с тем, что представляли из себя эти кружки и что читать в них.

Позже В. А. Князев узнал, что Николай Петрович — это В. И. Ульянов. Однажды в беседе с ним Владимир Ильич расспрашивал:

— Как дело в кружках? Что на заводах?..

Я едва успевал ему отвечать.

— Вы,— сказал он мне,— как непосредственно связанный с кружками, должны узнавать, что происходит на заводах, чем недовольны рабочие и кто в этом виновен. Вы должны знать интересы рабочих, чем они больше интересуются, как к ним подойти.

Я слушал и чувствовал, что все эти требования выполнить довольно трудно, но Николай Петрович так уверенно все говорил, что я не осмелился отказаться.

— Вот,— продолжал он,— вы сорганизовали кружок. Сами вы должны стать выше их по знанию, чтобы руководить. Вы должны больше читать, развиваться и развивать других. Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте — надо работать во всю. Вы должны развиваться политически, и тогда вся ваша работа в кружке будет для вас наслаждением...

Мы расстались. От мысли о возложенных на меня обязанностях мне стало тяжело. Выйдя от него на улицу, я стал обдумывать, как все выполнить. Встретясь дня через два с Запорожцем, я рассказал ему про свою встречу с Николаем Петровичем — В. И. Ульяновым и о том, что он мне наказал сделать. Выслушав меня, Запорожец засмеялся и сказал:

— Ничего, ничего, берите с него пример. Он и сам очень много работает. Надо же и нам работать и помогать ему.

С тех пор я стал периодически посещать В. И. Ульянова, давая ему сведения, которые получал с завода, и каждый раз получал от него новые инструкции.

— Погодите, погодите,— говорил он,— придет время, когда мы заставим слушать нас и добьемся права организации. Нам будет легче. Важно, чтобы нас поняли рабочие, и тогда мы приобретем силу и поставим нашу жизнь так, как мы захотим.

Говорил это В. И. Ульянов с большим оживлением. Я уходил от него в приподнятом настроении и с усиленным желанием работать.

На заводе я в свою очередь старался рассказывать обо всем, что слышал от Владимира Ильича. Рабочие слушали меня со вниманием, их отношение ко мне переменилось, и меня они стали уважать. Но не долго это продолжалось. Слухи о моей пропаганде дошли до начальства, и мне пришлось уйти с завода.

Придя как-то к В. И. Ульянову, я услышал от него вопрос:

— А что?! Если бы вас арестовали, вы знаете, как держаться на допросе, на суде?

— Да,— ответил я...

Рецепт, как держаться на допросе, состоял в том, чтобы не давать никаких показаний.

— Ну так вот,— продолжал он,— если знаете, то объясните и всем товарищам. Имеется ли у вас каса? Библиотека? Из каких книг она состоит? Нам надо организовать хорошую библиотеку, составить соответствующую программу чтения. Надо знать, как надо помогать арестованным и ссыльным. Для этого необходимы средства. Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств.

Владимир Ильич старался передать мне все, что было необходимо для нашей организации. Просидев у него около часа, я ушел, обещая ему все по возможности выполнить.

А. П. Ильин:

Еще к лету 1894 года мы предупредили тов. Сильвина, что нам необходим какой-нибудь лектор по вопросам политической экономии, в которой ни я, ни Князев почти ничего не знали. Но время шло, а занятия в нашем кружке, в котором мы все так дружно начинали свою культурную работу, делались все более скучными.

Помню темный, слякотный вечер осенью 1894 года. Пробираясь к Черной речке на наше собрание и все время думая о теме наших сегодняшних занятий, чувствую, что темы нет, а прекратить собрания никто из нас не может решиться. К моему приходу в маленькой комнатке уже собрались все. Принялись за беседу, начали обсуждать происшествия последних дней. Но все же как-то темы для кружка не видно.

В нашу комнатушку, которая находилась под крышей, кто-то постучал. Оглядываемся — все в сборе. Не товарищ Сильвин ли? — подумали мы.

— Войдите.

В комнату вошел, без пальто, в широком пиджаке и в шляпе с широкими полями, небольшой, коренастый человек с небольшой бородкой... Назвал себя какой-то фамилией, которой я... не помню, и сказал, что он приглашен тов. Сильвиным.

Новый человек в нашем кружке — с виду интеллигент, с небольшой лысиной, с острыми глазами, с какой-то необычайной речью, нервной и быстрой,—

был для нас уже с первого взгляда новинкой. Его умение выслушивать каждого из нас, популярное толкование разных «ученостей», для нас с первого взгляда непонятных, сделали этого человека нашим любимцем уже с первого вечера.

Всю осень и зиму 1894 года В. И. Ульянов (имя, отчество и фамилию этого незнакомца мне сообщил тогда же тов. Сильвин) приходил к нам в кружок. Его популярные лекции по политической экономии, его острые ответы и нередко злые характеристики еще и сейчас в обрывках мелькают у меня в памяти. Помню Владимира Ильича зимой 1894/95 года. В осеннем пальто без воротника, он, несмотря на мороз, доходивший до 15—20 градусов, не забывал нашего кружка, а если и случался пропуск, то при следующем свидании он сообщал нам, почему это случилось.

В. А. Шелгунов: Характерной чертой Владимира Ильича было стремление, что называется, выуживать отдельных способных и подающих надежды рабочих. И когда он выуживал таких рабочих, то производил на них особенный нажим.

Нажим заключался в том, что он расспрашивал их о работе, о настроении рабочих, об отношении администрации и часто заставлял излагать ответы в письменной форме.

А. П. Ильин: Меня он чаще других расспрашивал о разных фактах из жизни завода и рабочих, а через несколько дней после первого прихода к нам Владимира Ильича Сильвин попросил меня прийти к нему на квартиру (он в то время был студентом и жил на Садовой, угол Екатеринбургского). В маленькой комнатке, находившейся на втором этаже, кроме тов. Сильвина я нашел Владимира Ильича. Сейчас же по моем приходе Сильвин ушел, и я остался с глазу на глаз с Владимиром Ильичем.

Сказав, что он работает над какой-то книгой, тов. Ульянов попросил меня сообщать ему самым точным образом все то, о чем он будет меня спрашивать, заметив, что от этого зависит для него очень много важного. Первые его вопросы относились к основанию нашего завода, о котором я ему мог сообщить точные факты, так как сам когда-то этим интересовался. По имеющейся на эллинге нашего судостроительного завода надписи ясно, что первым годом существования этого завода нужно считать 1825 год. Это я сообщил Ленину, который все мои ответы записывал. Детально расспрашивал меня об основании мастерских, где

раньше работали «кадровые мастерские» (солдаты, отданные на завод). Солдаты эти после 25 лет военной службы должны были за какие-то проступки оканчивать свою жизнь на заводе за копеечное вознаграждение.

Много фактов сообщил я в вечера наших свидетелей Владимиру Ильичу о штрафах, которые форменным образом съедали весь заработок рабочего. К тому же времени начальником завода был назначен знаменитый деспот, генерал Верховский, который завел «расценочные комиссии», и, несмотря на то что эти комиссии расценивали работу, скажем, в 5 рублей, по его приказу выплачивалось всего 2 рубля — 2 рубля 50 копеек. Такие «порядки» вызывали забастовки, и каждый раз при каком-либо волнении и новых требованиях рабочих я детально сообщал все Ленину.

Помню, как-то В. И. Ульянов спрашивал меня о создании на нашем заводе бухгалтерии. Я ему сообщил все, что знал, приведя даже кое-какие цифровые данные.

— А у меня такие сведения,— быстро ответил он, вынимая из кармана какую-то записку, испещренную цифрами.

На следующий же день я пошел в бухгалтерию, где достал самые точные сведения у бухгалтера Кляве (сын которого приходился мне товарищем), и при следующей встрече с Лениным передал ему эти сведения, которые были ближе к моим, чем к его.

На квартире у тов. Сильвина мы обычно просиживали с В. И. Ульяновым от 8 до 11 вечера. Последняя наша встреча на этой квартире произошла 20 октября 1894 года. Это число мне особенно запомнилось потому, что, идя на свидание с тов. Ульяновым, я купил вечернюю газету, в которой сообщалось о смерти Александра III.

— А знаете, Александр III умер,— сказал я ему, войдя в комнату и передавая газету.

В ответ на это тов. Ульянов, улыбаясь, сказал какой-то каламбур...

Каждый завод — наша крепость

В. А. Шелгунов: ...Он (Владимир Ильич) познакомился... с двумя видными, очень юными путиловскими рабочими: Борисом Зиновьевым и Петром Карамышевым. Б. Зиновьев и П. Карамышев жили в одной комнате. Владимир Ильич посещал их довольно часто. Особенно

хорошо отзывался Владимир Ильич о... Бабушкине, Зиновьеве и Карамышеве.

М. А. Сильвин:

...После первых же встреч с Владимиром Ильичем они (*Борис Зиновьев и Петр Карамышев*) обратили на себя его внимание своей подвижностью, молодым задором, пылкой восприимчивостью к учению марксизма и той страстностью, с которой они восприняли идею широкой массовой агитации.

В противоположность старым кружковцам типа Богданова, Шелгунова или Бабушкина, они не обнаруживали особой склонности к углублению в кладезь премудрости, к теоретическим занятиям, к книжному чтению... Они и по внешности своей были иными. Какой-то порыв чувствовался во всем их поведении — в движениях, жестах, в манере выражаться. Зиновьев, высокий и тонкий, был, однако, более сдержан и молчалив и, когда говорил, выражался сжато, кратко, как будто сухо роняя слова, соглашаясь с собеседником жестом или взглядом или возражая критически, насмешливо, если расходился во мнениях...

Петяшка (*Петр Карамышев*), как всегда называл его Зиновьев, был низкого роста, коренастый, с живыми блестящими глазами, со здоровым цветом лица, с кудрями темно-русых волос, выбивавшихся из-под фуражки, которую носил он с каким-то ухарством; одет он был не в длинное пальто, мягкую шляпу и ботинки, как Зиновьев (мы видели их главным образом по воскресеньям, в их выходных костюмах), а в суконную русскую поддевку — не застегнутую плотно, так что полы развевались в стороны на ходу, — картуз и низкие лаковые сапоги, над которыми пузырями раздувались широкие брюки. Жизнью, бодростью, энергией веяло от обоих. Они, горожане по своему происхождению, прошли, очевидно, школу и были хорошо грамотны, имели привычку читать газеты, говорили правильным, интеллигентским языком... Листовку, предлагавшуюся им на обсуждение, подвергали тщательному разбору и по существу и по изложению, внося поправки и дополнения, критикуя те или иные обороты речи, обсуждали дельно, без лишних слов и часто давая ценные указания...

Они стояли за открытую агитацию и вели ее всюду, где только могли, — на заводах, в трактирах, на улицах, на квартирах рабочих, в фабричных казармах. С осени 1895 года они играли важнейшую роль во всей нашей работе. Они появлялись в кружках пропаганды, слушая, о чем ведется беседа, неизменно переводя ее на злободневные вопросы рабочей жизни.

Путиловский завод произвел на Владимира Ильича огромное впечатление...

В. А. Шелгунов: В отдельных районах работали авторитетные рабочие организации. Они организовывали или поручали организовать кружки, выискивали квартиры, приглашали интеллигентов для занятий. В Невском районе таким организатором был я, а до меня Морозов; на Васильевском острове — Фишер и Кейзер; в Городском районе — Норинский. В каждом районе было кружка по 3; за Невской заставой — больше. В кружок входило 5—10 человек... Я заходил и вместе с Фишером, и один к Ильичу. Беседовали о работе.

И. Н. Чеботарев: По служебным делам я имел отношение к Путиловскому заводу. По просьбе Владимира Ильича я получил от правления завода разрешение на осмотр завода вместе с Владимиром Ильичем и Анной Ильичиной, которая была тогда тоже в Петербурге. Мастера цехов и молодые инженеры очень охотно давали ответы на вопросы Владимира Ильича. Завод произвел на него огромное впечатление: он видел тогда в первый раз завод в полном ходу.

В. И. Ленин: Каждый завод должен быть нашей крепостью.

В. А. Шелгунов: К осени 1894 года мы стали задаваться вопросом об организации представителей по возможности со всех заводов. С этой целью зимой 1894 года на квартире рабочего Ивана Яковлева было создано собрание, на котором присутствовало человек двадцать

пять... Было избрано четыре человека. Эту «четверку» мы просто называли «центром»; на обязанности каждого из этой четверки лежало заводить знакомства и связи на всех заводах его района, узнавать, что на этих заводах делается, и организовывать кружки; эта же четверка должна была собираться не меньше раза в месяц, чтобы узнавать, что делается в каждом районе, и заботиться о том, чтобы на всех крупных заводах имелись представители.

За Невской заставой

К. М. Тахтарев: ...Хорошими средствами служили и открывавшиеся в то время в рабочих районах вечерние и воскресные школы, в которые стремилась рабочая молодежь, жаждавшая знаний, с целью образования, а учащаяся молодежь — с целью дать рабочим эти знания, а попутно и с целью пропаганды своих революционных идей.

Образцом такой школы служила школа, устроенная Варгуниным за Невской заставой, среди преподавательского состава которой можно было найти целый ряд лиц, которые потом стали видными деятелями социал-демократического рабочего движения. Достаточно назвать Н. К. Крупскую, З. П. Невзорову, А. А. Якубову, которые принимали самое деятельное участие в работе этой школы. Можно сказать, что эта школа была настоящей лабораторией для выработки сознательных рабочих. При ней существовала хорошая подобранная библиотека, книгами которой можно было пользоваться не только как учебными пособиями, но и для зондирования умов читателей и выяснения их личностей.

Групповые занятия с рабочими служили хорошим средством для того, чтобы разобраться в составе учеников и находить в них элементы, заслуживающие особого внимания при занятиях... С помощью варгунинской школы было завязано немало ценных связей с рабочими, и она сослужила свою службу рабочему движению...

Кружковые рабочие теснились около этой школы, можно сказать, как пчелы около улья. Она была настоящим центром умственной жизни за Невской заставой.

П. Н. Лепешинский: ...Н. К. Крупская, работавшая в варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе, по ее собствен-

ным словам, через школу хорошо знала рабочую публику на близлежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. п. Большинство рабочих, посещавших кружки, ходило и в школу, заводило и там новые связи и т. п. Хотя прямого разговора не было, но ученики прекрасно знали, что она принадлежит к определенной группе, и учительница знала, кто из них в какие кружки ходит.

С. П. Шестернин: Эти школы пользовались громадной популярностью среди питерских рабочих и подготовили многих выдающихся революционеров (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и другие).

И. В. Бабушкин: ...Мы все до одного записались в школу, которая являлась в одно и то же время и сильным культурным учреждением, и тем решетом, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств...

Живое и смелое слово учительниц вызывало у нас особую страсть к школе, и нашим суждениям не было конца. Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их умению вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним, и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость. Придя в школу и садясь за парту, с каким-то особенным чувством ожидали учительницу, прибытие которой вызывало трудно передаваемую радость. И это одинаково происходило в каждой группе. Все ученики, посещающие школу, не могли надивиться и нахвалиться всем виденным и слышанным в школе, и потому-то эта школа так высоко и смело несла свои знания. Мало того, часто один ученик тащил своего товарища хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе и учительницу, и я сам ходил в другие группы с этой целью.

Ф. И. Бодров: В 1894 году я работал в Питере на фабрике за Невской заставой. В этом районе открылась воскресная вечерняя школа, где обучали рабочих фабрик и заводов, куда записался и я. Попал я в класс к Надежде Константиновне Крупской. Учился ревностно, не пропуская учебных дней. Надежда Константиновна заметила мою тягу к учебе, стала давать мне читать

Образцом воскресно-вечерней школы служила школа за Невской заставой...

хорошие книги, а потом, познакомившись ближе, сказала, что нам нужно организовать социал-демократический кружок.

П. Н. Лепешинский:

Предмет ее (*Н. К. Крупской*) постоянных дум и симпатий — пролетариат, да не тот пролетариат, отвлеченный, книжно-схематичный, пролетариат как социальная категория, который является фетишем многих теоретиков-социалистов, а живой, осязательный, состоящий из конкретных лиц, из товарищей А, В, С, Д — из всех этих фигур в рабочих блузах и потертых пиджачках, столь знакомых ей... с 1894—1896 годов по... ее работе в вечерне-воскресной школе за Невской заставой. Быть может, самым красочным периодом в ее жизни было то время, когда она занималась именно в этой школе или обучала политической грамоте рабочих Выборгского района.

Н. К. Крупская:

Когда я кончила гимназию, мне попался 13-й том Л. Толстого, том, где Л. Толстой подвергал жестокой критике существующий строй. Особенно сильное впечатление произвела его статья «О труде и роскоши». Может быть, в статьях Л. Толстого я вычитывала не совсем то, что он хотел сказать.

— А что, если пойти по пути, указываемому Л. Толстым, отказаться от всякого пользования чужим трудом, вообще начать с перевоспитания себя?..

Я стала принимать меры, чтобы перебраться в деревню, но дело это затягивалось. Коренной перемены

жизни не выходило. В то время... происходили собеседования толстовцев с радикалами; я была там раза два и ушла оттуда разочарованная. Я не могла принять толстовства в целом, с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием.

Осенью 1889 года открылись в Петрограде (тогда еще Петербурге) Высшие женские курсы. Я поступила на них, надеясь получить там то, что мне надо было... Погрузилась в математику, в то же время ходила и на лекции филологического факультета... Конечно, все это плюс работа для заработка съедало время, и к рождеству я уже твердо решила бросить курсы.

В это время моя гимназическая подруга познакомилась с кружком технологов, и у них в квартире стала собираться молодежь. Меня сразу же, с первого же дня, захватили новые интересы. Всех интересовали, и так же интенсивно, те же вопросы, что и меня.

После одного общего собрания (присутствовало на нем человек 40) решили разделиться на кружки. Я вошла (это было уже в начале 1890 года) в этический кружок. Собственно говоря, об этике в кружке разговора было мало, говорили об общих вопросах мировоззрения. В связи с занятиями в кружке пришлось мне прочитать книжку Миртова (Лаврова) «Исторические письма»²². Не отрываясь, с громадным волнением прочла я эту книжку,— это была первая книжка, говорившая о тех вопросах, которые не давали мне покоя, говорила прямо о вещах, которые я так хотела знать. Курсы я бросила и вся отдалась новым впечатлениям. Впервые услышала я в кружке слово «Интернационал», узнала, что существует целый ряд наук, разбирающих вопросы общественной жизни, узнала, что существует политическая экономия, в первый раз услышала имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса, услышала, что что-то известно о том, как жили первобытные люди, и что вообще существовало какое-то первобытное общество. Весной (1891 года)... я отправилась к С. Н. Южакову, бывавшему в семье моей подруги, и попросила его дать мне первый том «Капитала» Маркса и еще книг, которые мне будут полезны. Маркса тогда не выдавали даже в Публичной библиотеке, и его очень трудно было достать. Кроме «Капитала» Южаков дал мне еще Зибера «Очерки первобытной культуры»²³, «Развитие капитализма в России» В. В. (Воронцова)²⁴, Ефименко «Исследование Севера» (точнее, «Крестьянское земледелие на крайнем Севере»)...

Н. К. Крупская: «Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек...»

С рисунка художника Н. Жукова

...Я... усердно читала «Капитал». Первые две главы были очень трудны, но начиная с третьей главы дело пошло на лад. Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот где выход...

Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которыми связала свою жизнь...

Кроме «Капитала» я прочла и все другие книжки, данные мне Южаковым. Много дал мне Зибер... Передо мной открывались совершенно новые горизонты...

Осенью, когда съехалась учащаяся молодежь, возобновилась кружковая деятельность...

Я вошла в марксистский кружок. Еще раз я прочитала «Капитал», на этот раз уже гораздо основательнее. Прочитанное перерабатывалось и обсуждалось в кружке. У нас был на руках написанный вопросник, который значительно помогал работе. Параллельно я ходила в Публичную библиотеку и перечитала все, что было там из имевшего отношение к марксизму...

Мне хотелось поскорее принять активное участие в рабочем движении. Сначала я попросила дать мне кружок рабочих у наших технологов, но связи у них с рабочими были в то время невелики, и кружка мне дать не сумели. Попыталась было получить кружок у народовольцев, но тут у меня потребовали принадлежности к партии «Народная воля». Я не могла отказать от марксизма. Тогда я решила завязать связи через воскресно-вечернюю школу Варгунина за Невской заставой...

В этой школе я проработала пять лет, завязала очень большие связи, близко узнала рабочую жизнь, рабочих... Мы... старались, не помяная имени Маркса, разъяснять ученикам марксизм. Меня удивляло, как легко было, стоя на почве марксизма, объяснять рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма...

Эти пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом.

*Прокурор
Петербургской
судебной палаты:*

...Надежда Крупская злоупотребляла своим положением учительницы при воскресной школе на Шлисельбургском проспекте, играла за Невской заставой роль представительницы интеллигенции, то есть преступного социал-демократического сообщества, и к

ней рабочие обращались, имея надобность в интеллигенте-руководителе.

Н. К. Крупская: На Охте, у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином (*В. И. Лениным*). Для ради конспирации были устроены блины. На этом свидании кроме Владимира Ильича были: Классон, Я. П. Коробко, Серебровский, Степан Иванович Радченко и другие; должны были прийти Потресов и Струве, но, кажется, не пришли. Мне запомнился один момент. Речь шла о путях, какими надо идти. Общего языка как-то не находилось. Кто-то сказал, — кажется, Шевлягин, — что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех — я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

— Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем...

Злое замечание Владимира Ильича было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности...

На «блинах» ни до чего не договорились, конечно. Владимир Ильич говорил мало, больше присматривался к публике. Людям, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича.

П. Ф. Куделли: ...Надежда Константиновна Крупская, с которою мы обменивались иногда мнениями о преподавании (*в воскресной школе*), шепнула мне на ухо:

— Можно на ваши занятия сегодня прийти одному моему знакомому?

Я была так уверена в себе, в успехе своей лекции, что без всяких колебаний ответила:

— Пожалуйста, буду очень и очень рада.

...Звонок. Вхожу в свой класс — вслед за мною легкою тенью входит человек невысокого роста, бледный, с огромным лбом и редующими волосами около лба, и садится на последней парте. Мы слегка кивнули друг другу. Одет он был как вообще одевались интеллигенты: в черную пару, в белой манишке, черном галстуке.

С развязностью, достойной лучшей участи, я приступила к уроку, благополучно изложила классовый состав Франции накануне революции.

Незнакомец (*В. И. Ленин*) внимательно слушал...
А затем пошли у меня исключительно описания и драматизация эффектных революционных эпизодов. Незнакомец нахмурился, сдвинул брови и еще более прищурил глаза.

Я сразу почувствовала, что в моем уроке есть что-то неладное, что говорю не по существу, не даю марксистского анализа и освещения. Дать его я, конечно, и не могла в полной мере, так как в то время делала еще первые шаги в изучении новой для меня теории.

Через полчаса незнакомец ушел, и я вздохнула с облегчением. После урока спросила Надежду Константиновну с волнением:

— Ну, как ваш знакомый отнесся к моему уроку?

— Он сказал, что вы, наметив классы во Франции, потом и забыли о них...

Было страшно не по себе. Но с этих пор я стала гораздо строже относиться к своим лекциям, штудировать первый том «Капитала».

Н. К. Крупская:

Ученики (*Смоленской воскресно-вечерней школы*) писали очень интересные сочинения. Любимой темой была «Моя жизнь». Каждое сочинение давало яркие картинки крестьянского и рабочего быта. Некоторые писали стихи. Один, помню, в стихах описывал, как издеваются мастера над рабочими. Скажешь слово — и вылетишь с фабрики.

И пойдешь потом скитаться
Возле фабрик, у ворот
Год целый дожидаться
Работы...

Не было тогда широкой рабочей прессы, не было рабкорства. Только учительницы да их знакомые читали эти повести тогдашних рабочих о днях их крестьянской и рабочей жизни. Усердно читал их Ильич.

...Зимой 1894/95 года я познакомилась с Владимиром Ильичем уже довольно близко. Он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, я там же четвертый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе и довольно хорошо знала жизнь Шлиссельбургского тракта. Целый ряд рабочих из кружков, где занимался Владимир Ильич, были моими учениками по воскресной школе: Бабушкин, Боровков, Грибакин, Бодровы — Арсений и Филипп, Жуков и другие. В те времена вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настрое-

**Н. К. Крупская
жила тогда на
Старо-Невском, в
доме с проходным
двором...**

нием рабочей массы. Смоленская школа была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и Обуховской... Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уже были на одно лицо, они уж различали, кто из них насколько подготовлен. Если признают, что учительница «своя», дают ей знать о себе какой-нибудь фразой, например при обсуждении вопроса о кустарной промышленности скажут: «Кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством», или вопрос загнут: «А какая разница между петербургским рабочим и архангельским мужиком?» — и после этого смотрят уж на учительницу особым взглядом и кланяются ей по-особенному: «Наша, мол, знаем».

Что случится на тракту, сейчас же все рассказы-вали, знали — учительницы передадут в организацию.

Точно молчаливый уговор какой-то был...

Я жила в то время на Старо-Невском (*Невский проспект, дом № 97*), в доме с проходным двором, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу, и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о Семянниковском заводе, о Торнтоне, Максвеле и дру-

гих фабриках и заводах Невского тракта. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой.

З. П. Невзорова-Кржижановская: ...Владимир Ильич... быстро оценил эту сторону работы школы и использовал ее как базу для развития и расширения подпольной революционной работы, как возможность проникновения через школу в широкие рабочие массы. На этой почве между ним и Надеждой Константиновной скоро возникла тесная товарищеская спайка и большая дружба.

Н. К. Крупская: Мы тогда много говорили с Владимиром Ильичем о методах пропаганды, об агитации, о содержании пропаганды. Ученики Владимира Ильича (*члены рабочих кружков, посещавшие также воскресную школу*) догадывались о нашем знакомстве.

...Я крепко любила Ильича; то, что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и умения помогать ему в работе...

...Мещанства мы терпеть не могли, мама также, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичем уже как сложившиеся революционные марксисты, и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу.

Г. М. Кржижановский: Трудно было бы найти более верного друга. Трудно было бы найти друга, который давал бы такой минимум осложнений в жизни и такой максимум крепкой поддержки. Пути борца и гения исключительно тернисты...

И вот на всех путях этой великой жизни он (*Владимир Ильич*) имел рядом с собой совершенно исключительную поддержку от своего верного соратника Надежды Константиновны. Человечество никогда не забудет того, что сделала эта женщина для человека, наиболее дорогого всему миру трудящихся.

Первая листовка

Н. К. Крупская: Ленин (*на занятиях в кружках*) старался говорить как можно проще, приводил примеры из жизни русских рабочих; он видел, что рабочие слушают с громадным интересом и хорошо усваивают основы учения Маркса, но в то же время он чувствовал, что мало

только говорить — «нужно широко развернуть классовую борьбу», надо показать, *как* эту классовую борьбу развертывать, около каких вопросов ее организовывать. Задача заключалась в том, чтобы взять те факты, которые особенно волновали рабочую массу, осветить их и показать, *что* надо делать, чтобы устранить их, изменить их.

И. В. Бабушкин: Дело было накануне рождества 1894 года. Окончив работу за два дня перед праздником и имея расчетные книжки на руках, рабочие (*Семянниковского завода*) разошлись по домам, как и всегда после окончания работы...

На другой день после окончания работ мастеровые собрались около полудня в завод за получением денег. Ждут час, другой, третий, а денег все нет и нет. Многие жалуются, что нет денег и потому не на что закупить провизию, а завтра, мол, не успеть в один день управиться; другие жалуются, что хотели поехать в деревню, а теперь, пожалуй, не успеешь, и т. п. Наступил вечер, а денег все нет и даже не удается подробно узнать о положении дел. Некоторые говорят, что хозяева прогорели и поэтому, мол, денег рабочим совсем не дадут. Многие этому начинают верить, и пущенный слух находит почву. Много еще слухов возникает, и, конечно, все не в пользу рабочих. Получается что-то очень тревожное. Мастера тоже нервничают, мастеровые ходят поминутно то в мастерскую, то из нее. Около завода на улице образуются кучки из мастеровых и ведут оживленные разговоры о хозяевах и получке, пересыпая разговор всевозможными ругательствами. Могла бы произойти порядочная неприятность, но заводская администрация в 7 часов или около этого часу объявила, что выдача заработка будет производиться завтра в 10 часов дня. Это значит — в рождественский сочельник. Хотя все были страшно недовольны, все же определенное заявление действовало успокоительно, и народ кучами повалил вон из завода...

Почти та же история повторилась и в рождественский сочельник. День клонился к вечеру, и на улице серело, всюду зажигались фонари, и в мастерских горели по верстакам, станкам и на других местах свечи. Всюду слышны были тревожные разговоры. Публика была взволнована, и не могла ни стоять, ни сидеть на одном месте, и потому переливалась из мастерских на двор, на улицу, а оттуда опять в мастерские. Я тоже ходил от одной кучки к другой, прислушиваясь к разговорам, и местами сам вступал в разговоры. Вышел

на двор, а потом на улицу, всюду было много народу, и, видимо, было немало и посторонних, то есть не заводских. Они тоже входили в завод, в мастерские и обратно. Потолкавшись немного по улице, я вернулся обратно в мастерскую, как вдруг слышу, что на улице у ворот бунт... Наша проходная подверглась разрушению. Там били стекла и ломали рамы. С улицы на наши ворота летели камни и палки, брошенные с целью сбить фонари и орла. Фонари скоро потухли, стекла побились, и, кажется, существенно пострадал также и двуглавый орел...

Рядом с воротами находилось длинное одноэтажное здание, в котором жил управляющий завода, человек, вызывавший у всех рабочих ненависть. Его-то и хотели наказать рабочие; но как это сделать? Пробовали раскрывать дверь, но не сумели и решили поджечь парадный вход.

— Керосину сюда, скорей! — кричали суетившиеся у парадного люди, но керосина взять было негде. Доставали из разбитых фонарей лампы, тащили к крыльцу и поливали собранную кучу разных деревянных щепочек...

Одновременно с нападением на проходные толпа рабочих направилась и к заводской хозяйской общественной лавке. Эта лавка являлась бичом рабочих, в ней рабочий-заборщик чувствовал презрение к себе не только со стороны прохвоста управляющего лавкой, но и всякого приказчика. Забирающий товар не мог быть требовательным за свои деньги, он получал то, что ему давали, а не то, что ему было необходимо. Особенно это чувствовалось при покупке мяса, когда давали одни кости, а будешь разговаривать, то выкинут с завода. Понятно, что во время такого протеста не могла уцелеть эта ненавистная для всех лавка, и, действительно, ее разгромили. Были побиты банки с вареньем, много других товаров было попорчено; сахар и чай выкидывали на улицу, посуду били и т. д...

Первым спасителем для управляющего явилась пожарная часть местной полицейской части, которая, расположившись около ворот дома управляющего, парализовала действия толпы в этом пункте. Вскоре прискакали казаки и встали вдоль улицы против завода. Узнавши о погроме лавки, они направились туда...

Во время рождественских праздников в селе Смоленском произошла масса арестов...

М. А. Сильвин:

В ближайшее же посещение кружка (один из кружков на этом *(Семянниковском)* заводе вел сам Владимир Ильич) он спросил своих слушателей, в чем

дело и почему они никак не сигнализировали о назревающих событиях. Кружковцы давали общие объяснения на тему о том, что движение должно идти сначала вглубь, а потом вширь и т. п. Еще раз подтвердилось, что наши кружковые рабочие далеки от массы. Собрав материал о событиях, Владимир Ильич написал листок-воззвание к забастовщикам с формулировкой их требований и отправился с ним к Запорожцу, также имевшему кружок у семянниковцев, выяснить, нет ли какой-нибудь возможности размножить листок. Таких возможностей не было, готовой гектографической массы мы не держали, ее еще только пришлось бы готовить, закупать желатин, глицерин, варить и т. д. Дело было спешное, и они вдвоем переписали от руки печатными буквами несколько экземпляров листка, которые затем и передали в семянниковский кружок для распространения.

В. И. Ленин:

Он (*И. В. Бабушкин*) принимает деятельное участие в составлении *первого агитационного листка*, выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к семянниковским рабочим, и самолично распространяет его.

Н. К. Крупская:

Бабушкин разбросал (*листок*) по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам — это считалось большим успехом тогда.

И. В. Бабушкин:

Мне поручили руководить этим делом (*распространением листовок*), между тем я даже не знал, как приступить. Рассовать брошюры по ящикам было неудобно, могут заметить. Притом для первого раза этих брошюрок было не особенно много. Не помню, в субботу или в понедельник вечером я разнес часть брошюрок по ретирадам, остальные рассовал, как мог: где сунул в разбитое стекло в мастерскую, где в дверь, где в котел, где на паровозную раму. Словом, старался, чтобы они попали по всем мастерским. На другой стороне завода точно так же все было выполнено, местами кляли в ящики с инструментами, за вальцы, где часто сидят рабочие, и т. д. Эта работа оказалась очень простой и легкой, но так как выполнялась она в первый раз, то, естественно, вызывала некоторого рода робость... Опыт можно было считать удачным...

М. А. Сильвин:

...Листок читали вслух в разных местах на заводе, он оказался интересным, понравился и вызвал разговоры.

Забастовка в Новом порту

В. И. Ленин:

На казенных заводах имеется свое «попечительное» о рабочих начальство, которое закон не хочет утруждать правилами о штрафах. В самом деле, к чему надзирать за казенными заводами, когда начальник завода сам чиновник? Рабочие могут жаловаться на него ему же. Неудивительно, что среди этих начальников казенных заводов попадаются такие безобразники, как, например, командир Петербургского порта, г. Верховский.

В «Летучих листках» (№ 23 от 15 августа 1895 года), издаваемых Фондом вольной русской прессы в Лондоне, излагались обстоятельства забастовки в петербургском Новом порту:

До 1895 года рабочий день на Галерном островке продолжался, как и в Новом Адмиралтействе С.-Петербургского порта, отделение которого составляет Галерный островок, от 7 часов утра до 6 часов вечера, причем один час полагался на обед (от 12—1 дня), так что все рабочее время составляло 10 часов в день. При этом давалось 15 минут льготных, то есть рабочие могли приходить на завод в 7¼ часа утра и в обед в 1¼.

В 1895 году командир порта (*Верховский*) отнял эту льготу, так что на работу нужно было являться в 7 часов утра, на обед тоже давалось ровно 1 час вместо 1¼, как это было раньше. В понедельник 6 февраля были объявлены новые правила: являться на работу в половине седьмого и обед был сокращен еще на четверть часа. Во вторник 7-го числа часть рабочих пришла на работу по-старому, к 7 часам, но на завод их уже не пустили, двери были заперты, и они должны были заплатить штраф, как не работавшие часть дня. Запоздавших собралось человек сто. Рабочие просили сторожей впустить их на завод, но, получив отказ, разломали ворота и вошли в мастерские. Действуя дружно и энергично, они обратились к работавшим товарищам, приглашая их выйти вон и бросить работу. Это приглашение имело желаемое действие, и воодушевление сделалось всеобщим. Но догадливая администрация, справедливо решив, что рабочие угрожают ее «порядку» и могут устроить «бунт», уже послала за полицией. Явившийся с отрядом городских полицейский чиновник тотчас же принялся со свойственным этим господам полудиким рвением «усмирять». На его окрик: «вы что? бунтовать?!» и т. п.— один из толпы

рабочих рассказал повод к неудовольствию и прибавил, что таких «порядков» рабочие терпеть не намерены.

— Кто это сказал? — горячился держиморда. — Я его!..

— Я сказал. — И говоривший вышел вперед.

— Как ты смел, бунтовщик! Арестовать его!!!

— Не смей! — закричала толпа, и при попытке годовых взять «бунтовщика» приставу пришлось испытать пренеприятные ощущения, настолько неприятные, что он просил пощады...

М. А. Сильвин:

Однажды вечером приходит к Ванееву Владимир Ильич и спрашивает меня, не слышал ли я чего-нибудь в своих кружках о брожении среди рабочих Нового порта и о назревающей там забастовке. Тут же при обсуждении этого вопроса я предложил Владимиру Ильичу написать листовку на основании имевшихся у меня сведений, но выразил сомнения в возможности ее размножения и распространения.

— Это мы сделаем, — заметил Владимир Ильич...

...Она была выпущена и распространена... в количестве... нескольких экземпляров, переписанных, насколько мне помнится, на ремингтоне.

Из листовки «Чего следует добиваться портовым рабочим?»:

Товарищи! Все мы знаем, как тяжело живется портовым рабочим. Все мы знаем, что нелегко найти в Петербурге другой завод, на котором так низка заработная плата, так много придинок и вычетов, так плохо питаются и живут рабочие. Но далеко не все знают, что многие притеснения составляют даже нарушение условия, заключенного рабочим с заводом. Далеко не все знают, чего прежде всего следует добиваться рабочим и как им следует действовать, чтобы хоть несколько улучшить свое положение...

Если рабочие не будут ясно сознавать, чего именно нужно требовать, если недовольство их будет слепое и будет выражаться в бросании камней в начальство, тогда рабочим ничего не добиться. Но если они будут знать точно каждый, какие именно требования должны они защищать перед начальством, если они спокойно и твердо будут предъявлять эти требования, тогда начальству нельзя уже будет ссылаться на то, что рабочие просто «бунтуют», тогда начальство поймет, что таких рабочих, которые понимают свои интересы и дружно стоят за них, уж не проведешь, и оно должно будет уступить. Оно не посмеет нарушать

условий с рабочими и вводить новые прижимки, когда рабочие станут сознательно и твердо отстаивать каждую статью этого условия и сообща станут восставать против новых притеснений.

Т. М. Копельзон: Владимир Ильич показывал мне прокламации существовавшей уже тогда организации, во главе которой он стоял и из которой вырос в 1895 году «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Прокламации были обращены к портовым рабочим и к рабочим Семянниковского завода. По мастерству изложения, популярности и умению выдвигать наиболее требованию повседневной жизни рабочих они превосходили все, что я видел до тех пор. Ясно было, что они писались после обсуждения главных затрагиваемых в них пунктов самими рабочими или их ближайшими руководителями.

И. В. Бабушкин: ...Таким же образом были подброшены листки в мастерские при петербургском порте, где они произвели более сильное действие, чем на Семянниковском заводе.

Из «Летучих листков»:

Рабочие (*петербургского порта*)... разошлись по домам и пришли на работу только в понедельник 13-го числа, причем «порядки» остались старые: по-прежнему существует льготная четверть часа и обед продолжается час.

*Из доклада министра внутренних дел
И. Л. Горемыкина Александру III:*

...Замечено... усиление брожения среди рабочих на некоторых фабриках и заводах г. С.-Петербурга, выразившееся в неоднократных стачках и забастовках. Обстановка последних позволяла заключить, что они происходят не без влияния извне со стороны лиц, занимающихся в столице преступной пропагандой среди рабочих. Вследствие сего были приняты меры особого наблюдения и розыски, выяснившие действительное существование в Петербурге особого кружка «социал-демократов», состоящего как из лиц интеллигентных, преимущественно учащейся молодежи, так и распропагандированных ими рабочих.

Г. М. Кржижжатовский: Начиная с зимы 1894 года шпионско-полицейскому механизму Петербурга пришлось в усиленном мас-

штабе познакомиться с той «возмутительной» литературой «подметных листков», которые, несмотря на примитивную гектографскую форму своего производства, весьма заметно стали распространяться именно с этого времени в стенах главнейших петербургских фабрик и заводов. В этих листках, составленных на основании наших бесед с рабочими, мы старались исходить из повседневных нужд, из данной конкретной обстановки той или другой фабрики, возможно более быстрым темпом переходя к лозунгам политического характера, явно вытекавшим из тех препятствий, которые царское правительство громоздило на путях борьбы рабочих за чисто экономические блага.

Н. К. Крупская: Вначале, в 90-х годах, рабочих больше всего волновали вопросы продолжительности рабочего дня, штрафы, вычеты из заработной платы, грубое обращение. И вот кружок Ленина пошел по такому пути: на отдельных фабриках приходивший к рабочим товарищ помогал им формулировать определенные требования к администрации, эти требования объяснялись и печатались в особых листках. Листки сплачивали рабочих, они дружно, единодушно поддерживали требования, выставленные в листках.

Г. М. Кржижановский: Начиная с осени 1893 года занятия нашего кружка с Владимиром Ильичем во главе с различными группами петербургских рабочих дали целый ряд плодотворных результатов. У нас стал накапливаться значительный материал по фактическому положению рабочих на главнейших фабриках и заводах столицы. Наша обличительная проповедь все теснее и теснее смыкалась с повседневными нуждами и требованиями самих рабочих. Мы напрягали все свои силы, чтобы наиболее ярко и в форме, доступной пониманию широких масс, иллюстрировать необходимость перехода от борьбы за экономические достижения к борьбе политической.

...Конечно, и наш доленгинский эксперимент марксистской пропаганды среди столичных рабочих сам по себе уже учил нас многому. Передовики столичного пролетариата не могли не поражать нас своей исключительной напористой тягой к знанию вопреки тяжким условиям тогдашнего фабричного труда и жизни на убогих питерских окраинах, своей восприимчивостью к революционной науке Маркса, своей товарищеской самоотверженностью. Но переход быстрый и решительный от единиц к массам, от пропаганды к агитации, образование первых ячеек организации «Союза

борьбы за освобождение рабочего класса»... все это могло бы пойти по-иному, не будь в нашей среде Ленина тех юных лет.

Н. К. Крупская: У Владимира Ильича была глубочайшая вера в классовый инстинкт пролетариата, в его творческие силы, в его историческую миссию. Эта вера родилась у Владимира Ильича не вдруг, она выковалась в нем в те годы, когда он изучал и продумывал теорию Маркса о классовой борьбе, когда он изучал русскую действительность, когда он в борьбе с мировоззрением старых революционеров научился героизму борцов-одиночек противопоставлять силу и героизм классовой борьбы. Это была не слепая вера в неведомую силу, это была глубокая уверенность в силе пролетариата, в его громадной роли в деле освобождения трудящихся, уверенность, покоившаяся на глубоком знании дела, на добросовестнейшем изучении действительности. Работа среди питерского пролетариата облекла в живые образы эту веру в мощь рабочего класса.

Глава третья

Против народничества и «легального марксизма»

Вопрос о рынках

В Москве и Нижнем Новгороде

Идейный разгром народничества

Презрев царскую цензуру...

Манифест революционного марксизма

В борьбе с лжемарксистами

Детище временного союза

«Запретить и сжечь!»

Как феникс из пепла...

Вопрос о рынках

*Ц. С. Бобровская
(Зеликсон):*

Огромные трудности стояли на пути пропаганды марксизма в Петербурге...

Сложность задачи заключалась не только в необходимости преодоления полицейских рогаток для расчистки дороги к рабочей аудитории, но и в той идейной борьбе, которую приходилось вести с народническими воззрениями, еще распространенными тогда как среди передовых рабочих, так и среди революционно настроенной интеллигенции.

Надо помнить, что в то время еще широкое хождение имели утверждения народников о том, что марксизм неприменим к отсталой, аграрной, «мужицкой» России, где удельный вес промышленных рабочих в ту пору был небольшим.

П. Н. Лепешинский:

Первые годы его (*В. И. Ленина*) литературной, пропагандистской деятельности проходили главным образом под знаком развития теории марксизма в борьбе с народничеством. Это была насущная задача момента. На очереди стоял практический вопрос перед пионерами социал-демократии в России — создать революционные кадры марксистской интеллигенции, отвоевать лучшую часть этой последней от народнических течений, ликвидировать старый теоретический хлам, которым до того времени жила наша революционная интеллигенция, и насадить на русской почве теоретический марксизм. И вот за эту задачу берется после группы «Освобождение труда» и наряду с главным представителем этой группы — Плехановым молодой теоретик-марксист (да еще какой! Во всяком случае, не уступавший по марксистской выучке Плеханову) — Владимир Ильич.

М. А. Сильвин:

...Владимир Ильич предложил нам разрабатывать различные вопросы русской жизни (и в особенности русского хозяйства) с точки зрения теории Маркса, исходя из тех политических задач, которые мы должны себе ставить.

По предложению Владимира Ильича мы решили, чтобы каждый выбрал себе тему, разработал ее и в порядке очереди читал реферат или же сделал отчет о какой-нибудь вновь вышедшей книге. Я вызвался первым сделать доклад.

— Но какую же тему вы можете предложить? — спросил я.

Владимир Ильич указал на только что вышедшую книжку В. В. (Воронцова) «Наши направления», и я взялся за нее. Реферат я написал, насколько теперь помню, хлесткий, но малосодержательный. Читал я его (в октябре 1893 года) у себя же в комнате. Были кроме Владимира Ильича Кржижановский, Старков, Малченко, Ванеев и Г. Красин.

Ввиду очевидной убогости содержания доклада особых прений или обмена мыслями не последовало, все неловко молчали, больше всех был смущен сам автор своим полным провалом и с отчаяния порвал реферат на мелкие куски, как только публика разошлась. Молчаливо признанным лидером кружка был Г. Красин, и он-то и решил спасти положение, предложив представить к ближайшему собранию реферат о рынках. Владимир Ильич, в портфеле которого нашелся бы, вероятно, не один реферат, коварно молчал. Он, очевидно, хотел сначала узнать, с кем имеет дело.

Н. К. Крупская: Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов.

В питерских марксистских кружках в это время стало уже открещиваться особое течение. Суть его заключалась в том, что процессы общественного развития представителям этого течения казались чем-то механическим, схематическим. При таком понимании общественного развития отпадала совершенно роль масс, роль пролетариата. Революционная диалектика марксизма выбрасывалась куда-то за борт, оставались мертвые «фазы развития»...

Вопрос о рынках стоял в тесной связи с этим общим вопросом понимания марксизма.

М. А. Сильвин: Ни один автор того времени — ни Воронцов, ни Кривенко, ни сам Михайловский — своей критикой марксизма и нападками на его адептов не доставил нам столько хлопот, не вызывал столько задора и не требовал такой полемической изворотливости в спорах с противниками, как Николай — он своими «Очерками». Целый монблан статистических выкладок, большая эрудиция, навык оперировать экономическими понятиями, наконец, обаяние первого переводчика Маркса сделали его наиболее серьезным противником...

Николай — он не был, собственно, народником. Он не разделял надежд легального народничества на торжество «народного производства» над капитализмом при помощи артелей, дешевого кредита и т. п. Он, наоборот, подчеркивал быстрый процесс «капитализа-

ции» всего народного хозяйства, подчинение его крупному торговому и промышленному капиталу. Он говорил только, что всеобщее обнищание крестьянства сокращало внутренний рынок и вырывало почву из-под ног самого нашего капитализма...

*В «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства»
Николай — он, в частности, писал:*

Для капиталистической формы промышленности прежде всего требуется рынок, это необходимое условие ее существования. Нет рынка — наступает кризис. Поэтому каждая капиталистическая нация старается обеспечить себе по возможности более широкий рынок для сбыта своих товаров, и, конечно, прежде всего обращается к своему собственному, внутреннему. Достигнув известной степени промышленного развития, капиталистическая нация довольствоваться одним внутренним рынком уже не может...

Выходом из затруднения... представляется расширение рынка за пределы страны — приобретение внешнего рынка...

...Для отвоевания хотя бы части всемирного рынка у капиталистических наций, раньше нас захвативших его, нам недостает многого: у нас нет ни знания, ни технического развития.

М. А. Сильвин:

Предотвратить этот печальный конец — полное разорение страны и крах тепличного капитализма — можно только при одном условии, именно если «мы» (Николай — он так и писал: «мы») свернем с избранного нами пути и «направим все силы на развитие успешности труда производителей при свободном владении ими орудиями труда». По цензурным условиям Николай — он не мог договорить своей мысли до конца, но для всех, кто умел читать между строк, было ясно, что, поскольку на этот «ошибочный» путь нашу страну толкает царское правительство, во имя интересов «народа» это правительство должно быть свергнуто, захват власти революционной партией приведет к торжеству «народных» интересов и т. д., — следовали обычные в спорах аргументы народовольческой программы...

Против этих-то аргументов и против выводов Николая — она и направил Красин стрелы своего реферата. Его тезой было, что капитализм в России развивается и будет развиваться независимо от покровительства правительства и несмотря на разорение крестьянства.

Основываясь на исследованиях оборота капитала во втором томе Маркса и на теории более быстрого роста постоянной части капитала сравнительно с переменной, Красин доказывал, что капитализм развивается имманентно в процессе производства средств производства для средств производства.

Почти ничего не зная, как и большинство из нас, о русском крестьянском хозяйстве, о всех тех многочисленных видах и формах, в которых капитализм внедрялся в самую гущу народной жизни и овладевал как торговый, ростовщический или промышленный капитал трудовыми процессами, создавал новые производства, увеличивая продукцию и развивая обмен, создавая в деревне новую обширную базу для своего развития, Красин в своем реферате явился сухим догматиком, схоластом, аргументы которого, при всей их видимой учености, никого не убеждали. Для меня было ясно, что приемы аргументации Красина сложились у него под несомненным влиянием П. Н. Скворцова²⁵, которого он был частым собеседником в Нижнем.

Собрание состоялось (в конце октября 1893 года) у С. И. Радченко... Народу собралось довольно много... Владимир Ильич сидел в тени в сторонке у окна, вдали от большого чайного стола, за которым сидел референт и многие из нас. Красин был плохой оратор и читал по тетрадке в форме четвертушки листа, перегнутой вдвое, так что образовались поля в полстраницы; на полях рукой Владимира Ильича, который заранее ознакомился с рефератом, были написаны возражения.

Н. К. Крупская: В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без помарок писал свои примечания и возражения приезжий...

Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии.

М. А. Сильвин: Эта тетрадка затем обошла всех нас, мы читали и тезисы и возражения, но то, что говорил Владимир Ильич в опровержение реферата, было гораздо полнее. Он говорил долго, со свойственным ему мастерством,

старался не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным...

Речь Владимира Ильича может быть названа программной. Он начал с того, что Николай — он оторвал конец от начала, да и удивляется, что капитализм висит в воздухе, и затем без всяких статистических цифр и без всяких ссылок на Маркса Ленин заявил, что надо быть реалистами, исходить не из схем, а из изучения нашей действительности, и обрисовал нам картину процесса экономического развития страны и роста капиталистического производства в ней именно на почве разорения и расслоения крестьян, на почве вытеснения натурального хозяйства денежным. Крестьянин стал беднее, он не производит теперь для себя предметов одежды, утвари и прочего, но он должен их купить, а для того, чтобы купить, он должен продать свою рабочую силу. Он питается, одевается и т. д. хуже, чем прежде, но многие предметы потребления он уже должен теперь покупать, предъявляя на них спрос на рынке. С другой стороны, крестьянин-предприниматель стал производить больше, продавать больше, но и покупать больше и т. д.

— ...О рынках,— говорил он (*Владимир Ильич*) в заключение своей пламенной речи,— позаботится наша буржуазия, а мы должны позаботиться о том, чтобы вызвать к жизни массовое рабочее движение в России, между тем мы для этого ничего не делаем или почти ничего.

И он стал говорить о том, что наши рабочие, с которыми мы изучаем Маркса, те же интеллигенты, что ни их, ни тем более нас рабочая масса не знает, что ей мы чужды и что мы должны вести работу так, чтобы заинтересовать эту самую массу, подходить к ней с вопросами, ее наиболее волнующими. Он говорил также о том, что нас должны интересовать не одни лишь вопросы теоретической экономики. Не в том только дело, чтобы хорошо знать теорию стоимости или теорию рынков; надо усвоить метод Маркса, а этого можно достичь только применением этого метода к изучению русской действительности и задач рабочего движения в России.

...Красин пробовал возражать, но его уже не слушали. Выступления некоторых других товарищей ничего существенного по вопросу не дали. Владимир Ильич говорил опять и по просьбе присутствовавших взял тетрадки Красина, чтобы дополнить их новыми замечаниями; так как диспут казался незаконченным, было решено устроить еще одно собрание для продолжения дебатов.

С. П. Невзорова-Шестернина:

...Как сейчас помню нашу небольшую, в одно окно, длинную комнатку с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит (*Владимир Ильич*)... Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, высокий красивый П. Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижной Сильвин. На кровати сидят Зина (*Невзорова*) и Аполлинария (*Якубова*), а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий с большим лбом Герман Красин. В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничаю я. Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, возражают Старков, Ванеев и другие. Владимир Ильич молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как Владимир Ильич опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда Владимира Ильича первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое.

Г. Б. Красин:

В его (*Владимира Ильича*) реферате приводились статистические данные о расслоении натурального хозяйства, выявлялась картина пауперизации населения, подводились итоги фактической роли капитала в народном хозяйстве того времени.

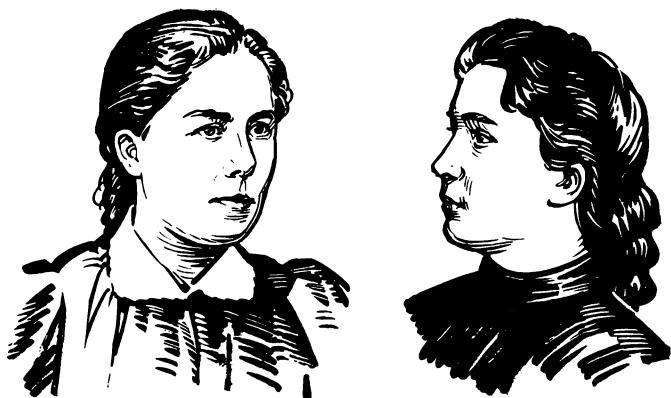
Г. М. Кржижановский:

В этом докладе Владимир Ильич блеснул перед нами таким богатством иллюстраций статистического характера, что я испытал своего рода неистовое удовольствие, видя, какое грозное оружие дает марксизм в познании нашей собственной экономики. Некоторые члены нашего кружка были даже до известной степени шокированы этой своеобразной конкретностью подхода к столь теоретическому вопросу, как вопрос о создании рынка для развивающегося капитализма. На материале хозяйственного развития России Владимир Ильич опрокинул все их путаные, искусственные построения о развитии капиталистической экономики.

М. А. Сильвин:

Этот реферат Красина «О рынках» был поворотным пунктом в жизни нашего кружка. Лидерство Красина

Софья Павловна Невзорова (справа) приехала в Петербург в октябре 1893 года и поселилась у своей сестры Зинаиды Павловны на Васильевском острове...

было низвергнуто. Молчаливо, но твердо это почувствовали все. И сам Герман Борисович очень хорошо сознавал это...

Г. М. Кржижановский:

Рукопись... выступления Владимира Ильича долгое время считалась затерянной, но, к счастью, она была найдена и впервые опубликована в 1937 году под заглавием «По поводу так называемого вопроса о рынках»* ...

Читатель теперь сам может проследить по этой брошюре, как превосходно оперировал юный Владимир Ильич сложными схемами производства и обращения с учетом различных подразделений капитала, развитыми во втором томе «Капитала» Маркса, иллюстрируя суть классических выводов К. Маркса четким материалом нашей российской действительности. В тех сложных статистических таблицах, которые автор составлял для выявления действительных движущих моментов наших хозяйственных порядков, был использован богатейший материал для познания нашей сельской экономики — различные сборники земской статистики...

Перечитывая эту брошюру в настоящее время, вы видите, как в ней уже явственно просвечивают контуры последующего гениального труда Ленина, вышедшего под заглавием «Развитие капитализма в России». И уже в грозах... первой революции 1905 года мы могли воочию убедиться, каким неопределимым вкладом является этот труд Владимира Ильича для выработки правильной тактики большевиков по отношению к крестьянству при нарастающей волне революции...

* См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 67—122.

Всем нам стало ясно, какая разница между гениальным прощупыванием подлинной действительности, между смелой и действенной добычей подлинно ведущих истин и тем или иным «повторением пройденного», простой популяризацией уже добытых истин. Мы уже начали догадываться, что реферат Владимира Ильича — событие, далеко перерастающее тесные рамки нашего кружка, что самый кружок должен зажить как-то по-новому, подтянуться, чтобы быть достойным своего нового сотоварища. Воистину на наших глазах завершалась фаза долгих и долгих исканий передовых поколений нашей Родины. Верная и бестрепетная рука молодого гения открывала завесу грядущего и направляла нашу волю в такое русло, где самое слово перерастало в историческое дело.

В Москве и Нижнем Новгороде

В. И. Ленин:

Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на «мир» с пошляками.

В. В. Воровский:

Против главных теоретиков народничества, людей почтенных, пользовавшихся уважением общества, имевших в своем распоряжении несколько журналов и газет, выступила кучка еще никому неизвестных, молодых марксистов, сразу напавших на самые основы народнических учений и верований.

За этой «дерзкой» молодежью стоял могучий союзник — развитие производительных сил, которое в корне подрывало прежние производственные и общественные отношения, прежние мировоззрения и идеалы. Народничество, при всем своем внешнем блеске и влиянии, представляло уже живой труп, державшийся только благодаря политическому бесправию русского общества. Когда марксисты пошли в атаку на народнические святыни, они под первыми же ударами начали падать одна за другой.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Зимой 1893 года... Владимир Ильич выступал против народников в Москве. Это было во время рождественских каникул, когда он приехал побывать к нам. На праздниках устраивались обычно вечеринки. Так и тут на одной вечеринке с разговорами... выступил против народников Владимир Ильич.

«Рукопись Владимира Ильича долгое время считалась затерянной, но, к счастью, она была найдена и впервые опубликована в 1937 году...»

По поводу так-называемого
вопроса о революции.

I.

Может ли у нас в России развиваться и вообще развиваться капитализм, когда масса народа бедна и бедноте все больше? Вот это развитие капитализма нестроится никакой выдуманной теорией, а развитие капитализма определяется только фактом, фактом существования классов и в зависимости от того, какая организация капиталистических отношений существует, то есть, что превращает массу рабочих в класс, непосредственно или опосредственно в то время, капиталистический класс создает себе рынок, но именно-недостаточный, то есть на нем фактически отстает капиталистическое развитие у нас-лишь фактически можно раз-

М. П. Голубева-Яснева:

...В один из моих приездов в Москву один из... родовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень, мол, «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения.

— Так как вечеринка предполагает собрать по возможности всех идущих врознь, но бьющих вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного.

Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу... Мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-либо другому я понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Около шести с половиной часов, перейдя Арбатскую площадь, я вошел в книжный склад магазина Залеской...

Ко мне подошла девушка лет восемнадцати, напоминавшая курсистку, и со словами «идите сюда!»... ввела меня в зал, где посредине стоял большой обеденный стол, вокруг которого разместилось десяток стульев. По стенам тоже стояли стулья, между которыми были маленькие столики. Тут же по одной стене стоял довольно большой, вместительный диван и около него по обеим сторонам два мягких кресла такого же фасона и обивки. Над ними висели большие круглые стенные часы с приятным башенным боем, которые встретили меня семью ударами бархатного звона. Уже было человек пятнадцать, из которых по крайней мере половина скопилась у широких дверей, выкрашенных под дуб, открывавших вход в соседнюю комнату, повидимому гостиную. Именно оттуда вышел молодой человек лет двадцати семи, которого я сразу узнал: это был Николай Ефимович Крушенский... Вскоре из гостиной вышла Анна Ильинична и, увидав меня, ласково заулыбалась и подошла ко мне. Указывая мне глазами на среднего роста мужчину в плотном пиджаке, в очках, с круглой стриженной бородкой, тихо сказала:

— Это В. В.

Я впервые видел эту знаменитость народников, чрезвычайно скучные книги которого я с великим терпением преодолевал как необходимую тяжелую повинность.

Пришла хозяйка, а за ней вошла горничная, которая пристально осмотрела уже накрытый чайный стол.

— Итак, начнем...— сказал молодой человек, после того как томпаковый блестящий фигурный самовар был внесен, стаканы и чашки налиты и разнесены и все уселись, кроме небольшой группы, стоявшей у дверей в гостиную, среди которых был темноватый блондин с зачесанными, немного выющимися волосами, продолговатой бородкой и совершенно исклчительно-ным, громадным лбом, на который все обращали внимание. Он не вошел в зал, а там, в гостиной, то прислушивался, то на цыпочках подходил к двери, то, закладывая пальцы за жилетку, быстро прохаживался, вдруг останавливался и задумывался, чтобы через секунду еле слышно совсем близко подойти к двери и особо внимательно прислушаться.

— Господа, предметом настоящего моего доклада,— начала спокойным, тусклым голосом эта народническая знаменитость,— будет уже давно известная всем нам и, если хотите, даже приевшаяся уже тема о роли общины в нашей современной хозяйственной жизни, разработанная на основании всех данных

Первое публичное выступление В. И. Ленина в Москве состоялось в доме № 13 на Воздвиженке...

науки и статистических исследований, но...— и он немного помолчал, улыбнулся сам себе, вскинул голову и резко отчеканил: — Но что будешь делать, когда многие из современной молодежи, совершенно не понявшие принципы учения известного на Западе экономиста Маркса и не зная, что к чему, прилагают эти, уже полуотжившие методы как следует еще не изложенной доктрины к нам, к России, имеющей свою особую историю, свой быт, нравы, обычаи, вообще все свое оригинальное, отнюдь не похожее на западное крестьянское бытие, идущей совершенно иным, чем на Западе, своеобразным, своим историческим особенным путем развития...

Прерываемый время от времени аплодисментами части собравшихся, довольный успехом, около полутора часов излагал он свои тягучие мысли, которые вбивались в головы слушателей постоянным повторением их в разнообразном обрамлении. Все это говорилось тоном, не допускающим никаких возражений, как некая давным-давно известная истина, как нечто то, что есть сама правда.

Наконец В. В. кончил и как-то рухнул в мягкое кресло, подвинутое ему курсисткой, все время смотревшей на него.

Председательствовавший молодой человек откашлялся и робко спросил:

— Может быть, кто желает спросить достоуважаемого Василия Павловича, может быть, кто-либо недо-

понял чего... Итак, есть ли вопросы?.. Кто просит слова?

Выступили несколько московских марксистов, которые довольно вяло и довольно банально возражали В. В.

Взяв слово для ответа выступавшим ораторам, В. В. поверхностно, покровительственно-отечески, а иногда и презрительно глумился над малыми знаниями молодых ораторов, особенно укоряя их тем, что они не читали то ту, то другую книжку...

Молодой человек, ведший собрание, снисходительным тоном, словно продолжая нравоучения В. В., спросил:

— Я думаю, желающих больше нет... Все было ясно,— язвительно прибавил он, покачиваясь и улыбаясь,— захотели высказаться, ну что же!.. И теперь стало еще ясней...

— Я прошу слова,— резко, звучно, громко сказал кто-то оттуда, из дверей гостиной, и я увидел тонкую, протянутую через чье-то плечо руку.

В дверях расступились, и я увидел того, кто все время находился в гостиной во время реферата.

Бледноватое лицо выступавшего покрылось красноватыми пятнами. Взгляд его был сосредоточен, а белый изумительный сократовский лоб уступом нависал над весьма оживленным лицом. Все стихло.

— Нас здесь поучали, чтобы мы хорошенечко продумали отживающую свой век «теорию» экономиста Маркса...— начал он, подчеркивая интонацией отдельные слова.— Похвальное пожелание, что и говорить... Но хотелось бы узнать у почтенного референта, на какой предмет должны мы подробно и углубленно познакомиться с «отживающей свой век» доктриной экономиста Маркса... Впрочем, это понятно! Нам, нашему поколению, все нужно знать досконально, и даже в том числе действительно отживающую свой век, весьма плохонькую, худенькую и часто совершенно нелепую и даже более того... ну как бы повежливей сказать?.. старенькую и убогую теорию народничества вообще и экономическую его теорию в частности и в особенности... Чтоб не возвращаться к этому в дальнейшем, я посоветовал бы господину почтенному референту и его слушателям и товарищам действительно углубленно заняться изучением всей теории автора «Капитала», чтобы обогатить свой обветшалый теоретический багаж знаниями действительно высокой науки, которую теперь принято называть марксизмом с его непревзойденным диалектическим методом, о котором, как я полагаю, почтенный референт не

имеет ни малейшего понятия. Мы постараемся и на этот счет, хотя бы в примерах, кое-что разъяснить ему...

В зале поднялся шум... Кто-то прошипел:

— Как он смеет!..

— Какая дерзость!..

— Это ужасно!..

Молодой человек приподнялся было и хотел что-то сказать, но выступающий, на память цитируя почти слово в слово референта, упоминая цифры, проценты и прочее, стал жестко, резко критиковать сказанное референтом, приводя такое огромное число цитат, книг, цифр, что В. В. вдруг добродушно заулыбался, махая рукой, как бы давая знать, чтобы не мешали слушать, и, все вытягиваясь, вырос из своего глубокого мягкого кресла. Незнакомец подвинулся несколько вперед, овладев всеобщим вниманием, достал из бокового кармана синие ученические тетрадки, сложенные пополам, видимо прекрасно ему знакомые, и вычитывал оттуда целые таблицы.

Он говорил минут сорок.

— Итак, господа,— закончил он,— давайте углубленно учиться марксизму, и тогда нам многое будет понятней и мы не будем делать ложных шагов в теории и практике, как нередко делаем их теперь...

1. Чернов:

На него (*Владимира Ильича*) с большим азартом налетал В. П. Воронцов, приставая к нему, что называется, как с ножом к горлу:

— Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает право вам утверждать подобные вещи; предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай — он (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!

Этот способ аргументации на нас не производил впечатления; что всякое молодое направление не может сразу предъявить фундаментальных трудов, было нам понятно и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, казалось нам, злоупотребляет случайными выгодами такой несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызнулся» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно.

Н. Лядов:

Когда он (*В. И. Ленин*) начал говорить, он всех поразил своей ученостью. И это была не обычная ка-

бинетная ученость, а полное понимание действительной жизни. Он, видно, уже тогда хорошо изучил жизнь русских рабочих и крестьян и ясно представлял себе, как им нужно бороться.

В. В. Старков:

После того как народники и народовольцы (в том числе, помнится, и Чернов) наговорили кучу красивых фраз о социализме, внезапно выступил с присущей ему скромностью Владимир Ильич и начал с того, что здесь много говорят о социализме, но, прежде чем говорить о социализме, надо сначала условиться, что следует понимать под ним, а дальше — и пошел, и пошел. Я с своего места наблюдал, какое впечатление его речь производит на слушателей, и видел, что они совершенно опешили и долго не могли прийти в себя.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Помню, что брат... стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischenruf'ов*, заставивших всех — большинство очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разбивать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне. И враждебное отношение к такой «мальчишеской дерзости» стало сменяться постепенно если не менее враждебным, то уже более уважительным отношением. Большинство стало смотреть на него как на серьезного противника. Марксистское меньшинство ликовало, особенно после второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича. Снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, ступевался.

Марксистская часть молодежи торжествовала победу.

...— С кем это я спорил? — спросил, по словам тов. Голубевой, Владимир Ильич, с которой он вышел в переднюю.

— Да с В. В...

---

* Реплик (нем.).

Он страшно рассердился.

— Что же вы мне не сказали раньше? Если бы я знал, что это В. В., я бы и спорить с ним не стал,— сказал Владимир Ильич.

М. П. Голубева-Яснева:

Я поняла эти его слова в том смысле, что он считал спор с В. В. бесполезным — все равно, мол, его не переубедишь,— и потому стала оспаривать целесообразность такого спора и доказывать, какое большое значение он имел для слушателей. И действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили как о новой звезде, появившейся на горизонте,— одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой — что, мол, из этого будет.

В. В. Старков:

На другой день те мои знакомые, через которых нам удалось попасть на это собрание, говорили мне, что такой страстности и внутренней стойкости и убежденности им не только не приходилось видеть, но они и не представляли себе возможным ничего подобного. Наряду с этим они должны были отметить, что и такой стальной логики им также не приходилось встречать. Этим замечанием они подчеркнули еще одно разительное свойство: Владимир Ильич никогда не терял логической нити своих рассуждений и всегда полностью владел собой.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Я помню тоже, что диспут этот с живостью обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы, а имя «петербуржца», разделившего так основательно В. В., было одно время у всех на устах.

*Из донесения московского обер-полицейстера
20 января 1894 года в департамент полиции:*

Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защите взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела.

В. Д. Бонч-Бруевич:

Вхожу в маленькую столовую и здороваюсь с Анной Ильиничной и ее матерью, которую раньше я не

знал и не видел. Она мило, приветливо улыбается. Сажусь за стол. Не успел перемолвиться двумя-тремя фразами о референте, как вошел тот самый незнакомец, кто так чудесно отчитал В. В. Я просто обомлел и не знал, что сказать, даже растерялся как-то, так было это неожиданно. Незнакомец торопливым шагом подошел ко мне совсем близко и, смотря мне прямо в глаза, сказал:

— Петербуржец... Вы Владимир Дмитриевич? Прекрасно. Как же вы здесь живете? Москва прежде славилась филипповскими калачами, а теперь, очевидно, такими мастодонтами-ископаемыми, как В. В. Вот уж удружил... Ничего подобного не ожидал я... Раздосадовал он меня.

М. Т. Елизаров рассказывал, сколь почтительно отнесся В. В. к своему «молодому оппоненту»...

— Гм, гм...— Впервые в жизни услышал я этот, столь после часто повторяемый, скептический возглас Владимира Ильича.— Это надо посмотреть. Впрочем, если он действительно хочет серьезно учиться марксизму... Это хорошо, это очень хорошо... Это никогда не поздно... Но уж больно у них мышление-то примитивное... Ну, будет о нем...— вдруг прервал себя таинственный Петербуржец.— Расскажите-ка вы, батенька,— обратился он ко мне,— что у вас здесь делается в Москве... Мне говорят, что вы имеете хорошие социал-демократические связи.

— Ну, какие там хорошие, так кое-что,— ответил я совершенно искренне, считая свои связи и среди интеллигенции, и среди рабочих весьма еще маленькими. Я рассказал ему все, что знал, и закончил, сказав:— Как вы сами видите, все это крайне ничтожно и ненадежно, весьма поверхностно.

— Это ничего!.. Надо начинать и упорно идти и идти к цели... Надо никогда не унывать и постепенно, крайне осторожно умножать связи...

А. А. Ганшин:

Помню, что когда приехал Владимир Ильич в Петербург из Самары в 1893 году, то привез с собой рукопись, кажется, под таким заглавием: «Обоснование народничества в трудах В. В.»...

М. Г. Григорьев:

Написав названный труд, В. И. Ульянов с этим трудом для ознакомления с ним кружков ездил, кажется, в Москву, откуда по нашей просьбе он проехал в Нижний. В то время слава о силе его диалектики распространена была уже довольно широко, но нередко для придания большего ему значения прибавлялось: брат казненного Ульянова.

С 1896 года, когда я был уже в Самаре, мне не приходилось более слышать обязательного прибавления к фамилии Ульянова, что это брат и т. д. Сила и значение В. И. Ульянова в деле развития марксизма в России быстро определились и на своем дальнейшем пути ширились и крепились.

Насколько мне помнится, местом прочтения Владимиром Ильичем Ульяновым реферата была выбрана небольшая квартирка Минодоры Егоровны Якубовской. Учительница женского для «благородных девиц» института М. Е. Якубовская, имея большое тяготение к народолюбцам, все же проявляла любознательность и к другим видам революционного движения.

Слухи о брате Ульянова уже тогда доходили до широкой нижегородской интеллигентской публики, а потому интерес к реферату В. И. Ульянова был необычайный. Ввиду же тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил и П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление, и никого среди присутствовавших не нашлось смелого для возражений...

С. И. Мицкевич:

Выступления Ленина в Москве и Нижнем значительно усилили позиции марксистов в этих городах.

По возвращении Ильича из Нижнего в Москву я виделся с ним: мы побывали вместе у А. Н. Винокурова (*в Замоскворечье, в Большом Овчинниковском переулке*), который тоже входил в руководящую московскую марксистскую группу²⁶. Мы рассказали Ильичу о наших московских рабочих кружках, о нашем намерении в ближайшее время перейти к массовой агитации путем выпуска листовок. Он очень внимательно и сочувственно слушал наши сообщения и особенно одобрял наше намерение перейти от кружковой работы к агитации.

Идейный разгром народничества

С. И. Мицкевич:

С начала 90-х годов марксизм стал все заметнее проявляться в русской общественной жизни. Выступления марксистов в студенческих кругах Петербурга, Москвы, Киева и других городов, начало пропаганды

среди рабочих в этих же городах, выступление рабочих на похоронах Шелгунова²⁷ в 1891 году и речи на первом праздновании 1 мая 1891 года в Петербурге, появление заграничной литературы группы «Освобождение труда»: «Наших разногласий», неперIODического сборника «Социал-демократ»²⁸ и других — все это всполошило наших народников, и они в своем журнале «Русское богатство» открыли по марксизму огонь по всей линии... В каждом почти номере «Русского богатства» стали появляться против русских марксистов статьи Михайловского, Южакова, Кривенко. Появились такие статьи и в других журналах, например в «Вестнике Европы»... Марксизм, а в особенности взгляды русских марксистов при этом безбожно искажались и в таком виде разносились на страницах тысяч экземпляров журналов по всей России.

М. Н. Лядов:

...В нашей литературе начинает наблюдаться явление совершенно непонятное для многих, в особенности провинциальных читателей. В «Русском богатстве», «Вестнике Европы» и в целом ряде отдельных брошюр и книг начинается вдруг систематический поход против врага, которого широкий круг читателей не только не видит и не знает, но многие едва ли слышали о его существовании. Легальные литераторы выступают в поход против речей, сказанных где-нибудь на нелегальной вечеринке. На вопрос, возбужденный марксистами перед аудиторией в каких-нибудь сто человек, отвечает в легальном журнале, имеющем громадный круг читателей... У них (*народников*) были книги, у них были журналы, у них была, наконец, установленная репутация «друзей народа»...

В. И. Ленин:

Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению. Помню, что на этой почве началась его полемика с Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском Богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым²⁹...

Насколько я помню, моя переписка с Федосеевым касалась возникших тогда вопросов марксистского или социал-демократического мировоззрения. Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпатией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу и, может быть, ухудшившего свое положение теми или иными заявлениями или неосторожными шагами по отношению к жандармам.

Н. Е. Федосеев был, по словам В. И. Ленина, одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению.

С. И. Мицкевич: Чувствовалась среди русских марксистов большая нужда в работе, которая дала бы отповедь яростным нападкам критиков-народников, разоблачила бы их мелкобуржуазную сущность, свела бы в единую систему марксистско-философские, экономические и политические идеи применительно к современным российским условиям.

М. А. Сильвин: Мы стали осаждать Владимира Ильича неотступными просьбами ответить Михайловскому:

— Напишите же что-нибудь, Владимир Ильич, именно вы должны написать.

Он и сам склонен был начать именно с Михайловского, писателя проищательного и умного, которому он не мог простить солидарности с народническими бреднями Воронцова.

Мы продолжали настаивать, чтобы Владимир Ильич выступил против народников, и обещали приложить все усилия к размножению его работы хотя бы на гектографе, чтобы она проникла по возможности шире за пределы нашего небольшого кружка. Владимир Ильич засел за работу, и весной 1894 года были готовы «Друзья народа». Работал он быстро...

А. И. Ульянова-Елизарова: Весной 1894 года Ильич писал о Михайловском. Другие же две части «Что такое «друзья народа»» были написаны им раньше, в Самаре.

...И в самарские годы, и позднее ему не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общест-

венного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и другие. И во все четыре зимы, проведенные Владимиром Ильичем в Самаре, более солидные слои передового общества смотрели на него как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением. Рефераты Владимира Ильича о сочинениях В. В., Южакова, Михайловского, читанные в самарских кружках, позднее подвергшись некоторой обработке, составили три тетради под общим заглавием: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Г. М. Кржижжатовский:

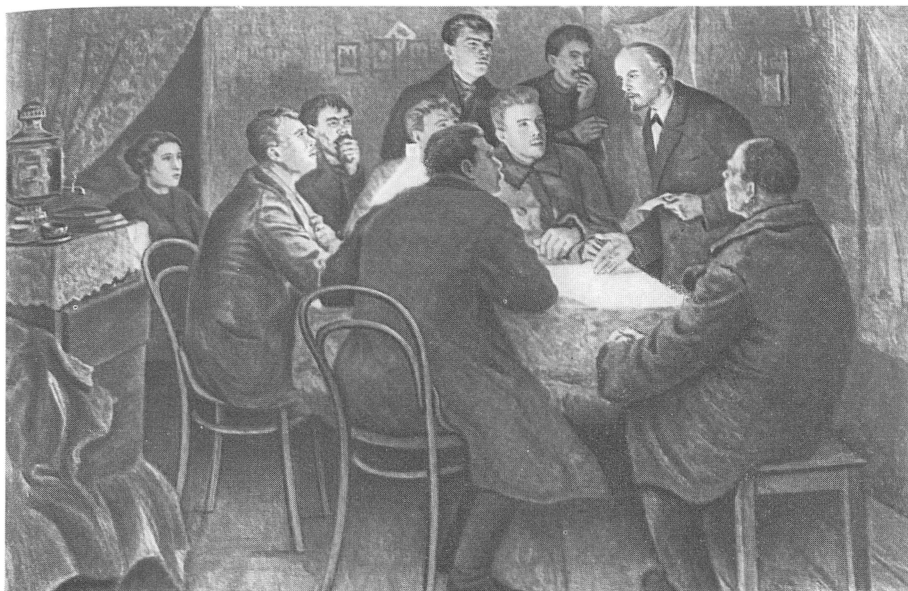
На наших глазах юный Владимир Ильич с удивительной быстротой набрасывает тетрадь за тетрадь своим бисерным почерком почти без помарок гениальное произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В. И. Ленин:

«Русское Богатство» открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н Н. Михайловский, объявил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов». Затем появились статьи г-на С. Кривенко: «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они все более изложены были г. С. Южаковым в статье: «Вопросы экономического развития России» (в №№ 11 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

С. И. Мицкевич:

В 1-й части (работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»)... мы находим блестящую критику взглядов лидера тогдашнего народничества Н. К. Михайловского — его «субъективного метода» в социологии, разоблачение его непонимания и извращения марксизма вообще и взглядов русских марксистов в частности. В противовес ему излагается система исторического материализма и сущность диалектического метода... Я остановлюсь только на тех сторонах полемики, которые характеризуют тогдашнюю позицию

В. И. Ленин выступает в марксистском кружке

Художник А. Моравов

В. А. Шелгунов

народников по отношению к русскому марксизму и марксистскую критику этой позиции. Особенно любопытно противопоставление взглядов Михайловского в 1877 году его же взглядам в 1894 году. В 1877 году Михайловский в своей статье «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» защищал, «хотя и не особенно умело», взгляды Карла Маркса; он находил тогда, что *весь «Капитал»* был посвящен материалистическому исследованию данной общественной формы, а в 1894 году он задает уже вопрос: «В каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?», и он отвечает на этот вопрос, что такой работы нет: «И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе».

В чем же причина такой перемены взглядов Михайловского? Наш автор (*В. И. Ленин*) отмечает, что одной из причин этого является то обстоятельство, что русский крестьянский социализм 70-х годов, «фыркающий» на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми» либералами, усиленно замазывавший антагонистичность русской жизни и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие» впечатления в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются и обуславливаются массовой экспроприацией крестьянства.

В то время как народники 70-х годов солидаризировались с западноевропейским рабочим движением и его международной организацией — Первым Интернационалом, лидер народников 90-х годов иронизирует по поводу того, что материализм не оправдал себя в «науке», но зато пользуется успехом «так сказать, в ширину», распространяется «в критически непроверенном виде» среди немецких рабочих ввиду «обещаемых им перспектив будущего», а «перспективы эти не требуют от усвояющего их немецкого рабочего класса ни знаний, ни работы критической мысли. Они требуют только веры». Вот когда еще, оказывается, начался отход от революции наших «критически мыслящих личностей».

В. И. Ленин:

Можно судить... какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме»³⁰

по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями и, наконец, приводя точные мысли Энгельса,— точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ,— что политическая экономия, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили, ограничивается» историей капиталистического общества,— делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма!» Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли — и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма!..

Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и переверять ее.

С. И. Мицкевич:

Излагая взгляды русских марксистов, Михайловский, между прочим, с иронией говорит, что русским марксистам придется еще ждать, пока «Россия разовьет свое собственное капиталистическое производство со всеми его внутренними противоречиями, а тем временем оторванный от земли мужик обратится в пролетария»; «Маркс-де оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их», на что Владимир Ильич возражает: «Итак, в России нет «внутренних противоречий»? т. е., говоря прямо, нет эксплуатации массы народа кучкой капиталистов? нет разорения громадного большинства населения и обогащения кучки лиц? Мужику только еще предстоит быть оторванным от земли? А в чем состоит вся пореформенная история России, как не в массовой, невиданной нигде в такой интенсивности, экспроприации крестьянства?.. России надо еще создавать пролетариат?! В России, в которой одной только можно найти такую безысходную нищету масс, такую наглую эксплуатацию трудящегося... в которой голодание миллионов народа является постоянным явлением рядом, например, с все возрастающим вывозом хлеба,— в России нет пролетариата!!»

В. И. Ленин:

Мы подходим теперь к самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемики» — именно к «критике» (?) г. Михайловским политической деятельности социал-демократов. Всякий понимает, что деятельность социалистов и агитаторов среди рабочих не может подвергаться честному обсуждению в нашей легальной прессе и что единственное, что может сделать в этом отношении порядочная подцензурная печать, — это «с тактом молчать». Г. Михайловский забыл это весьма элементарное правило и не посовестился воспользоваться своей монополией обращения к читающей публике для того, чтобы обливать социалистов грязью.

Найдутся, однако, средства борьбы против этого бесцеремонного критика и помимо легальной журналистики!

Третий выпуск своей работы В. И. Ленин начинает так:

В заключение познакомимся еще с одним «другом народа», г. Кривенко, выступающим тоже на прямую войну с социал-демократами.

Впрочем, мы не будем разбирать его статьи («По поводу культурных одиночек» — в № 12 за 1893 г. и «Письма с дороги» в № 1 за 1894 г.) так, как делали это по отношению к гг. Михайловскому и Южакову. Там разбор их статей целиком был необходим, чтобы ясно представить себе в первом случае — содержание их возражений против материализма и марксизма вообще; во втором — их политико-экономические теории.

С. И. Мицкевич:

В 3-й части (работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»)... делается разбор тактики, практических предложений и политической программы «друзей народа», то есть народников. Прежде всего автор разоблачает мелкобуржуазную природу эпигонов народничества, их замазывание противоречий и расслоения, которые проявляются в «народных формах промышленности», показывает, что одна из форм этой «народной промышленности» — кустарные промыслы есть домашняя система крупного производства, в которой труд поработен капиталу и эксплуатируется им еще более беззастенчиво, чем в крупной промышленности, что крестьянство резко расслоено на три слоя — богатеев-кулаков, являющихся представителями мелкой буржуазии, середняков — разоряющихся, едва поддерживающих свое самостоятельное хозяйство, и третью группу — бедняков... пролетариев-батраков.

Было бы отступлением от материалистического метода, если бы я, критикуя воззрения «друзей народа», ограничился сопоставлением их идей с марксистскими идеями. Необходимо еще объяснить «народнические» идеи, показать их **МАТЕРИАЛЬНОЕ** основание в современных наших общественно-экономических отношениях. Картинки и примеры экономики наших крестьян и кустарей показывают, что такое этот «крестьянин», идеологами которого хотят быть «друзья народа». Они доказывают буржуазность экономики нашей деревни и тем подтверждают правильность отнесения «друзей народа» к идеологам мещанства. Мало того: они показывают, что между идеями и программами наших радикалов и интересами мелкой буржуазии существует самая тесная связь. Эта связь, которая будет еще яснее после разбора программы их в деталях, и объясняет нам такое широкое распространение в нашем «обществе» этих радикальных идей; она же прекрасно объясняет и политическое лакейство «друзей народа» и их готовность идти на компромиссы...

Перейдем к политической программе «друзей народа»... Какими мерами хотят они «потушить пожар»? В чем видят они выход, неправильно, дескать, указываемый социал-демократами?..

Всмотритесь в эту программу, и вы увидите, что эти господа вполне и целиком становятся на почву современного общества (т. е. на почву капиталистических порядков, чего они не признают) и хотят отделаться штопаньем и починкой его, не понимая, что все их прогрессы — дешевый кредит, улучшения техники, банки и т. п. — в состоянии только усилить и развить буржуазию...

Они хотят товарного хозяйства без капитализма, — капитализма без экспроприации и без эксплуатации, с одним только мещанством, мирно прозябающим под покровом гуманных помещиков и либеральных администраторов. И они с серьезным видом департаментского чиновника, намеревающегося облагодетельствовать Россию, принимаются сочинять комбинации такого устройства, когда бы и волки были сыты и овцы целы...

Наши рыцари мещанства хотят именно сохранения «связи» крестьянина с землей, но не хотят крепостного права, которое одно только обеспечивало эту связь и которое было сломлено только товарным хозяйством и капитализмом, сделавшим эту связь невозможной. Они хотят заработков на стороне, которые бы не отрывали крестьянина от земли, которые бы — при

работе на рынок — не порождали конкуренции, не создавали *капитала* и не поработали ему массы населения. Верные субъективному методу в социологии, они хотят «взять» хорошее и оттуда и отсюда,— но на деле, разумеется, это ребячье желание ведет только к реакционной мечтательности, игнорирующей действительность, ведет к неумению понять и утилизировать действительно прогрессивные, революционные стороны новых порядков и к сочувствию мероприятиям, увековечивающим добрые старые порядки полукрепостного, полусвободного труда,— порядки, обладавшие всеми ужасами эксплуатации и угнетения и не дававшие никакой возможности выхода...

...Как настоящие идеологи мещанства, они хотят не уничтожения эксплуатации, а смягчения ее, хотят не борьбы, а примирения. Их широкие идеалы, с точки зрения которых они так усердно громят узких социал-демократов, не идут далее «исправного» крестьянства, отбывающего «повинности» перед помещиками и капиталистами, лишь бы только помещики и капиталисты справедливо к ним относились...

Гг. «друзья народа» за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы.

М. И. Калинин:

Если внимательно прочесть книгу Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и статьи Плеханова того времени по этому вопросу, то можно заметить, что Ленин иначе подходит к народничеству.

Плеханов ведет борьбу с народниками, блестяще показывая реакционность их идей, убедительно доказывая правоту марксизма и... все. Критикуя народничество, Плеханов недооценивал силы и значения демократического движения крестьянства в борьбе за низвержение самодержавия и крепостнического строя.

Ленин же теоретической полемикой преследует практическую цель — расширить и углубить водораздел между либералами и демократическим движением, избавить демократическое движение от гегемонии либерализма, обосновать необходимость поддержки радикальной демократии, способной на народную революцию с отторжением земли от помещиков, с уничтожением всех феодальных институтов. Другими словами, Ленин рассматривал революционное крестьянство как надежного союзника пролетариата...

Н. К. Крупская: Вопрос об отношении к либеральной буржуазии неразрывно связан с вопросом о демократии. В «Что такое «друзья народа»» Ленин писал: в эпоху Чернышевского борьба за демократизм и борьба за социализм сливались в одно неразрывное целое. Давая оценку буржуазно-либеральному демократизму и демократизму обуржуазившегося народничества 80-х годов, примирившегося с царизмом, Ленин противопоставлял ему демократизм революционного марксизма.

В. И. Ленин: Социалистическая интеллигенция только тогда может рассчитывать на плодотворную работу, когда покончит с иллюзиями и станет искать опоры в действительном, а не желательном развитии России, в действительных, а не возможных общественно-экономических отношениях. **ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ** работа ее должна будет при этом направиться на *конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития*; она должна вскрыть этот антагонизм *везде, где он прикрит политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками*. Она должна *дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие*.

Эта теория, основанная на детальном и подробном изучении русской истории и действительности, должна дать ответ на запросы пролетариата,— и если она будет удовлетворять научным требованиям, то всякое пробуждение протестующей мысли пролетариата неизбежно будет приводить эту мысль в русло социал-демократизма.

Г. М. Крижжановский: Это он, Ленин, всматриваясь в тернистый путь революционных демократов России, решительно провозгласил, что мученичество их отнюдь не тщетно, что ценой невероятных жертв и мучительных исканий они нащупали правильные пути для научного понимания действительности, для уразумения источников общественных перемен. Кому из нас не понятны вещи слова Ленина:

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за

всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»...

Перечитывая это высказывание, я невольно вспоминаю ту «невероятную энергию и беззаветность исканий», которые на моих глазах проявлял сам Владимир Ильич на своем героическом жизненном пути...

С несокрушимой энергией, опираясь на марксизм, во всеильность которого как науки он верил всем своим изумительным по целостности существом, он строил нашу победоносную партию...

Еще будучи молодым, 23-летним человеком, он поражал нас, его соратников по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», своим удивительным, мастерским обладанием таким могучим оружием науки, каким является диалектический материализм. Стоит только вспомнить гениальный прогноз грядущей мировой освободительной роли русского пролетариата, которым кончается его замечательный труд тех времен «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

В. И. Ленин:

Политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **КЛАССА**, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящихся. Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России...

На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую

борьбу,— тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.*

Н. К. Крупская: Теперь — 35 лет спустя³¹, когда жизнь подтвердила каждое слово этой целевой установки,— она кажется сама собой разумеющейся, но 35 лет тому назад она была лишь научным предвидением, выводом из научного анализа русской действительности под углом зрения научного социализма. Эта целевая установка светила всю жизнь Ленину. Она не была каким-то предвидением, с неба свалившимся, тут была не слепая вера, а научная убежденность. Эта цель, сформулированная в 1894 году Ильичем, освещала весь путь партии...

35 лет тому назад путь к великой цели можно было определить лишь очень схематически. Но Ильич в «Друзьях народа» указал метод, как вливать живую воду в схему, на каждом этапе облекать схему живой плотью.

Презрев царскую цензуру...

М. А. Сильвин: Технику печатания первого издания (*работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»*) организовал Радченко. Кто именно печатал, я не знаю. Отпечатанные на гектографе листы приносились к нам на квартиру пачками по мере изготовления, и мы с Ваневым собирали и брошюровали их, а затем Ванев относил все это в Технологический институт, откуда наши товарищи технологи пускали их в обращение. По условиям техники выпуск первого издания не мог быть больше пятидесяти экземпляров...

Мы были, естественно, в полном восхищении от работы Ильича.

Я нервно настаивал, чтобы экземпляр ее был непременно послан Михайловскому. Ильич заметил мне по этому поводу, что он пишет не для Михайловского, а для того, чтобы, во-первых, разъяснить возможно более широким кругам читателей, что такое марксизм, и, во-вторых, вскрыть буржуазный характер народничества как идеологии мещанства, как апологии мелкого производителя.

В июне 1894 года первое издание первого выпуска работы В. И. Ленина вышло в свет.

М. А. Сильвин:

Несколько экземпляров было разослано по редакциям, в том числе в «Русское богатство». Продажную цену не назначали, брали сколько кто даст. Выручка поступила в кассу нашей группы, но едва ли она покрыла даже расходы по печатанию. Успех был огромный, издание разошлось моментально, и было задумано второе.

Ванеев в это лето в Нижний, на родину, не поехал, а устроился на уроки у какого-то инженера и жил у него на даче возле Териок, часто наезжая в Петербург. Именно Ванеев в течение лета создал техническую организацию, усилиями которой и было напечатано второе издание книги.

В. И. Ленин:

Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды.

Полагая, что готовность служить делу этой пропаганды должна быть непременно следствием социал-демократических убеждений, мы обращаемся ко всем единомышленникам автора предлагаемой брошюры с предложением содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению как предлагаемого сочинения, так и всех вообще органов марксистской пропаганды. Настоящий момент особенно удобен для такого содействия. Деятельность «Русского Богатства» принимает по отношению к нам все более и более вызывающий характер. В своем стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошел до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Смеем думать, что такими приемами журнал только вредит себе и подготавливает нашу победу. Однако не следует забывать, что клеветники располагают всеми материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет. В их распоряжении несколько тысяч экземпляров журнала, к их услугам читальни и библиотеки. Поэтому, чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций, мы должны приложить все наши усилия. Выражаем полную уверенность, что эти усилия найдутся.

М. А. Сильвин:

Следует сказать, что Владимир Ильич не был доволен малым тиражом нашего первого издания. Он

сознавал, что такая крупная и важная работа должна иметь массу читателей, и писал в расчете именно на широкое распространение своего произведения. Он надеялся, что в Москве через Ганшина — Масленникова дело удастся поставить не столь примитивно и разноможить «Друзей народа» не на первобытном гектографе, а более культурно и в надлежащем масштабе, при помощи типографского станка, так как предполагалось устройство небольшой тайной типографии.

Л. А. Ганшин:

Ранней весной в 1894 году я узнал от своих родственников-друзей братьев Масленниковых, что им удалось после долгих попыток приобрести в Москве типографский шрифт. Я тотчас же предложил нашему кружку технологов-марксистов (Владимиру Ильичу Ульянову, С. И. Радченко, В. В. Старкову, Г. М. Кржижановскому, Г. Б. Красину, М. К. Названову, А. Л. Малченко, А. А. Ванееву, П. К. Запорожцу) воспользоваться шрифтом и отпечатать только что написанную статью Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», причем всю типографскую работу я брал на себя. Условились, что рукопись передаст Владимир Ильич в Москве в середине июня.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Лето 1894 года — после первой зимы в Петербурге — Владимир Ильич проводил с нами под Москвой, в Кузьминках, неподалеку от станции Люблино, Курской железной дороги. Жил довольно уединенно и много занимался. Для отдыха гулял с меньшим братом и сестрой по окрестностям...

Д. И. Ульянов:

Помнится, в июне он (*Владимир Ильич*) приехал с изрядным запасом книг и, как всегда, засаживался с утра до обеда за работу. После обеда обычно гуляли, а по вечерам он также систематически работал.

Мы занимали помещение во втором этаже деревянного дома, а в нижнем жил сослуживец Марка (*М. Т. Елизарова*) с семьей; у него снимали комнаты еще двое, служившие на железной дороге, вернее, в управлении Московско-Курской железной дороги. По возвращении со службы эта публика или занималась разговорами и спорами, или сидела за картами.

Часто после обеда брат звал меня гулять. Он любил предпринимать большие прогулки за несколько верст и шагать быстро. В этом отношении я не отставал от него. Обычно мы вели отрывочные незначительные разговоры. Мне хорошо запомнился следующий разговор: я высказал сомнение в революционно-

Лето 1894 года
Владимир Ильич
проводил у род-
ных на даче под
Москвой, в Кузь-
минках...

сти и значительности работы в рабочих кружках. От этой работы хотя и можно ждать плодов, но только очень не скоро, к тому же царский режим слишком мешает вести такую работу, которая требует систематичности и продолжительности.

...Как-то мы идем, и я говорю Владимиру Ильичу:

— У нас очень много товарищей, старых, известных нам, почему не взяться и не создать террористической организации?

Это у меня еще народовольческая отрыжка была.

Владимир Ильич быстро остановился на ходу:

— А для чего это нужно? Предположим, удалось бы покушение, удалось бы убить царя, а какое это имеет значение?

— Как какое значение — оказало бы громадное влияние на общество.

— На какое общество? Какое ты общество имеешь в виду? Это то общество либеральное, которое играет в картишки и кушает севрюгу под хреном и мечтает о кучей конституции? Это общество ты имеешь в виду? Это общество не должно тебя интересоваться, оно нам не интересно, мы должны думать о рабочем человеке, о рабочем общественном мнении. Вот Карл Маркс в Западной Европе стал во главе рабочего класса именно потому, что рабочие — это самый революционный элемент капиталистического строя.

Больше уж я об этом и не заикался.

Внизу на даче... была пишущая машинка «ремингтон», и, когда Владимир Ильич привез с собой

«Эрфуртскую программу» Каутского и комментарии к ней и перевел программу на русский язык, я пошел вниз и начал печатать ее на машинке, печатал для себя, просто так.

А Владимир Ильич спрашивает:

— Ты вниз ходил, там печатал? Это неудобно, я тебе программы больше не дам.

— Почему неудобно?

— Люди посторонние, чужие нам, а ты печатаешь; видно, что программа социал-демократической партии. Это неконспиративно. Если можно взять машинку сюда, тогда давай, но туда, вниз, я не дам.

Я притащил машинку наверх, и ночью, помню, мы долго не ложились, и Владимир Ильич начал щелкать на этой машинке. Он старался быстро писать, я говорю:

— Напутаешь.

— Ничего, напутаю — исправим. Печатать — так надо быстро, а то лучше я буду писать пером.

С. И. Мицкевич:

Ильич заходил ко мне, бывал и я несколько раз у него на даче у Елизаровых. Мы гуляли с ним по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал о нашей работе, говорил о вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Однажды Владимир Ильич дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Это была рукопись в толстой тетради, написанная характерным почерком Ильича и представляющая собой исследование о расслоении крестьянства на юге России, о выделении из крестьянской массы, с одной стороны, экономически мощной кулацкой группы, применявшей в своем хозяйстве машины и наемный труд, с другой — разоряющейся маломощной группы крестьян, постепенно пролетаризирующихся...

После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Эта работа произвела на меня огромное впечатление...

И вот в моих руках была рукопись этой замечательной работы, ответившей в основном на все наиболее волнующие вопросы того времени. Понятно было мое волнение. Учитывая огромное значение этой работы, я решил, что ее нужно во что бы то ни стало размножить.

А. А. Ганшин:

Приехав в Москву, я узнал от братьев Масленниковых, что шрифта нет: доставший шрифт рабочий ис-

С. И. Мицкевич: «Ильич заходил ко мне, расспрашивал о работе московских марксистов...»

пугался ревизии типографии и взял его обратно, но есть надежда получить шрифт из других источников. Обещали не сегодня-завтра достать; время шло, а шрифта не было. Рукопись о Михайловском была передана мне Владимиром Ильичем в квартире С. И. Мицкевича на Садовой, которому она была дана для прочтения. Дело было только за шрифтом. Решено было ехать в город Юрьев-Польский, где был у меня знакомый наборщик, и предложить ему или отпечатать рукопись, или снабдить нас шрифтом. Переговоры не привели ни к чему: типография была маленькая и убыль шрифта сразу могла броситься в глаза владельцу. Но все-таки удалось достать литографский камень, на котором в конце концов и решили отпечатать «Что такое «друзья народа»...».

Местом для работы выбрали имение моего отца Горки... Владимирской губернии, в 160 верстах от Москвы, куда, приобретя пишущую машинку, краски, валик и прочее, перебрались мы с В. Н. Масленниковым, но вследствие неумения литографскую работу поставить не удалось. Тогда В. Н. Масленников едет в Москву, достает там автокопист, пергамент и прочее, начинаем печатать; работа идет медленно: станок всего на пол-листа, делаем новый — в лист.

В. Н. Масленников:

Образец автокописта в размере полулиста писчей бумаги удалось получить у... А. Р. Бриллинга, в то время студента Московского технического училища.

По имеющемуся образцу мной был сконструирован автокопист размером в лист писчей бумаги и заказан в слесарных мастерских Комиссаровского технического училища. Ленту для автокописта, литографскую краску, чернила и валик удалось приобрести в магазине, кажется, Гагена. При помощи таких средств и было нами напечатано летом 1894 года произведение Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Печатали непосредственно с рукописи Ленина, полученной через А. А. Ганшина.

А. А. Ганшин:

В конце июля или в начале августа 1894 года меня известил М. Т. Елизаров, который работал тогда в бухгалтерии управления Курской железной дороги, что рукописи Владимира Ильича о Южакове и Кривенко закончены и что можно за ними приехать.

Утром в теплый ясный день я приехал в Люблино и отправился искать дачу по указанному мне М. Т. Елизаровым маршруту...

Наконец и дача с мезонином, перед дачей палисадник, к нему прислонен велосипед. Из дачи выходит юный студент. На мой вопрос, где живут Елизаровы, он указывает на только что оставленную им дверь, садится на велосипед и быстро скрывается из виду. Это был Дмитрий Ильич, четвертый, младший член семьи Ульяновых. Вхожу в дачу, встречаю Анну Ильиничну, называю себя. Она зовет брата:

— Володя, к тебе пришел технолог.

Пока Владимир Ильич сходит сверху, из мезонина, я оглядываю комнату. Почему-то бросается в глаза папка для нот с золотым тиснением, собственность Марии Ильиничны, которая в то время занималась музыкой.

Владимир Ильич знакомит меня с Марией Александровной — своей матерью и сестрами Анной и Марией. Все радушно меня встречают: ведь этот технолог пришел к их Володе.

Идем с Владимиром Ильичем в Кузьминки. Там, на берегу пруда, сидя на скамейке, он расспрашивал меня, как идет дело с размножением статьи³², излагал содержание двух вновь написанных ответов Южакову и Кривенко в необыкновенно увлекательной и убеждающей форме, с большой эрудицией.

Время шло, пора было возвращаться в Москву, а не хотелось расставаться с таким обаятельным собеседником. Поэтому, когда возвратились на дачу и Анна Ильинична предложила отобедать, я охотно со-

«...Запомнилось лицо матери Владимира Ильича — Марии Александровны. Оно выражало гордость, восторг своим сыном».

гласился в надежде услышать еще и еще раз Владимира Ильича. Я так увлекся продолжением кузьминской беседы, что, выходя из-за стола, совершенно бессознательно поблагодарил за обед Владимира Ильича.

— Не меня, а сестру,— ответил Владимир Ильич.

Я растерялся и, вероятно, имел очень жалкий вид, когда стал извиняться за оплошность. На выручку пришла Анна Ильинична.

— Вы с таким увлечением слушали Володю, что невольно поблагодарили его. Вам можно простить,— сказала она.

Впрочем, не один я слушал Владимира Ильича с таким увлечением, так же были захвачены и все присутствующие. Особенно запомнилось лицо матери Владимира Ильича — Марии Александровны. Оно выражало гордость, восторг своим сыном.

В июле — августе 1894 года в связи с изданием своей работы В. И. Ленин совершил поездку в местечко Горки Владимирской губернии.

*Запись
воспоминаний
И. А. Ганшина*

Поездка обставлялась по всем правилам конспирации. Владимир Ильич... решил ехать поездом, который приходит на станцию Рязанцево Северной железной

дороги в три часа ночи — одновременно с поездом из Ярославля.

Алексей Ганшин сам заложил плетенку, кучером взял младшего брата (*Ивана*). Он, как было условлено, поставил упряжку недалеко от станции, за большими штабелями дров. Старший Ганшин пошел встречать гостя на перрон. Там, как и предполагалось, было оживленно: пассажиры с двух поездов и встречающие. Сонный жандарм не обратил внимания на двух молодых людей, которые проскользнули между вагонами и скрылись за дровами.

Ехали через деревни Будовское, Любимцево, по увалам, по лесным дорогам.

— Экая же красота! — вздохнул Владимир Ильич. — Дичи, вероятно, здесь пропасть...

До восхода солнца, когда все еще спали, приехали в Горки. Ленин прошел в заранее освобожденный охотничий домик, что стоял рядом с усадьбой. В усадьбе в то время жило много молодежи — студенты, гимназисты, сельские учителя. Появление нового человека никого не удивило: у братьев Ганшинных летом собирались большие и довольно пестрые компании.

Владимира Ильича познакомили с техникой печати, и он не мог отказать себе в удовольствии повозиться с машинкой и автокопистом. Но долго оставаться в типографии подпольщики не могли. Их отсутствие могло заинтересовать молодежь. Поэтому они то работали над выпуском книги, то веселились так же, как и все. Ранними росными утрами Ленин снимал со стены охотничьего домика ружье и бродил по опушкам и вдоль реки.

Вечерами обычно собирались на веранде усадьбы или сидели на скамейке перед ней. Отсюда открывался прекрасный вид на реку и на старую мельницу. Мельница особенно нравилась Ленину...

Никто так и не догадался, кто гостил тогда в Горках. Приехал веселый, общительный и умный молодой человек, поохотился и уехал.

А уехал Ленин через пять дней, и тоже ночью, на той же самой плетенке. Ваня Ганшин так же остановил лошадей за дровами, Владимир Ильич и Алексей Александрович быстро прошли сквозь ночную невыспавшуюся толпу, и Ленин сел теперь уже на ярославский поезд.

А. А. Ганшин:

...К концу августа напечатали одну только первую часть (*произведения «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»*) в количестве 100 экземпляров, форматом в $\frac{1}{4}$ листа, черной

краской, стараясь придать внешность типографской работы. С начала сентября продолжаем работу в Москве, на 1-й Мещанской, в доме Зайцевского, в квартире моего отца...

В Горках и в Москве мною и В. Н. Масленниковым были изданы только две первые части: ответ Михайловскому и Южакову. Ответ Кривенко не успели издать.

М. А. Сильвин:

Приехав (27 августа 1894 года)... в Петербург, Владимир Ильич увидел, что у нас дело (с размножением на гектографе «Друзей народа») идет лучше, мы оканчивали уже наше третье издание первого выпуска и изъявили желание немедленно приняться за издание следующих. Второй выпуск (о Южакове) был готов у Владимира Ильича еще к маю и был нам знаком, третий он написал летом. Но он хотел прежде издать третий выпуск (о Кривенко), считая его более важным, так как полемика с Южаковым была скорее теоретического характера, в ней разбирались политико-экономические взгляды народников, между тем как третий выпуск рассматривал их практические предложения, их политическую программу.

До приезда Владимира Ильича у нас на руках не было текста второй и третьей части. Он взял с собой рукопись, рассчитывая, очевидно, пустить ее в печать вместе с первой частью в Москве у Ганшина. Но когда, увидев в Москве то же несовершенство техники, медленность печатания и незначительность выхода, он, огорченный всем этим, приехал в Петербург и нашел, что у нас дело подвигается по крайней мере не хуже, то сейчас же попросил Малченко отправиться в Москву, взять у Ганшина все, что уже готово, а также и самые рукописи.

С. И. Мицкевич:

Однажды пришел ко мне Ганшин и сказал, что из Петербурга приезжал от Ильича человек и забрал весь воспроизведенный материал и подлинник статьи Владимира Ильича.

М. А. Сильвин:

После короткого визита в Нижний в конце августа Ванеев вернулся в середине сентября в Петербург и занялся здесь печатанием третьего (а если третьим считать московское издание Ганшина — Масленникова, то это будет четвертое) издания, датированного сентябрем 1894 года, с пометкой: «Издание провинциальной группы социал-демократов». Пометка эта была сделана не столько по соображениям конспирации, сколько для того, чтобы побудить провинциальные

группы повторять издание, не стесняясь формальными соображениями об авторском праве, о том, кому принадлежит право воспроизведения и т. п.

Я приехал в Петербург в конце сентября, остановился у Ванеева и принял участие в сборке и брошюровке книги, которые здесь производились. Где происходило самое печатание, я не знаю и, понятно, об этом не спрашивал. Владимир Ильич нередко заходил к нам в нашу комнату (на Садовой улице, дом 49), где жили мы с Ванеевым осенью 1894 года и где производилась нами сборка и брошюровка готовых экземпляров. Владимир Ильич интересовался ходом работы и поторапливал нас, опасаясь какой-нибудь случайности, которая могла бы испортить все дело. Именно в это время убедился он в революционном рвении и твердой воле А. Ванеева, организовавшего все предприятие и проводившего его настойчиво, спокойно и умело, с большой конспиративной выдержкой. Дружба между ними укрепилась, и Владимир Ильич стал смотреть на Анатолия как на такого товарища, которому скорее всех остальных можно было поручить и доверить особо серьезное дело. Позже сношения с подпольной типографией народолюбцев были возложены на Ванеева...

Когда мы справились с печатанием четвертого (а нашего, петербургского, — третьего) издания первой части и первого — единственного — издания третьей части, мы просили разрешения Владимира Ильича приступить к печатанию второй части, о Южакове, рукопись которой мы получили из Москвы. Но это было уже в октябре 1894 года, а в это время возникли обстоятельства, совершенно прекратившие нашу «издательскую» деятельность и побудившие Владимира Ильича отказаться от печатания нашими средствами работы о Южакове...

Из донесения петербургского градоначальника фон Валя в департамент полиции 27 мая 1895 года:

...Деятельность... кружка (*социал-демократов*) выразилась... в выпуске брошюры, озаглавленной «Что такое «друзья народа»» (появились I и III выпуск; выпущены Старковым и Ульяновым). Кроме того, при содействии Старкова та же брошюра (II выпуск) была издана в Москве.

М. М. Могилянский:

Мой приятель М., арестованный в апреле (1894 года), но освобожденный летом, достал экземпляр рукописи этой статьи, купил пишущую машину «Cosmo-

polis» и уехал к родным своей жены в Борзенский уезд Черниговской губернии. Необыкновенно способный влиять на окружающих и привлекать их к выполнению своих планов, здесь он расшевелил старика отца своей жены... И вот 60-летний сельский священник с дочерью и зятем целыми днями просиживают в сарае, варят гектограф и размножают марксистскую полемическую брошюру! Увы, значительную часть этого издания, сделанного в мирной сельской глуши, постигла печальная участь. Когда оно было готово (в количестве что-то около 100 экземпляров), М. повез его ко мне в Чернигов. К несчастью, он приехал в Чернигов накануне моего возвращения с кумыса из Уфимской губернии и всполошил мою семью тюком нелегальщины... Вернувшись в Чернигов на другой день, я М. уже не застал и, что хуже того, с огорчением узнал, что большая часть тючка, привезенного им, уничтожена. Матери моей, однако, удалось сохранить экземпляров 20—25 брошюры, и, распространив часть их в Чернигове, а часть направив в Киев, я еще привез экземпляров 10 осенью в Петербург.

Манифест революционного марксизма

Н. К. Крупская: Осенью 1894 года Владимир Ильич читал в нашем кружке свою работу «Друзья народа». Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы. «Друзья народа» в отгектографированном виде потом ходили по рукам под кличкой «желтеньких тетрадок». Они были без подписи. Их читали довольно широко, и нет никакого сомнения, что они оказали сильное влияние на тогдашнюю марксистскую молодежь.

...В первой большой работе Владимира Ильича... «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» имеются ссылки на «Коммунистический манифест», на «К критике политической экономии», на «Нищету философии», на «Немецкую идеологию», на письмо Маркса к Руге от 1843 года, на книжки Энгельса «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

«Друзья народа» чрезвычайно расширяли марксистский кругозор большинства тогдашних марксистов, мало знавших еще произведения Маркса, по-

новому освещали целый ряд вопросов и пользовались громадным успехом.

...Эта книжка сыграла в то время громадную роль, создав революционную марксистскую платформу для русской социал-демократии. Она освещала вопрос о наличии капитализма в нашей стране, о формах революционной деятельности социал-демократов в существующих русских условиях, подвергала беспощадной критике мелкобуржуазные народнические идеи, их стремление подменить революционную борьбу мелко-травчатым культурничеством.

*Г. М. Кржижа-
новский:*

Нынешней молодежи, воспитанной в исключительно благоприятной для духовного роста советской обстановке, не легко будет себе представить, с каким подъемом читались и перечитывались нами в те годы нашего подполья эти вещи тетрадки замечательной работы Ленина...

Этот трактат Владимира Ильича по яркости и силе своего анализа, по своему пророческому предвидению является поистине изумительным. Когда вы читаете его сейчас, он еще весь дышит свежестью, а между тем строки эти написаны были более 60 лет назад³³. Роль рабочего класса в России и в судьбах российской революции, связь его с крестьянством, прямая, открытая дорога политической борьбы и предвидение победоносного итога коммунистической революции в России, неминуемая связь нашей революции с судьбами мировой пролетарской революции — все это вы найдете на страницах брошюры в ярком и живом изложении. Но в ней также сказывается и другая сильная сторона Владимира Ильича: перед нами грозный полемист, гневно ниспровергающий всех тех, кто становится на пути пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли, кто так или иначе искажает правильное понимание пролетариатом его великой исторической роли.

...Его работа... показывает нам, как этот юноша-атлет на целые десятилетия предвосхитил пути и методы грядущей пролетарской революции.

М. А. Сильвин:

Это первое крупное политическое произведение Владимира Ильича произвело большое впечатление и на революционную молодежь, и в широких кругах интеллигенции, сочувствующей освободительному движению. Оно, несомненно, приобрело новых адептов марксистской доктрине, расширило круг «содействующих» социал-демократическим организациям, дало

89

«...Перед нами — грозный полемист, гневно ниспровергающий всех тех, кто становится на пути пробуждения самостоятельной революционной пролетарской мысли...»

С рисунка художника Н. Жукова

новую прочную основу нашим отвлеченным до тех пор теоретическим доводам в борьбе со старой народнической идеологией, оно оказалось великолепным оружием в борьбе и могущественным средством пропаганды марксизма. Сильное впечатление произвело оно и в литературных кругах, против которых непосредственно было направлено.

Яблоновский, впоследствии бойкий фельетонист либеральных газет, а тогда мой однокурсник по университету, свой человек в гостининых руководящих народнических литераторов, передавал мне отзыв Н. К. Михайловского о «Друзьях народа» приблизительно в таких выражениях: «Среди этой нашей мертвечины, в этой мерзости запустения, при этом кажущемся застое политической мысли и политического движения вдруг из какой-то глуши, откуда-то из Сибирска появляется такой вот незаурядный талант, с таким буйным темпераментом политического борца»...

«Друзья народа» написаны действительно блестяще, они дышат пламенной революционной страстью, и эта страстность порождена была не только ревностным желанием защитить дорогие идеи революционного социализма от несправедливых и клеветнических нападок и возвысить их в умах его приверженцев, но и негодованием автора против эпигонов народничества, бывших когда-то революционерами и опустившихся теперь до уровня пошлой обывательщины.

На Михайловского Владимир Ильич косвенно и указал, напомнив ему время, когда он, высланный из Петербурга за связи с народовольцами, за свидания с Верой Фигнер и другими членами Исполнительного комитета «Народной воли», вынужден был оставаться «посторонним» для «Отечественных записок», где писал совсем иным тоном. Известно было Владимиру Ильичу, что и Кривенко был в свое время связан с народовольцами, писал даже передовицы для «Народной воли»³⁴, а теперь, как с негодованием говорил мне Владимир Ильич, в своих статьях советует провинциальным интеллигентам из дворян идти в земские начальники и приносить в этом звании пользу народу. Владимир Ильич и обрушился на них со всей силой своих аргументов, своего негодования и сарказма.

М. И. Калинин:

Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» имела огромный успех в подполье и широко распространялась сре-

ди молодежи, в особенности среди студенчества. Она продолжительное время была боевым средством в подпольной пропаганде. Я хорошо помню, как в конце 1898 или в начале 1899 года пропагандист нашего кружка — студент Технологического института, рекомендуя нам эту работу, восторженно говорил, что автор крепко посадил в галошу народнических вождей и им из нее не вылезти. Мы расспрашивали об имени автора, но наш руководитель его не знал, сказав только, что, по слухам, это студент Казанского университета.

С. И. Мицкевич: В ноябре 1894 года Ганшин... привез в Москву из Питера несколько экземпляров статьи «Друзья народа»...

...По существу, основные программно-теоретические и организационно-тактические вопросы предстоящей в России революции уже поставлены в этой работе Ленина, и здесь же намечено их решение в духе революционного марксизма. В этой книге Ленин завершил разгром народнической идеологии, начатый Плехановым.

После выхода этой книги Владимир Ильич стал еще более популярным и признанным авторитетом среди марксистов. Молодое русское марксистское направление поняло, что нашло в его лице огромную политическую и теоретическую силу.

...Работа эта давала сильное оружие в нашей тогдашней борьбе с народниками и давала правильные и ясные перспективы в нашей практической работе среди рабочих. Хотя статьи эти и были сравнительно мало распространены, так как были изданы в небольшом количестве экземпляров (и ряд экземпляров попал вскоре в руки жандармов), но все же среди руководящих движением кругов Петербурга, Москвы... они стали известны, и основные мысли вошли прочно в сознание революционного крыла русской социал-демократии.

В. Д. Бонч-Бруевич:

...Все мы знали «синие тетрадки» — это замечательное произведение только что начинавшего свою литературно-политическую деятельность Владимира Ильича. Я говорю здесь о его работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов. Многих эта работа поражала своей резкостью, но все чувствовали, что это именно то, что нужно. В наших рядах это было той тяжелой

артиллерией, которой мы подкрепляли в своих выступлениях наши еще далеко не обоснованные позиции.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Помню, что не успела прочесть его (*Владимира Ильича*) тетрадку о Михайловском в рукописи и разыскивала ее потом в Москве.

Это было не так-то легко, потому что выступления Михайловского против социал-демократов возмутило многих, и в Москве ходило несколько рукописных или доморощенно напечатанных ответов ему. Легально ответы эти напечатаны быть не могли, это-то и возмущало против Михайловского, что он нападает и клевет на людей, которым зажат рот. Мне стали рассказывать о двух-трех ответах и, характеризуя их, заявили:

— Один более основательный, только выражения очень уже недопустимые.

— А какие, например? — спросила я с живостью.

— Да, например, Михайловский сел в лужу.

— Вот этот, пожалуйста, мне и достаньте, — заявила я, решив совершенно определенно, что этот и должен был принадлежать перу Володи. И потом мы смеялись с ним относительно того признака, по которому я безошибочно определила его работу.

Н. А. Семашко:

Политическое расслоение среди студенчества стало особенно резким, когда нелегально появилась историческая работа «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Чтобы передать, какое потрясающее впечатление произвела на нас эта рукопись Владимира Ильича Ленина, я расскажу о своих личных впечатлениях.

Я вырос в деревне вместе с крестьянами. С детства мне врезались в память фигуры жирного кулака-старшины и бедняков Фильки, Стешки, Фомки, моих лучших друзей, которыми безжалостно помыкали. Но народническая литература учила меня, что «крестьянство едино», что нет капиталистов и рабочих, что община — ячейка социализма. Революционер Михайловский... проповедовал органическую теорию: общество развивается наподобие организма в направлении дифференциации функций. Значит, «мозг» общества должен думать, «руки» — работать, то есть капиталисты жить в роскоши, а «Фильки» трудиться на них.

Все мое нутро возмущалось этой проповедью: я чувствовал всю фальшь ее...

И вдруг появляется обстоятельнейший труд, в котором нет ни одного голословного утверждения, произведение, в котором собран и блестяще проанализи-

рован колоссальный материал из жизни тогдашнего города и деревни. Капитализм проник и в город и в деревню, он расслоил ее; начинается классовая борьба пролетариев и полупролетариев против капиталистов. Чтобы успешнее вести эту борьбу, надо сбросить бревно, залегшее поперек дороги,— надо свергнуть самодержавие.

Все стало ясно и понятно. «Друзья народа» Ленина сделали меня марксистом-ленинцем навсегда.

Любил и лелеял я эту работу Ленина. Пряча ее от жандармов, я на ночь на веревке спускал книгу в отдушину печки. Мы переписывали и перепечатавали на гектографе те части ее, которые имели особенное значение. И характерно: при массовых обысках, которые были в 1894—1895 годах, рукопись книги продолжала ходить по рукам,— не удавалось жандармам ее уничтожить.

Когда мы получили эту рукопись, позиция наша сразу окрепла, марксистское течение среди студенчества стало резче оформляться, и мы успешно арестовывали народников, пользуясь громадным арсеналом фактов и идей, который дал нам Ленин.

М. А. Багаев:

Весной 1895 года я познакомился с приехавшими из Петербурга (*в Нижний Новгород*) на каникулы студентом М. А. Сильвиным, курсистками З. П. Невзоровой и Якубовской, которые много рассказывали о разгоревшейся в Петербурге борьбе марксистов с народниками...

Они привезли с собой и передали Розанову³⁵ труд В. И. Ульянова «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Это были две небольшие брошюры в желтой обложке, напечатанные на гектографе.

На просьбу дать мне их почитать Розанов сначала ответил отказом, заявив, что в Н. Новгороде они в одном экземпляре, а желающих их прочесть много.

Все же, когда мне потом удалось прочитать эту работу В. И. Ленина, меня поразила глубина мысли, смелость, сила и острота, с которой он обрушивался на народников и их вождей — Михайловского, В. В. и других. Особенно мне врезался в память призыв В. И. Ленина создавать «прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу...» и пророческие слова В. И. Ленина об исторической роли русского рабочего...

Книги Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и Плеханова

«К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» окончательно укрепили меня на путях марксизма.

Н. К. Крупская: Когда в 1896 году я была в Полтаве, П. П. Румянцев, бывший в те времена активным социал-демократом, только что вышедшим из тюрьмы, характеризовал «Друзей народа» как наилучшую, наиболее сильную и полную формулировку точки зрения революционной социал-демократии.

С. И. Мицкевич: ...Знаю, что она (*работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»*) попала в Вильно в конце 1894 года, т. Лалаянц читал ее в Пензе в 1895 году, т. Сергиевский³⁶ — во Владимире около этого же времени...

Е. Е. Колосов: ...Циркулировала (*в Томске*)... толстая тетрадь безымянного автора... напечатанная синими гектографскими чернилами, но на пишущей машине, переплетенная в коленкоровый черный переплет... Это была брошюра, как потом оказалось, Н. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»... Это был, кажется, выпуск III... Он циркулировал главным образом среди студентов-марксистов.

С. И. Мицкевич: Можно сказать, что эта работа была манифестом революционного марксизма в России, первым программным документом большевизма.

В борьбе с лжемарксистами

Н. К. Крупская: Рабочее движение в России стало развиваться в 90-х годах. Всякий, кто не закрывал глаз на то, что кругом него делалось, не мог не видеть, что и в городе и в деревне у нас широко стал развиваться капитализм. Молодежь стала усиленно читать произведения Карла Маркса, и очень многие стали называть себя марксистами.

Но Маркса толковали по-разному. Одни признавали, что у нас капитализм развивается, что общественное развитие неизбежно приведет к социализму, но им представлялось, что все это делается как-то само собой, без классовой борьбы... Таких марксистов называли тогда «легальными марксистами». Но наряду с «легальными марксистами» много было и революционных марксистов, которые лучше, глубже понимали

учение Маркса. Они говорили, что само собой ничего не делается, что нужна неустанная борьба, что класс рабочих должен вести борьбу с классом капиталистов, что *классовая борьба — это движущая сила общественного развития*, что без упорной, длительной борьбы рабочих класс никогда не победит. И потому, что они так думали, они шли к рабочим, рассказывали им, что говорил Маркс. Революционных марксистов полиция преследовала, сажала в тюрьмы.

О. Б. Лепешинская:

В те времена царское правительство не считало «легальный марксизм» опасным... и разрешило открытую борьбу между «легальными марксистами» и народниками. «Легальным марксистам» было разрешено свободно выступать как в Вольном экономическом обществе³⁷, так и в печати. Молодежь увлеченно следила за борьбой народников (Михайловский, В. В. (Воронцов), Николай — он (Даниельсон) и другие) и «легальных марксистов» (Туган-Барановский, Булгаков, П. Струве), посещала все собрания общества.

М. Н. Лядов:

Первым легальным выступлением марксистов принято считать обыкновенно вышедшую в 1894 году книжку П. Струве «Критические заметки (к вопросу об экономическом развитии России)». Но эта книга не дала ясного и определенного ответа на нападки народников на марксизм, не рассеяла того тумана, которым народники обволокли марксистскую идеологию. Заключительным аккордом «Критических заметок» Струве была знаменитая фраза: «Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Ликующий тон автора при констатировании торжества капитализма, отсутствия указаний или хотя бы намеков на неизбежность борьбы с капитализмом, борьбы иной, чем та, которую вели народники,— все это скорей еще более запутало, чем выяснило сложившееся у интеллигенции представление о марксизме.

М. А. Сильвин:

Новым обстоятельством, вернее, литературным событием, изменившим отношение Владимира Ильича к подпольному изданию нами его работ и все вообще его настроение, было появление книги Струве «Критические заметки». Владимир Ильич в то же время узнал от Потресова, что Плеханов пишет книгу о Михайловском и намерен издать ее легально... Обнаруживались, таким образом, перспективы легальной пропаганды марксизма перед безгранично большой

аудиторией, перед всей грамотной Россией, так как марксизм все более становился модным течением и привлекал к себе внимание всех революционно настроенных людей, особенно, конечно, молодежи. Владимир Ильич махнул рукой на наше примитивное кустарничество и впоследствии всегда с некоторой досадой вспоминал о «гектографированных тетрадах». Он решил использовать открывшиеся легальные возможности и — один в поле не воин — сблизиться с литературной группой Потресова — Струве, тем более что именно Потресов убедил Плеханова сделать опыт легального выступления и вел всю техническую работу по изданию Бельтова *, как позже Волгина (также псевдоним Плеханова).

В процессе сотрудничества с «легальными марксистами» Владимир Ильич хотел занять ту же позицию и употребить тот же прием, что с нами в нашей подпольной работе. Он решил повернуть их на свою линию, как раньше того повернул он нас, связать их кабинетную теоретическую работу с движением пролетариата, заставить абстрактную научную мысль служить живому революционному делу. Но здесь он имел дело с людьми несколько иного склада, с иными навыками мышления, с психологией, большей частью тяготевшей к буржуазному демократизму, а не к пролетарскому социализму.

Владимир Ильич сумел заинтересовать собой этот литературный кружок, развившийся в тепличной и несколько затхлой атмосфере, привлек его членов свежестью своих идей, смелостью мысли, широтой практических горизонтов, революционным темпераментом. Произошел ряд встреч и собеседований.

— Он хвастается,— говорил мне Владимир Ильич о Струве,— что ортодоксией он не заражен, а я именно хочу убедить его, что ортодоксия не может не быть обязательной для него; он постоянно сбивается на вопросы гносеологии...

О. Б. Лепешинская:

Многие из нас, молодых, неопытных еще марксистов, не могли понять тогда сущности «легального марксизма» и с большим почтением относились к имени Петра Струве, считая его одним из идейных вождей марксизма.

И вот, когда в 1894 году некоторые из нас (в том числе и я, как член марксистского кружка) получили

---

* Имеется в виду издание книги Н. Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

приглашение на нелегальную вечеринку, где предстояло очередное выступление «самого Петра Бернгардовича», мы с восторгом устремились туда.

— Будет говорить не только Струве, но и кто-то против него,— многозначительно было сказано при передаче приглашения. До того, вне открытой дискуссии, редко кто выступал против Струве.

Как сейчас помню маленькую дачу, где и был организован фиктивный именинный праздник. В одной из комнат был стол с яствами и вином — на случай прихода полиции. В другой комнате, переполненной народом, утопая в волнах табачного дыма, Струве просвещал жадно внимающую его словам молодежь.

Что говорил в своей речи П. Струве, я не помню в подробностях, но он и на этот раз восхвалял капитализм, призывал к нему на выучку. По окончании речи Струве, после громких аплодисментов, после похвальных речей некоторых из выступавших вдруг откуда-то из глубины комнаты раздался громкий, приятно гортанный голос. Несколько картавя, приземистый молодой человек с огромным лбом и светящимся умом глазами говорил, что речи Струве являются в высокой степени вредными для дела революции, что он защищает интересы буржуазии, а не рабочего класса. Величественный Струве вначале поглядывал на дерзкого оппонента иронически, сверху вниз. А тот, нисколько не смущаясь, заложив руки в прорез жилетки, опровергал доводы нашего «кумира». Струве не на шутку рассердился. В особенности волновала его одна реплика противника:

— Если ваша мысль будет и дальше идти в этом направлении, то меня нисколько не удивит встреча с вами когда-нибудь по разные стороны баррикад.

Нас тогда смутили эти слова. «Самому Струве» сказать, что он оцутится по ту сторону баррикад,— какая неслыханная дерзость! Но справедливость требует добавить, что симпатии многих слушателей стали склоняться на сторону пришельца. Все более и более отчетливой становилась поляризация аудитории. Спор продолжался по углам. Из уст в уста переходило и имя противника Струве, выступившего так решительно против искажения революционной сущности марксизма:

— Это Ульянов, молодой адвокат...

Владимир Ильич предложил тогда Струве продолжить их дискуссию в печати...

Выступление Владимира Ильича на нелегальной вечеринке в Лесном (район Лесного института — пригород Петербурга) произвело на нас глубокое впечат-

ленно. Мы начали понимать, что надо отличать настоящий марксизм от лжемарксизма, что под именем марксистов могут укрываться и враги революции.

Н. К. Крупская: На Литейном проспекте у Александры Михайловны (*Калмыковой*) был книжный склад популярной литературы. Она очень много делала тогда для издания и распространения популярных, дельных, лучших книг. Но склад Калмыковой служил и другим целям: он был своеобразной явкой, где происходили постоянно разные свидания, куда съезжались люди с разных сторон. Когда в Питере образовалась группа социал-демократов с Владимиром Ильичем во главе, она встретила у Александры Михайловны всяческую поддержку. Владимир Ильич частенько забегал в склад к Александре Михайловне, много говорил с ней о группе «Освобождение труда» — он был тогда самым горячим учеником Плеханова, — Александра Михайловна доставала ему книги, связи... Он относился к ней с чрезвычайным доверием, советовался с ней в целом ряде практических дел, говорил с ней о многих важных вопросах.

А. М. Калмыкова: В начале 90-х годов в моей столовой за вечерним чайным столом сходилась молодежь, заинтересованная марксизмом: Владимир Ильич, Потресов, Радченко, Классон (известный потом по всей России электротехник), Туган-Барановский и мой приемный сын Петр Бернгардович Струве.

Помню, как Владимир Ильич излагал содержание своей... книги о росте капиталистического хозяйства в России...

— Я охотно продолжал бы работать над этой темой, но чувствую, что не имею на это права: пора идти знакомиться с пролетариатом, поднимать сознание среди рабочих. Мне необходимо устроить вечера конспиративных бесед с ними, только бы найти для этого надежную квартиру.

Я отвечала Владимиру Ильичу, что мы с Надеждой Константиновной (которая тогда еще не была его женой) поможем в этом, а также доставим наиболее развитых слушателей из учеников нашей вечерней школы. Так мы это и исполнили.

А. И. Ульянова-Елизарова: Он (*Владимир Ильич*) познакомился с некоторыми легальными литераторами-марксистами, как с П. Б. Струве, А. Н. Потресовым, с которыми его сближала общая борьба против народников... Но, направляя вместе со Струве удары против народников, Вла-

Владимир Ильич относился к Александре Михайловне Калмыковой с чрезвычайным доверием...

Владимир Ильич раньше других почувствовал в нем чуждые струнки неревolucionера, не делающего всех выводов из учения Маркса, останавливающегося на чисто легальном, профессорском, буржуазном марксизме.

Р. Э. Кассон:

...В 1894 году у меня в Петербурге, на Большой Охте, где я жил тогда, возник марксистский «салон», в котором принимали участие кроме Владимира Ильича еще А. Н. Потресов, Я. П. Коробко, П. Б. Струве, М. Туган-Барановский, С. М. Серебровский и другие. Из женщин в нем участвовали моя... жена, затем Надежда Константиновна Крупская и Ольга Константиновна Григорьева. Я не могу... вспомнить, сколько раз бывал в этом кружке Владимир Ильич, но ярко помню, что в его присутствии происходили наиболее интересные диспуты на тему, тогда всех очень волновавшую, — о судьбах русского капитализма. В частности, П. Струве и М. Туган-Барановский были исключительно литераторами, совершенно не знавшими рабочего класса. И я помню, что я их впервые свез на Путиловский завод, чтобы они воочию увидели капиталистическое предприятие в большом масштабе. Инженеры, в то время участвовавшие в кружке, конечно, близко соприкасались с рабочим классом...

Больших принципиальных расхождений в то время между участниками марксистского кружка, насколько я помню, не было, они только намечались, и собеседования в общем протекали в дружелюбной атмосфере,

несмотря на чрезвычайно пылкие споры, обычные для романтического периода марксизма.

Владимир Ильич играл в этих собраниях, естественно, очень крупную роль, тем более что его воззрения к тому времени уже, по-видимому, сложились в более резкие и определенные грани, чем большинства остальных.

Эти собрания продолжались несколько месяцев и прекратились, кажется, в 1895 году вследствие ареста некоторых участников собраний. Диспуты велись преимущественно на почве применения теории Карла Маркса к объяснению русской действительности. Невозможность развития капитализма в России в то время уже почти никем не оспаривалась, но тогда уже ставился вопрос о том, должна ли Россия пройти все стадии, которые прошел западноевропейский капитализм, и только после этого превратиться в свою противоположность — в социализм, или же Россия может миновать некоторые наиболее болезненные фазисы развития... Владимир Ильич Ульянов был наиболее яркой фигурой в этих собраниях, и тогда уже намечалась непримиримость его в целом ряде вопросов.

В. В. Старков:

...Владимир Ильич поразил нас всех... тем литературным и научным багажом, которым он располагал. Особенно резко проявилось это при наших дискуссиях с Струве, Потресовым и инженером Классоном. Указанные лица вскоре после появления в наших рядах Владимира Ильича образовали группу «легальных марксистов», которая изъявила готовность попробовать договориться с нами о совместной легальной литературной деятельности. Струве, выпустивший к этому времени свою первую книгу и выступавший не раз на публичных собраниях и диспутах в качестве марксиста, пользовался уже довольно большой известностью, как широко и всесторонне образованный марксист. От нашей группы на диспут с группой «легальных марксистов» были намечены Владимир Ильич, я и... С. И. Радченко. Диспут длился несколько дней, и хотя он кончился соглашением о совместном издательстве (один сборник был выпущен*), но в прениях выяснилось такое глубокое расхождение во взглядах, что если бы даже это дело не было насильственно приостановлено нашим арестом и ссылкой в Сибирь, то все равно на длительное существование этого начинания рассчитывать было бы нельзя. Расхождение касалось главным образом методов работы. Мы настаивали

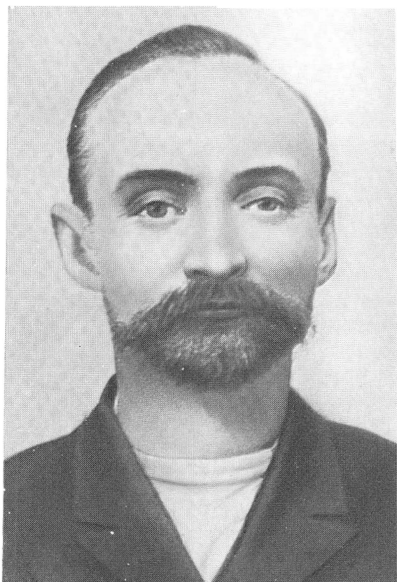
* См. стр. 178—189 наст. издания.

И. В. Бабушкин

В. А. Князев

И. И. Яковлев

на необходимости и неизбежности борьбы чисто революционными методами, отводя подчиненную роль легальной литературной работе. Наши противники, наоборот, старались доказать нам, что революционная работа при данных условиях является не только невозможной, но и вредной вплоть до основательной обработки общественного мнения путем легальной литературы. Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, причем, полагаю, Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний Владимира Ильича в этой области... Затем при этих диспутах Владимир Ильич поразил нас всех, в том числе и Струве, своей исключительной трудоспособностью. Бывало не раз так, что Струве оперировал при спорах каким-либо литературным материалом (обычно иностранным), не известным Владимиру Ильичу. В таких случаях Владимир Ильич забирал тома материалов у Струве или находил их в публичной библиотеке и на следующее заседание, всего лишь через один или два дня, являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом и давая нам блестящий и глубокий анализ его.

М. А. Сильвин:

Однажды после спора со Струве, очевидно на философские темы, Владимир Ильич сказал:

— Он рисует кружок, заштриховав почти всю его площадь, оставляет чистым только маленький сектор и говорит: заштрихованное — это познанное; эта часть круга непрерывно увеличивается по мере прогресса науки и техники, и она всегда будет увеличиваться; но навсегда останется, пусть маленький, незаштрихованный сектор; это — непознанное и непознаваемое, то, что никогда не будет познано вследствие несовершенства и ограниченности наших органов познания, — и он, по существу, зовет назад к Канту.

Струве переживал, по-видимому, в это время начало той своей духовной эволюции, которая привела его к роковому концу. Владимир Ильич правильно видел в нем только буржуазного демократа, для которого разрыв с народничеством означал переход от мешанского или крестьянского социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму...

Чего искал Владимир Ильич, сближаясь с кружком «легальных марксистов», общественное значение которых ему было ясно с самого начала? С самого начала он подходил к ним как революционный социа-

лист к буржуазным демократам. Но Ленин, во-первых, нашел в них, в лице Струве, Потресова, Классона, Калмыковой, Туган-Барановского, Булгакова и других, людей с большими знаниями, с высоко развитыми общественными интересами, с навыками научного мышления. На собраниях у Калмыковой, у Классона и Потресова велись споры не только на политические темы, не только об основных принципах марксовой теории, но и на темы отвлеченные. Владимир Ильич склонен был к чистому мышлению, любил его как гимнастику ума... Дебаты у Калмыковой (Струве... жил у нее) давали ему возможность «скрестить шпаги» с противниками теоретически сильными — удовольствием, которого он не мог испытывать в нашем кружке «практиков». Старков и Радченко, сопровождавшие Владимира Ильича в этих вылазках в лагерь буржуазной интеллигенции, состояли при нем как бы в качестве молчаливых свидетелей, посланцев революционной группы, стоявшей за спиной Владимира Ильича...

Владимир Ильич не упускал из виду практических выгод от сближения с «легальными марксистами» для того дела, которому он себя отдал. Для этого дела нужны были новые силы, в особенности литературные, и более обширные, чем наши, общественные связи и технические средства, потому что только при этом открывались возможности широкой пропаганды марксизма посредством газет и журналов.

Детище временного союза

Г. М. Кржижковский:

Самая лучшая политика — принципиальная политика. В этом смысле, будучи прекрасно вооружен руководящими принципами учения Маркса, Владимир Ильич был превосходным политиком.

Но хороший политик должен также обладать тем особым чувством, которое называется чутьем действительности. Владимир Ильич примером своей деятельности... наглядно показал нам высший образец такого проникновеннейшего охвата и понимания действительности.

М. А. Сильвин:

...Ленин умел вести сложнейшую политическую борьбу с огромной выдержкой и настойчивостью, проявляя изворотливость и гибкость, умея вовремя уступить, даже пойти на компромисс, если обстоятельства

того требовали, если это вело к цели. Он не проявлял слепого упорства, не прочь был иногда заключить временные союзы, например в 90-х годах с группой Струве... Раз поставив себе задачу, он добивался ее разрешения.

В. И. Ленин:

...Уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма»...

Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целостности «союза»...

Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)...

Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии.

Из предисловия В. И. Ленина к сборнику «За 12 лет»:

От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К. В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определена (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 года статье.

А. Н. Потресов: Первоначальный текст своей будущей статьи в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»... Ленин читал у меня на квартире — Петербург, Озерный переулок, дом 9, кв. 6. Это было вскоре после того, как Струве и я познакомились с ним на одном дискуссионном собрании на Охте...

На этом чтении присутствовали Струве, Роберт Эдуардович Классон и я. Ленин на мою квартиру пришел с двумя своими товарищами — Степаном Ивановичем Радченко и Василием Васильевичем Старковым.

М. А. Сильвин: Реферат, прочитанный Владимиром Ильичем по поводу книги Струве в этом кружке («Отражение марксизма в буржуазной литературе»), вызвал между ними ожесточенные споры. В конце концов Струве стал заметно сдаваться. Потресов же, Классон и некоторые другие полностью стали на позицию Владимира Ильича. В числе этих других была А. М. Калмыкова...

По выходе книги Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю») Владимир Ильич убедил всю эту группу начать общее литературное предприятие. Так зародились «Материалы (к характеристике нашего хозяйственного развития)»...

Н. К. Крупская: Под влиянием начавшего нарастать рабочего движения и под влиянием статей и книг группы «Освобождение труда», под влиянием питерских социал-демократов полевел Потресов, полевел на время и Струве. После ряда предварительных собраний стала нащупываться почва для совместной работы. Задумали сообща издать сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». От нашей группы в редакцию входили: Владимир Ильич, Старков и Степан Иванович Радченко, от них — Струве, Потресов и Классон.

М. А. Сильвин: Струве я встретил однажды у Владимира Ильича... в период подготовки сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Я лишь смутно слышал о переговорах с группой Струве и знал о нем только по его книге «Критические заметки» и по сердитой статье о ней Владимира Ильича «Отражение марксизма в буржуазной литературе», которую мы все читали в рукописи. Как только Струве ушел, я довольно наивно стал выговаривать Владимиру Ильичу за это знакомство:

— Зачем вы его принимаете, что вы от него ждете, что он нам может дать?

Владимир Ильич сухо заметил:

— Вы думаете, что он нам неинтересен, а я думаю, что интересен.

Однако Владимир Ильич тут же меня посвятил в вопрос об издании книги, назвал сотрудников, из которых новым было для меня только имя Ионова, тоже, помнится, старого самарца³⁸, и рассказал о цензурных затруднениях, какие встречается книга. Он объяснил мне, что книги объемом больше двадцати печатных листов не подлежат предварительной цензуре, но до выпуска в свет должны быть представлены цензору, и вот тут-то и начинается история: «Вероятно, книгу не пропустят».

В. И. Ленин: Что «толчок влево», данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в «Новом Слове» (1897 г.).

М. А. Сильвин: Статья Струве («*Моим критикам*») в этом сборнике говорила за то, что Владимир Ильич много преуспел в своем воздействии на него.

Н. К. Крупская: В произведении Владимира Ильича «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» говорится о мелкобуржуазной сущности народничества и о буржуазном подходе Струве к его критике. Ленин здесь вынужден был избежать ссылок на «Капитал» — статья готовилась для легальной печати.

В. И. Ленин: Конец 1894 и начало 1895 годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только иностранными деятелями группы «Освобождение труда», но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896 года*, которые открыли эру не-

---

* См. о них стр. 350—366 наст. издания.

уклонно поднимавшегося затем рабочего движения,— этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. Наряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как г. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму...

Тогда, в 1894—1895 годах, эту истину приходилось доказывать на основании небольших сравнительно уклонов того или иного писателя от марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную против г. Струве работу (статья «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» за подписью К. Тулин в сожженном цензурой сборнике «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России», СПб, 1895 г.) я перепечатаваю теперь целиком в трояких целях. Во-первых, поскольку читающая публика ознакомилась с книгой г. Струве и статьями народников против марксистов в 1894—1895 году, постольку имеет значение и критика точки зрения г. Струве. Во-вторых, предостережение г-ну Струве со стороны революционного социал-демократа, сделанное *одновременно* с нашими общими выступлениями против народников, имеет значение и для ответа тем, кто неоднократно обвинял нас за союз с подобными господами, и для оценки очень знаменательной политической карьеры г-на Струве. В-третьих, старая и во многих отношениях устаревшая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики...

Я должен заметить еще по поводу статьи против г. Струве, что в основу ее положен реферат, читанный мной осенью 1894 года в небольшом кружке тогдашних марксистов... Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради «союза» с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества...

Кроме того, при чтении статьи 1895 года против г-на Струве, необходимо иметь в виду, что во многих

отношения она является конспектом позднейших экономических работ (особенно «Развития капитализма»). Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются *положительные*, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции...

В 1895 году его (*Струве*) предостерегали и от него осторожно отмежевывались, как от союзника...

В 1895 году, за несколько лет до «бернштейниады»³⁹ на Западе и до полного разрыва с марксизмом целого ряда «передовых» литераторов в России,— я указывал на то, что г. Струве марксист ненадежный, от которого социал-демократы должны отгородиться.

Из статьи В. И. Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»:

...Книга г. Струве представляет из себя систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле — как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как «систему догматов экономической политики»... Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес; но еще важнее в этом отношении та точка зрения, с которой ведется критика. Об ней автор говорит в предисловии следующее:

«Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен»...

Из всего содержания книги явствует, что под этими «совершенно определившимися в литературе взглядами» разумеются взгляды марксистские. Спрашивается, какие же именно «некоторые основные» положения марксизма автор принимает и какие отвергает? — почему и насколько? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос.

Н. К. Крупская: В статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» он (*Владимир Ильич*) указывал, чем точка зрения Струве решительно отличается от точки зрения Маркса.

В. И. Ленин: Философствование о возможности «иных путей для отечества», это — только внешнее облачение народничества. Содержание же его — представительство ин-

тересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и зная ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,— а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п., поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства, поскольку они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от «общества» и от воздействия представителей бюрократии... Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д. Что подобные, общедемократические, мероприятия прогрессивны,— это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие...

Марксисты должны *иначе ставить* эти вопросы, чем это делали и делают гг. народники. У последних вопрос ставится с точки зрения «современной науки, современных нравственных идей»; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых *производственных отношениях* лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия — *tabula rasa**, на которой остается только правильно начертать правильные пути...

---

* Чистая доска (латинск.).

**Выступая против
жестокарксиста
Струве,
В. И. Ленин
в своей статье дал
блестящий обра-
зец непримиримой
борьбы с оп-
портунизмом.**

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО ВЪ КНИГѢ Г. СТРУВЕ.

(По поводу книги П. Струве: Критическія выкладки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Сиб. 1894 г.)

Названная книга г. Струве представляет изъ себя систематическую критику народничества, понимая это слово въ широкомъ смысле—какъ теоретическую доктрину, определенно рѣшающую важнейшіе социологическіе и экономическіе вопросы, и какъ «систему догматовъ экономическаго политика» (VII с.). Она уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книгѣ вызвающій интересъ; но еще важнѣе въ этомъ отношеніи та точка зрѣнія, съ которой ведется критика. Объ ней авторъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее:

«Примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно определеннымъ въ литературѣ взглядамъ, опъ (авторъ) насколько не считалъ себя связаннымъ буквою и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Отсюда и вытекаетъ оная не заряженъ». (IX).

Изъ всего содержанія книги вытекаетъ, что подъ этими «совершенно определенными въ литературѣ взглядами» разумѣются взгляды марксистскіе. Спрашивается, какія же именно «нѣкоторыя основныя» положенія марксизма авторъ принимаетъ и какія отвергаетъ?—почему и насколько? Авторъ не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ. Поэтому, для выясненія того, что именно въ этой книгѣ можетъ быть отнесено на счетъ марксизма,—какія положенія доктрины авторъ принимаетъ и насколько послѣдовательно ихъ выдерживаетъ,—какія отвергаетъ и что въ этихъ случаяхъ получается,—для выясненія всего этого необходимо подробный разборъ книги.

Содержаніе ея чрезвычайно разнообразно: авторъ даетъ, во-первыхъ, изложеніе «субъективнаго метода въ социологіи», принимаемаго нашими народниками, критикуетъ его и противопоставляетъ ему методъ «историко-экономическаго материализма». Затѣмъ онъ даетъ экономическую критику народничества, во-вторыхъ, на основаніи «общечеловѣческаго опыта» (с. IX) и во-вторыхъ, на основаніи данныхъ русской экономическаго исторіи и дѣятельности. Попутно дается и критика догматовъ народническаго эво-

Постановка этихъ же вопросовъ у марксистовъ необходимо должна быть совершенно иная. Обязанные отыскивать корни общественныхъ явленій въ производственныхъ отношеніяхъ, обязанные сводить ихъ к *интересамъ* определенныхъ классовъ, они должны формулировать те же desiderata*, какъ «пожеланія» такихъ-то общественныхъ элементовъ, встречающіеся противодѣйствіе такихъ-то другихъ элементовъ и классовъ... Если ставить те же вопросы применительно къ теоріи классового антагонизма [для чего нуженъ, конечно, «пересмотръ фактовъ» русской исторіи и дѣятельности],—тогда отвѣты на нихъ будутъ давать формулировку насущныхъ интересовъ такихъ-то классовъ,—эти отвѣты будутъ предназначаться на практическую утилизацію ихъ именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,—они будутъ рваться, говоря прекраснымъ выраженіемъ одного марксиста (*Г. В. Плеханова*), изъ «тесного кабинета интеллигенціи» къ самимъ участникамъ производственныхъ отношеній въ наиболее развитомъ и чистомъ ихъ видѣ, къ темъ, на комъ всего сильнѣе сказывается «обрывъ нити», для кого «идеалы» «нужны», потому что безъ нихъ имъ приходится плохо...

* *Пожеланія, требованія (латинск.).*

Итак, как бы ни подходили мы к вопросу,— разбирая ли содержание царящей в России системы экономических отношений и разные формы этой системы в их исторической связи и в их отношении к интересам трудящихся,— или же разбирая вопрос об «обрыве нити» и о причинах этого «обрыва»,— в обоих случаях мы приходим к одному выводу, к выводу о великом значении той исторической задачи «дифференцированного от жизни труда», которая выдвигается переживаемой нами эпохой, к выводу о всеобъемлющем значении идеи этого класса.

«Запретить и сжечь!»

Н. К. Крупская: Работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»... предназначалась для легальной печати, а потому и говорилось в ней о «противоположности классовых интересов» намеками. Еще более «рыбьим языком» пришлось говорить о классовой борьбе. Классовая борьба называлась «теорией классового антагонизма», требования рабочего класса назывались «формулировкой насущных интересов каких-то классов», борьба рабочего класса за свои требования называлась «утилизацией», рабочие назывались «участниками производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде», нелегальная работа — «невидной работой», отказ от борьбы за демократические требования, игнорирование их — «обрывом нити», социализм — «идеалами».

А. Н. Потресов: Сборник («*Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития*») начался печатанием сразу в двух типографиях в январе и был закончен печатанием в конце апреля 1895 года.

Из донесения исполняющего должность председателя Петербургского цензурного комитета С. И. Коссовича в Главное управление по делам печати:

2-го сего мая представлена в С.-Петербургский цензурный комитет, отпечатанная без предварительной цензуры, книга под заглавием: «*Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития. Сборник статей*» (8°, 232 + 259 стр., 2000 экземпляров, типография Сойкина, цена 3 рубля).

Книга эта, состоящая из статей Скворцова, Потресова, Тулина, Кузнецова, Утиса и псевдонима

«В. И.»*, оказалась крайне тенденциозною, почему сообщено было инспекторскому надзору о ее задержании. По расследовании оказалось, что книга отпечатана вполне и набор ее разобран,— вследствие сего, за невозможностью обратить ее в издание подцензурное, типография обязана подпискою не выпускать экземпляров впредь до особого распоряжения.

10 мая 1895 года цензор П. А. Матвеев представил в С.-Петербургский цензурный комитет доклад о сборнике статей под заглавием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В докладе отмечалось:

Названный сборник состоит из двух отделов: первый посвящен разработке земского статистического материала по формулам теории Карла Маркса, и второй — полемике с народниками и сторонниками общинного землевладения.

Вообще рассматриваемая книга является органом русских марксистов, и в ней излагается доктрина этих последних. Во втором отделе сборника в первой из помещенных в нем статей за подписью К. Тулина под заглавием «Экономическое содержание народничества» на это категорически указано и объяснено, что цель ее — «сличение общих исходных пунктов народничества и марксизма и указание, в чем их коренное отличие»...

...Формула Маркса приводится во всех статьях сборника и с комментариями, придаваемыми ей особенно в статье К. Тулина, получает характер вредной доктрины, проводимой так называемыми русскими марксистами. Эта доктрина заключается в учении о борьбе классов, вследствие взаимной противоположности интересов, — борьбе, для которой нужна боевая организация рабочих, так как иначе невозможно ограждать свободу труда от эксплуатации капитала. Разрешение этой задачи нелепо возлагать на государство, которое по самой природе своей на стороне капитала, угнетающего труд, и развитие капитализма — естественный продукт всего политического и экономического строя современной жизни.

Таков смысл учения русских марксистов, возведенного ими в своего рода экономический догмат, ключ к пониманию которого дает статья К. Тулина, представляющая наиболее откровенную и полную программу марксистов.

---

* К. Тулин — псевдоним В. И. Ленина, Д. Кузнецов и Утис — псевдонимы Г. В. Плеханова, «В. И.» — В. А. Ионов.

1) что настоящий сборник имеет в виду распространение доктрины, направленной против существующего общественного и государственного порядка, причем русские марксисты, выступившие в этом сборнике, в своих комментариях и выводах из экономической теории Карла Маркса в том виде, как она изложена в его трактате «О капитале», заходят далее его самого, очевидно руководствуясь не только научными и критическими исследованиями в области политической экономии, но и агитаторскою деятельностью во главе Интернационального Общества Рабочих, основанного с целью возбуждения классово́й борьбы между представителями труда, рабочими, и представителями капитала, и под которыми русские марксисты, как это видно из статьи К. Тулина, разумеют буржуазию в самом широком смысле, причисляя к органам ее все установленные государством власти;

2) что в статье К. Тулина «Экономическое содержание народничества» государство выставлено пособником и союзником капитализма, угнетающего и эксплуатирующего народный труд, причем осмеяны, как явная нелепость, невинные пожелания тех, кто ожидает разрешения вопроса о народных нуждах и удовлетворения социальных потребностей от государственной власти;

3) что как в названной статье К. Тулина, так и в статье Скворцова «Итоги крестьянского хозяйства» высказаны крайне вредные суждения о крестьянской реформе и допущены злонамеренные толкования правильности выкупа крестьянами земли;

4) что в статье Д. Кузнецова «Пессимизм, как отражение экономической действительности» содержится выписка из брошюры Энгельса, ученика и последователя Маркса, указывающая, что разрешение социального вопроса, то есть освобождение одного класса от эксплуатации другими, надо искать в рабочем движении, ибо только пролетариат, собранный в больших городах, освобожденный от традиционных целей, способен совершить великое общественное преобразование, которое положит конец эксплуатации обездоленных классов, представителей труда;

5) что циркуляром Главного управления по делам печати от 14 января 1894 года за № 280 указано, что по распоряжению г. министра внутренних дел воспрещена перепечатка вторым изданием первых двух томов русского перевода сочинения Карла Маркса «О капитале», между тем настоящий сборник статей не только распространяет изложенное в этом сочинении учение, но и тенденциозно применяет его к на-

шей общественной жизни, отрицая в принципе всякие мероприятия с целью улучшения экономического положения народа, исходящие от государства.

Посему, усматривая в сборнике статей под заглавием «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» вредное направление, клонящееся к потрясению существующего порядка и притом высказанное не в качестве отдельного, личного мнения, а как бы в виде программы русских последователей учения Маркса, я, на основании 95-й и 149-й статей цензурного устава, представляю о сем комитету.

Архивная справка:

18 мая А. Н. Потресов подал в Главное управление по делам печати прошение о выпуске книги в обращение если не целиком, то хотя бы с урезками, изъятием «отдельных мест» и даже, может быть, статей.

Но, по-видимому, лето вызвало полный перерыв в деле, и возобновилось оно в октябре просьбой Главного управления по делам печати к петербургскому градоначальнику о высылке им управлению сорока экземпляров сборника. Градоначальник фон Валь исполнил просьбу.

Затем идет новый перерыв до февраля 1896 года, когда департаментом полиции были... получены сведения о вышедшей в минувшем году книге с «крайне тенденциозными статьями» «лиц, придерживающихся экономических учений Карла Маркса». Директор департамента полиции Н. Н. Сабуров конфиденциальным письмом запросил начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова о том, «к какой категории сочинений должна быть отнесена эта книга», и просил прислать экземпляр ее. Феоктистов лично посетил Сабурова и представил ему на одобрение проект заготовленного представления в комитет министров от имени министра внутренних дел. Сабуров с своей стороны одобрил, а затем и сам министр Горемыкин подписал. Представление вкратце суммирует содержание доклада и в цитатах дает ряд выдержек из статьи К. Тулина... Вывод — необходимость применения статьи 149 устава о цензуре и печати издания 1890 года (Свод законов, т. XIV) о представлении дела в комитет министров.

Комитет министров в заседании от 5 марта 1896 года «положил: выпуск в свет означенной книги... воспретить», о чем председатель его А. Куломзин выпиской от 19 марта и уведомил министра внутренних дел Горемыкина «для дальнейших с его стороны распоряжений».

На основании этого постановления начальник Главного управления по делам печати Феокистов 19 марта распорядился, во-первых, о доставке ему в управление Спб. цензурным комитетом всех имеющихся у него экземпляров книги, кроме одного, хранящегося в делах; во-вторых, об отсылке двух экземпляров книги... для хранения в секретном отделении Публичной библиотеки и, в-третьих, об уничтожении остальных экземпляров книги с.-петербургским градоначальством. с соблюдением порядка, изложенного в отношении от 4 июля 1872 года за № 2701.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Сборнику этому не удалось проскочить через цензуру, как изданной ранее книге Плеханова под псевдонимом Бельтов «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Мудреное заглавие спасло книгу Плеханова, содержащую ярже нападки на народников и определенно высказывавшую точку зрения революционных марксистов. А сборник «Материалов», несмотря на нескольких сухих, кишашщих цифирью статей, влетел за статью Тулина и был сожжен...

Таким образом, цензура быстро разобрала разницу между марксизмом революционным — социал-демократией — и марксизмом легальным.

А. Н. Потресов:

В мае (1896 года) окончательно была решена его (сборника) судьба, и тогда же из брошюровочной было стащено 100 экземпляров, которые и разошлись.

Как феникс из пепла...

И. Н. Чеботарев:

Как-то он (Владимир Ильич) принес мне только что отпечатанный и не выпущенный еще цензурой сборник... со статьей... за подписью К. Тулин — «Экономическое содержание народничества»; Владимир Ильич не говорил мне тогда, что это его статья, но очень интересовался мнениями о ней как моим личным, так и других.

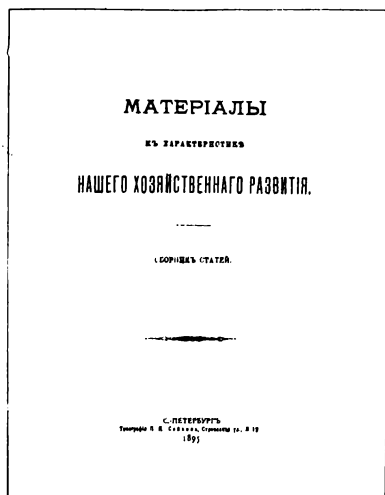
М. А. Сильвин:

Молодежь зачитывалась ею (книгой), и наиболее популярной в ней была статья Тулина (один из псевдонимов Владимира Ильича). Один экземпляр книги я получил из его рук.

Ю. М. Стеклов:

Статья эта произвела на меня, помню, сильное впечатление. Автор... говорил тоном власть имущего,

Появление сборника с опубликованной в нем статьей В. И. Ленина было настоящим праздником для русских марксистов.

он решал и вязал, изрекая свои приговоры с таким авторитетом, который мог себе позволить только крупнейший деятель, имеющий за собой уже продолжительный политический и литературный стаж. Это — с одной стороны. А с другой стороны, невольно навязывалось сопоставление отношения К. Тулина к Струве с отношением Плеханова к тому же П. Струве в его известной книге «Монистический взгляд на историю», вышедшей за год до того под псевдонимом Бельтова. Опытный и искушенный Плеханов не нашел в своем арсенале резких слов осуждения по адресу г. Струве, уже тогда показавшего изрядный кончик буржуазного ушка. Он даже брал на себя его защиту от Михайловского. А молодой Тулин сразу разглядел, что скрывается за писаниями г. Струве, и разделал его, что называется, под орех.

**Ц. С. Бобровская
(Зеликсон):**

Один из немногих уцелевших экземпляров этого сборника появился в то время (в конце 1895 года) в нелегальных марксистских кружках Варшавы. У нас тем временем все сильнее и сильнее разворачивалась дискуссия между марксистами и народниками о судьбах грядущей русской революции, в которой каждый из нас готовился принять участие...

Вот почему таким большим праздником для нас было появление марксистского сборника с опубликованной в нем статьей В. И. Ленина. (Тогда мы еще не знали, что Тулин не настоящая фамилия автора.) Эта

статья, в которой была дана марксистская критика народничества, послужила для нас замечательным оружием в повседневной борьбе с нашими идейными противниками.

Н. Е. Федосеев писал о статье В. И. Ленина:

...Говорят, это лучшая статья во всем сборнике.

Из письма А. П. Скляренко М. Т. Елизарову:

Прекрасная статья Тулина объехала уже несколько городов Архангельской губернии, и у меня по поводу нее затеялась довольно содержательная переписка с одним «сомневающимся вевистом (сторонником В. В.— В. П. Воронцова)».

Е. Е. Колосов (Марк Горбунов):

Эта статья («Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»)... циркулировала уже тогда в кружках молодежи и... интеллигенции в Сибири, например зимой 1895—1896 годов в Томске, и привлекла к себе большое внимание.

Л. С. Федорченко (Н. Чаров):

Помню хорошо, очень много дал нам в смысле осознания и приложения теории марксизма к русской жизни полученный нами в Шенкурске марксистский сборник, уничтоженный цензурой, в котором была блестящая статья Ленина, вскрывшая «объективизм» Петра Струве в его первой известной книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» и показавшая, как нужно применять метод классового анализа к сложным явлениям русской общественной жизни.

В. Трапезников писал из Казани Р. Поморцевой в Пермь (29 декабря 1895 года):

Здесь получен (тайно) сборник статей Струве... Потресова, П. Скворцова, Тулина и Кузнецова, не пропущенный в продажу. Роскошная вещь!

Из письма социал-демократа, подписавшегося инициалом «Х», В. И. Ленину:

...Ваша статья в марксистском сборнике порешила мой переход к марксизму от утопических воззрений, переход в одинаковой мере замедленный книгой Струве и ускоренный книгой Бельтова... На меня она

произвела сильнейшее впечатление именно тем, что она обнаруживает умение отчетливо понять и себя, и своего противника, как объективно обусловленные явления жизни,— то, в чем заключается идейная сила марксизма.

О. Б. Лепешинская:

Выступление В. И. Ульянова (в дискуссии с П. Б. Струве на даче в Лесном, под Петербургом), основанное на глубоком знании Маркса, полное пламенной веры в победу рабочего дела, его рефераты, книги против народничества и «легалного марксизма» помогли многим молодым марксистам стать на верные революционные позиции.

Уже в то время, в 1894 году, двадцатичетырехлетний Владимир Ульянов выступал во всеоружии не только против явно враждебной марксизму народнической идеологии, но и против извратителей марксизма в самой марксистской среде.

Во взглядах Струве, в то время не разгаданных даже Плехановым, Владимир Ильич уже ясно различал черты будущего врага рабочего класса. Он подметил в его хитрых уловках мысли блудливую повадку лжемарксистов, проталкивавших под видом «модного учения» зерно буржуазной идеологии.

Из брошюры В. И. Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906 год):

Господин Струве был контрреволюционером в 1894 году, когда делал брентановские⁴⁰ оговорки к марксизму в своих «Критических заметках». И, не смотря на усилия некоторых из нас «толкнуть» его от брентанизма к марксизму, господин Струве ушел окончательно к брентанизму.

Из статьи В. И. Ленина «Крах II Интернационала» (1915 год):

«Критические заметки» Струве вышли в 1894 году, и за 20 лет русские социал-демократы познакомились досконально с этой «манерой» образованных русских буржуа проводить свои взгляды и пожелания под прикрытием «марксизма»,— очищенного от революционности. Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством обьятий, путем якобы признания «всех» «истинно

научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Глава четвертая

За границу

Перед поездкой

По дороге в Женеву

Встречи с Плехановым

В Цюрихе и в Афольтерне

Париж и опять Швейцария

В Берлине

Возвращение в Россию

Снова в Петербурге

Перед поездкой

М. А. Сильвин: Наблюдение политической полиции за нами явственно усиливалось. Несмотря на всю конспирацию Радченко, первый обыск, прошедший пока без последствий, был произведен именно у него, бывшего прежде других «на счету». Организация пока не была затронута.

С. П. Невзорова-Шестернина: Так как кружок наш работал нелегально, то из-за полицейских соображений группами не сходились, но решено было хоть разок собраться всем вместе и молодно, весело провести вечер. Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький тракторчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями. Но тем не менее об этой поездке стало известно в жандармском управлении, и впоследствии многих из нас допрашивали о ней. В большой отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали, русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец... Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор. На вейках и по железной дороге небольшими группами вернулись мы все обратно в Питер. Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!

...В марте месяце Владимир Ильич захворал воспалением легких в тяжелой форме. За ним (пока не приехала его мать Мария Александровна) некому было ухаживать. И вот мы по очереди забегали к нему и делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д. И все спешили сделать ему что-нибудь приятное. За полтора года, которые он прожил в Питере, все так искренне полюбили и ценили его. Да иначе и быть не могло.

М. А. Сильвин: Я пригласил к нему доктора Кноха, ординатора Мариинской больницы, и вызвал из Москвы по его просьбе Марию Александровну, мать Владимира Ильича, которая пригласила профессора Кальяна.

— Слово в слово повторил Кноха,— говорил мне Владимир Ильич о почтенном профессоре.

Н. К. Крупская: Заболел Владимир Ильич в 1895 году — она (*Мария Александровна*) тотчас же приезжает и отхаживает его, сама готовит ему пищу...

Т. М. Копельзон: Во время его (*Владимира Ильича*) болезни я посетил его раза два. Познакомился с его милой старушкой матерью и был просто очарован их взаимными нежными отношениями.

С. П. Невзорова-Шестернина: Едва поправившись, еще сидя в кровати, он (*Владимир Ильич*) ни одной минуты не терял даром: все время читал и писал. Мне помнится, он тогда читал III том («*Капитала*») К. Маркса.

Оправившись от болезни, Владимир Ильич обратился к петербургскому градоначальнику с «прошением» о выдаче ему паспорта для поездки за границу. 15 марта 1895 года такой паспорт был ему выдан.

А. И. Ульянова-Елизарова: Официальной целью (*поездки Владимира Ильича за границу*) было отдохнуть и полечиться после воспаления легких, а неофициальной — завязать сношения с группой «Освобождение труда».

Н. К. Крупская: ...Ленин ездил за границу повидаться с группой «Освобождение труда», столкнуться с Плехановым, Аксельродом... о постановке дальнейшей работы.

М. А. Сильвин: После того как прямолинейность статей Ленина и Плеханова показала ограниченную возможность для них обоих открытой литературной деятельности в тисках царской цензуры, Владимир Ильич, считая при все возрастающем темпе движения совершенной нелепостью кустарное издательство подполья, решил испробовать другой путь печатания, именно за границей, освежить пропагандистскую и агитационную деятельность группы «Освобождение труда», усилив ее при током статей и брошюр из России, от работников с мест...

За границу Владимир Ильич ездил с целью теснее связаться с группой «Освобождение труда», прежде всего установить личный контакт, сговориться касательно общих теоретических воззрений, информировать группу о состоянии подпольной работы, побудить ее к более действенному обслуживанию возникшего движения, снабжению наших организаций литературой и к созданию органа, который отражал бы события и этапы движения, регистрировал вехи в развитии борьбы пролетариата и объяснял их...

Он опасался, что поездка (*за границу*) не пройдет для него даром, и желал обеспечить непрерывность работы на случай провала.

Н. К. Крупская: Служка все росла, и Владимир Ильич настаивал, что должен быть намечен «наследник», за которым нет слежки и которому надо передать все связи. Так как я была наиболее «чистым» человеком, то решено было назначить «наследницей» меня. В первый день пасхи (2 апреля) нас человек 5—6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы — Сильвину...

М. А. Сильвин: ...У меня съехались товарищи, и Владимир Ильич, очертив положение дела, наметил дальнейший план работы и разделение функций между нами на случай его ареста...

На совещании в Царском Селе уже были намечены те четкие основы организации, которые потом вылились в точные формулировки на собрании центральной группы в начале декабря 1895 года. Владимир Ильич особенно настаивал на соблюдении элементарных правил конспирации, на возможно более редких посещениях друг друга в порядке приятельства и дружбы, на прекращении ненужной переписки со знакомыми во избежание невольных нескромностей и разных ненужных сообщений.

Он учил нас писать молоком между строчек, точками в книгах; он требовал от нас также строгого разграничения функций, партийных обязанностей каждого из нас и настаивал на том, чтобы отдельные работники были прикреплены каждый к особому району. Все, начиная с Владимира Ильича, сообщили здесь данные о своих связях с кружками и отдельными рабочими, явки и адреса, пути сношений с техниками, с наиболее активными сотрудниками из периферии и прочее.

Надежда Константиновна, уже тогда выполнявшая главную работу, так сказать, по секретарской части, тут же наскоро зашифровывала все это.

Н. К. Крупская: Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки.

М. А. Сильвин: Несмотря на то что маленький городок был в то время резиденцией царя, собрание не было просле-

жено полицией. Это было в первый день пасхи, и в мансарде, которую я занимал (в сущности, комната, устроенная на чердаке, и ход в нее был через чердак), были сделаны мной приготовления как бы для празднования «светлого дня». Может быть, ввиду праздничного настроения надзор вообще был ослаблен в этот день; к тому же товарищами были приняты особые меры предосторожности: в поезде и на вокзалах вели себя как незнакомые друг другу, улицами шли поодиночке.

Н. К. Крупская: Владимир Ильич тщательно собирал... «связи», выискивая всюду людей, которые могли бы так или иначе пригодиться в революционной работе. Помню, раз (*в апреле*) по инициативе Владимира Ильича было совещание представителей нашей группы (Владимира Ильича и, кажется, Кржижановского) с группой учительниц воскресной школы. Почти все они потом стали социал-демократками. В числе их была Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, перешедшая через некоторое время к социал-демократам. Старые партийные работники помнят ее. Человек с громадной революционной выдержкой, строгая к себе и другим, прекрасно знавшая людей, прекрасный товарищ, окружавшая любовью, заботой тех, с кем она работала, Лидия сразу оценила во Владимире Ильиче революционера... Из учительниц были, кажется, на этом совещании еще П. Ф. Куделли, А. И. Мещерякова... и другие.

М. А. Сильвин: Когда его старший товарищ по Самаре, Лалаянц, был (*24 апреля*) освобожден из «Крестов» после отсидки, Владимир Ильич повидался с ним и даже проводил его до Москвы.

Д. И. Ульянов: В апреле 1895 года он (*Владимир Ильич*) приехал к нам в Москву, на квартиру Бажанова (*Яковлевский переулок (ныне улица Елизаровой), дом № 19*).

Здесь он остановился и здесь же встретился с Лалаянцем...

Тут Владимир Ильич рассказывал нам относительно третьего тома «Капитала», который прочитал по-немецки — русского перевода еще не было. Помню, тогда еще пришел к нам Масленников из Московского комитета — товарищ Анны Ильиничны, и он (*Владимир Ильич*) рассказывал нам о стремлении капиталистического общества к равной норме прибыли и о ренте, о так называемой дифференциальной ренте.

И. Х. Лалаяц:

Из рассказов Владимира Ильича я узнал тогда много чрезвычайно интересного для меня о жизни и работе петербургских кружков, в частности о подпольно-литературной работе Владимира Ильича. Из его слов я мог заключить, что в Питере в то время достаточно прочно и широко была налажена пропагандистская и даже отчасти агитационная работа, в особенности среди рабочих крупных заводов; рассказывал он немало также о подготавливавшихся к выпуску «Материалах» (сборник) и о спорах со Струве, об отношениях к нему. Для меня с достаточной ясностью стала вырисовываться активная и руководящая роль Владимира Ильича во всех этих работах, хотя сам он ее совершенно не подчеркивал...

По дороге в Женеву

25 апреля 1895 года Владимир Ильич выехал за границу.

Из донесения петербургского градоначальника департаменту полиции:

Состоящий под негласным надзором полиции сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов 25 минувшего апреля выбыл за границу по паспорту, выданному мной 15 марта сего года, за № 720.

Об изложенном имею честь сообщить департаменту полиции, согласно § 10 положения 1 марта 1882 года о негласном надзоре.

Из циркуляра директора департамента полиции Н. И. Петрова начальникам жандармских пограничных пунктов:

Департамент полиции, препровождая при сем список лиц, проживающих за границей, имеет честь просить вас, милостивый государь, установить наблюдение за возвращением означенных лиц в пределы империи и, в случае прибытия их на вверенный вам пограничный пункт, поступить согласно указаниям, изложенным в списке.

В «Списке лиц, за коими надлежит установить наблюдение за возвращением в пределы империи», Владимир Ильич значился под № 22. В графе «Как поступить по прибытии на пограничный пункт» предписывалось:

Тщательный досмотр багажа и о направлении избранного пути уведомить департамент полиции и на-

чальника подлежащего жандармского управления для продолжения негласного надзора полиции...

В составленном охранкой 27 мая 1895 года «Списке лиц, на коих падает подозрение в принадлежности к социально-революционному обществу» Владимир Ильич фигурировал под № 1. О нем давались следующие сведения:

Брат казенного государственного преступника Александра Ульянова и с 1887 года состоит под негласным надзором полиции... Вместе с братьями Ванеевыми, Василием Старковым, сестрами Невзоровыми, Верой Сибилевой⁴¹ и другими стоит во главе кружка, занимающегося революционной пропагандой среди рабочих, и в интересах этого кружка, для приобретения революционных связей, 25 минувшего апреля выбыл за границу. (Сообщено департаменту полиции 2-го мая сего года за № 5947).

Департаментом полиции была подготовлена специальная «справка» о В. И. Ульянове.

В «справке» говорилось:

Ульянов, Владимир Ильин, родился в 1870 году, дворянин, сын действительного статского советника, брат казенного Александра Ульянова, имеет мать вдову Марию, сестер Анну, Ольгу⁴² и Марию и брата Дмитрия. Средством к существованию семьи служит пенсия, получаемая за службу отца в размере 1200 рублей в год.

Первоначальное образование получил в Симбирской гимназии, а затем поступил в 1887 году в Казанский университет. Впервые обратил на себя внимание сношениями с известным Лазарем Богоразом⁴³. За участие в студенческих беспорядках, происходивших в декабре 1887 года, исключен из университета с воспрещением жительства в Казани и с учреждением негласного надзора полиции.

В июле 1888 года мать Ульянова ходатайствовала о разрешении принять вновь сына ее Владимира в Казанский университет, а в сентябре того же года сам Ульянов ходатайствовал о разрешении ему уехать за границу для окончания образования в одном из зарубежных университетов, — оба эти ходатайства ввиду преждевременности были отклонены.

В мае 1889 года казанский губернатор представил ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу для лечения, и его превосходительство г. директор (*департамент полиции*) названное ходатайство изволил отклонить ввиду того, что от означенной в

медицинском свидетельстве болезни Ульянов может ехать на Кавказ.

По распоряжению московского генерал-губернатора Ульянову, на основании 16-й статьи положения о государственной охране, воспрещено жительство в Москве и Московской губернии. Из ведомости о лицах, состоящих под негласным надзором полиции в Казанской губернии, представленной при отношении начальника Казанского губернского жандармского управления от 20 июля 1889 года, усматривается, что Ульянов ведет знакомство с подозрительными лицами.

В 1889 году на Ульянова было обращено особое внимание, как на одного из поднадзорных, пребывавших в Казани, которая местность, по сведениям, добытым по известному делу о взрыве в Цюрихе⁴⁴, признавалась местом пребывания особо видных деятелей революционного движения в России.

В 1889 же году Ульянов ходатайствовал о допущении его до экзамена на степень кандидата юридических наук; имеющиеся об Ульянове сведения были сообщены министру народного просвещения.

В то же время были получены указания (из Самары по месту пребывания Ульянова), что он продолжает вращаться в среде лиц вредного в политическом отношении направления.

В октябре 1891 года было отклонено ходатайство Ульянова о разрешении ему выезда за границу.

В минувшем июне (1892 года) Ульянов ходатайствовал о разрешении ему быть поверенным при Самарском окружном суде.

Согласно положенной резолюции было объявлено, что соответствующий отзыв будет дан в случае запроса подлежащего его начальства.

Помимо изложенного Владимир Ульянов находился в сношениях с Ив. Ив. Воскресенским, принадлежавшим к кружку Лазаря Богораза.

В июле 1892 года сообщено председателю Самарского окружного суда на его запрос, что к выдаче Ульянову свидетельства на право хождения в качестве поверенного по судебным делам препятствия не встречается.

В апреле сего 1895 года Ульянов выехал за границу по паспорту, выданному с.-петербургским градоначальником от 15 марта того же года, за № 720, и как состоящий под негласным надзором помещен в циркуляр на пограничные пункты от 26 мая 1895 года № 4254.

Из ведомости негласного надзора г. С.-Петербурга по 1 января сего года усматривается, что в образе

жизни Ульянова ничего предосудительного не замечалось.

Ныне, ввиду полученных об Ульянове неблагоприятных сведений (вх. № 8574), о выезде его за границу сообщено.

Директор департамента полиции Н. И. Петров направил чиновнику особых поручений министерства внутренних дел П. И. Рачковскому, заведовавшему заграничной агентурой департамента полиции, предписание.

В предписании указывалось:

Состоящий под негласным надзором полиции помощник присяжного поверенного округа С.-Петербургской судебной палаты... Владимир Ильин Ульянов 25 апреля сего года выехал за границу...

По имеющимся в департаменте полиции сведениям, названный Ульянов занимается социал-демократической пропагандой среди петербургских рабочих кружков, и цель его поездки за границу заключается в приискании способов к водворению в империи революционной литературы и устройства сношений рабочих революционных кружков с заграничными эмигрантами.

Сообщая о сем, прошу вас учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение и о последующем уведомить.

2 мая 1895 года Владимир Ильич написал письмо матери «с дороги» — из австрийского города Зальцбурга.

В письме говорилось:

Пользуюсь остановкой на 2 часа в одном австрийском городке (недалеко уже * от места назначения), чтобы исполнить обещание написать с дороги.

По «загранице» путешествую уже вторые сутки и упражняюсь в языке: я оказался совсем швах, понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе* **. Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом, — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и уходит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык...

---

* сутки с небольшим.

** Не понимаю даже самых простых слов, — до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.

Следующее письмо очень скоро не смогу, вероятно, написать.

С. Н. Мотовилова:

Ленина я помнила еще с 1895 года, когда он в свой первый приезд в Швейцарию заезжал к нам в Лозанну и провел у нас полдня.

Было это так. Горничная сказала моей маме, что ее кто-то спрашивает.

Вошел незнакомый человек и сказал, что его прислал Классон. Мама ввела его в гостиную, там у нас на столике лежали социалистические газеты. Человек этот бросился к столику и, не обращая внимания на маму, весь погрузился в газеты.

Потом они с мамой разговорились. Мама должна была объяснить ему, как проехать к Плеханову.

Обращаясь к маме, незнакомец сказал:

— А мы с вами из одного города.

— Как же ваша фамилия? — спросила мама.

— Петров, — ответил он.

(Ленин одно время, как известно, подписывался Петровым.)

— Какой же это Петров, — раздумывала мама, — может быть, сын булочника?

— Да нет, — ответил он, — этого Петрова вы не знаете.

За ужином Петров был очень сдержан, разговаривал мало.

Из письма В. И. Ленина матери 8 мая:

Предыдущее письмо писал с дороги. Теперь уже устроился на месте, — думаю, впрочем, что не надолго и что скоро опять поеду куда-нибудь.

Природа здесь роскошная. Я люблюю ею все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...

Встречи с Плехановым

М. И. Калинин:

В период беспросветной реакции, во времена, когда рядовому рабочему с большим трудом и страшными усилиями приходилось приобретать даже первоначальную грамотность, в рабочих кругах уже вращались подпольные издания, принадлежавшие перу Георгия Валентиновича.

Эти произведения открывали новый мир рабочему классу, они звали его на борьбу за лучшее будущее,

они учили в ясной, простой, для всех доступной форме основам марксизма; несокрушимою верою в конечную победу идеалов рабочего класса они воспитали уверенность, что все препятствия и трудности по пути к этим идеалам будут легко сметены организованным пролетариатом.

Н. К. Крупская: Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом...

В. И. Ленин: Основание русской социал-демократии — главная заслуга группы «Освобождение труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей...

Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия, — думали они, — т. е. вместо чиновников назначила своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т. е. все финансовые средства государства, и произвела бы социальный переворот... Русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма.

Из статьи В. И. Ленина «Карл Маркс»:

По вопросу о философии марксизма и об историческом материализме лучшее изложение у Г. В. Плеханова...

Из работы В. И. Ленина «Еще раз о профсоюзах»:

...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать — именно *изучать* — все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма.

Из статьи В. И. Ленина «Об авантюризме»:

Его (Г. В. Плеханова) личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превос-

ходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников.

Е. М. Ярославский:

Конечно, чрезвычайно большое значение имело то, что Плеханов в то время с особой силой подчеркивал роль пролетариата как главной движущей силы революции, что «*без рабочих, сознающих свои классовые интересы, нет социализма*». Но Плеханов приносил громадный вред движению, когда, неправильно оценивая роль крестьянства и буржуазии в предстоящей революции, утверждал в 1890 году, что «*кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации*».

Здесь в воззрениях Плеханова уже наметилась его будущая меньшевистская оценка роли буржуазии в русской революции. Буржуазию Плеханов считал революционной силой, союзником пролетариата. Крестьянство он в данном случае скидывал со счетов. «*Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы*», — писал Плеханов. По мнению Плеханова, историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «*мужичка*». Таким образом, Плеханов и не смог ставить вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством.

М. А. Сильвин:

Идейное влияние Плеханова было огромно. Можно с уверенностью сказать, что на его произведениях воспитывалось целое поколение революционеров. Но хотя к группе «Освобождение труда» тянулись все нити российских социал-демократических кружков, она не стала организационным центром движения. Чернышевский когда-то, присматриваясь к Герцену при личном свидании с ним за границей, заметил, что он все еще воображает себя в московских гостиных, не понимая того, что за годы его изгнания появилась совершенно новая аудитория, новые люди и новые отношения. Плеханов *mutatis mutandis** был теперь в положении Герцена 60-х годов. Он был гениальным истолкователем и пропагандистом марксизма и отчетливо представлял себе общие контуры возникшего движения и его вероятное будущее. Но за 20 лет изгнания и почти исключительно кабинетной работы он потерял живую связь с движением, недооценивал его, не думал, что в предстоящей схватке российскому пролетариату удастся оттеснить или даже совершенно уни-

---

* *Внося соответствующие изменения (латинск.).*

чтожить все другие стоящие на его пути общественные классы.

В. И. Ленин:

Теоретические работы (*Г. В. Плеханова*)...— главным образом критика народников и оппортунистов — остаются прочным приобретением с.-д. всей России, и никакая «фракционность» не ослепит человека, обладающего хоть какой-нибудь «физической силой ума», до забвения или отрицания важности этих приобретений. Но как политический вождь русских с.-д. в буржуазной российской революции, как тактик Плеханов оказался ниже всякой критики.

Н. К. Крупская:

Плеханова Владимир Ильич чрезвычайно ценил как теоретика... Но он знал и слабые стороны Плеханова. Долгие годы эмиграции, в те годы, когда не было еще партии, рабочее движение еще только что складывалось, наложили на Плеханова свою печать. Плеханов был оторван от развертывающегося рабочего движения. Это было видно по тому, как мало интересовался он рабочими корреспонденциями, как не умел слушать приезжавших с мест работников, как мало ставил им практических вопросов. Кроме того, он был страшно избалован и не терпел никаких возражений, прямо терроризовал своих соратников по группе «Освобождение труда» — Засулич и П. Б. Аксельрода. Владимир Ильич обладал широкими теоретическими знаниями, при помощи которых он поднимал практическую работу на высшую ступень. Теория учила его всматриваться в жизнь, улавливать в жизни самое нужное и самое важное; с другой стороны, революционная практика толкала вперед его мысль, учила глубже ставить вопросы. Ильич был совершенно иного типа теоретик, чем Плеханов. Но совершенно неправильно было бы сказать, как это пытались делать некоторые, что Плеханов — теоретик, а Ленин — практик. Это не так. Ленин тоже теоретик, но совершенно другого типа теоретик, другой эпохи, органически связанный со всем строительством партии, со всей ее работой. В этом была его сила. У Ильича не было и тени высокомерия ученого-теоретика, он на все смотрел с точки зрения интересов партии, интересов рабочего класса.

Б. И. Горев:

В отличие от Ленина, главной особенностью которого было умение соединять глубоко революционную и непримиримую теорию с такой же беспощадно-революционной *практикой*, Плеханов в течение всего своего марксистского периода был и оставался только *писателем*, теоретиком и полемистом... Революцион-

ный марксизм сделал его большим мастером в области революционной теории, включая также и теорию грядущей революции. Но эта революция рисовалась ему все же в несколько туманных очертаниях. Он выработал свое марксистское миросозерцание накануне возникновения II Интернационала, в эпоху, когда отзвучали уже последние отголоски героической борьбы Парижской Коммуны, когда Европа вступила в длительную полосу «мирного развития» без войн и революций, когда все почти внимание социалистов было обращено на парламентскую борьбу.

Став марксистом, Плеханов, естественно, прежде всего размежевался и с революционным народничеством, которое он раньше сам пропагандировал, и с террористическим народолюбием. А новой, непосредственно революционной практики у него не было.

М. М. Эссен:

Сравнивая эти две фигуры (*В. И. Ленина и Г. В. Плеханова*), такие крупные, яркие, одаренные, всегда видишь разницу характеров. Ничто личное, мелкое не доходило до Ленина. Он любил и ценил Плеханова и неизменно обращался к мысли о том, что его нужно сохранить для партии. А Плеханов? Он точно боялся «соперничества», никого не признавал рядом с собой. С ним нельзя было говорить как с равным.

Плеханов как-то жаловался, что его одолевают умники, которые приходят к нему и нудно, тягуче, длинно излагают свои теории, от которых веет затхлым чеховским провинциализмом. Это зло, но верно, и виноват в этом был сам Плеханов. Конечно, товарищи тянулись к нему, но их встречал такой холодный прием, такое подчеркнутое превосходство, что и неглупый человек терялся, начинал лепетать всякие несуразности, чтобы показать, что и он не чужд разных теорий...

Не то Ленин. Весь ушедший с головой в организацию рабочего класса, поставивший целью своей жизни создать партию, которая действительно могла бы повести пролетариат к победе над самодержавием и капитализмом, он по камешку сколачивал эту партию. Тысячами нитей Ленин был связан с партией, с рабочим классом. У него подход к людям был совсем иной, чем у Плеханова. Он, как хороший хозяин, подбирал все, что годилось для стройки. Иногда поражало, до чего Ленин был внимателен и терпелив с каждым товарищем.

С Лениным никто не старался казаться умным, говорить о высоких материях, становиться на носки.

Он видел человека насквозь, и каждый чувствовал, что с Ильичем надо говорить только просто, щеголять не нужно.

...Всегда поражало, с каким доверием и вниманием он всех слушал. Это был такт большого человека: ободрить работника, поднять в нем веру в свои силы, зажечь бодростью и энергией. Не в этом ли исключительный успех и влияние Ленина, что он умел, как никто, воодушевить волей к работе, и человек, соприкоснувшись с ним, трудился с удесятенной энергией. Каждый чувствовал, что у него точно крылья выросли.

Е. И. Спонтни:

...В первый день своего приезда в Женеву я... совершенно неожиданно для себя встретился с Лениным в кабинете Плеханова. Помнится, когда я часов в 10 утра позвонил у двери квартиры Плеханова, дверь открыл сам Плеханов, который был совершенно по-домашнему — без сюртука, и провел меня в кабинет. В кабинете никого не было. Узнав же, что я из Москвы со специальным к нему поручением, он быстро вышел в соседнюю комнату и, возвратившись оттуда с Лениным, предложил нам познакомиться. Мы ответили, что уже знакомы...

После моих объяснений Ленин передал Плеханову для ознакомления свои материалы. В числе их была гектографированная писанная на машинке полемическая брошюра против Михайловского и К^о 45. Плеханов бегло просмотрел брошюру и заметил:

— Да, это, кажется, серьезная работа.

Ленин и на этот раз, как и на совещании в Петербурге *, был очень сдержан... Он держал себя с большим достоинством, как человек, сознающий свою силу...

Когда время стало приближаться к 12 часам, обычному за границей времени обеда, Плеханов указал нам ресторан, где можно недорого пообедать, предупредив, чтобы мы держали себя осторожно, так как в Женеве много русских шпионов.

А. Н. Потресов:

С нами, приезжими из России, Плеханов всегда предпочитал проводить время вне Женевы, чтобы избавиться от соглашения из русской охранки и, таким образом, не подвергать нас риску от общения с ним.

А. М. Воден:

В 1895 году (в начале лета) я провел с Владимиром Ильичем и А. Н. Потресовым несколько содержа-

---

* См. стр. 249—251 наст. издания.

тельных суток в Ormonts — Dessus: они выразили желание, чтобы я провел их туда из Монтрэ через долину Hongrin'a горными тропинками, подальше от любопытных.

А. Н. Потресов: Если не ошибаюсь, беседа эта (В. И. Ленина и Г. В. Плеханова) происходила летом 1895 года в горах в местечке Ормони (неподалеку от долины Роны). В эту горную деревушку Ленин и я (третьим нашим компаньоном был А. М. Воден) пришли пешком из Кларана через довольно высокий горный перевал. Туда же, в Ормони, приехал Плеханов, и мы всей компанией поселились в одном пансионе.

*Из письма Г. В. Плеханова Ф. Энгельсу
(конец мая — июнь 1895 года):*

Известия из С.-Петербурга несколько не лучше. Вернее, поскольку дело касается общего недовольства, они отрадны: революционное движение никогда еще не было таким сильным за последнее десятилетие, но правительство принимает оборонительные меры. В России становится жарко...

Спасибо за «Классовую борьбу»⁴⁶. Кстати. Не решите ли Вы нам перевести Ваши книги «Положение рабочего класса в Англии» и «Переворот в науке, произведенный господином Дюрингом»? *Это — для издания в России.* Только... там цензура, — она не особенно любезна в настоящий момент, — наоборот.

Посылаю Вам русскую брошюру. Прочтите конец этой брошюры и Вы увидите, что борьба наших народников «против капитализма» все более и более выродается в союз с царизмом.

Р. М. Плеханова: Эти швейцарские встречи и беседы (В. И. Ленина и Г. В. Плеханова) были весьма содержательны. Если не считать разговоров на различные теоретические темы, в центре бесед стояли вопросы, связанные с практической деятельностью русских социал-демократов в тех разнообразных областях, которые перед нами теперь открылись. Много было рассказов, с одной стороны, о практике тогдашних пропагандистских кружков и, с другой стороны, о практике революционеров 1870—1880 годов, в работе которых принимали участие Плеханов, Аксельрод. С особым увлечением Ленин слушал рассказы Плеханова про главного «хозяина» землевольческой и народвольческой организацией Михайлова⁴⁷ и про организационные принципы,

на которых последний строил подпольные объединения.

А. М. Воден: ...Мне пришлось быть очевидцем его (*Владимира Ильича*) спора с Г. В. Плехановым по вопросу о феодализме в России.

Из письма Г. В. Плеханова В. И. Засулич:

Я помню, как в 1895 году один товарищ старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Я отвечал, что сходства в этом случае не больше, чем между «российским Вольтером» — Сумароковым и настоящим, французским Вольтером, но мои доводы едва ли убедили моего собеседника.

Р. М. Плеханова: ...Намечено было... проведение известного рода разделения труда. Сошлись на том, что А. Н. Потресов не должен входить в практическую работу петербуржцев: на него ложилась легальная издательская деятельность и основные сношения с заграницей.

Из письма Г. В. Плеханова о Владимире Ильиче:

Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди!

В своих воспоминаниях Г. М. Кржижановский приводит слова Г. В. Плеханова о том, что

ему еще не случалось встречаться с таким выдающимся представителем революционной молодежи, как В. И. Ульянов: настолько последний превосходил все свое окружение и по теоретической подготовленности и по осведомленности о тогдашней российской действительности.

Г. М. Кржижановский: Г. В. Плеханов писал... что за период многолетнего пребывания за границей у него перебивало большое число лиц из России, но что, пожалуй, ни с кем не связывает он столько надежд, как с этим молодым Ульяновым. Насколько я помню, он отмечал в этом письме и удивительную эрудицию Владимира Ильича, и целостность его революционного мировоззрения, и бьющую ключом энергию.

В Цюрихе и в Афольтерне

*После завершения переговоров с Плехановым
Владимир Ильич поехал в Цюрих, к П. Б. Аксельроду.*

П. Б. Аксельрод: ...Ко мне приехал... гость... молодой человек, невысокого роста... Представился:

— Владимир Ульянов, приехал недавно из России. Георгий Валентинович, в Женеве, просил вам кланяться.

Молодой человек передал мне довольно объемистую книгу — сборник статей под заглавием «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России»*, незадолго до того вышедшую в России и уже конфискованную и даже сожженную по приговору цензуры... Я знал о подготовке этого сборника и сам писал для него статью под заглавием «Главные запросы русской жизни», но не смог кончить ее в срок из-за болезни.

Посидев у меня, побеседовав о положении дел в России, молодой человек поднялся и сказал вежливо:

— Завтра, если вы позволите, я найду к вам, чтобы продолжить разговор.

Вечером и ночью я просмотрел привезенный Ульяновым сборник. Мое внимание привлекла обширная статья К. Тулина, имя которого я встретил здесь впервые. Эта статья произвела на меня самое лучшее впечатление. Тулин выступал здесь с критикой народничества и «Критических заметок» Струве... Чувствовался темперамент, боевой огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы. Для меня ознакомление с этим сборником было истинным наслаждением. Наконец-то, думал я, появляется в России легальный сборник, проникнутый не просто духом отвлеченного, академического марксизма, но духом социал-демократии, дающей учению марксизма революционное применение...

Утром пришел ко мне Ульянов.

— Просмотрели сборник?

— Да! И должен сказать, что получил большое удовольствие. Наконец-то пробудилась в России настоящая революционная социал-демократическая мысль. Особенно хорошее впечатление произвели на меня статьи Тулина...

— Это мой псевдоним, — заметил мой гость.

---

* Вернее, «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

Тогда я принялся объяснять ему, в чем я не согласен с ним...

Ульянов, улыбаясь, заметил в ответ:

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы,— говорит,— поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом»⁴⁸.

Невольнo бросалось в глаза глубокое различие между сидевшим передо мною молодым товарищем и людьми, с которыми мне приходилось иметь дело в Швейцарии... Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие. Он даже не сказал мне, что поряточно писал в Петербурге и уже приобрел значительное влияние в революционных кружках. Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно.

В Швейцарию он приехал по своему легальному паспорту и предполагал так же легально вернуться в Россию. Его частые встречи со мной могли обратить на него внимание. А между тем нам о многом еще хотелось переговорить. Мы условились уехать на несколько дней из Цюриха в деревню, где могли бы проводить целые дни вместе, не привлекая ничьих подозрительных взглядов.

Переехали в деревушку Афольтерн, в часе езды от Цюриха. Здесь мы провели с неделю. Был май, стояла прекрасная погода. Мы целыми днями гуляли, подымались вместе на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших нас обоих вопросах.

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я... вспоминаю о них как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение труда».

Первый вопрос, который мы обсуждали, касался отношения русских социал-демократов к либералам...

Я передал Ульянову двойственное впечатление, которое произвел на меня... (*Е. И. Спонтти*): с одной стороны, глубокое рабочелюбие, трогательная преданность пролетарскому делу; с другой стороны — паразитальная примитивность мышления.

— А знаете, что он говорил мне о вас? — заметил Ульянов. — «Непреренно,— говорит,— остановитесь в Цюрихе, побывайте у Аксельрода,— только не рассказывайте ему о разногласиях между нами»...

— Я очень рад тому, что вы сообщили мне,— сказал я Ульянову,— но объясните... с чего он так донимал меня «агитацией».

— А видите ли, он имел в виду *экономическую агитацию*.

— Черт возьми! Почему же он не мог прямо сказать мне, в чем дело!

— Это не его личное мнение. Об этом у нас в России за последнее время много было разговоров. Я привез с собой брошюрку, посвященную этому вопросу. По ней вы разберете, о чем шла у нас речь...

Говорили мы с Ульяновым и о тех особых исторических задачах, которые предстоят русской социал-демократии в общенациональном движении против абсолютизма.

И я должен признать, что впервые пришлось мне встретиться за границей молодого товарища, который проявлял столько любознательности и интереса к этим вопросам.

Разговор коснулся, между прочим, нашей заграничной «опозиции» и отношений между группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов»...

Само собой разумеется, говорили мы о положении социал-демократической работы в России, и в частности в Петербурге...

С появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались наконец более или менее правильные сношения с Россией.

М. А. Сильвин:

...Он (*Владимир Ильич*) познакомился с Плехановым и Аксельродом и договорился с ними о формах и способах своего и нашего участия в их литературной работе за границей.

А. В. Луначарский:

В первый раз я услышал о Ленине... от Аксельрода... Аксельрод мне сказал:

— Теперь можно утверждать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители.

— Как? — спросил я.— А Струве, а Туган-Барановский?

Аксельрод несколько загадочно улыбнулся (дело в том, что раньше он очень высоко отзывался о Струве) и сказал мне:

— Да, но Струве и Туган-Барановский — все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а

Тулин⁴⁹ — это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции.

Р. М. Плеханова вспоминает, что после знакомства с Лениным у членов группы «Освобождение труда»

появилась глубокая надежда на то, что пролетарское движение в России пойдет в гору, имея в своих рядах таких талантливых людей, как Владимир Ильич.

Париж и опять Швейцария

После трехнедельного пребывания в Швейцарии В. И. Ленин отправился в Париж.

Из письма В. И. Ленина матери 27 мая 1895 года:

В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых чаще бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное — широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно, — так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости.

Чтобы посмотреть как следует, придется провести несколько недель.

Здесь очень дешевы квартиры: например, 30—35 frs. за 2 комнаты с кухней в месяц; 6—10 frs. в неделю за меблированную комнату — так что я надеюсь устроиться недорого.

Н. К. Крупская: Трудно представить себе более «антимузейного» человека, чем Ленин. Пестрота, винегретность музейных материалов производила на Владимира Ильича неизменно самое удручающее впечатление, через 10 минут он имел уже вид страшно усталого человека.

М. М. Эссен: Он любил живую толпу, живую речь, песню, любил ощущать себя в массе.

Г. М. Кржижжатовский: ...В памяти моей... живет его описание встреч с парижским пролетариатом. Французский рабочий-масовик своим общим культурным уровнем, своей жи-

вой восприимчивостью и своей товарищеской общительностью, по словам Владимира Ильича, представлял как раз тот человеческий материал, с которым наиболее естественным образом могли связываться упования марксистов-революционеров.

Н. К. Крупская: Опыт борьбы международного пролетариата Ленин изучал с особой страстностью.

Во время своего пребывания в Париже В. И. Ленин посетил Поля и Лауру Лафарг.

В. И. Ленин: В лице Лафарга соединялись — в умах русских с.-д. рабочих — две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против империи, — и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм.

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь.

Из письма В. И. Ленина матери 6 июля 1895 года:

Я писал последнее письмо, если не ошибаюсь, восьмого. С того времени я многоноcko пошлялся и попал теперь... в один швейцарский курорт: решил воспользоваться случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более, что врач-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4—5 выбраться отсюда...

Жаркое ли у вас лето? Здесь очень жаркое, но я живу теперь в хорошем месте, далеко от города; среди зелени и близ большого озера.

В Берлине

Из писем В. И. Ленина матери.

29 июля
1895 года:

Не знаю, получила ли ты мое предыдущее письмо, которое я отправил отсюда с неделю тому назад. На всякий случай повторяю свой адрес: Berlin, Moabit, Flensburgerstrasse, 12^{II} (bei Frau Kurreick) Herrn W. Ulianoff.

Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня — Tiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги. Здесь через весь город идет (над улицами) железная дорога: поезда ходят каждые 5 минут, так что мне очень удобно ездить в «город» (Моабит, в котором я живу, считается собственно уже предместьем).

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти все в таких речах с первого же раза. Третьего дня был в театре; давали «Weber» Гауптмана⁵⁰. Несмотря на то, что я перед представлением перечитал всю драму, чтобы следить за игрой,— я не мог уловить всех фраз. Впрочем, я не унываю и жалею только, что у меня слишком мало времени для основательного изучения языка.

17 августа:

На днях получил твое письмо, дорогая мамочка, а сегодня к тому же письмо от Марка (*Елизарова*), которому пишу небольшую приписку.

Живу я по-прежнему, и Берлином пока доволен. Чувствую себя совсем хорошо,— должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купанье и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие. Занимаюсь по-прежнему в Königliche Bibliothek *, а по вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи. Теперь уже немножко освоился и понимаю несколько лучше, хотя все-таки очень и очень еще плохо.

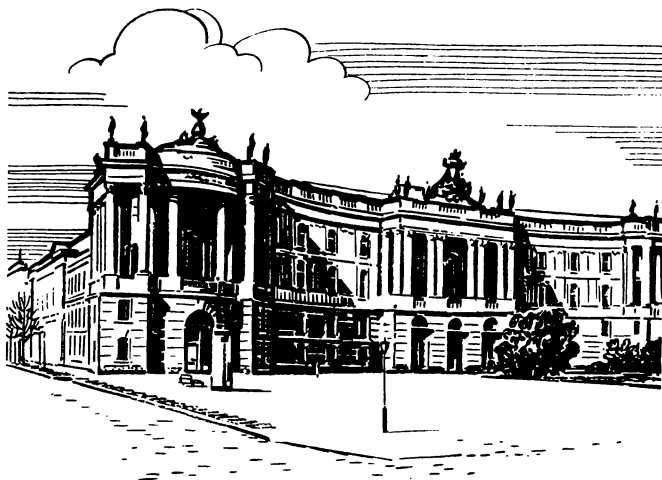
Берлинские Sehenswürdigkeiten ** посещаю очень лениво: я вообще к ним довольно равнодушен и боль-

---

* Королевской библиотеке (нем.).

** Достопримечательности (нем.).

Находясь в Берлине, Владимир Ильич занимался в Берлинской королевской библиотеке...

шей частью попадаю случайно. Да мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.

Насчет того, чтобы надолго остаться здесь,— я не думаю: «в гостях хорошо, а дома лучше». Но пока еще поживу тут, и, к великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда.

26 августа:

Получил сегодня твое письмо с деньгами, дорогая мамочка, и благодарю за него. Удивляюсь такой резкой разнице в погоде: ты пишешь, что у вас холодно, а здесь стоит страшная жара, которой не было весь август, так что я думал, что вы, вероятно, поживете еще на даче.

Живу я здесь все так же и обжился уже настолько, что чувствую себя почти как дома, и охотно остался бы тут подольше,— но время подходит уже уезжать, и я начинаю подумывать о разных практических вопросах, вроде покупки вещей и чемодана, билетов и т. д.

*Из рекомендательного письма Г. В. Плеханова
Вильгельму Либкнехту:*

Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей (*В. И. Ленина*). Он возвращается в Россию,

вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлотенбурга никому не было известно. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас, деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее. Он сообщит Вам также новости о нас.

П. Б. Аксельрод: ...Из Берлина, куда он уехал из Швейцарии. Ульянов прислал мне различные материалы и рукописи, представлявшие для меня большой интерес.

А. И. Ульянова-Елизарова: Зная, что на него, вследствие его семейного положения, смотрят особенно строго, Владимир Ильич не намеревался везти с собой что-нибудь недозволенное, но за границей не выдержал, искушение было слишком сильно, и он взял чемодан с двойным дном. Это был обычный в то время способ перевозить нелегальную литературу; она укладывалась между двумя днами. Работа производилась в заграничных мастерских чисто и аккуратно...

Из записи воспоминаний В. А. Бухгольца и И. Л. Айзенштадта:

Что... касается до транспорта нелегальной литературы в Россию, то Ленин налаживал его с помощью И. Л. Айзенштадта-Юдина и В. А. Бухгольца. Последнее в это время уже перешли к системе перевозки литературы в чемоданах с двойными крышками, пустое пространство между которыми уплотненно начинялось зарубежными изданиями... Для производства таких чемоданов был приспособлен один старый товарищ — немецкий социал-демократ, переплетчик, живший на Mansteinstrasse, 3 (фамилию его установить не удалось); для русских дел он был рекомендован (*работавшим в редакции «Форвертса»*) Ад. Брауном и, действительно, в течение ряда лет был верным и ценным сотрудником. Именно он изготовил и тот чемодан, который повез в Россию Ленин...

...Ленин... познакомил Айзенштадта-Юдина со способом прессования и превращения в картон подлежащей к перевозу литературы или писем: листы таковой литературы или писем (только писанных тушью), по этому рецепту, соединяются особым клеем, накладываются один на другой до определенной толщины, обкладываются снаружи подходящей бумагой; в таком виде прессуются и сушатся, после чего получается обычный на вид картон, не навлекающий ничего подозрения; когда же спрятанную в этом картоне литературу нужно возвращать в первобытное со-

стояние, то картон кладут в теплую воду и осторожно разнимают по листам на составные части.

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Способ этот (*устройство в чемодане двойного дна*) был все же очень известен полиции,— вся надежда была на то, что не станут же исследовать каждый чемодан. Но вот при таможенном осмотре чемодан Владимира Ильича был перевернут вверх дном и по дну, кроме того, прищелкнули. Зная, что опытные пограничные чиновники определяют таким образом наличие второго дна, Владимир Ильич решил, как рассказывал нам, что влетел.

Возвращение в Россию

7 сентября 1895 года начальник Вержболовского пограничного отделения Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Шнейер направил рапорт в департамент полиции.

В рапорте сообщалось:

Сего числа прибыл из-за границы указанный в циркуляре департамента полиции от 26 мая с. г. за № 4254 сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов, по паспорту с.-петербургского градоначальника от 15 марта с. г. за № 720, и направился, судя по купленному билету, в город Вильно.

По самому тщательному досмотру его багажа ничего предосудительного не обнаружено. О чем доношу департаменту полиции.

Из рапорта начальника Виленского губернского жандармского управления полковника Черкасова департаменту полиции:

Имею честь донести департаменту полиции, что начальник Вержболовского пограничного отделения С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог сообщил мне о прибытии 7 сего сентября из-за границы... Владимира Ильина Ульянова... который, судя по купленному билету, направляется в г. Вильну. Собранными же негласным образом справками пребывания означенного Ульянова в г. Вильне до настоящего времени не обнаружено.

Из письма В. И. Ленина П. Б. Аксельроду (начало ноября 1895 года):

Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике⁵¹. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку и доставление материала. Их настроение вообще недоброе (я вспомнил Ваше выражение о пал.* провинциях): дескать, посмотрим, будет ли соответствовать тактике агитационной, тактике экономической борьбы. Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас...

Был в Москве. Никого не видал, так как об «учителе жизни» (*Е. И. Спонтти*) ни слуху ни духу. Цел ли он? Если знаете что о нем и имеете адрес, то напишите ему, чтобы он прислал нам адрес, иначе мы не можем найти там связей. Там были громадные погромы⁵², но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек. Если Вы не получили, то напишите, и мы вышлем.

Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там недавно погрома осталось так мало публики и вся на примете до того, что сношения очень трудны. Впрочем, литературу сумеем доставить.

Т. М. Копельзон: Часть книг по его (*Владимира Ильича*) возвращении в Россию была ему нелегально доставлена виленской организацией.

А. И. Ульянова-Елизарова: По возвращении из-за границы Владимир Ильич был у нас в Москве и много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала даже — сияющий. Последнее происходило главным образом от удачи на границе с провозом нелегальной литературы.

Н. А. Семашко: В один осенний день 1895 года меня пригласили вечером прийти на дискуссию между народниками и марксистами, в которой должен принять участие «один замечательный марксист, приехавший из Петербурга».

---

* Слово «пал.» не расшифровано.

С обычными предосторожностями добрался я до нелегального собрания. Собрание происходило в роскошной барской квартире: громадный зал, уставленный богатой мебелью, рядом кабинеты поменьше. Как всегда бывает перед боем, в ожидании сражения (и приезда «замечательного марксиста») происходили стычки разведывательных частей. Народники напали на нас. Их активно поддерживал популярный в то время блестящий молодой адвокат из радикалов — Маклаков, будущий лидер кадетов.

— Книга Бельтова — пасквильный памфлет, не больше, — волновался Маклаков.

Мы оборонялись, ожидая вождя.

Наконец приехал «замечательный марксист». Но Владимир Ильич не принял боя. Я увидел его в одном из соседних кабинетов, где он потихоньку разговаривал с стоящими около него. Очевидно, он приехал не для того, чтобы устраивать петушиный бой с либеральными краснобаями, а воспользоваться благоприятной конспиративной обстановкой и поговорить о важнейших задачах с нужными людьми.

Так дискуссия и не состоялась.

М. И. Ульянова:

Во время одного своего приезда в Москву (по-видимому, это было до его ссылки) Владимир Ильич попросил одну свою старую знакомую (М. П. Голубеву) дать ему квартиру для свидания с двумя товарищами. Попробовав достать такую квартиру в одной знакомой радикальной семье и потерпев неудачу, Мария Петровна решила устроить свидание для Владимира Ильича на квартире своей сестры, которая была замужем за частным приставом... Узнав от сестры, что муж ее в определенный день будет в каком-то наряде, она дала ее адрес Владимиру Ильичу для него и его знакомых, указав время, когда надо прийти. Владимир Ильич пришел раньше, и они с Марией Петровной уединились в маленьком кабинетике и беседовали там в ожидании прихода других. Это было в первом часу дня. Вдруг неожиданно возвращается пристав, выяснивший, что дело, которое ему было поручено, откладывается и он имеет время, прежде чем идти в наряд, пообедать дома... Пристав с большим гостеприимством пригласил обедать и Марию Петровну. Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот. И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих гостей,

стал рассказывать о том, что он пишет мемуары, которые представляют большой интерес. Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно» — несколько раз в течение обеда. Сказал то же самое и на приглашение пристава прийти как-нибудь к нему вечером, чтобы послушать чтение этих мемуаров. Мария Петровна едва удерживалась от смеха... К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже окончен и пристав ушел к исполнению своих обязанностей... Когда они пришли, Мария Петровна провела их с Владимиром Ильичем в ту комнату, где она раньше беседовала с ним...

А. И. Ульянова-Елизарова:

В Орехово-Зуево (*Владимир Ильич*) ездил вместе со мною и М. Т. Елизаровым для осмотра Морозовской фабрики. У Марка Тимофеевича был товарищ, служивший на фабрике доктором. Поездка была обставлена как семейная *partie de plaisir* *. Владимир Ильич уходил, правда, конспиративно повидаться в Орехово-Зуеве с местными социал-демократами...

Д. И. Ульянов:

Когда Владимир Ильич вернулся из-за границы, он был у нас на даче в Бутове, и мы с Марией Ильиничной ездили с ним в Москву и провожали его на Николаевском вокзале в Питер.

Помню, что мы сидели на Страстном бульваре и ели простоквашу и Владимир Ильич сказал:

— Видишь этого человека?

— Вижу. А что?

— У него нижняя часть лица удивительно Плеханова напоминает.

Владимир Ильич, такой строгий к себе, всегда других людей, как Плеханова, выдвигал. Он придавал особое значение роли Плеханова, считал, что он первый теоретик марксизма в России.

Снова в Петербурге

Петербургское охранное отделение донесло в департамент полиции о том, что В. И. Ульянов прибыл 29 сентября 1895 года в Петербург и поселился в доме № 44 по Садовой улице.

Г. М. Кржижжяновский:

Можно себе представить, как многозначительна была для нас эта поездка (*Владимира Ильича за гра-*

---

* *Увеселительная прогулка (франц.).*

ницу) и с каким нетерпением мы поджидали его возвращения. Вот наконец наступил желанный день, и наш Старик, стремительный и подвижной, как ртуть, вновь вернулся в нашу среду. Он живо рассказывал нам о тех впечатлениях, которые вынес от знакомства с Плехановым, Аксельродом...

Эта поездка Владимира Ильича за границу отнюдь не носила платонического характера. С этого момента мы вступили в непосредственную связь с группой «Освобождение труда» и, конечно, с помощью этой связи не замедлили расширить круг своих русских знакомств. К этому времени относятся наше сближение с социал-демократическими кружками в Нижнем Новгороде, Москве, Иваново-Вознесенске, Вильно и в некоторых волжских городах.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Владимир Ильич был очень доволен своей поездкой, и она имела для него большое значение. Плеханов пользовался всегда большим авторитетом в его глазах; с Аксельродом он очень сошелся тогда; он рассказывал по возвращении, что отношения с Плехановым установились хотя и хорошие, но довольно далекие, с Аксельродом же совсем близкие, дружественные. Мнением обоих Владимир Ильич очень дорожил. Позднее, из ссылки, он послал им для напечатания свою брошюру «Задачи социал-демократов в России»*. И когда я передала ему хвалебный отзыв о ней «стариков», он написал мне: «Их («стариков») одобрительный отзыв о моих работах — это самое ценное, что я могу себе представить». И после свидания с ними он еще определеннее и энергичнее вступил на путь организации политической партии социал-демократов в России.

В. А. Шелгунов:

С осени 1895 года началось значительное оживление. За Невской заставой и в других местах стали пользоваться вечерними школами, собирали через них группы рабочих для организации кружков.

М. А. Сильвин:

По инициативе Владимира Ильича было предпринято в Женеве издание «Работника», для которого Владимир Ильич энергично побуждал нас писать. Кржижановский дал для него статью о фабрике Торнтон, Ванеев — о преследованиях духоборов, я — о сельскохозяйственных рабочих. Характерно для Ванеева, что он, атеист и коммунист, взял темой своей пер-

---

* Вернее, «Задачи русских социал-демократов».

вой статьи в нелегальной печати преследование религиозной секты, протестуя против варварского надругательства над свободой совести, против унижения достоинства человеческой личности, совершенно независимо от того, реакционна или прогрессивна была сама по себе эта личность и представляемое ею движение...

Мою статью размером около печатного полулиста... я написал по личным впечатлениям, полученным в Бугурусланском уезде Самарской губернии, где я провел лето 1895 года в имении Н. Г. Михайловского-Гарина... В письме группе «Освобождение труда», при котором пересылался материал для «Работника», Владимир Ильич назвал мою статью «Рассказ о сельских рабочих на юге».

Надо было не только писать статьи, но и переправлять их, а это опять требовало особой конспирации и особых технических приемов, впервые здесь примененных нами по указаниям Владимира Ильича. Из склеенных особым составом листов рукописи делался картон, в который и переплеталась какая-нибудь невинного содержания книга, посылавшаяся затем за границу почтой самым обыкновенным порядком по заранее данному нейтральному адресу. В этой заделке рукописей ближайшее участие принимали Ванеев и Запорожец.

П. Б. Аксельрод: ...Вернувшись в Россию, он (*В. И. Ульянов*) продолжал довольно часто писать мне и сообщать материалы относительно жизни рабочих в Петербурге.

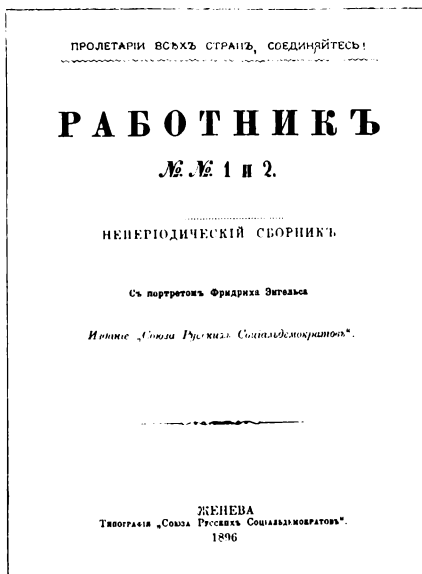
Из писем В. И. Ленина П. Б. Аксельроду.

Начало ноября 1895 года: Напишите поподробнее о сборнике: какой материал есть уже, что предположено, когда выйдет 1-ый выпуск, чего именно недостает для 2-го. Деньги, вероятно, пришлем, но позже...

Сейчас посылается 1) сообщение о выселении духоборцев; 2) рассказ о сельских рабочих на юге и 3) описание фабрики Торнтон — из этого посылается пока только начало, около 1/4.

Середина ноября: Посылаю Вам конец Торнтон. У нас есть материал о стачке 1) у Торнтон, 2) у Лаферма, 3) об Иваново-Вознесенской стачке, 4) о Ярославской стачке (письмо рабочего, очень интересное), о Петербургской фабрике механического производства обуви. Не посылаю его, потому что не было еще времени для переписки и потому что не рассчитываю успеть к

Первая книга «Работника» вышла в 1896 году в Женеве тиражом две тысячи экземпляров.

1-ому выпуску сборника... Если Вы находите, что материал поспевает к 1-ому выпуску,—сообщите тотчас.

*Из обзора важнейшихъ дознаний за 1895—1896 годы
департамента полиции:*

...Появилась в России печатная брошюра «Работник» № 1—2 на 112 страницах, в формате 8-й доли листа, с приложением портрета Ф. Энгельса, с предисловием Плеханова. Брошюра посвящена рабочему вопросу в России и в Западной Европе.

В. И. Ленин:

Против «экономистов» боролись сначала только Плеханов и вся группа «Освобождение труда» (журнал «Работник» и т. д.)...

Г. М. Кржижановский:

Мы, конечно, знали, что сношения с рабочими даже при кружках пропагандистского характера неминуемо должны были закончиться для нашей инициативной группы большими потерями в неравной схватке с тем изощренным полицейским механизмом, живым олицетворением которого был тогдашний официальный Питер. Переход к более широким связям с рабочими массами, на которые толкал нас Владимир Ильич своей проповедью об агитации, конечно, чреват был еще

большими опасностями и в этом направлении, и можно было заранее сказать, что арест и тюрьма наступали на нас в качестве непредотвратимого рока.

Еще 27 мая 1895 года петербургский градоначальник фон Валь направил в департамент полиции список лиц, заподозренных в принадлежности к «социально-революционному обществу». В ответном письме директор департамента полиции Н. И. Петров писал:

....Имею честь уведомить ваше превосходительство, что ввиду отсутствия фактических данных, удостоверяющих участие упомянутых в означенной записке лиц в пропаганде революционных учений среди рабочих, привлечение этих лиц к формальному дознанию представляется весьма неудобным и вместе с тем несвоевременным вследствие выезда многих из пропагандистов в различные местности империи на летние каникулы. Вследствие сего я полагал бы наиболее целесообразным продолжать наблюдение за оставшимися в столице проповедниками социал-демократических учений и, в случае проявления кем-либо из них активной деятельности, арестовывать таковых непременно во время сходки с рабочими и возбуждать о таких лицах отдельные дознания, не стесняясь прочими. Если по ходу дознания будет установлена связь изобличенных в преступной пропаганде с другими лицами, замеченными охранным отделением, то агентурные сведения отделения, находя себе подтверждения в удостоверенном факте пропаганды, послужат достаточными основаниями к привлечению к этому же дознанию и означенных лиц. Если во время лета деятельность пропагандистов ослабнет или вовсе прекратится, то осенью, по возвращении в столицу намеченных отделением лиц, следует возобновить наблюдение и последовательно извлекать пропагандистов из рабочей среды, арестовывая их обязательно во время сходок.

Н. К. Крупская: Тотчас же (по приезде из-за границы) за Владимиром Ильичем началась бешеная слежка: следили за ним, следили за чемоданом. У меня двоюродная сестра служила в то время в адресном столе. Через пару дней после приезда Владимира Ильича она рассказала мне, что ночью, во время ее дежурства, пришел сыщик, перебирал дуги (адреса в адресном столе надевались по алфавиту на дуги) и хвастал:

— Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова,— брата его повесили,— приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет.

Зная, что я знаю Владимира Ильича, двоюродная сестра поторопилась сообщить мне об этом. Я, конечно, сейчас же предупредила Владимира Ильича. Нужна была сугубая осторожность.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Рассказывал Владимир Ильич мне несколько случаев о том, как он удирал от шпииков. Зрение у него было хорошее, ноги проворные, и рассказы его, которые он передавал очень живо, с веселым хохотом, были, помню, очень забавны. Запомнился мне особенно один случай. Шпион настойчиво преследовал Владимира Ильича, который никак не хотел привести его на квартиру, куда отправлялся, а отделаться тоже никак не мог. Выслеживая этого нежеланного спутника, Ильич обнаружил его в глубоких воротах питейского дома. Тогда, быстро миновав ворота, он вбежал в подъезд того же дома и наблюдал оттуда с удовольствием, как заметался выскочивший из своей засадки и потерявший его преследователь.

— Я уселся,— передавал он,— на кресло швейцара, откуда меня не было видно, а через стекло я мог все наблюдать, и потешался, глядя на его затруднительное положение; а какой-то спускавшийся с лестницы человек с удивлением посмотрел на сидящего в кресле швейцара и покатывавшегося со смеха субьекта.

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

17 сентября 1895 года *... Анатолий Ванеев в статском платье пришел к... Михаилу Названову, куда вскоре прибыла Елена Сибирская. В это же время к дому, в котором проживал Названов, подошел и... Владимир Ульянов, но, не заходя в дом, вскоре удалился. Через четверть часа Ванеев вместе с Сибирской поехали в дом № 48 по Гороховой улице, Сибирская осталась ожидать на извозчике, а Ванеев отправился к студенту Сережникову. Спустя полчаса Ванеев вышел от последнего в сопровождении студента Митрофанова-Шеманова, причем они вынесли и поставили на извозчика чемодан желтой кожи, который Сибирская отвезла к себе на квартиру. Сопровождавший ее часть пути Митрофанов-Шеманов заходил при этом к себе на квартиру, вынес оттуда сверток бумаг

---

* Это произошло 30 сентября 1895 года (см. стр. 310 наст. издания).

и передал его Сибирской. Все эти обстоятельства обратили на себя внимание ввиду агентурных сведений о том, что только перед тем возвратившийся из-за границы Ульянов привез значительное количество революционных изданий...

Допрошенный в качестве свидетеля агент Коротков, наблюдавший за перевозкой чемодана, мог удостоверить только факт этой перевозки, но он лично обвиняемых не знает, и так как наблюдение происходило вечером, то за темнотой он не мог разглядеть лиц, перевозивших чемодан, указания же на то, что Ванеев и Сибирская были у Названова, что Ванеев заходил за чемоданом к Серезникову и что с Сибирской поехал от Серезникова Митрофанов-Шеманов, который по дороге заходил к себе за свертком, основаны лишь на том предположении, что все описанное происходило в домах, где жили поименованные обвиняемые.

М. А. Сильвин: Надо было припрятать и чемодан, и содержимое как можно скорее.

Героическими усилиями Ванеева, Серезникова, Попова и других товарищей это блестяще удалось.

М. К. Названов: Чемодан этот наделал потом много хлопот и Владимиру Ильичу и его друзьям. Владимир Ильич не мог или не хотел сразу его превратить в чемодан обычного типа, выломав вторые стенки. Когда началась слежка за его квартирой, стоило больших трудов этот чемодан оттуда вывезти. Сделать это должен был сначала Дмитрий Николаевич Кудрявский (профессор), как лицо близкое нам, но «чистое» от слежки. Ему со слов Владимира Ильича я рассказал, как и когда взять чемодан. Его знала хозяйка Владимира Ильича. Но ему это сделать не удалось. В конце концов извлечение этого чемодана организовал А. Ванеев при помощи какой-то барышни-нижегородки. Объехал этот чемодан весь Петербург; был он зачем-то завезен этой барышней ко мне (угол Можайской и Загородного), но ввиду слежки увезен Ванеевым из моей квартиры. В конце концов Ванеев его с большим трудом потопил где-то на Обводном канале, причем набил его с этой целью камнями.

Из полицейского донесения:

...В. И. Ульянов, по данным наблюдения, постоянно находился в сношениях с Названовым, Ванеевым, Сибирской, Сибилевой и Кржижановским; 30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому проспекту, исключительно населенный рабочими, а 1 октября отпра-

вился в дом № 8/86 по 7-й линии Васильевского острова, где проживали рабочие Степан Иванов, Владимир Ипатов, Владимир Горев, Александр Шнявин, Николай Александров и Тиц Франгольц.

В доме этом Ульянов пробыл три часа, после чего вышел оттуда вместе с Глебом Кржижановским, с которым и отправился к себе домой.

Г. М. Кржижановский:

Тем более был прав Владимир Ильич в своих нападках на нас за ту интеллигентскую расхлябанность, которую мы допускали в своих личных отношениях. Мы явно грешили тем, что частенько захаживали друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы отвести душу, причем приемы нашей тогдашней конспирации отличались крайней примитивностью.

М. А. Сильвин:

Наша конспирация в то время была довольно примитивна. Не только частые захаживания друг к другу («Идет слух, что Запорожец получил партию колбас и сала из дому, идем к нему» и т. п.), но и хождение группами по улицам при выходе с какого-нибудь заседания былй не в редкость. Осторожности ради мы, однако, завели себе клички. Владимир Ильич назывался Тяпкин-Ляпкин («до всего доходит собственным умом»), В. В. Старков — Земляника, Запорожец — Гуцул, Г. М. Кржижановский — Суслик, Ванеев — Минин, я — Пожарский и т. д. Это были шуточные клички, которые, однако, остались неизвестны жандармам...

Радченко довольно безуспешно укорял нас в неконспиративности поведения, грозил провокацией, говорил, что в широких студенческих кругах стали спрашивать, что это за мифический Ильич объявился у социал-демократов.

Н. К. Крупская:

Из всей нашей группы Владимир Ильич лучше всех был подкован по части конспирации: он знал проходные дворы, умел великолепно надуть шпионов, обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички. Вообще у него чувствовалась хорошая народовольческая выучка. Недаром он с таким уважением говорил о старом народовольце Михайлове, получившем за свою конспиративную выдержку кличку Дворник.

...От членов нашей петербургской группы... Ильич требовал также отказа от обычного в те времена интеллигентского времяпрепровождения: хождения друг к другу в гости, неделовых разговоров, «перебалтыва-

ния», как мы тогда говорили. Тут были у Ильича определенные революционные традиции. Я помню, как меня раз выругала Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, за то, что я пошла в театр с человеком, с которым работала вместе в кружке. А Ильич ругал нашу молодую публику за хождение друг к другу в гости. Зинаида Павловна Кржижановская вспоминает: зашла она с приятельницей своей Якубовой к Ильичу, живущему неподалеку, зашла без всякого дела, не застала дома. А вечером, часу в двенадцатом уже, кто-то к ним звонит. Оказывается, пришел Ильич — только что приехал из-за Невской заставы, усталый, с каким-то больным видом. Стал спрашивать встревоженно, что случилось, зачем приходили, и, когда услышал, что дела не было, что так просто зашли, сердито воркнул: «Не особенно умно» — и ушел. Зинаида Павловна рассказывает, как они опешили.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Конспиративное хранилище нелегальщины — маленький круглый столик... по мысли Ильича, был устроен ему одним товарищем-столяром. Нижняя точеная пуговка несколько более, чем обычно, толстой единственной ножки стола отвинчивалась, и в выдолбленное углубление можно было вложить порядочный сверток... Столик этот оказал немаловажные услуги: на обысках как у Владимира Ильича, так и у Надежды Константиновны он не был открыт... Вид его не внушал подозрений, и только позднее, после частного отвертывания пуговки, нарезки стерлись и она стала отставать.

В. А. Шелгунов:

Я как-то однажды пришел к Владимиру Ильичу, сохраняя всяческую предосторожность, так как за мной была сильная слежка,— пришел сказать, что я, очевидно, больше к нему не приду и что если меня арестуют, то, может быть, и их арестуют, так пусть он делает вид, что он со мной незнаком. Я все это ему говорю, но нужно было видеть его лицо в это время, одновременно и простое, и хорошее, и в то же время какая-то ирония была во взгляде и голосе.

«Что ты думаешь, дурак я, что ли, не знаешь, кому говоришь, я и без тебя это знаю»,— казалось, пронеслась у него мысль в голове.

Это было так просто, мило, без упрека, и я тут же все понял без слов и как-то сконфузился. Я хорошенько не помню, но в то время у нас, кажется, была Зинаида Павловна Невзорова, впоследствии жена Кржижановского. Я поскорее удалился.

...В 1895 году, с переходом к «агитации», когда организация разрослась и наряду с центральными кружком старых товарищей образовалась большая «периферия», несколько побочных кружков, пропагандистов, техников, хранителей и переносчиков нелегальной литературы, людей связи и прочих, Владимир Ильич настоял: 1) на группировке членов организации по районам, 2) на строгом разграничении функций, партийных обязанностей членов, 3) на прекращении обывательских хождений друг к другу, 4) на сокращении до минимума частной переписки с кем бы то ни было, так как любители писать письма, особенно в провинцию, никак не могли воздержаться от различных, более или менее прозрачных намеков на добрых знакомых, на развитие дела и т. п.

В нашей организации вопросы конспирации занимали большое место, и особое внимание уделял им опять-таки Владимир Ильич. Он настойчиво и непрерывно предостерегал нас от обывательских повадок, от дружеской переписки с намеками в ней на нашу подпольную деятельность, на аресты товарищей, на выдающиеся черты и личные особенности их, в чем многие из нас были повинны. Он учил нас приемам шифрованной переписки точками в книгах. Он настаивал на необходимости замечать следы при посещении рабочих квартир, чаще менять вагоны конок при переездах по городу, пользоваться проходными дворами, остерегаться громких разговоров у себя дома из-за возможности ненадежного соседства, не оставлять нелегальщины на виду домашней прислуги и квартирных хозяев. Наружное наблюдение за нами чем дальше, тем больше становилось все более назойливым и наглым, и на это также обращал наше внимание Владимир Ильич.

Опасений провокации не возникло в нашем кружке, мы хорошо знали друг друга, знали, что в каждом из нас можно быть вполне уверенным. Но провокация в соприкасавшихся с нами кругах была возможна, как это и подтвердилось в деле зубного врача Михайлова из кружка И. В. Чернышева; Михайлов усиленно стремился стать к нам ближе. Но о нем уже шептались в кружках как о возбуждающем сомнения, и Радченко... категорически советовал всем и каждому из нас избегать встречи с Михайловым...

Владимир Ильич создавал, однако, что приближается развязка. В противоположность большинству из нас, менявших свою комнату каждые полгода и даже чаще, он был довольно оседлым и почти все время прожил в Казачьем переулке. По возвращении

из-за границы он на протяжении трех месяцев два или три раза переменил адрес, чтобы при допросах квартирные хозяйки не могли установить, кто ходил к нему, какие приносились и уносились вещи посетителями и т. п.

*Из доклада министра внутренних дел
И. Л. Горемыкина Александру III:*

Данными наблюдения установлено, что несколько молодых людей, составив из себя отдельную группу... в течение настоящего года, войдя в сношения с рабочими, организовали из последних «центральную рабочую группу» и, благодаря ее содействию, успели образовать между рабочим населением столицы несколько противоправительственных кружков в различных фабричных местностях города. Действуя в означенных кружках, главным образом, путем устной личной пропаганды, «центральный кружок» вместе с тем прибегал к созыву рабочих сходок, распространению среди рабочих противоправительственных изданий, воспроизведению последних путем перепечатания на пишущих машинах и гектографах, сбору денег в рабочие кассы и т. п. Вместе с тем, пользуясь проявлением брожения или волнения среди рабочих того или другого завода, кружок стремился взять дальнейшее движение в свои руки и оказывать всякими путями содействие к продолжению беспорядков.

Глава пятая

Зачаток пролетарской партии

От пропаганды к агитации

Так был создан «Союз борьбы»

*Соединение социализма с рабочим
движением*

Грозная сила — листовки

Забастовка на фабрике Торнтон

У Лаферма и на Путиловском

Возможность писать для рабочих

Газета «Рабочее дело»

Обыски и аресты

«Вырваны из рук рабочих...»

От пропаганды к агитации

В. И. Ленин:

Практическая деятельность социал-демократов ставит себе, как известно, задачей руководить классовою борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического общества) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию в России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России)... Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в *пропаганде* учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных *классах* русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собой, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит *агитация* среди рабочих, выдвигаясь, естественно, на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и проч. и проч. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам, развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих, как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата. Организация кружков среди рабочих, устройство правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов, издание и распространение рабочей литературы, организация корреспонденций из всех центров рабочего движения, издание агитационных листовок и прокламаций и распространение их, подготовка контингента опытных агитаторов,— таковы в общих чер-

тах проявления социалистической деятельности русской социал-демократии...

Наряду с пропагандой научного социализма русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и *демократических идей*, они стараются распространять понятие об абсолютизме во всех проявлениях его деятельности, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. *Агитируя* среди рабочих на почве ближайших *экономических* требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим и агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса... И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбой русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая.

П. Н. Лепешинский:

В 1895 году Ленин впервые *на практике* проверяет действенную силу марксистского подхода к организации массового рабочего движения в Петербурге как классового движения.

П. Ф. Куделли:

В этот период Владимир Ильич ставит своей целью развить и организовать рабочее движение в России, для того чтобы отдельные, разрозненные, стихийные забастовки обратить в сознательную, организованную борьбу всего рабочего класса против самодержавия и буржуазии, соединить «теорию революционного марксизма со стихийным рабочим движением» и положить тем самым начало созданию политической партии рабочего класса...

Г. М. Кржижжатовский:

Влияние Владимира Ильича сказалось в немедленном, решительном перевесе практики над теорией во всех тех случаях, где теория грозила односторонним, кабинетным уклоном. Борьба за возможно широкое вовлечение в работу пролетарских масс, а поэтому переход от пропаганды к агитации, организационная работа в целях постановки борьбы с полицейским механизмом и во имя преемственности в революционной работе, а поэтому конспиративная учеба, и, наконец, оттачивание острым оружием марксистской критики опорных теоретических высот в предстоящей длительной борьбе за правильное политическое воспитание

рабочего класса — таковы три основных линии ленинизма, ярко сказавшиеся и в работе юноши Владимира Ильича.

З. П. Невзорова-Кржижановская: ...Тогда же, по-моему, выявились уже три основные линии его (*Владимира Ильича*) работы. Это, *во-первых*, борьба с враждебной идеологией, затемняющей сознание рабочего класса, борьба страстная, резкая, беспощадная. *Во-вторых*, создание крепко сколоченной организации, связанной единством теоретической и тактической линии. И *в-третьих*, установление самой широкой связи с рабочими массами, возможное сближение с ними путем изучения их жизни, запросов, интересов. Отсюда переход к новой тактике, к таким новым приемам революционной деятельности, как листки, газета, популярные брошюры.

И он не только прокламирует эти основные линии, а с присущей ему бурной стремительностью проводит их на практике.

М. А. Сильвин: Как и все мы, Владимир Ильич тоже имел свои кружки рабочих, с которыми занимался, но для этого большего человека нужна была большая аудитория, широкая арена, и зоркий его взгляд уже проникал в будущее.

З. П. Невзорова-Кржижановская: ...В. И. Ульянов... резко поставил вопрос о расширении сферы влияния на массы, об изменении линии и темпа работы путем внесения в нее политического содержания и перехода от пропагандистских методов к агитационным... Работа велась еще кружковая, но связи с заводами расширялись, и мы быстро переходили к агитационным методам путем издания листовок на всякие злободневные темы. Были это линючие листовые маленькие листочки, написанные от руки печатными буквами, но несли они новые смелые слова, простые и правдивые, близкие и понятные каждому. Листочки передавались из рук в руки, обсуждались, а мы радовались, когда удавалось просунуть на завод... 2—5 таких листочков.

А. И. Ульянова-Елизарова: То время было временем перехода от занятий в небольших кружках — пропаганды к работе в массах — агитации. И Владимир Ильич был одним из тех, кто стоял за такой переход. Разница между пропагандой и агитацией определялась, пожалуй, лучше всего словами Плеханова: «Пропаганда дает много идей небольшому кругу лиц, а агитация — одну идею массам».

Г. М. Фишер:

Агитатор — это спичка, которая может взорвать пороховой погреб; а пропагандист — это рука, производящая спичку. Пропагандист должен иметь целостное мировоззрение, точное понимание рабочего вопроса — одним словом, энциклопедист, готовый ответить на всякий вопрос; другой же должен бить на чувства, быть оратором, призывать толпу к действию и, если нужно, вести ее.

Н. К. Крупская:

Агитация — разновидность пропаганды, разновидность, в которой теория особо тесно увязывается с практикой. Как схватиться за то, что больше всего волнует в данный момент массы, как связать то или иное волнующее массы явление с основными вопросами теории, как увязать между собой явления — над этим много и неустанно работал Ильич. И потому так убеждали его речи и статьи. Как убеждать «показом», превращать факты в показ — этот вопрос разработан у Ильича детально.

М. А. Сильвин:

Владимир Ильич стал расспрашивать в своем кружке (и нам предложил сделать то же самое), бывают ли какие-нибудь широкие собрания рабочих, массовки, где обсуждались бы общие вопросы заводской жизни, потому что трудно думать, что массовое движение вроде семянниковской забастовки* возникает внезапно, без предварительных разговоров, без схода и т. п. Тут мы впервые услышали о сектантском движении в рабочей среде Петербурга. Наши кружковцы говорили, что перед забастовкой сходки происходят внезапно, без всякой подготовки, что до того бывают только отдельные разговоры в «клубах» (уборных) или у станков, но что вообще большие рабочие собрания бывают и при мирном течении жизни... у пашковцев, приверженцев полурелигиозной секты, проповедовавшей мораль личной жизни, трудолюбие, трезвость и т. п., и что на эти собрания стекается по несколько сот человек, что полиция иногда разгоняет их, но, в общем, смотрит на них, по-видимому, сквозь пальцы.

— Так вот сектанты могут же собирать сходки, а мы, оказывается, не в состоянии, — с горечью говорил Ильич и поставил перед нами вопрос о переходе от теоретической пропаганды марксизма к изучению условий рабочей жизни на каждом данном заводе, объяснению этих условий рабочим и постановке прак-

---

* Об этой забастовке см. на стр. 115—116 наст. издания.

тических задач революционной борьбы. Всякий товарищ, ведущий кружок, должен был прежде всего уяснить себе конкретную обстановку данного завода или фабрики, где работали члены его кружка.

В. И. Ленин:

Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым, уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к непосредственной революционной борьбе, к вооруженному народному восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе. Эти изменения происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов в прочности и жизненности массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали *практически* новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома. Но происходило все это не сразу, не без колебаний, не без борьбы направлений в социал-демократии, не без возвратов к устарелым, давно, казалось бы, отжившим и похороненным воззрениям.

М. А. Сильвин:

Оппоненты против нового метода подпольной работы, главным образом С. И. Радченко и Г. Б. Красин... приводили то возражение, что мы размениваемся на мелочи, революционную работу сводим к борьбе за кипятки и вместе с тем проваливаем дело пропаганды, распространение идей социализма, потому что, конечно, с переходом к широкой агитации все наши кружковые рабочие очень быстро будут выхвачены жандармами и все дело приостановится.

И. В. Бабушкин:

Я был частично противником агитационной деятельности. Я опасался за уничтожение кружков, полагая, что агитационная деятельность их совершенно

потопит, тогда как плодов этой деятельности я, да и другие не видели. Тем не менее кружки продолжали правильно функционировать, и меня просили создать еще новые кружки для занятий. Ожидался выпуск листов, которые уже готовились.

М. А. Сильвин: Однако Бабушкин распространял наши первые листки, и он же первый из всех нас предложил внести в них политические мотивы и написал первый листок политического содержания, изданный по его предложению «Союзом борьбы».

Из брошюры А. И. Кремера «Об агитации»:

...Заданием социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочего к отстаиванию своих интересов, поднимет его мужество, даст ему уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и, в конце концов, поставит перед ним более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный таким образом к более серьезной борьбе, рабочий класс приступит к решению этих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна будет иметь целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом более сознательном виде создает почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса.

М. А. Сильвин: Я передал ее (брошюру «Об агитации») Владимиру Ильичу, от которого она затем обошла весь наш кружок, вызвав много разговоров. Брошюра эта, завезенная сюда из Вильно, однако, уже и раньше циркулировала в социал-демократических кругах столицы.

В брошюре указывалось, что подойти к массам, вовлечь их в движение, сделать активной, сознательной и организованной их стихийную до сих пор борьбу лучше всего можно на почве мелких повседневных нужд этих масс.

Фразеология брошюры носит явные признаки влияния тех условий, в которых приходилось вести свою работу нашим виленским товарищам, имевшим дело главным образом с ремесленниками-одиночками, работавшими на дому от раздатчика, рабочими мелких мастерских. При всем том здесь было сказано много верного, но неправильны были некоторые выводы. Из

этих выводов следовало, что на первых порах борьба рабочих должна быть экономической и только на последующих «стадиях» ей могли быть поставлены политические задачи.

Г. В. Плеханов: Я знаю, что она (брошюра «Об агитации») принесла большую пользу нашему движению, нанеся сильный удар той «кружковщине», которая процветала у нас прежде и которая могла создавать очень образованных людей из *отдельных рабочих*, но решительно была неспособна повлиять на *массу*. Брошюра «Об агитации» дала нам *многих агитаторов*. Но автор ее боролся с кружковщиной такими доводами, которые скоро подали повод к печальным недоразумениям и к ошибочным «рассуждениям». В этом — слабая сторона брошюры, та самая сторона, благодаря которой она в течение некоторого времени была евангелием «*чистых экономистов*» и оказывала вредное влияние на дальнейшее развитие нашего движения.

М. Н. Лядов: Вполне соглашаясь с критикой Плеханова, я как человек, работавший в то время, могу категорически заявить, что социал-демократы в момент выхода этой брошюры считали ее ценным вкладом в нашу работу *не потому*, что в ней заключались места (вроде теории «фазисов»), на основании которых строили свои выводы называвшие себя социал-демократами «экономисты», а *вопреки* им. Мы приветствовали брошюру «Об агитации» и ценили ее за те важные *практические* указания, которые она давала.

М. А. Сильвин: Отодвижение в неопределенное будущее политических задач рабочего класса и всю эту теорию «стадий» всегда резко оспаривал Владимир Ильич.

В. И. Ленин: ...*Первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности.

*Из статьи В. И. Ленина
«Из прошлого рабочей печати в России»:*

Замечательный факт, далеко еще недостаточно оцененный по сию пору: как только возникло *массовое*

рабочее движение в России (1895—1896 гг.), так немедленно появляется разделение на марксистское и оппортунистическое направления,— разделение, которое меняет форму, обличие и т. д., но остается в сущности тем же самым с 1894 по 1914 год. Очевидно, есть глубокие социальные, классовые корни именно такого, а не иного какого-либо разделения и внутренней борьбы между социал-демократами...

В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894—1895 годах...

«Экономисты» на словах защищали особенно энергично массовый характер рабочего движения и самодеятельность рабочих, настаивая на первостепенном значении «экономической» агитации и на умеренности или постепенности в переходе к политической агитации... На деле «экономисты», больше всего шумевшие о рабочей самодеятельности и о массовом движении, были оппортунистическим, мещански-интеллигентским крылом в рабочем движении.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Кроме народников и «легальных марксистов» Владимиру Ильичу пришлось сражаться еще с так называемыми «экономистами». Это было направление, отрицавшее необходимость политической борьбы со стороны рабочих и агитацию за таковую в рабочих массах. Вытекало оно из здорового и естественного стремления подходить к рабочим, политически совершенно неразвитым, сохранившим еще в массе веру в царя, с точки зрения их повседневных нужд и требований. Дело шло о первых шагах в этих массах, которые надо было пробудить, в которых надо было развить стремления к защите своего достоинства, сознание, что спасения можно искать только в объединении, в сплочении, и содействовать этому сплочению...

...Все социал-демократы, шедшие к рабочим массам, начинали агитацию с экономических нужд. И листовки Владимира Ильича указывали на самые настоящие требования рабочих того или иного завода или фабрики, производя этим большое впечатление. В случае несогласия хозяев удовлетворить мирным путем требования рабочих рекомендовалось прибегнуть к стачке. Успех стачки в одном предприятии побуждал к этому методу борьбы и другие...

Но если первый подход к совершенно неразвитым рабочим должен был по необходимости идти от ближайших экономических нужд, то никто не говорил с самого начала определеннее Владимира Ильича, что это должно быть лишь начальной ступенью, что политическое сознание должно развиваться с первых же

бесед и с первых листков. Помню разговор с ним об этом... когда я приехала опять к нему в Петербург.

— Как подходить с разговорами о политике к серым рабочим, для которых царь — второй бог, которые и листки с экономическими требованиями берут еще со страхом и оглядкой? Не оттолкнуть бы их только этим,— говорила я, имея в виду еще более серых московских рабочих.

Владимир Ильич указывал мне тогда, что все дело в подходе.

— Конечно, если сразу говорить против царя и существующего строя, то это только оттолкнет рабочих. Но ведь «политикой» переплетена вся повседневная жизнь. Грубость и самодурство урядников, пристава, жандарма и их вмешательство при всяком несогласии с хозяином обязательно в интересах последнего, отношение к стачкам всех власть имущих — все это быстро показывает, на чьей они стороне. Надо только всякий раз отмечать это в листках, в статьях, указывать на роль местного урядника или жандарма, а там уже постепенно направляемая в эту сторону мысль пойдет дальше. Важно только с самого начала подчеркивать это, не давать развиваться иллюзии, что одной борьбой с фабрикантами можно добиться чего-нибудь.

В. А. Шелгунов: Когда перешли к агитации и со стороны некоторых рабочих поступали требования на листки, в которых освещались экономические нужды, Ильич все время говорил, что экономические вопросы ставить необходимо, но ставить их надо так, чтобы рабочему видно было, что без серьезных перемен политической жизни России экономическое положение рабочих не улучшится.

Н. К. Крупская: На заре нашего российского рабочего движения в среде социалистов были такие, которые говорили: «Экономика имеет громадное значение, и ей должно быть уделено все внимание. Политическая борьба поэтому не нужна, правильное политическое устройство придет само собой». Социалистов, говоривших так, прозвали тогда «экономистами». Тогда и Плеханов и Владимир Ильич повели самую бешеную борьбу с «экономистами» и доказали всю необходимость борьбы с самодержавием и со всеми теми взглядами, со всей той идеологией, которая ведет к укреплению царского строя, к укреплению господства помещиков и капиталистов, ведет к порабощению рабочего класса.

М. А. Сильвин: Идея брошюры («Об агитации») касалась самого острого вопроса в нашей деятельности: как перейти от кружковой работы к массовой, как вовлечь в движение эти массы...

Споры не прекращались, но так как большинство членов кружка явно склонялось к решению испробовать новую тактику на деле, вместо того чтобы топтаться на одном месте со старой пропагандой, было созвано собрание для оформления этого решения, а для придания ему большей авторитетности на собрание были приглашены представители от рабочих. Это знаменательное собрание состоялось в зиму 1894/95 года... у нас, на Троицком проспекте (ныне улица Москвиной), № 3, где мы жили с Ваневым, занимая большую комнату в нижнем этаже окнами на улицу. Кроме нас двоих были: Владимир Ильич и Н. К. Крупская, Г. Б. Красин, Старков, Запорожец, Радченко, Якубова, Шелгунов, Бабушкин, Меркулов, Б. Зиновьев и несколько других кружковцев...

Какое-то нервное напряжение, непривычная взволнованность, тревожное ожидание чего-то нового, неизведанного овладели нами, и это было совершенно понятно, потому что ведь мы готовились сделать новый крупный, ответственный шаг в нашей работе.

В. А. Шелгунов: ...Некоторая часть интеллигенции высказалась за то, что к печатной агитации переходить еще рано. Приводился тот мотив, что если на каком-нибудь заводе будет выпущена прокламация, а у нас наших рабочих еще очень мало, то их переарестуют и работа остановится.

Владимир Ильич доказывал, что бояться этого не нужно, потому что прокламации сделают то, что вместо одного арестованного появятся десятки новых таких же и еще более сильных рабочих. Все присутствовавшие на собрании рабочие были за переход к печатной агитации.

М. А. Сильвин: Владимир Ильич позаботился привлечь на это собрание больше рабочих. Все они энергично поддерживали новую идею, и Владимир Ильич с чувством особенного удовлетворения отметил, что именно пропагандисты-рабочие отчетливо сознают необходимость перехода к новым методам работы.

Б. И. Зиновьев: ...Кружки не выражают всего рабочего движения, и полиции их легко обнаружить... напротив, надо направить все силы на агитацию всей массы рабочих...

М. А. Сильвин: ...Были еще раз заслушаны возражения старе-
ров и аргументы в защиту нового метода и принято
большинством голосов против Красина и Радченко
решение перейти от кружковой пропаганды, не прекра-
щая ее однако, к агитации в массах на почве их
насушных требований. О каком-либо отступлении от
политических задач движения, от старых принципов
группы «Освобождение труда» не было речи. Предпо-
лагалось, что политическая сторона движения найдет
себе выражение в кружковой пропаганде и в тех ло-
зунгах, какие будут брошены в агитацию, когда воз-
жаки движения, рабочие, найдут это подходящим.

**З. П. Невзорова-
Кржижановская:** Зима (1894/95 года)... прошла в жарких спорах об
изменении тактики. Некоторые старые члены кружка
вышли из него, не согласные с новой линией работы.
Но таких были единицы. Вся же группа в целом вста-
ла на новые практические рельсы.

М. А. Сильвин: В наших рабочих кружках вопрос об агитации
также волновал всех. С переходом к ней часть пре-
жних рабочих отошла от нас. Вместо них явились но-
вые, более подвижные, более свежие силы. Они вос-
приняли идею агитации с воодушевлением и рвались
к ее осуществлению. В целях объединения отдельных
рабочих групп и кружков и выработки общего плана
действий ими было создано в мае большое собрание
представителей кружков в Удельнинском парке, где
от нас был Ванеев и несколько других товарищей.
В течение лета рабочие устроили еще ряд таких со-
браний...

К. М. Тахтарев: Во главе движения шла наиболее значительная
социал-демократическая группа так называемых... «ли-
тераторов», или «старых социал-демократов». Она на-
зывалась группою литераторов потому, что во главе
ее стоял В. И. Ульянов, который был известен как ли-
тератор... Это была группа хорошо подготовленных
социал-демократов, руководимая В. И. Ульяновым
(Лениным)... Эта группа и была главной сторонницей
новой тактики, настаивая на переходе от социал-демо-
кратической пропаганды среди тесного круга рабочих
к агитации в широкой рабочей среде.

**З. П. Невзорова-
Кржижановская:** Он (Владимир Ильич) заводит связи и производит
подбор единомышленников среди нарождающихся по-
всюду, хотя и очень малочисленных, социал-демокра-
тических группировок (Питер, Москва, Нижний, Са-
мара).

П. И. Кулябко:

...От него (*Владимира Ильича*) часто получались (в *Самаре*) письма, всегда на нескольких листках, очень мелко исписанных и на три четверти заполненных трактованием теоретических вопросов. Это как бы составляло продолжение тех совместных занятий, какие установились между Лалаянцем, Скляренко и Владимиром Ильичем во время пребывания его в Самаре. Запомнился такой случай: как-то довольно поздно вечером ко мне пришел Лалаянец, весь сияющий, и показал телеграмму от Ильича в четыре слова: «Я на вашей стороне». Оказывается, что между Скляренко и Лалаянцем шел спор по какому-то важному вопросу и они запросили Ильича срочно, а он ответил телеграммой. Лалаянец старался мне внушить, как это ценно, что Ильич на его стороне:

— Ведь вы себе совсем не представляете, какой это человек.

М. А. Сильвин:

Однажды Владимир Ильич сказал мне перед одной из моих поездок в поисках связей или по делам укрепления уже завязавшихся сношений:

— Говорят, в Орле кто-то есть, заезжайте, поживите, познакомьтесь с поднадзорными, найдите своих...

Наши связи с другими городами, с провинцией в те времена были вообще довольно бедны. Москва, Нижний Новгород, Иваново и его район (через Багаева и Шестернина), Вильно (через группу Мартова) — это и было почти все. Через студентов мы знали о группировках социал-демократической интеллигенции в Киеве, Туле, Саратове, Иркутске, Воронеже, Екатерининском, Полтаве, однако прямых связей с этими группировками не имели.

Наши связи с другими организациями были отрывочны и случайны. Поддерживались они главным образом личными сношениями с теми городами, откуда мы приехали в Петербург или где у нас случайно оказались друзья и знакомые. Связи рабочих, примыкавших к нашей организации, были несравненно многочисленнее, хотя, быть может, и менее прочные.

Рабочие, высланные после ареста и отсидки в провинцию, заводили на местах новые знакомства, организовывали кружки пропаганды и нередко поддерживали сношения перепиской со старыми петербургскими товарищами или изредка личными наездами в столицу, легальными и нелегальными. Так, у Шелгунова, Бабушкина, Норинского, Меркулова и других установились связи с Уралом, Харьковом, Николаевом, Ивановом, Тулой и другими промышленными городами...

У нас наиболее часты были, конечно, сношения с Москвой.

Владимир Ильич бывал там раза два-три в год и через Анну Ильиничну встречался с деятелями московской социал-демократической организации Спонтни, Мицкевичем и другими. Он, однако, скупо сообщал нам об этих встречах, вероятно, по соображениям конспирации. С Иваново-Вознесенском мы были связаны через С. П. Невзорову, С. П. Шестернина, А. Н. Рябинина и М. А. Багаева, с Нижним — через меня, братьев Ванеевых, Невзоровых. Каждые каникулы я ездил в Нижний и жил там лето и рождество или, по крайней мере, всегда заезжал туда на некоторое время, останавливаясь по дороге и в Москве.

В первую же мою поездку Владимир Ильич дал мне рекомендательное письмо к Анне Ильиничне, которое и дало мне возможность познакомиться со всей семьей Ульяновых. С Мицкевичем С. И. я был знаком раньше, по Нижнему (мы были земляки) и, бывая в Москве, не пропускал его студенческой комнаты на Бронной. Иной раз я привозил ему кое-что из литературы, но чаще брал у него, главным образом для Нижнего. Памятно мне мое посещение его осенью 1894 года на пути в Петербург. Мицкевич пригласил двух товарищей, не помню, кого именно, для собеседования, и после моих сообщений о положении дел в Петербурге и Нижнем они рассказали мне о том новом, что происходило в их революционной работе, — о переходе от пропаганды к агитации путем распространения листовок...

Новая тактика вызвала колебания и раздумье среди старых кружковых пропагандистов и в других очагах движения, кроме Петербурга...

Между тем наше настроение получало все новые толчки от происходивших в стране событий. Разгоралось стихийное рабочее движение. Газеты очень редко и скупо сообщали о забастовках, но мы получали известия о них из Харькова, Ростова, Екатеринослава, Белостока, Тейкова, из Ярославля, где войска стреляли в рабочих, за что царь объявил благодарность «молодцам фанаторийцам»*. Замечалось оживление и в Петербурге.

Т. М. Копельзон:

...Было решено устроить нечто вроде совещания или конференции представителей нескольких городов по животрепещущему тогда вопросу об агитации и пропаганде. Пишу — представителей, но это были не

---

* См. об этом на стр. 292 и 389 наст. издания.

представители в формальном смысле слова, так как мандатов от местных организаций эти товарищи не имели. Мы созвали просто нескольких товарищей, случайно живших тогда в Питере.

Мне в высшей степени трудно восстановить в памяти подробности этого совещания. Припоминаю лишь, что из Москвы был вызван тов. Евгений Спonti, старый мой приятель по революционной работе в Вильно... Он был в то время членом московской социал-демократической организации.

Е. И. Спonti:

Первая моя встреча с Лениным была на совещании по вопросу об агитации и пропаганде в Петербурге... упоминаемом Т. Копельзоном.

Цель его — информировать Плеханова и его группу о положении революционной работы в России, установить более прочную связь с заграницей, а главное, выяснить ему настоятельную необходимость заняться главным образом изданием популярной рабочей литературы.

В Петербург я приехал накануне состоявшегося совещания и часов около 7 вечера направился по данному мне в Вильно адресу. В небольшой комнате я застал группу в 4—5 человек, собиравшуюся куда-то уходить. Невольное внимание приковывал к себе казавшийся совершенно лысым молодой человек со спокойными, властными движениями. Так как группа совсем была готова к выходу — в пальто и с шапками в руках, — то мне предложено было пойти с ними на доклад в Вольно-экономическом обществе. Доклад, если не ошибаюсь, делал Штанге⁵³ об организованной им в Павлове кустарной артели. Члены общества, в числе человек двадцати, и докладчик сидели за столом посередине небольшой комнаты, а так называемые «гости», тоже немногочисленные (не более 10), на стульях вдоль стен комнаты. Мне показалось, что группа Ленина была здесь известна, так как докладчик во время своего доклада и прений время от времени бросал взгляды в сторону группы. Но на этот раз ни Ленин, ни его товарищи участия в прениях не принимали...

Петербургское совещание происходило... 18 или 19 февраля 1895 года.

Т. М. Копельзон:

Кроме него (*Е. И. Спonti*) из иногородних принимали участие: мой школьный товарищ Яков Ляховский, студент Киевского университета, один из наиболее деятельных и образованнейших членов тогдашней киевской социал-демократической организации, и пи-

ущий эти строки в качестве представителя виленской организации. Из петербуржцев принимали участие Владимир Ильич и Г. М. Кржижановский. Присутствовали ли другие товарищи, сейчас припомнить не могу. Совещание состоялось на квартире тов. Г. М. Кржижановского, кажется в районе Владимирского проспекта (*Коломенская улица, дом № 9, кв. 47*)...

Главным и почти исключительным предметом дискуссии был тот же злополучный вопрос об агитации и пропаганде, не сходивший тогда с порядка дня. Насколько мне припоминается, главными спорщиками были Владимир Ильич и Евгений Спonti. Не ручаюсь за точность, но, кажется, Спonti был защитником широкой агитации почти исключительно экономического характера, Владимир же Ильич горячо защищал необходимость введения в круг агитации кроме повседневных нужд и требований рабочих и вопросов политического характера.

М. К. Названов: Трудность занятий (*с рабочими*) заключалась в отсутствии пособий. Литературы, кроме нескольких произведений Плеханова и малого количества брошюр группы «Освобождение труда» на русском языке, «Экономического учения Маркса» Каутского на немецком языке и несколько большего количества литературы на польском языке, не было... Но все эти книжки облегчали нашу работу по подготовке к занятиям, а самим рабочим на руки дать было нечего. Приходилось просто диктовать или передавать писанный экземпляр изложения вопроса.

М. А. Сильвин: ...Нужда в литературе, особенно в популярной литературе для рабочих, была очень острая. Имевшиеся в нашем распоряжении книжки зачитывались до дыр...

Выбор подходящей к нашим целям легальной литературы был очень невелик; в частности, почти не было книг по русской истории, и мы вынуждены были в ответ на запросы указывать иной раз такую ничтожную книжонку, как Петрушевского⁵⁴. Рассказы Водозовой⁵⁵ были также в большом ходу. Однако во всей этой литературе совсем не было того, что было особенно важно: книг на темы современной русской жизни, в особенности жизни рабочих, их движения, их борьбы, их насущных интересов и задач.

Н. К. Крупская: Ленин проводил очень много времени в библиотеках... Когда приехал в Питер, целыми днями проси-

**«Владимир Ильич
целыми днями
просиживал в
Публичной библиотеке...»**

живал в Публичной библиотеке, он брал книжки и из библиотеки Вольно-экономического общества и из ряда других... Мог ли Ленин купить себе все эти книги? Многие из них не поступали даже в продажу, например особенно ценные для Ленина земские статистические сборники. Но, кроме того, Ленин жил тогда, как студент, в небольшой комнатухе, тратил на себя гроши. Не было у него возможности истратить столько денег — не меньше тысячи — на покупку этих книг, не было времени бегать по книжным лавкам, разыскивать эти книги, не осталось бы времени на чтение, без книжных библиотечных каталогов он даже не знал бы о существовании многих из этих книг. И наконец, негде ему было держать эти книги.

С. П. Невзорова-Шестернина:

...Я в эту осень (1894 года) главным образом работала в Публичной библиотеке... Очень часто видела я здесь Владимира Ильича, который, окружив себя целой горой книг, много и усердно читал и главным образом писал. Из-за груды книг, бывало, виднелась только его голова с большим прекрасным лбом. Иногда мы с ним вместе возвращались из библиотеки: нам было по пути, он жил в Казачьем переулке, недалеко от Измайловских рот.

М. А. Сильвин:

В это же время, весной 1895 года, была произведена реорганизация в нашей группе с более точным

разделением функций и районов работы. Это разделение на районы никогда, однако, строго не соблюдалось...

...Предметом спора было введение в центральный кружок представителей от рабочих. Владимир Ильич заявлял, что рабочие, конечно, могут и должны входить в центр, но не как рабочие собственно, а как представители районов. Против введения рабочих в центр в нашей среде возражал особенно Радченко, говоря, что это приведет к провалу, что среди рабочих уже появились «кузюткины» (provokator) и что узнать свойства этих представителей нам будет труднее, нежели интеллигентов, которых мы всегда сумеем надлежаще оценить и вовремя разгадать.

Весной 1895 года к агитации мы, строго говоря, еще не приступали, но работа тем не менее ширилась. Сеть кружков в районах разрослась, организация обнимала уже довольно обширный круг как рабочих, так и интеллигентов. Был поставлен вопрос о слиянии по возможности всех групп, работавших в том же направлении в Петербурге...

Так был создан «Союз борьбы»

В. И. Ленин:

Освободительное движение в России прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895...

В. В. Воровский:

Вторая половина 90-х годов в общественном развитии России характеризуется пробуждением широких слоев рабочего класса. Рабочее движение, ограничивавшееся в предыдущий период почти только пропагандистскими кружками, вышло на улицу.

В. И. Ленин:

Рабочие стачки в России... были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правитель-

ства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции.

Из работы В. И. Ленина «Попятное направление в русской социал-демократии»:

...Рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение. Произошло это оттого, что характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла потому, что они доказали ей свою готовность и свое умение служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие. А эти передовые рабочие были социал-демократами; многие из них даже лично принимали участие в тех спорах между народовольцами и социал-демократами*, которые характеризовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему. Понятно поэтому, отчего эти передовые рабочие не отстранялись теперь от социалистов и революционеров в особые организации. Такое отстранение имело смысл и было необходимо тогда, когда социализм отстранялся от рабочего движения. Такое отстранение было бы невозможно и бессмысленно, раз передовые рабочие видели перед собой рабочий социализм и социал-демократические организации. Слияние передовых рабочих с социал-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии.

Н. К. Крупская: ...Целый десяток лет вел Ленин трудную работу по собиранию партии, по объединению отдельных кружков революционеров. Дело это было особенно трудное, потому что кружки должны были скрываться от полиции, кружки постоянно арестовывались и распадались. Все приходилось делать тайком, с большими предосторожностями. Казалось, дело это было безнадежно, но Ленин хорошо обдумал план объединения...

---

* См. воспоминания В. А. Шелгунова на стр. 79—80 наст. издания.

..Особо важна была работа Ильича по организации партийной работы в Питере, где до тех пор никакой планомерной социал-демократической организации не было. Тщательно и неустанно подбирал он группу единомышленников, вглядываясь в каждого человека. Идеальной сплоченности придавал он громадное значение.

В. А. Шелгунов: ..Владимир Ильич поставил вопрос о том, что нужно создать организацию. «Группа социал-демократов» — это ничего не говорит, заявлял он, рабочий должен знать, что есть определенная организация.

По поручению Владимира Ильича еще в августе 1895 года мною была создана конспиративная квартира, хозяином которой был один из семянниковских рабочих, по фамилии, кажется, Афанасьев. Эту квартиру посещали довольно часто Владимир Ильич, Ляховский, Тахтарев, Старков и другие. Я в то время был за Невской заставой чем-то вроде организатора, а потому тоже ходил довольно часто на эту квартиру. Здесь закладывались основы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич обращал наше внимание на то, что мы должны принять меры к тому, чтобы наша молодая организация не пошла по пути английских тред-юнионов. Здесь уже было видно, что Владимир Ильич особенно заботится о том, чтобы организация шла революционным путем. Хотя мы были вынуждены при подходе к рабочему говорить больше об экономике и сплачивать рабочих на почве насущных экономических интересов, но Владимир Ильич говорил, что политическую сторону дела никогда забывать не надо...

То, что Владимир Ильич с первых же шагов «Союза борьбы» направил его на рельсы революционного марксизма, сыграло в будущем большую организующую роль.

Из полицейского «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»:

Кроме сходок в кружках Порфирия Михайлова, Меркулова и Шелгунова... Кржижановский и Ульянов посещали тайные собрания, которые происходили в 7-й линии Васильевского острова, в доме № 86, в особой квартире, нанятой в августе 1895 года рабочим Иваном Федоровым.

...Работая в Главном Адмиралтействе, он (Федоров) познакомился там с крестьянином Василием Ев-

графовым Змиевым, который часто стал заходить к нему в означенную квартиру и в октябре 1895 года привел к нему Глеба Кржижановского, который назвался Григорием Ивановичем. Кржижановский после того многократно посещал Федорова, расспрашивал о притеснениях рабочих, о расценках и т. п. и назначал в квартире Федорова свидания с разными лицами, незнакомыми Федорову, которого во время этих свиданий высылали вон из комнаты... Кроме того, у Федорова иногда происходили сходки, на которых участвовало человек 6—8; из числа их Федоров признал... Ульянова, Бабушкина, Кузьму Царькова, Шелгунова, а также рабочего Николая Полетаева. О том, что в такой-то день в квартире Федорова предстоит свидание Кржижановского с кем-либо или сходка, Федоров получал заблаговременно извещение от одного интеллигента, которого он признал в личности инженера-технолога Михаила Названова. Последний говорил Федорову, чтобы тот уничтожал записки с упомянутыми извещениями, которые иногда оставлялись у Федорова, и дал ему список вопросов для собрания сведений о жизни рабочих.

...Изложенные указания Федорова в связи с данными наблюдения подтверждают, что соучастники социал-демократического сообщества старались сводить знакомство с рабочими разных фабрик и заводов, раз-узнавали от них о возникавших в том или другом месте столкновениях рабочих с их хозяевами и причинах таковых и пользовались этими сведениями для своей подпольной литературы и дальнейшей агитации. В тех же целях была составлена и программа вопросов о быте рабочих, данная Названовым Федорову и неоднократно встречающаяся в тождественных экземплярах у других лиц... Вместе с тем конспиративный характер свиданий, которые назначал Кржижановский с разными лицами в квартире Федорова, и происходивших там же сходок не оставляет сомнения, что эти свидания и сходки устраивались также в целях социал-демократической пропаганды и что Змиев и Названов являлись в этом случае пособниками Кржижановского и Ульянова...

М. А. Сильвин:

Идеей Владимира Ильича стало... полное объединение всех работавших в Петербурге социал-демократических групп.

...Кроме нашего кружка в Петербурге было еще несколько кружков, которые также вели социал-демократическую подпольную работу. С одним из них, лидером которого был Мартов, наш кружок осенью

1895 года совершенно объединился. Самое это объединение было делом главным образом Владимира Ильича: он вел все предварительные переговоры с Мартовым.

...*(На собрании)* был выбран центральный кружок (слово «комитет» тогда еще не было в употреблении) для объединения работы и руководства ею; в него вошли: Ленин, Мартов, Кржижановский, Старков и Ванеев... Заведующим техникой был избран студент-технолог Я. П. Пономарев, также присутствовавший на этом собрании; к тому времени он уже специализировался на издании листов, для чего у него была под рукой своя небольшая группа. Скоро к нему был присоединен Гольдман (Горев) из группы Мартова... Ванеев был избран для сношений с народофильской типографией, которые он вел и прямо через Л. Книпович... и при содействии А. А. Якубовой.

Г. М. Кржижановский:

...Владимир Ильич сразу же поставил вопрос о районировании города, о прикреплении отдельных товарищей к району.

— Надо уметь работу налаживать и за нее отвечать. Надо знать своих людей в районе, настроение в районе. Без этого нет центра. Без этого центр не может руководить. К нему должны стекаться сведения из районов, и они должны быть точны. Каждый должен делать порученное ему дело, а не все дела — все. Так складывалась организация.

— Надо поднимать массы на борьбу, кружковщина не разрешает вопроса,— говорил Ленин.

Об этом у нас речь шла и раньше. Но не было, я бы сказал, воли к этому, понимания важности решения этого вопроса. Это понимание внес Ленин. И хотя продолжались споры, их острота теперь выявляла различие понимания и спланивала одних, отталкивала других... Все поняли, что организуется центр. Все основные вопросы, выдвинутые ходом исторического развития России, теперь получали ответ с точки зрения марксизма. Практика революционного движения переставала быть оторванной от социалистической теории.

Н. К. Крупская:

Когда группа достаточно спелась, узнала друг друга, Ильич поставил вопрос о распределении сил. Публика была распределена по районам. Каждый был прикреплен к определенному району, который он изучал, в котором вел кружки. Каждую неделю собирались и обменивались опытом. И Владимир Ильич допрашивал каждого с пристрастием о том, как он про-

водил беседу с рабочими, что говорили рабочие и прочее.

М. А. Сильвин:

Члены центральной группы — пропагандисты — были разбиты по районам соответственно их прежним связям. Ульянову, Мартову и Кржижановскому отводился район Невской заставы, или Шлиссельбургского тракта, как он иногда у нас назывался; Старкову, Ляховскому и Запорожцу — Нарвский район, главным образом, конечно, Путиловский завод; Гофману и Тренюхину — район Обводного канала; Сильвину, Ванееву, З. Невзоровой, Якубовой — заречные части, Васильевский остров, Петербургская и Выборгская стороны. Это не значит, что весь район обслуживался только теми членами центральной группы, которым он был отведен; они были лишь, так сказать, ответственными организаторами района, должны были привлекать новых сотрудников (с ведома центральной пятерки), организовывать рабочие и студенческие кружки, упорядочить связи, собирать сведения о положении дел в районе, обеспечить снабжение литературой, листками и т. д.

Надо сказать, что строгое распределение районов фактически не соблюдалось. Владимир Ильич посещал рабочие кружки и в других районах города, кроме Невской заставы. В дальнейшем, однако, имелось в виду Ульянова совсем освободить от занятий в кружках, Ванееву сосредоточиться на обязанностях секретариата и связи, остальным уточнить и разукрупнить районы деятельности...

...(*Н. К. Крупская*) вела ответственную, очень важную для нас работу. Своим положением в вечерней школе за Невской заставой она пользовалась для привлечения новых рабочих в наши кружки, к ней стекались все особо важные или срочные сведения для нас от рабочих — членов кружков... Она поддерживала и возобновляла обрывавшиеся связи, она была, в сущности, главным стержнем всей нашей организации...

С. И. Радченко от пропагандистской работы... был освобожден. Он заведовал финансовой частью, планированием техники, подготовкой необходимых элементов для устройства собственной подпольной типографии и, так сказать, дипломатическими сношениями — с легальными марксистами, с другими социал-демократическими группировками в столице, с разными интеллигентскими организациями в кружках литераторов, студентов, культурных деятелей... Малченко был придан ему в помощники при выполнении всех этих многообразных обязанностей.

— Надо поднимать массы на борьбу, кружковщина не разрешает вопроса,— говорил Ленин.

С рисунка художника Н. Жукова

Г. М. Кржижановский:

...Без преувеличения можно сказать, что эти зародыши организаций социал-демократических комитетов закладывались творческой рукой самого Владимира Ильича. Энергия в нем была неиссякаемым ключом.

Интересный момент из воспоминаний Э. П. Невзоровой-Кржижановской приводит Н. К. Крупская:

Организация разрасталась, надо было ее оформить. Выбрали руководящую тройку (Ленина, Кржижановского, Старкова), которая должна была стать организационным и литературным центром,* перед которым каждый район должен был в определенный день каждую неделю подробно отчитываться в своей работе. Все районы вместе должны были собираться не чаще одного раза в месяц. Все приняли эту новую организацию, но Степан Иванович Радченко, крупный организатор студенческих кружков, привыкший к порядочному-таки «единоначалию», очутившись вне руководящей тройки, заволновался и стал доказывать «районной» публике, что при такой организации «районы» являются простыми исполнителями, а не товарищами по работе, что все они будут совершенно разобщены и лишены участия в общей работе, которая будет всецело в руках у тройки и прочее и прочее. «Районы» заволновались. Особенно оскорбительным показался переход из «товарищей» в «исполнители» — в этом усмотрели акт недоверия. Решено было опротестовать такое отношение тройки. Собрание состоялось у Степана Ивановича, протест был прочитан удивленной тройке. Ильич ответил горячей речью, в которой он доказывал невозможность при российских условиях «первобытного демократизма», говорил о необходимости организации, говорил о том, что такая организация вызывается потребностями дела, а вовсе не недоверием к кому-либо. Публика успокоилась. В тот вечер Ильич зашел ко мне рассказать об этом взволновавшем его инциденте, говорил, что возникшее недоразумение крайне характерно, и, очевидно, повторил мне только что сказанную им горячую речь. По правде сказать, я не придавала тогда особого значения этому инциденту, а между тем он действительно очень характерен: в нем как в капле воды отражены те трудности, которые возникали в первые годы при организации руководящих организаций. Трудно было на первых шагах формирования партий-

---

* Позднее в него вошли Мартов и Ванеев (см. стр. 257 наст. издания).

ных организаций преодолевать непривычку работать в организации под определенным руководством.

В. И. Ленин:

Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда*: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами.

Соединение социализма с рабочим движением

В. И. Ленин:

..Никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли задачи борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибывающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки. Разве не такова именно деятельность с.-петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»? Разве эта организация не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата, борьбой против капитала и против абсолютного правительства, не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата? Разве деятельность «Союза», при всей ее краткости, не доказала уже, что руководимый социал-демократией пролетариат представляет из себя крупную политическую силу, с которой вынуждено уже считаться правительство, которой оно спешит делать уступки? Закон 2-го июня 1897 г.⁵⁶ как торопливостью его проведения, так и своим содержанием наглядно показывает свое значение как вынужденной уступки пролетари-

ату, как отвоеванной позиции у врага русского народа. Эта уступка весьма миниатюрна, позиция очень незначительна, но ведь и та организация рабочего класса, которой удалось вынудить эту уступку, тоже не отличается ни шириной, ни прочностью, ни давностью, ни богатством опыта или средств: «Союз борьбы» основался, как известно, лишь в 1895/96 году, и его обращения к рабочим ограничивались лишь гектографированными и литографированными листками. Возможно ли отрицать, что подобная организация, объединяющая по крайней мере крупнейшие центры рабочего движения в России (округа С.-Петербургский, Московско-Владимирский, южный и важнейшие города, как Одесса, Киев, Саратов и т. д.), располагающая революционным органом и пользующаяся таким же авторитетом в среде русских рабочих, каким пользуется «Союз борьбы» среди с.-петербургских рабочих,— что подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России,— фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике? Руководя классовую борьбу пролетариата, развивая организацию и дисциплину среди рабочих, помогая им бороться за свои экономические нужды и отвоевывать у капитала одну позицию за другой, политически воспитывая рабочих и систематически, неуклонно преследуя абсолютизм, травя каждого царского башибузука, дающего почувствовать пролетариату тяжелую лапу полицейского правительства,— подобная организация была бы в одно и то же время и приспособленной к нашим условиям организацией рабочей партии и могучей революционной партией, направленной против абсолютизма...

Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством. А конспирация прежде всего требует специализации отдельных кружков и лиц на отдельных функциях работы и предоставления объединяющей роли самому незначительному по числу членов центральному ядру «Союза борьбы». Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это, умеющие говорить только *а*, предоставляя другим сказать *в* и *с*. Нужны распространители литературы, листов. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами

Аполлиария Александровна Якубова была активной участницей петербургского «Союза борьбы»...

и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир. Нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества, соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д. Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив всевозможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела. Мы знаем, что такая специализация — очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации. Но только при этих условиях удавалось корифеям ре-

волюционной практики в России приводить в исполнение самые грандиозные предприятия, затрачивая годы на всестороннюю подготовку дела, и мы глубоко уверены, что у социал-демократов окажется не меньше самоотвержения, чем у революционеров предыдущих поколений. Мы знаем также, что по предлагаемой нами системе многим лицам, рвущимся приложить свои силы к революционной работе, будет очень тяжел тот подготовительный период, покуда «Союз борьбы» соберет надлежащие сведения о предлагающем свои услуги лице или группе и испытает его способность на отдельных поручениях. Но без такого предварительного искуса невозможна революционная деятельность в современной России.

Предлагая такую систему деятельности своим новым товарищам, мы высказываем положения, к которым привел нас продолжительный опыт, глубоко убежденные, что успешность революционной работы наиболее гарантирована при этой системе.

П. И. Кулябко:

Осенью 1895 года, когда я и Лалаянц жили в Пензе, от Владимира Ильича получилось письмо, в котором он сообщал, что возвратился из дальней поездки (из-за границы). Тогда Лалаянц съездил в Москву, и в результате этой поездки по совету Владимира Ильича мы очень скоро выбрались из Пензы и поехали работать в Екатеринослав. Помню, что Лалаянц привез с собой в Пензу подарок от Владимира Ильича: штук десять новеньких брошюр заграничного издания (вероятно, из того знаменитого чемодана с двойным дном, в котором Владимир Ильич привез литературу) и один экземпляр сожженного цензурой сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», где была статья Владимира Ильича под псевдонимом Тулина.

С. П. Шестернин:

В октябре 1895 года вследствие снижения зарплаты началась дружная стачка 2000 ткачей на фабрике товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры... и я тотчас же сообщил о стачке пиетерам...

Помню, что по поручению петербургского кружка приезжал М. А. Сильвин... я сообщил ему дополнительные сведения о стачке. Позже я написал подробный отчет об этой стачке, который по просмотре его членами нашей организации был отправлен в Питер.

Н. К. Крупская:

В конце 1895 года Владимир Ильич написал для газеты «Самарский вестник»⁵⁷ (помещена в № 254 от

25 ноября за подписью: К. Т — ин) статью «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии», посвященную разбору статьи Южакова... Статья «Гимназические хозяйства» — лишь начало статьи, продолжение не появилось из-за ареста автора.

В. И. Ленин:

В майской книге «Русского Богатства» находим его (С. Н. Южакова) статью: «Просветительная утопия» с подзаголовком: «План всенародного обязательного среднего образования»...

Автор проектирует учреждение в каждой волости гимназии, включающей все население мужского и женского пола школьного возраста (8—20 лет, максимум и до 25 лет). Такие гимназии должны представлять собой производительные ассоциации, ведущие земледельческое и нравственное хозяйство, не только содержащее своим трудом население гимназий (составляющее, по г. Южакову, *пятую часть* всего населения), но дающие сверх того средства для содержания *всего детского населения*. Подробный расчет, сделанный автором для одной типичной гимназии-волости (она же — «гимназия-ферма», «гимназическое хозяйство» или «земледельческая гимназия»), показывает, что всего-навсего гимназия будет содержать *свыше половины всего местного населения*. Если мы примем во внимание, что каждая такая гимназия (всего их проектируется на Россию 20 000 двойных гимназий, т. е. 20 000 мужских и 20 000 женских) снабжается землей и средствами производства (имеется в виду выпустить земские с правительственной гарантией облигации с 4½% платежа и ½% погашения), — то мы поймем, насколько в самом деле «план» г-на Южакова является «огромным». Производство обобществляется для целой половины населения. Сразу, значит, выбирается иной путь для отечества!

Номер «Самарского вестника» со статьей Ленина попал в Тифлис, и грузинские социал-демократы получили возможность познакомиться с этой работой Владимира Ильича.

М. Г. Цхакая:

О товарище Ленине я лично впервые услышал в глубоком подполье во время нелегальной революционной работы еще в первой половине 90-х годов прошлого столетия на Кавказе, где я тогда вел нелегальную работу по организации марксистских кружков и групп. В. И. Ленин также уже знал тогда о нашей деятельности.

...Мы пожелали Ленину еще больших успехов в революционной работе.

Грозная сила — листовки

Н. К. Крупская: Организационная работа Ленина теснейшим образом переплеталась с изучением действительности, с пропагандистской и агитационной работой, но именно эта увязка придавала организационной работе Ленина особую силу, делала ее особо эффективной.

М. А. Сильвин: ...Агитационная кампания шла полным ходом. Зиновьев и Карамышев (Борис и Петяшка, как их называли) с группой подобранной ими молодежи агитировали открыто всюду, где возможно, разбрасывали листки прямо на улицах, в толпе рабочих при выходе с завода и в других местах. Листки... привлекали внимание, вызывали толки. Более отсталые среди рабочих, ткачи подходили к ним сначала с опаской.

— Видит листок, и хочется ему взять, а боится,— рассказывал нам Зиновьев.

Н. К. Крупская: Ильич мобилизовал весь свой кружок на собиране материалов, а когда стали выходить на основе этих материалов написанные листки, Ильич учил распространять эти листки, собирать отзывы о них широких слоев рабочих.

Работа Ильича в кружках рабочих была показом для ряда товарищей.

В. И. Ленин: Главным содержанием «листовков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их,— они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех*. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением

войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листов, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований.

М. А. Сильвин:

Правительство скоро создало им (*листовкам*) популярность. Листок обычно касался какого-нибудь частного случая, злоупотреблений, нарушения закона, сбавки платы без предупреждения и т. п. Приезжал фабричный инспектор, начиналось расследование, полиция вела свое дознание. Все это было событием в однообразной заводской жизни, вызывало толки, будило интересы. Напряженно ждали, каков будет результат вызванной листком шумихи. Уже опубликование злоупотребления или случая произвола, казавшегося своим, домашним, внутренним делом, порождало само по себе возбуждение. «Ловко продержули!» — говорили в толпе, читая свежий, только что подобранный листок. Читали его теперь уже громко, то есть публично, чаще всего те же рабочие, которые дали для него материал, и распространяли его иной раз довольно своеобразно — через какую-нибудь духовую трубу, откуда листовки веером разлетались по мастерской.

Из отзывов рабочих о листовках:

С самого утра начинается необычное праздничное оживление. «Листики!» — слышится то шепотом, то вполголоса. Тут и там кучки, происходит чтение вслух. Кучки делаются все гуще и гуще. «Ловко!», «Так, так!», «Совершенно верно!» и другие возгласы прерывают чтение. «К директору! Послать к директору!» Но... посылать не приходится. Заводские ишейки уже все пронюхали и донесли, кому следует. Начинается переполох. Мастера, директора, хозяин — все приходит в движение. Посылаются гонцы во все стороны — к жандармам, в полицию, к фабричному инспектору...

На завод наезжали власти всех сортов. На глазах у рабочих фабричная инспекция и жандармский пол-

ковник производили исследования, пробовали тухлую некипяченую воду в баках, вешали гири, проверяли весы, меряли куски... Словом, эффект получался полный. Настроение у рабочих было самое радостное, особенно когда после всей этой встряски уничтожались уже очень очевидные злоупотребления.

Во время стачки обыкновенно рабочими посылался листок к директору через сторожа или какого-либо мелкого служителя. Рабочие воздерживались от единоличного разговора с заводскими или с полицейскими властями; и если их спрашивали, чего вам надо, то обыкновенно все кричали: «Все, что надо, прописано, читайте сами». Если же власти задавали вопросы, на которые приходилось отвечать, то у рабочих выработался обычай: отвечающего окружала густая толпа, чтобы не видно было его лица, чтобы не могли его расчитать.

Г. В. Плеханов:

Периодическое массовое появление летучих листов было в Петербурге явлением давно не виданным и основательно позабытым даже русской полицией. Тем большее впечатление производили воззвания «Союза», с ноября месяца (1895 года) появляющиеся массами во всех концах Петербурга. Прокламации, разбросанные в тысячах экземпляров в рабочих кварталах на улицах, приклеенные в виде афиш на столбах, рассеянные в мастерских и на фабриках, производили удручающее впечатление как на господ фабрикантов, так и на местную администрацию, прилагавшую крайние усилия, дабы искоренить крамолу. Хватались представители так называемой «интеллигенции», высылались на родину десятками и сотнями заподозренные рабочие, но ничто не помогало. Листки появлялись немедленно вслед за арестами, как бы дразня своим появлением ретивых слуг царского правительства.

Отличительная черта этих воззваний «Союза» — их конкретный, практический характер. Каждое из этих воззваний имело дело с определенным злоупотреблением со стороны фабриканта, с определенным произволом администрации, каждое из них, опираясь на подробности данного случая, имело целью формулировать требования рабочих, развить в них классовое самосознание, показать противоположность их интересов интересам капиталистов, показать, наконец, что царское правительство являлось и является во всех случаях усердным слугою буржуазии, усердным гасителем всякого сознательного движения русского пролетариата.

Н. К. Крупская: Метод агитации на почве повседневных нужд рабочих в нашей партийной работе пустил глубокие корни.

В. И. Ленин: В этом начавшемся теперь повсюду в России переходе рабочих к неуклонной борьбе за свои насущные нужды, борьбе за уступки, за лучшие условия жизни, заработка и рабочего дня, заключается громадный шаг вперед, сделанный русскими рабочими, и на эту борьбу, на содействие ей должно быть обращено поэтому главное внимание с.-д. партии и всех сознательных рабочих. Помощь рабочим должна состоять в указании тех наиболее насущных нужд, на удовлетворение которых должна идти борьба, в разборе тех причин, которые особенно ухудшают положение тех или других рабочих, в разъяснении фабричных законов и правил, нарушение которых (и обманные уловки капиталистов) так часто подвергает рабочих двойному грабежу. Помощь должна состоять в том, чтобы точнее и определеннее выразить требования рабочих и публично выставить их, в том, чтобы выбрать наилучший момент для сопротивления, в том, чтобы выбрать способ борьбы, обсудить положение и силы обеих борющихся сторон, обсудить, нельзя ли избрать еще лучшего способа борьбы...

В. М. Карелина: В конце 1895 года начались забастовки, главным образом текстильных фабрик. На одном из собраний уполномоченных от отдельных рабочих кружков я встретила... Владимира Ильича Ульянова. Это было где-то около резиновой мануфактуры на Обводном канале. Здесь были рабочие: Владимир Прошин с резиновой мануфактуры, отсюда же Сергей Маклаков и его жена, несколько человек текстильщиков и другие. Ульянов выяснял все те общие требования, какие необходимо предъявить администрации фабрик при возможной забастовке. Помню, что самым главным требованием было 11-часовой рабочий день. Рабочие относились к В. И. Ульянову по-приятельски, но и с большим уважением; сразу видно было, что он пользовался среди них большим влиянием и авторитетом.

Г. В. Плеханов: Почва, которую приходилось культивировать петербургской социал-демократической организации, была полна жизненных соков; само уже появление «Союза» служило знаменательным симптомом пробуждения петербургского пролетариата; неудивительно, что результаты планомерной деятельности «Союза» не замедлили сказаться. Зима 1895/96 года в Петер-

бурге была богата, как никогда, стачками и волнениями рабочих, полна той жизни, которая характеризует проснувшееся сознание рабочих масс.

Забастовка на фабрике Торнтон

В первых числах ноября 1895 года произошли волнения на суконной фабрике Торнтон.

Н. К. Крупская: Большинство рабочих он (*Торнтон*) подбирал из определенных сел Смоленской губернии, смоленские рабочие особенно держались Торнтон, потому что там больше всего работало земляков. Торнтон даже разрешил им праздновать свои престольные праздники.

Чтобы удержать своих рабочих от участия в надвигавшемся рабочем движении, Торнтон устроил у себя на фабрике вечерне-воскресную школу и пригласил туда для преподавания студентов духовной академии. Те морочили им голову. Помню, однажды один из моих учеников прислал мне книжку, охарактеризовав ее как очень интересную и советуя ее прочесть, которую принес им студент: «Хождение богородицы по мукам». Книжка эта была насквозь проникнута антисемитизмом и диким изуверством. Рабочие же предпочитали смоленскую школу, а торнтоновская школа пустовала.

В 1894 году мы вдвоем с Аполлиной Александровной Якубовой, переодевшись работницами, ходили смотреть общежитие Торнтон. Большой домина, построенный так, что во всех комнатах стоит страшный шум, комнаты, отгороженные от коридора не доверху, по две семьи в малюсенькой комнатешке, в верхнем этаже комнаты со стенами, зелеными от сырости, воздух такой, что даже лампа не горит — кислороду не хватает, общие спальные с развешанным бельем, дужота невероятная...

Каждая семья отдельно варила обед, надо было платить кухарке 2 рубля в месяц, чтобы ставила горшок со щами на огонь, кто платил больше, того горшок ставился ближе к огню. У кого горшок стоял с края — щи получались сырые. Плита была маленькая, и все горшки все равно не уставлялись на нее. Питались больше чаем с хлебом да с селедкой.

Рабочий день был невероятно длинен. Когда мы были в казармах, пришли вскоре по окончании работы. В женском общежитии видела, как несколько ра-

ботниц в изнеможении лежало на кровати, уткнувшись головой в подушку, одна лежала в ящике. Условия работы были непомерно трудны. Особенно про красивую рассказывали, как отравлялся там народ.

К. Г. Царьков: Нас посещал Кржижановский и рабочие фабрики Торнтона... Кржижановский говорил, что ему нужно написать историю фабрики Торнтона, почему он и собирает о ней разные сведения, расспрашивая об этом посещавших нас... рабочих.

К. М. Тахтарев: На фабрике Торнтона происходило в это время сильное брожение среди рабочих и была возможна забастовка. По этому поводу, а также для выяснения общего положения дел в различных районах было решено устроить общее собрание представителей социал-демократических групп, действовавших в различных районах. Оно было необходимо и для определения общего плана действий среди рабочих масс.

Это собрание было решено устроить за Невской заставой, насколько помню, в самых первых числах ноября. Оно было довольно многочисленное. В качестве представителей от Невской заставы на нем были В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, кажется, Меркулов и я. От Нарвского района были рабочий Зиновьев, работавший на Путиловском заводе, и Карамышев, рабочий того же завода. Были, кажется, представители и других районов. Были два ткача от фабрики Торнтона. Были представители от группы «старых социал-демократов», и в их числе Владимир Ильич Ульянов, с которым я впервые увиделся на этом собрании... Владимир Ильич сразу же обратил на себя мое внимание как своим видом, так и своим мастерским умением вести дело. Взглянув на него, я сразу же догадался, что это был именно тот... про которого давно говорил мне Бабушкин. Собрание началось с выяснения положения дел в различных районах и на отдельных заводах и фабриках. Были опрошены и присутствовавшие на этом собрании два ткача с фабрики Торнтона, которая в этот момент привлекала собой особое внимание собравшихся, так как на ней предвиделась стачка. Опросом ткачей Торнтона руководил Владимир Ильич, который скоро оказался в роли главного руководителя собрания. Опрос торнтоновских рабочих он действительно вел мастерски, ставя вопросы очень умело и получая необходимые ему сведения, которые он немедленно же записывал карандашом на лежащем перед ним на столе листочке бумаги. Он, очевидно, собирал материал, который должен был послу-

жить для соответствующего воззвания к рабочим фабрики Торнтона.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Владимир Ильич на первом же собрании, на котором встретил его Тахтарев, решительно отстаивал объединенную вокруг социал-демократического кружка кассу.

М. А. Сильвин:

На одном из собраний у кого-то из рабочих Владимиру Ильичу пришлось поспорить с Тахтаревым, который уже тогда носился с идеей «вспомогательных» рабочих касс в целях объединения рабочих по профессиям. Владимир Ильич настаивал на общей социал-демократической кассе, которая объединяла бы всех входящих в организацию рабочих.

К. М. Тахтарев:

Владимир Ильич был несомненно прирожденным вождем и вдохновителем людей, его окружавших, и таковым он встает передо мной в моих самых ранних воспоминаниях о нем. Таким показался он мне и при первой моей встрече с ним... на одном рабочем собрании.

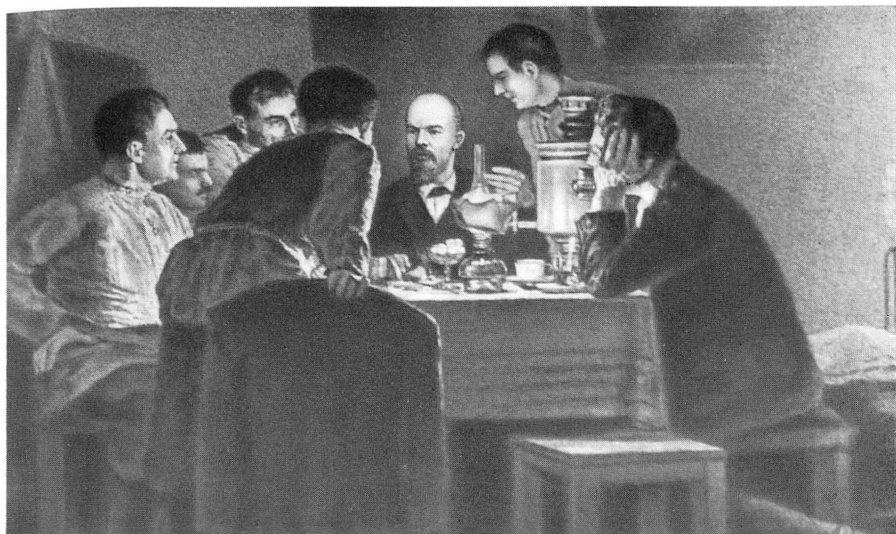
Я встретил его в кругу... близких... ему... рабочих. То были В. А. Шелгунов, И. В. Бабушкин, Никита Меркулов и некоторые другие... Он скоро приобрел среди них большое влияние своею в высшей степени умелою, напряженною, самоотверженною и выдающеюся деятельностью...

...Он... становился руководителем своих товарищей и окружавших его не потому, что непременно хотел быть среди них первым, а потому, что он шел всегда впереди них, показывая им дорогу своим личным примером и невольно ведя их за собой.

И. В. Бабушкин:

Тогда же начались разные недоразумения на суточной фабрике Торнтон, вызываемые главным образом понижением расценок. Было желательно в предполагаемых листках выразить то, что больше всего интересует самих рабочих, и, так сказать, оттенить по возможности ярче те требования, которые являлись бы требованиями большинства выбранных руководителей, к организации (социалистической) не причастных. Для этого через одного рабочего их собирали на конспиративной квартире, куда являлся один интеллигент поговорить с ними и узнать точно их настроение. Переговоры не удались, так как торнтоновцы не хотели говорить с человеком, им не известным, подозревая какую-то ловушку для себя, и никакие уверения ни к чему не приводили, они просили только составить

В. И. Ленин в рабочем кружке

Художник В. Малагис

Н. К. Крупская

1895 год

После рабочего кружка

Художник Н. Жуков

Бунт рабочих на Семянниковском заводе

Художник О. Верейский

Первая листовка

Художник Ф. Голубков

Выступление В. И. Ленина против народника В. П. Воронцова
Художник А. Моравов

Выпуск III.

ЧТО ТАКОЕ „ДРУЗЬЯ НАРОДА“
и
КАКЪ ОНИ ВОЮЮТЪ ПРОТИВЪ
СОЦІАЛ - ДЕМОКРАТОВЪ.

Сентябрь 1894.

Изданіе
провинціальной группы
соціал-демократовъ.

никаго
ниже про
самой бу
задерж
рала спо
я, мелкая
тъ ихъ,
ударное
на угис
и систе
всякую
нѣстою
нѣтъ нас

важную борьбу. На классъ рабочихъ и обратиться социаль-демокра-
ты все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передо-
выми представителями его усвоить идеи научнаго социализма, идею
объ исторической роли русскаго рабочаго, когда эти идеи побу-
дять широкое распространѣніе и среди рабочихъ создадутся проч-
ныя организаціи, преобразующія теперешнюю разрозненную экономиче-
скую войну рабочихъ въ сознательную классовую борьбу, - тогда
русскій РАБОЧИЙ, поднявшись во главѣ всѣхъ демократиче-
скихъ элементовъ, свалитъ абсолютный и поведетъ РУССКІЙ
ПРОЛЕТАРИАТЪ (рядомъ съ Пролетариатомъ ВСѢХЪ
СТРАВЪ) прямой дорогой открытой по-
литической борьбы къ ПОВѢДОМОСНОЙ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Ноябрь.
1894.

**В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»
и как они воюют против социал-демократов?
1894 год**

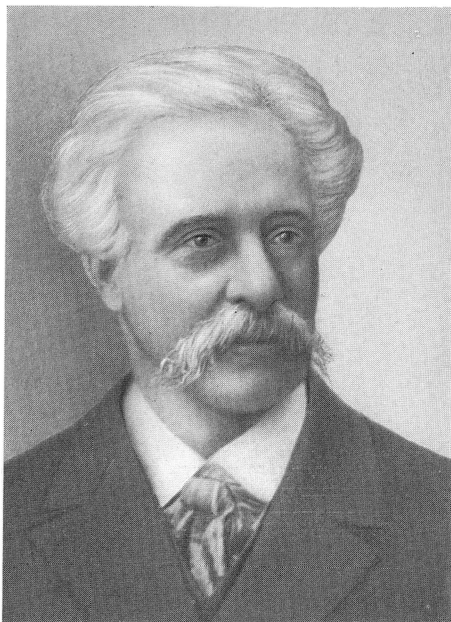

В. И. Ленин и Г. В. Плеханов

Художник А. Яр-Кравченко

Поль Лафарг

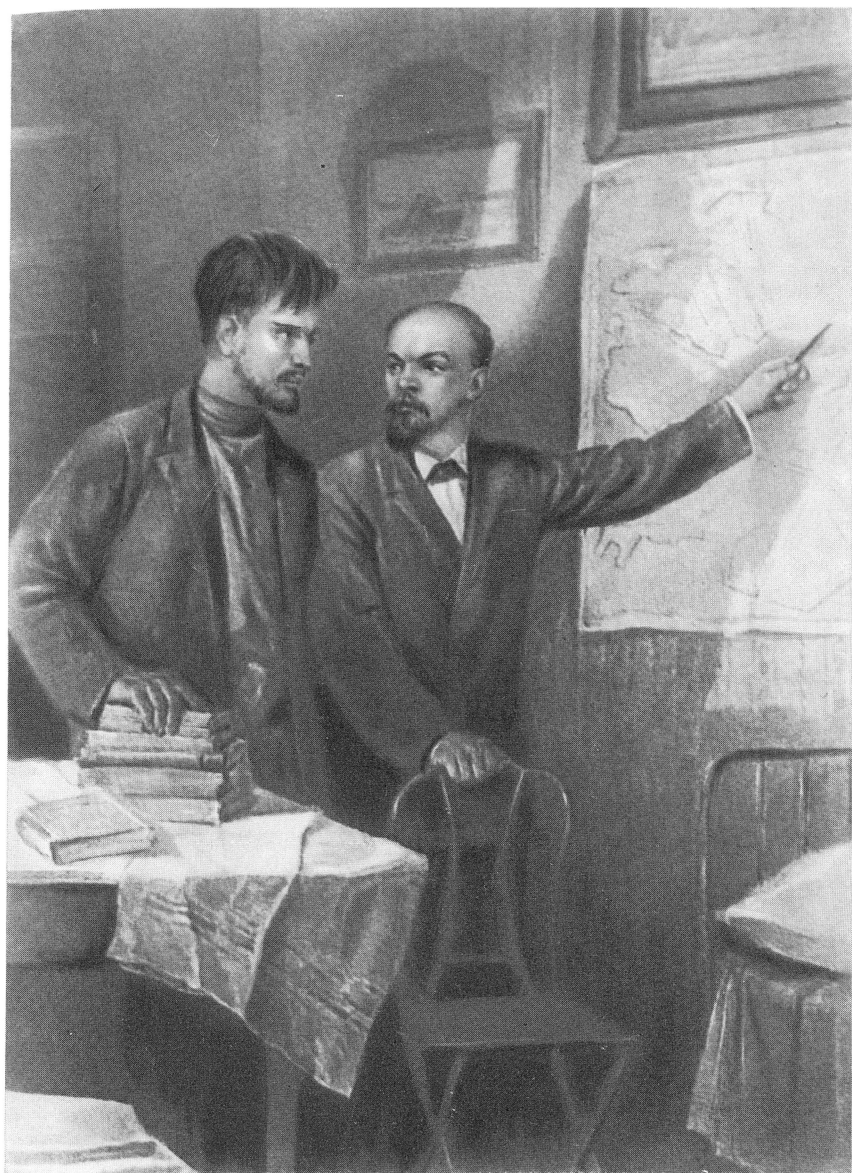
Вильгельм Либкнехт

В. И. Ленин в Петербурге. 1895 год

Художник А. Эберлинг

Владимир Ильич на квартире рабочего Б. Зиновьева
Художник В. Серов

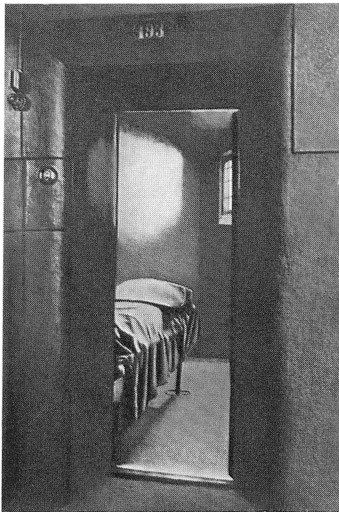
МОСКОВСКОЕ ОХРАННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. *Зельямов*

Мендель
Владимир
Учред. Деловой Касс.
№ 1218081.
№ А 128344.
" " 17840-201.
" " 3502-208.
 № 4585
 № 4583

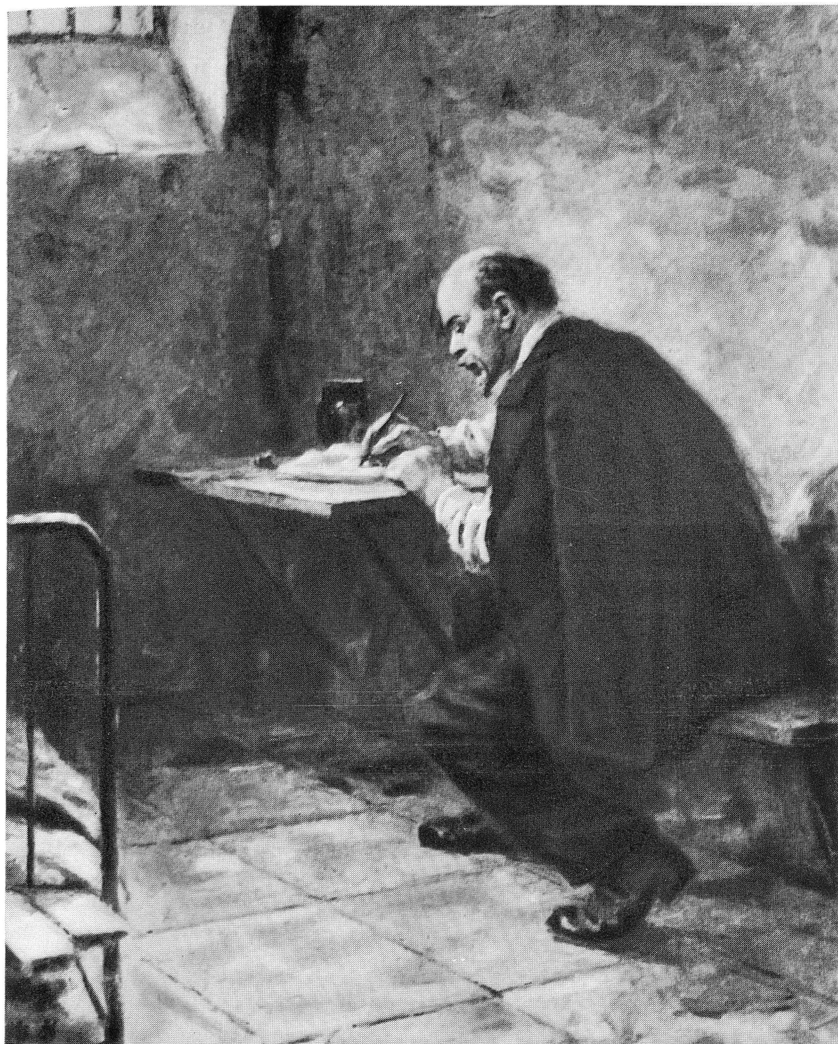
1) Волосы: Цветъ.	Волнистость	Густота	Лысина
2) Борода и усы: Цветъ.	Форма	Густота	Особ.
3) Лицо: Цветъ.	Покровение	Выражение	Особ.
4) Нос: Высота	Накл.	Морщина	Форма годны
5) Брови: Цветъ.	Форма	Густота	Расположеніе
6) Глазныя ямки (горбы):	Величина	Глубина	Особ.
7) Глаза: Цветъ: радка.	Классъ	Особ.	Рылец, между глазъ
8) Губы: Силка	Особеніе	Выст.	Движ.
9) Улы: Форма	Оттисненность	Велич.	Шар.
10) Борода: Вид.	Ворх, Низ.	12) Противополож.	Накл. Проз. Вып.
11) Усы: Вид.	Форма	Циркостаніе	13) Внутр. сел. Вып.
14) Уши: Форма	Высота	Толщина	Выступаніе
15) Подбородок: Движ.	Накл.	Форма	Познота
16) Шея: Ширина	Накл.	Шей	Особ.
17) Рука: Водочина	Привычка держать	Особ.	Особ.
18) Ступни ногъ: Длина (№ обуви)		Особенности: форма ногъ	
19) Одежда (шляпка, куртка, Манера держатъ):			
20) Походка:			
21) Особ. въ жестикуляціи, гримасы, мимика, и т. д.			

Подпись

В. И. Ленин. 1895 год
Снимки охранного отделения

Одинокaя камера № 193

В. И. Ленин в петербургской тюрьме

Художник И. Тартаковский

СОВЕТЪ БОРЕН ЗА ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА.

ЦАРСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Въ настоящемъ 1896 году русское правительство вотъ уже два раза обращалось къ публикѣ съ сообщеніемъ о борьбѣ рабочихъ противъ фабрикантовъ. Въ другихъ государствахъ такія сообщенія не въ рѣдкость, — тамъ не прячутъ того, что происходитъ въ государствѣ, и газеты свободно печатаютъ извѣстія о стачкахъ. Но въ Россіи правительство пуще огня боится огласки фабричныхъ порядковъ и происшествій: оно запретило писать въ газетахъ о стачкахъ, оно запретило фабричнымъ инспекторамъ печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дѣла о стачкахъ въ обыкновенныхъ судахъ, открытыя для публики, — однимъ словомъ оно приняло все мѣры, чтобы сохранить въ строгой тайнѣ все, что дѣлается на фабрикахъ и среди рабочихъ. И вдругъ все эти полицейскія ухищренія разлагаются, какъ мыльный пузырь, — и правительство само вынуждено открыто говорить о томъ, что рабочие ведутъ борьбу съ фабрикантами. Чѣмъ вызвана такая перемена? Въ 1895 году было особенно много рабочихъ стачекъ. Да, но стачки бывали и прежде, и однако правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочихъ. Нынешнія стачки были гораздо сильнѣе предыдущихъ и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Да, но и прежде бывали не менѣе сильныя стачки напр. въ 1835-6 годахъ въ московской и владимирской губ... Но правительство востанки еще крепилось и не заговаривало о борьбѣ рабочихъ съ фабрикантами. Отчего же на этотъ разъ оно заговорило? Оттого, что на этотъ разъ на помощь рабочимъ пришли социаллисты, которые помогли рабочимъ разъяснить дѣло, огласить его по всему, и среди рабочихъ и въ обществѣ изложить точно требованія рабочихъ, показать во всемъ недобросовѣстность и дикія насилія правительства. Правительство увидило, что становится всеобщимъ глумо молчать, когда все знаютъ о стачкахъ, — и оно тоже попыталось за всеми. Листки социалистовъ потребовали правительство къ отвѣту, и правительство явилось и дало отвѣтъ.

Посмотримъ каковъ былъ отвѣтъ.

Сначала правительство пыталось уклониться отъ гласнаго и пуб-

В. И. Ленин. Листовка «Царскому правительству».

1896 год. Написана в тюрьме

**В. И. Ленин среди руководителей
петербургского «Союза борьбы».**

Слева направо сидят:

В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов;
стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев

Февраль 1897 года

В. И. Ленин

Февраль 1897 года

хорошее прошение к градоначальнику, к которому намеревались пойти. Но писать слезное прошение было не в интересах партии, да и было совершенно напрасно ожидать какой-либо пользы от такого прошения.

Н. К. Крупская: Помню, как собирался, например, материал о фабрике Торнтонна. Решено было, что я вызову к себе своего ученика, браковщика фабрики Торнтонна, Кроликова, уже выславшегося раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, намеченному Владимиром Ильичем, все сведения. Кроликов пришел в какой-то занятой у кого-то шикарной шубе, принес целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены. Сведения были очень ценные. Владимир Ильич на них так и накиннулся.

В. И. Ленин: Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец занятый с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!»

Н. К. Крупская: Собранный через Кроликова материал Владимир Ильич положил в основу своего листка к торнтоновским рабочим и работницам (написан листок был в ноябре 1895 года).

Из секретного донесения старшего фабричного инспектора Петербургской губернии Г. И. Рыковского от 8 ноября 1895 года, направленного в департамент торговли и мануфактур:

...Средний заработок ткачей мануфактуры Торнтонна за 1892 год равнялся 19 рублям, за 5 первых месяцев этого (*то есть 1895-го*) года он был 15 рублей 80 копеек, а за 5 последних месяцев понизился до 14 рублей 40 копеек. Если принять во внимание, что плата за квартиру в первые 5 месяцев этого года была на 1 рубль, а за последние 5 месяцев на 50 копеек в месяц более, чем в 1892 году, оказывается, что ткачи зарабатывали в этом году за первые 5 месяцев на 22,1 процента менее, а за последние 5 месяцев — на 26,8 процента менее, чем в 1892 году.

...Ко мне и фабричному инспектору Шевелеву поступали с начала этого года неоднократно жалобы ткачей Торнтонна на то, что в этой мануфактуре нет надлежащей расценки задельной платы с указанием всех работающихся товаров и цен за работу, что им

часто платят менее следуемой по расценке платы за порчу товара, причем эти «сбавки» с заработной платы не называются администрацией фабрики штрафами, а потому и не записываются в расчетные книжки и не поступают в штрафной капитал мануфактуры; что заработки ткачей понизились сильно за этот год и дошли до такого размера, при котором ткачам не на что жить.

...В июле месяце этого (1895-го) года на имя г-на с.-петербургского градоначальника был прислан анонимный донос, в котором какой-то рабочий фабрики Торнтон просил его превосходительство обратить внимание на эту фабрику, так как там «английская администрация творит над рабочими самосуд».

...Ткачи сильно жаловались на производимые с них сбавки с задельной платы за порчу товара и на сильное понижение их заработка за последний год. Ввиду того, что сделанные в мае месяце фабричным инспектором Шевелевым предложения относительно выработки более подробной расценки задельной платы и относительно прекращения производства в пользу фабрики произвольных сбавок с задельной платы ткачей за недоброкачественную работу не были исполнены директорами фабрики Торнтон, я сделал им строгое внушение и заявил, что если они не прекратят немедленно взыскания штрафов с ткачей в свою пользу, фабричный инспектор Шевелев принужден будет составить протокол для привлечения их к законной ответственности.

...В половине августа ко мне явился удаленный с фабрики Торнтон ткач, который заявил мне, что произвольные сбавки с заработной платы за порчу товаров продолжают у Торнтон и что в силу этого среди ткачей данной мануфактуры существует сильное неудовольствие на администрацию фабрики. Ввиду этого заявления и ввиду того, что из заявления фабричного инспектора Шевелева я узнал, что администрация мануфактуры Торнтон не представила еще ему подробной расценки задельной платы и таблицы штрафов за порчу товаров, я счел нужным 29 августа... предложить Д. Д. Торнтону прекратить немедленно производство произвольных сбавок с задельной платы ткачей и представить на утверждение фабричному инспектору Шевелеву расценки задельной платы и таблиц штрафов.

...7 ноября в 5 часов утра забастовавшие ткачи шерстяной мануфактуры г-ва Торнтон на работу не вышли и, собравшись толпой возле жилых домов, требовали повышения задельной платы...

Прибыв в 8 часов утра на фабрику Торнтон, а и фабричный инспектор Шевелев начали уговаривать рабочих в присутствии местного пристава и присланного с.-петербургским градоначальником для производства арестов зачинщиков стачки чиновника охранного отделения (им было арестовано в ночь на 7 ноября по указанию администрации фабрики 13 ткачей) приступить к работе... На эти заявления рабочие ответили нам следующее:

1) Месяц тому назад они просили директоров мануфактуры увеличить задельную плату, так как от сокращения рабочего дня... от частых прогулов по имени основы и от большой траты времени на заправку коротких основ (ранее основа выдавалась на 6 штук, а теперь на 2—3) их заработок упал до 3—7 рублей в две недели, то есть сократился почти в два раза, и директора обещали исполнить эту просьбу.

2) Ткачи ожидали новых, повышенных расценок, а им вывесили старые расценки, только подробно разработанные и даже с понижением цен на некоторые товары.

3) 2 года тому назад, то есть до пожара фабрики, они зарабатывали гораздо более, так как на заправку основ тратили меньше времени, ожидания основ были менее продолжительны и за квартиру платили в фабричных домах по 1 рублю в месяц с человека, а после пожара, когда заработок их упал сильно, с них начали брать за квартиру по 2 рубля с человека.

4) За последний год, особенно начиная с мая месяца, ткачи дошли до такого положения, что их заработок не хватает на уплату долгов по забору в фабричной лавке...

В 1 час пополудни 7 ноября ткачи вместе с другими рабочими сделали перерыв на обед, а в 2 часа приступили к работе и работали надлежащим образом до конца дня. Сегодня (8 ноября) они приступили к работе в 5 часов утра и продолжают работать как следует, а потому забастовку эту можно считать оконченной...

Из рассмотрения вышеизложенных данных нельзя прийти к выводу, что забастовка ткачей Торнтон могла произойти главным образом от следующих причин:

1) от сильного... понижения за последние 5 месяцев заработка ткачей;

2) от повышения после пожара платы за квартиры... в то время как заработок их понизился;

3) от неправильного применения к ткачам бывшей расценки задельной платы с допущением произволь-

ных сбавок за неудовлетворительную работу, подорвавшего... доверие ткачей к администрации;

и 4) вероятно, от неисполнения данного ткачам директорами мануфактуры месяц тому назад обещания об увеличении задельной платы.

Из воззвания к рабочим и работницам фабрики Торнтон, написанного В. И. Лениным:

Рабочие и работницы фабрики Торнтон!

6-ое и 7-ое ноября должны быть для всех нас памятными днями... Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов их бездонного кошелька. Будемте же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линию до конца, будем помнить, что улучшить свое положение мы можем только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не поддайтесь в ловушку, которую так хитро подстроили гг. Торнтоны. Они рассуждают таким образом: «теперь время заминки в сбыте товаров, так что при прежних условиях работы на фабрике не получить нам нашего прежнего барыша... А на меньший мы не согласны... Стало быть, надо будет поналечь на рабочую братию, пусть-ка они своими боками поотдываются за плохие цены на рынке... Только дельце это надо обстроить не кое-как, а с умением, чтобы рабочий по своей простоте и не понял, какую закуску мы ему подготовляем... Затронь всех сразу,— сразу все и поднимутся, ничего с ними не поделаешь, а вот мы сначала обогорим бедняков-ткачишек, тогда и прочие не увернутся... Стесняться с этими людишками мы не привыкли, да и к чему? У нас новые метлы чище метут...» Итак, заботливые о благах рабочего хозяева потихоньку да полегоньку хотят подготовить для рабочих всех отделений фабрики такое же будущее, которое они осуществили уже для ткачей... Поэтому, если мы все останемся безучастны к судьбе ткацкого отделения, то мы выроем своими руками яму, в которую в скором времени вышвырнут и нас...

Защищая эти требования, товарищи, мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстаивать свои собственные права. Докажем же на этот раз, что наши «благотетели» ошиблись.

Н. К. Крупская: Посмотрите его (*Владимира Ильича*) листок к рабочим и работницам фабрики Торнтон. Какое детальное знание дела в нем видно! И какая это школа была для всех работавших тогда товарищей! Вот уж когда учились «вниманию к мелочам». И как глубоко врезались в сознание эти мелочи.

Из сообщения директора департамента полиции начальнику Петербургского губернского жандармского управления:

Члены петербургского социал-демократического кружка принимали непосредственное участие в издании и распространении воззваний на фабрике Торнтон во время бывших там беспорядков. Так, 7 ноября сего года Ульянов и Старков зашли вечером к рабочему Александровского сталелитейного завода Никите Меркулову, которому и передали 40 рублей в пользу семейств рабочих, задержанных за беспорядки на означенной фабрике. При этом они поручили ему убеждать рабочих держаться стойко, не опасаясь за будущее, и обещая обеспечить им денежную помощь. В последующие затем дни названные агитаторы постоянно приходили к Меркулову и 12 ноября доставили последнему большое количество тех именно воззваний...

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

В этом воззвании заключается призыв ткачей к продолжению возникшей на названной фабрике стачки, для того чтобы принудить хозяев фабрики исполнить требования рабочих относительно условий работы и платы за эту работу и за квартиры в фабричных зданиях...

Эти воззвания были разбросаны на фабрике Торнтон, куда их принесли от Меркулова рабочие Василий Андреев Шелгунов и Василий Михайлов Волюнкин.

К. М. Тахтарев: Листки с изложением положения рабочих на фабрике Торнтон, заключавшие в себе и определенные требования рабочих, были изданы группой Владимира Ильича. Разбросанные по различным фабричным корпусам, мастерским и казармам при посредстве знакомых рабочих, эти листки произвели на массу торнтоновских рабочих необыкновенное, в высшей степени сильное впечатление...

*Из листовки «Ко всем петербургским рабочим»,
выпущенной в декабре 1895 года «Союзом борьбы»:*

В последние же дни гг. Торнтоны, испугавшись продолжающегося волнения рабочих и особенно того, что рабочие с радостью встретили листовки, призывавшие их на новую борьбу, стали «добровольно» отдавать рабочим то, чего требовали эти листки. Так, уже объявлено, что плата за квартиру будет понижена с 2 рублей до 1 рубля в месяц, как требовалось в листках. Но и листки не помогли бы, если бы на стачке 6 ноября хозяева не убедились, что ткачи не дадут себя в обиду. Чего не смогли сделать долгие просьбы, то, смотришь, сразу достигнуто одним решительным шагом, когда рабочие смело заявляют свои требования. Нас боятся, товарищи. Боятся настолько, что когда торнтоновские рабочие потребовали освобождения арестованных, то полиция поспешила сделать это. Наши враги и грабители чувствуют, что против нашей силы у них нет средств, что приходится уступить.

У Лаферма и на Путиловском

Из листовки «Ко всем петербургским рабочим»:

Почти в то же время произошли беспорядки на табачной фабрике Лаферма. Тут точно так же долго испытывали терпение работниц, пуская в ход самые мошеннические приемы, чтобы урвать несколько грошей из их голодной платы. Завели новые машины, благодаря которым в товаре стало попадаться много неудачных папирос; за несколько плохих штук браковали всю тысячу, лишая за нее платы мастерицу, и тут же, на глазах у ограбленной работницы, запечатывали эту тысячу и отправляли в магазин. Наконец, пошел слух, что понизят плату, введут еще много новых машин и выгонят на улицу самых старых работниц. Терпению настал конец, и работницы задали-таки страху товариществу «Лаферм»...

*Из донесения старшего фабричного инспектора
Г. И. Рыковского в департамент торговли и мануфактур:*

...9 ноября в 2 часа пополудни на с.-петербургской табачной фабрике Лаферма 1300 папиросниц произвели беспорядок, сопровождавшийся поломкой одной из машин для вставления мундштуков в папиросы, раз-

бятием стекол в папиросных отделениях и выбрасыванием на улицу через разбитые окна ящиков с папиросными гильзами и табаком. В 3 часа пополудни на фабрику Лаферма явились местный пристав и его помощник, которые, видя сильное возбуждение папиросниц, уговорили директоров убрать папиросные машинки и дать обещание папиросницам, что на другой день их жалобы будут выслушаны в присутствии фабричной инспекции и полиции...

Затем по требованию папиросниц был приглашен приставом г-н градоначальник, к прибытию которого прибыли на фабрику около 100 городских и две пожарные части. Прибывший на фабрику в 5 часов пополудни г-н градоначальник приказал городовым вытеснить на двор из папиросных отделений всех оставшихся там папиросниц и, сделав им заявление о том, что машинки будут введены во что бы то ни стало, приказал закрыть на несколько дней папиросные отделения фабрики Лаферма и отвести всех папиросниц (около 800) в участок для выяснения фамилий зачинщиц беспорядка.

Из листовки «Союза борьбы»

«Чего требовать работницам фабрики «Лаферм»?»:»

Требуйте освобождения всех арестованных, так как никаких зачинщиков не было и беспорядки были вызваны наглостью хозяев.

Требуйте повышения расценки до 40 копеек с тысячи при машине.

Требуйте, чтобы не было притеснений на фабрике, чтобы не смели браковать товар, идущий в продажу.

Требуйте уничтожения незаконного сбора в 10 копеек в месяц (за хранение платья, кипяток и прочее).

Н. К. Крупская:

...На Васильевском острове был составлен листок к работницам табачной фабрики «Лаферм». А. А. Якубова и З. П. Невзорова (Кржижановская) прибегли к такому способу распространения: свернув листки в трубочки так, чтобы их можно было удобно брать поодиночке, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу работницам, валившим гурьбой из ворот фабрики, и почти пробежали мимо, рассовывая недоумевающим работницам в руки листки. Листок имел успех.

И. Н. Чеботарев:

В конце 1895 года в Петербурге на фабриках были экономические забастовки. Все это время Владимир

В ноябре 1895 года произошли волнения на табачной фабрике «Лаферм».

Ильич являлся к нам к обеду совершенно измученным и крайне возбужденным, часто и совсем пропускал обеды, часто же после обеда спешил уйти, к великому огорчению моей дочери. Рассказывая о ходе забастовок, он сообщал об отношениях к нему работников с табачной фабрики «Лаферм», где Владимир Ильич принимал непосредственное участие в руководстве забастовкой.

Из циркуляра петербургской фабричной инспекции:

Нельзя произвольно браковать товар. Если хозяин признает товар негодным, то он не имеет права из-за нескольких испорченных папирос браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченные папиросы (от небрежной или неумелой работы) хозяин может налагать штраф по табели, порчу же материалов взыскивать только по суду, самый штраф следует записывать в расчетную и особую шнуровую книжку с изложением каждый раз повода штрафа. Все штрафные деньги образуют особый капитал, который расходуется исключительно на нужды рабочих.

...Жалобы рабочих верны, а положение их очень бедственно.

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

...Члены названного (социал-демократического) сообщества, а именно Запорожец, Старков, Ульянов,

Кржижановский, а также бывший студент университета Юлий Цедербаум (*Л. Мартов*), занимались агитацией среди рабочих Путиловского завода за Нарвской заставой, где они встретили деятельных сотрудников в рабочих Борисе Зиновьеве и Петре Карамышеве.

Из листовки «К рабочим Путиловского завода»:

Товарищи! Нынче рабочие рамовой и заготовочной партий прекратили работу, требуя отмены сбавки, а рабочие медницкой мастерской заявили несогласие работать по новым расценкам. Товарищи! Мы создаем своим трудом все, и это все берут у нас богачи, отдавая лишь жалкие гроши для поддержания нашей рабочей силы, нужной им для новой наживы. Товарищи! Прекратим работу и не будем работать, пока не согласятся ввести старые расценки, которые должны вывесить в мастерской на основании закона.

Товарищи! Не уступайте новой прижимке!

Возможность писать для рабочих

В. А. Шелгунов:

Во время моих встреч с Владимиром Ильичем он все время обращал внимание на то, чтобы нам завести связь с возможно большим количеством заводов.

...В 1894 году уже среди нас, рабочих, ставился вопрос о наиболее целесообразном распределении сил по заводам, то есть если на каком-нибудь заводе не было нашего человека, а завод был крупный, то мы старались туда определить кого-нибудь из наших товарищей, чтобы на всех крупных заводах было хотя бы по одному нашему человеку.

И. В. Бабушкин:

Она (*организация, возглавляемая Лениным*) руководила агитацией, то есть доставляла листки, брошюры и знала, где они будут распространены. На местах делом руководили рабочие, которые передавали литературу во все заводы и фабрики для распространения. На каждой фабрике, на каждом заводе действовал только один такой рабочий. Он знал, сколько, куда нужно дать, он же знал день, в который листки будут распространены, и т. д.

В. И. Ленин:

Десятки и сотни рабочих (подобных... Бабушкину в Петербурге) не только слушали лекции в кружках, но *сами вели агитацию* уже в 1894—1895 годах...

Г. М. Кржижа-новский:

...Он (*Владимир Ильич*)... продолжал лихорадочно набрасывать и листовки, и целые брошюры, по которым уже и тогда было видно, что мы имеем в его лице писателя, трибуна и организатора — революционера первого ранга.

Н. К. Крупская:

У кого учился Ленин говорить и писать популярно? Учился у Писарева, которого в свое время много читал, учился у Чернышевского, но больше всего учился у рабочих, с которыми он часами говорил, расспрашивая их о всех мелочах их жизни на заводе, внимательно прислушиваясь к их случайно бросаемым замечаниям, к постановке ими вопросов, приглядываясь к уровню их знаний, к тому, что и почему они не понимают в том или ином вопросе. Об этих беседах рассказывают в своих воспоминаниях о Ленине рабочие.

Но, много работая над тем, чтобы яснее, лучше передать свои мысли рабочему, Ильич в то же время возмущался всякой вульгаризацией, стремлением сузить перед рабочим вопрос, упростить его...

Ильич с негодованием относится ко всякому сюсюканью с рабочими, к замене серьезного обсуждения вопроса «прибаутками или фразами».

В речах и статьях Ильича рабочие всегда видели, что Ильич, как выразился один рабочий, говорит с ними «всерьез»...

Ленин придавал громадное значение умению говорить и писать популярно. Это необходимо, чтобы сделать доступным, понятным массе коммунизм, как свое собственное дело. Популярная речь, популярная брошюра должна иметь конкретную цель, которая побуждает к известному действию. Политическая мысль, развиваемая в популярной речи, должна быть четкая, ясна, значительна. Недопустимы никакая вульгаризация, упрощенчество, отступление от объективности. Изложение должно быть четко по своему плану, помогать слушателю или читателю самому делать выводы и лишь подытоживать, формулировать эти уже осознанные слушателем или читателем выводы.

Надо исходить не из отвлеченных рассуждений, а из близких слушателю или читателю, волнующих его фактов и постепенно разъяснять звено за звеном связь этих фактов с важнейшими вопросами классовой борьбы...

...Если мы посмотрим на брошюру «Объяснение закона о штрафах», то увидим, что брошюра эта написана очень простым языком, но вместе с тем мы увидим, что она очень далека от поверхностных агиток,

которые в таком изобилии выпускаются и по сие время. В брошюре нет совсем агитационных фраз, призывов. Но самый выбор темы очень характерен. Эта тема, которая очень волновала в то время рабочих, была близка рабочим. Брошюра исходит из конкретных, хорошо знакомых рабочему фактов и вся основана на фактах, заботливо собранных по массе источников, ясно изложенных. В брошюре говорят, убеждают не слова, а дела, факты. Они так говорящи, так убедительны, что рабочие, знакомясь с ними, сами делают выводы. План брошюры также тщательно продуман, он всесторонне охватывает вопрос; план этот сводится к следующему: 1. Что такое штрафы? 2. Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах? 3. По каким поводам фабрикант может налагать штрафы? 4. Как велики могут быть штрафы? 5. Каков порядок наложения штрафов? 6. Куда должны идти, по закону, штрафные деньги? 7. На всех ли рабочих распространяются законы о штрафах? 8. Заключение.

Заключение кратко формулирует те выводы, которые сделал уже сам рабочий из фактов, приведенных в предыдущих главах, и помогает лишь обобщить и формулировать окончательно эти выводы. Выводы эти просты, но громадной значимости для рабочего движения.

В заключении брошюры «Объяснение закона о штрафах» В. И. Ленин писал:

Мы познакомились теперь с нашими законами и правилами о штрафах, со всей этой чрезвычайно сложной системой, которая отпугивает рабочего своей сухостью и неприветным канцелярским языком.

Мы можем теперь опять обратиться к вопросу, поставленному в начале — о том, что штрафы порождены капитализмом, т. е. таким общественным устройством, когда народ разделяется на два класса, на собственников земли, машин, фабрик и заводов, материалов и припасов — и на людей, которые не имеют никакой собственности, которые должны поэтому продаваться капиталистам и работать на них...

Правительство думало, что, издавая законы и правила о штрафах, вводя пособия из штрафных денег, оно сразу удовлетворит рабочих и заставит их забыть о своем общем рабочем деле, о своей борьбе против фабрикантов.

Но такие надежды правительства, выставляющего себя защитником рабочих, не оправдаются. Мы видели, как несправедлив к рабочим новый закон, как

малы уступки рабочим сравнительно хотя бы с теми требованиями, которые были выставлены морозовскими стачечниками; мы видели, как оставлены были повсюду лазейки фабрикантам, желающим нарушить закон, как в их интересах составлены правила о пособиях, присоединяющие к произволу хозяев произвол чиновников.

Когда такой закон, такие правила будут применяться, когда рабочие ознакомятся с ними и начнут узнавать из своих столкновений с начальством о том, как притесняет их закон,— тогда они начнут понемножку сознавать свое подневольное положение. Они поймут, что только нищета заставила их работать на богатых и довольствоваться грошами за свой тяжкий труд. Они поймут, что правительство и его чиновники держат сторону фабрикантов, а законы составляют-ся так, чтобы хозяину было легче прижимать рабочего.

И рабочие узнают, наконец, что закон ничего не делает, чтобы улучшить их положение, покуда будет существовать зависимость рабочих от капиталистов, потому что закон всегда будет пристрастен к капиталистам-фабрикантам, потому что фабриканты всегда сумеют найти уловки для обхода закона.

Понявши это, рабочие увидят, что им остается только одно средство для своей защиты — соединиться вместе для борьбы с фабрикантами и с теми несправедливыми порядками, которые установлены законом.

Н. К. Крупская: В этой брошюре Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-середняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы. Многим интеллигентам эта брошюра показалась скучной, растянутой, но рабочие зачитывались ею: она была им понятна и близка...

П. Ф. Куделли: Группа народовольцев сплотилась и организовалась на своем главном предприятии — подпольной типографии, получившей название Лахтинской. Под этим именем следует подразумевать хотя одну и ту же типографию, но работавшую в двух разных местах. Сначала она помещалась на Крюковом канале, дом № 23, кв. 13, и работала с февраля 1895 года по 20 мая 1896 года, когда из конспиративных соображений была перевезена на Лахту (*дачный поселок под Петербургом*). Здесь она просуществовала всего около месяца, но название Лахтинская типография укрепились за ней потому, что на Лахте она была арестована...

*Г. М. Кржижа-
новский:*

Методы агитации... требовали от нас широкой практики революционных листовок, что, в свою очередь, ставило перед нами задачи техники печатания и способов распространения.

*П. Н. Лепешин-
ский:*

Я знал, что даже очень нужные прокламации, призывающие, например, к срочной забастовке, очень часто пишутся от руки и распространяются среди рабочих в количестве, не превышающем десятка экземпляров. Чем особенно страдала и группа В. И. Ульянова, так это отсутствием печатной техники.

М. А. Сильвин:

Владимир Ильич решил поэтому или наладить типографию или найти ее. В этих целях он сближается с группой народovolьцев, имевших тогда нелегальную типографию...

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Кое-кто из молодых народovolьцев, не признававших значения нашей общины... стали подходить ближе к социал-демократам, убеждаясь, что они не только не против политической борьбы, а выставляют ее на своем знамени. Так, народovolьцы, имевшие свою типографию в Петербурге (Лахтинская типография), сами предложили социал-демократам печатать их листовки и брошюры, считая, что разница между двумя направлениями лишь в том, что социал-демократы обращаются к рабочим, а не к другим классам общества, но что направление их также революционное.

А. А. Ергин:

Хотя мы называли себя народovolьцами, но наша программа во многом приближалась к воззрениям социал-демократических кружков, так как существенной частью этой программы была социалистическая пропаганда среди рабочих... Ввиду этого у нас являлось желание завязать с ними сношения и привлечь их к нашей группе... по изданию как рабочей газеты, так и вообще рабочей литературы. С этой целью мы все старались сблизиться с социал-демократами...

*Из заключения прокурора Петербургской
судебной палаты о дознании по делу «Союза борьбы»:*

Екатерина Прейс и Александр Ергин, бывшие главными деятелями группы народovolьцев, при дознании об этой группе, между прочим, объяснили, что еще с конца 1895 года возникал вопрос о слиянии их группы с социал-демократами, которые в широких размерах пользовались для пропаганды среди рабочих литературой группы народovolьцев.

Н. К. Крупская: Группа (*народовольцев*)... идейно близко стояла уже к социал-демократам. Незадолго до своего провала она выпустила так называемый 4-й листок, где излагала свои взгляды, почти совершенно совпадавшие со взглядами социал-демократии. Некоторые члены этой группы (Ергины, Шаповалов, Катанская) потом официально примкнули к нашей партии.

Вообще в половине 90-х годов начал довольно часто наблюдаться переход народовольцев в ряды социал-демократии. Николай Леонидович Мещеряков, бывший тогда еще народовольцем, энергично распространял заграничные издания группы «Освобождение труда». Перешли к социал-демократии Куделли, Лидия Михайловна Книпович и некоторые другие. Среди рабочих социал-демократов было немало посещавших раньше кружки народовольцев.

Наша группа через посредство Лидии Михайловны Книпович, сохранявшей еще обширные связи с народовольцами, вступила в сношения с группой Ергина.

П. Ф. Куделли: Социал-демократы со своей стороны охотно шли на сближение (*с группой молодых народовольцев*). Что руководило ими? Уклон народовольцев к социал-демократам не мог не навести последних на предположение, не пойдут ли народовольцы еще дальше и больше по этому пути. С другой стороны, возможность использовать народовольческую типографию в своих целях была также очень соблазнительна, тем более что литературных сил у социал-демократов в то время было достаточно... Результат более близких взаимоотношений «Союза борьбы» и группы (*народовольцев*) выразился прежде всего в том, что группа согласилась напечатать брошюру «Объяснение закона о штрафах», принадлежащую, как известно, перу Владимира Ильича Ульянова (Ленина).

*Из письма В. И. Ленина П. Б. Аксельроду
в Цюрих в ноябре 1895 года:*

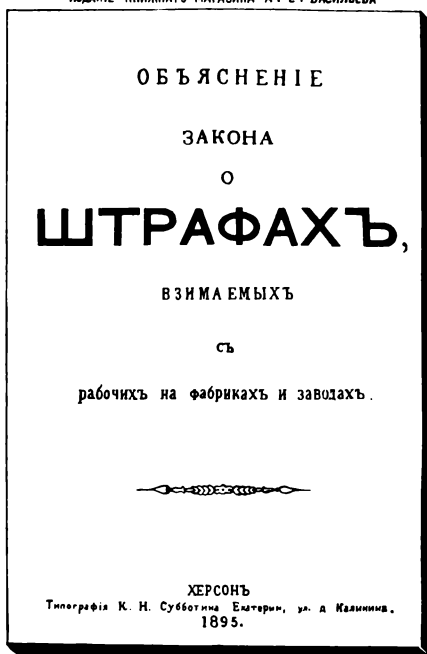
У нас завязаны сношения с народовольческой типографией, выпустившей уже 3 вещи (не наши) и берущей одну нашу.

«Наша» — это брошюра «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

П. Ф. Куделли: А. Ергин... получил ее от социал-демократа Ванеева. Брошюра была зачитана в группе и одобрена к пе-

Брошюра
В. И. Ленина
«Объяснение за-
кона о штрафах»
пользовалась сре-
ди рабочих гро-
мадной популяр-
ностью.

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА А. Е. ВАСИЛЬЕВА

чати, но, по заявлению Прейс (*на допросе у жандармов*), она все же внесла в нее некоторые исправления. На единственном общем собрании группы от 11 ноября 1895 года было решено печатать в своей типографии главным образом литературу для рабочих. Оригинал брошюры «Объяснение закона о штрафах», по показанию Григория Тулупова, был частью напечатан на пишущей машинке, частью от руки и после набора был сожжен, как вообще сжигались все использованные оригиналы. Брошюру начали печатать в типографии на Крюковом канале 3 декабря 1895 года. Была она напечатана в количестве 3000 экземпляров, и затем Василий Приютов передал ее Евгению Ростковскому⁵⁸ для «Союза борьбы».

М. А. Сильвин:

...Не было того, что было особенно важно: книг на темы современной русской жизни, в особенности жизни рабочих, их движения, их борьбы, их насущных интересов и задач. Первой книжкой этого рода была брошюра Владимира Ильича «О штрафах», пользовавшаяся в рабочей среде громадным спросом.

...Получили сообщение, что работа Ильича «Объяснение закона о штрафах» напечатана и мы должны быть готовы к ее принятию и распространению. Через Надежду Константиновну, с которой держала постоянную связь Анна Ильинична... запросили Ильича, нет ли с его стороны возражений, так как при аресте могли быть найдены у него рукописи или другие доказательства его прикосновенности к этой работе. Ответ Ильича был благоприятный. Брошюру... получили и стали усиленно распространять в конце января (1896 года).

*Из полицейского «Доклада»
по делу о социал-демократических кружках:*

...Относительно найденных у Щеглова брошюр он показал, что получил их на хранение от одного лица, которое он отказался указать. Но значительное количество оказавшихся у Щеглова брошюр указывает на него не как на простого их хранителя, а как на пособника лиц, имевших в виду распространить эти подпольные издания.

*Из сообщения германской социал-демократической газеты «Форвертс»
об издании брошюры «Объяснение закона о штрафах»:*

Подобные брошюры... имеют огромное значение для укрепления социал-демократического сознания в широких кругах рабочих. Можно с полным основанием надеяться, что подобная рабочая литература разовьется в значительный фактор политического пробуждения русского пролетариата.

*Из письма В. И. Ленина
П. Б. Аксельроду 16 августа 1897 года:*

Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих.

Газета «Рабочее дело»

Н. К. Крупская: Став марксистом, найдя правильный путь революционной борьбы, Ленин ни о чем так не мечтал, как о том, чтобы открыто обратиться к массам, сказать им правду.

Г. М. Кржижжатовский: Летучие митинги, регулярные маевки, наконец, создание постоянного литературного органа — вот что

должно было с естественностью возникнуть из тех заданий, к которым приводил лозунг агитации.

М. А. Сильвин:

К ноябрю 1895 года стадия кружковой пропаганды... стала уже достоянием прошлого. Некоторое время еще продолжались теоретические занятия с рабочими, но главной целью образования кружков стало теперь расширение связей, собирание сведений о положении дел на заводах и фабриках, дотоле нам известных только понаслышке, и распространение листов на них. Приходя в кружок, пропагандист теперь не выискивал наиболее интеллигентных рабочих, способных усвоить теорию прибавочной стоимости. Он искал живых, деятельных, развитых товарищей, которые способны были бы стать агитаторами, улавливать настроения, подмечать важные факты...

Агитация как прием борьбы, как метод революционной социал-демократической работы получила вскоре широкое применение во всей стране... Теперь сосредоточил все... внимание на одной всепоглощающей цели: вызвать массовое движение. Это... понимание агитации и ее значения превосходно сформулировал Владимир Ильич в своем проекте и объяснении программы социал-демократической партии, написанной им в тюрьме в 1895—1896 годах.

В. И. Ленин:

Эта борьба ставит (выводит) рабочее движение на прямую дорогу и служит верным залогом его дальнейшего успеха. На этой борьбе массы рабочего люда учатся, во-1-х, распознавать и разбирать один за другим приемы капиталистической эксплуатации, соотносить их с законом, и с своими жизненными условиями, и с интересами класса капиталистов. Разбирая отдельные формы и случаи эксплуатации, рабочие научаются понимать значение и сущность эксплуатации в ее целом, научаются понимать тот общественный строй, который основан на эксплуатации труда капиталом. Во-2-х, на этой борьбе рабочие пробуют свои силы, учатся объединению, учатся понимать необходимость и значение его. Расширение этой борьбы и учащение столкновений ведет неизбежно к расширению борьбы, к развитию чувства единства, чувства своей солидарности сначала среди рабочих данной местности, затем среди рабочих всей страны, среди всего рабочего класса. В-3-х, эта борьба развивает политическое сознание рабочих. Масса рабочего люда поставлена условиями самой жизни в такое положение, что они (не могут) не имеют ни досуга, ни возможности раздумывать о каких-нибудь государственных

ных вопросах. Но борьба рабочих с фабрикантами за их повседневные нужды сама собой и неизбежно наталкивает рабочих на вопросы государственные, политические, на вопросы о том, как управляется русское государство, как издаются законы и правила и чьим интересам они служат. Каждое фабричное столкновение необходимо приводит рабочих к столкновению с законами и представителями государственной власти.

Г. М. Кржижановский:

Как литератор Владимир Ильич и в то время был чрезвычайно плодovit и быстро покрывал своим бисерным мелким почерком толстые тетради, в которых в особенности доставалось печальным «героям» тогдашнего народничества. Наши агитационные листки также предъявляли нам немалый спрос, да к тому же обеспечивалась возможность литературного сотрудничества с группой «Освобождение труда». Таким путем, естественно, пришли к мысли об издании специальной рабочей газеты.

М. А. Сильвин:

...Когда первый его опыт издания брошюры «О штрафах» удался — издание вышло довольно приличным и имело большой успех среди рабочих, — Владимир Ильич решил издавать газету для рабочих...

Из письма В. И. Ленина П. Б. Аксельроду в Цюрих (ноябрь 1895 года):

Предполагаем издавать газету, куда и пойдет материал. Окончательно выяснится это примерно через 1½—2 месяца.

Н. К. Крупская:

Тщательно готовил Владимир Ильич к нему (к первому номеру газеты «Рабочее дело») материал. Каждая строчка проходила через его руки. Помню одно собрание у меня на квартире, когда Запорожец с необычайным увлечением рассказывал о материале, который ему удалось собрать на сапожной фабрике за Московской заставой.

— За все штраф, — рассказывал он, — каблук на сторону посадишь — сейчас штраф.

Владимир Ильич рассмеялся:

— Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело.

Материал собирал и проверял Владимир Ильич тщательно.

...Тогда рабочее движение только-только еще начиналось. Многие рабочие еще не сознавали совсем,

почему им плохо живется, не понимали, что им надо бороться с капиталистами, не понимали, что им надо бороться с царской властью. И вот газета «Рабочее дело» должна была осветить рабочему его жизнь, осмыслить все то, что он переживал, что кругом себя видел. Ильич заделался форменным рабочим корреспондентом. Он ходил к рабочим и подробно расспрашивал их обо всем...

И не только сам Ильич обратился в рабочего корреспондента, он всех товарищей втянул в это дело. Часами толковали о полученных сведениях. Ильич всех увлекал этой работой, требовал от каждого точности в передаче фактов, проверки их. Приходилось не раз ходить за добавочными сведениями. Получилась своеобразная рабкововская школа. И каждый из нас чувствовал, как под влиянием Ильича он рос на этой работе, научался точнее, внимательнее наблюдать.

Все основные статьи для первого номера газеты «Рабочее дело» написал Владимир Ильич.

В. И. Ленин: Передовая статья⁵⁹ этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина» из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы.

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

Вступительная статья газеты «К русским рабочим», в которой излагается, что богатство капиталистов создается рабочими, на долю которых достается лишь каторжный труд и бедность. Для того чтобы изменить такое положение, рабочие должны соединиться и начать соединенною силою борьбу с капиталистами и с правительством, которое всегда является врагом рабочих, — правительство в борьбе рабочего с фабрикантом поступает с рабочим как с преступником, травляет на него войско и полицию, сажает в тюрьму за стачки, лишает его права собраний и сходок для обсуждения своих нужд и преследует даже за знакомство с образованными людьми и чтение книжек. Статья кончается воззванием к рабочим: «Итак, борьба с фабрикантом за человеческие условия жизни, борьба с произволом и всевластием правительства; рабочие, соединяйтесь и боритесь дружно и стойко за великое дело...»

В. И. Ленин: Затем была статья «О чем думают наши министры?», посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности...

Н. К. Крупская: Статья «О чем думают наши министры?» говорит о деятельности воскресных школ. О деятельности этих школ хорошо знал Владимир Ильич... Несколько моих учеников по воскресной школе входили в кружок, который вел Владимир Ильич, они рассказывали ему о школе. Владимир Ильич был в курсе нашей работы, в курсе наших попыток вести через школу пропаганду учения Маркса.

...В небольшой статейке «О чем думают наши министры?» Ленин держится такого же подхода к читателю, как и в «Объяснении закона о штрафах». Он берет письмо министра внутренних дел Дурново к обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву, разбирает его и подводит рабочих к выводу:

«Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!»

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

Рукопись под заглавием «Фридрих Энгельс»; в ней по поводу смерти Энгельса говорится, что он был великим учителем социалистов и стоял, между прочим, за интересы русских рабочих, которые приглашаются почтить его память, откликнувшись на его призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»...

Рукопись, озаглавленная «Ярославская стачка 1895 года»; в этой статье говорится, что она написана рабочим и что стачка была прекращена силою оружия, причем в статье тенденциозно приведена одобрительная резолюция государя императора на докладе о действиях войск⁶⁰ и основанная на ней благодарность командующего войсками за умелое и своевременное употребление оружия.

С. П. Шестернин: Когда стачка закончилась, я составил довольно подробное описание ее и через С. П. Невзорову отправил в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Руководители «Союза борьбы», в частности Владимир Ильич, относились к присылаемым им материалам исключительно внимательно: отчет о стачке,

основательно переработанный Владимиром Ильичем, был отправлен за границу и напечатан в № 1—2 нелегального журнала «Работник» за 1896 год. Этот же отчет о стачке было решено включить в № 1 социал-демократического журнала «Рабочее дело»...

Г. М. Кржижановский:

...Третий случай был на фабрике товарищества механического производства обуви. Это богатейшее товарищество, не довольствуясь законным грабежом и притеснениями, не стесняется донимать рабочих самими противозаконными средствами: из заработка рабочих вычитают за материал и орудия, что прямо запрещено законом (статья 102 Устава о промышленности). 40 рабочих в отдельной мастерской устроили стачку, требуя отмены строгой браковки, и так как они, бросив работу, вызвали остановку всей фабрики, то хозяева уступили после трехдневной стачки.

При обыске у Владимира Ильича была изъята рукопись, которую полиция в своем «Докладе» озаглавила: «Мастерская приготовления механической обуви». По словам полицейского документа, автор этой рукописи,

описывая в самом мрачном виде порядки в этой мастерской и, указывая, что законы о рабочих — одна сплошная несправедливость, убеждает рабочих дружно взяться за святое дело; в заключение он говорит: «Проснемся же и будем готовиться к великой борьбе с нашими угнетателями»...

Владимиру Ильичу принадлежит также оглавление газеты «Рабочее дело». Судя по «Докладу», оно представляло собой

листок бумаги, на котором изложено содержание первого номера газеты «Рабочее дело», с обозначением всех последующих рукописей и с объявлением, что «Рабочее дело» будет выходить в неопределенные сроки, по мере накопления материала...

М. А. Сильвин:

...Хорошо помню торжественное собрание всего... кружка на квартире Степана Ивановича Радченко (на Выборгской стороне) 6 декабря 1895 года, где читался первый номер «Рабочего дела»...

Владимир Ильич в качестве редактора «Рабочего дела» читал... все статьи, предназначенные для первого номера...

За несколько дней до того Запорожец убедил Владимира Ильича не отдавать в типографию статей, написанных его характерным почерком, и переписал их...

Н. К. Крупская: 8 декабря было у меня на квартире заседание, где окончательно зачитывался уже готовый к печати номер. Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у меня.

В. И. Ленин: ...Той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», был составлен еще в конце 1895 года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело»... Этот, если не ошибаемся, «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится, что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение.

Г. М. Кржижачевский: ...Этот номер намечал совершенно правильно линию социал-демократической работы на целое десятилетие. На конкретном материале той информации, которая шла к нам с фабрик и заводов Петербурга, мы старались поднять самосознание петербургского пролетариата до того пункта, на котором необходимость революционной политической рабочей партии становится самоочевидной, и делали это, как мне кажется и теперь, в достаточно умелой форме.

Обыски и аресты

Из письма В. И. Ленина матери 5 декабря 1895 года:

Получил вчера письмо от Анюты, дорогая мамочка, сообщающее, что ты думаешь ехать с Ардашевыми⁶¹ в Казань,— и спешу написать тебе.

Ардашевы собирались ехать сегодня. Д. А. мне предлагает взять дело об утверждении в правах наследства его родственника, но пока мы еще не вполне согласились.

Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется

8 декабря 1895 года в этом доме, на квартире Н. К. Крупской, было заседание, где зачитывался готовый к печати номер «Рабочего дела».

тоненькой перегородкой, так что все слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед. К счастью, это бывало до сих пор не часто. Большею частью его не бывает дома, и тогда в квартире очень тихо.

Останусь ли я тут еще на месяц или нет,— пока не знаю. Посмотрю. Во всяком случае на рождество, когда кончается срок моей комнаты, не трудно будет найти другую.

Погода стоит теперь здесь очень хорошая, и мое новое пальто оказывается как раз по сезону.

И. Н. Чеботарев:

По желанию его матери Владимир Ильич в целях нормальности своего питания стал с поздней осени (1895 года) столоваться у меня (в доме № 12 на Верейской улице), приходя для этого часам к 4-м, и проводил у нас некоторое время. После обеда он часто играл на кушетке и на полу с моей 5-летней дочерью, которая очень к нему привязалась. Помню, как они, обнявшись, напевая: «Поворотись, на пол скотись», катились с кушетки по ковру на пол.

В это время (осень и зима 1895 года) происходили шумные собрания в Вольном экономическом обществе, где шли... прения по вопросу о путях экономического развития России. Владимир Ильич не посещал этих заседаний... считая споры там слишком поверхностными и не желая терять время. Но в часы послеобеденного отдыха он часто спрашивал меня о том, что делается в Экономическом обществе.

Б. И. Горев:

6 декабря на традиционном студенческом балу (в зале «Дворянского собрания» — ныне Ленинградская филармония) собралась «повеселиться» и «отвести душу» вся группа «стариков» с Лениным во главе. Кроме Мартова и моего земляка доктора Яховского я был знаком с Сильвиным и с С. А. Гофманом... Мартов должен был познакомить меня со «стариками». Но тут, часа в два ночи, появились подозрительные признаки в виде шпииков... И публика разошлась.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Но если при ловкости и удавалось уходить иногда от преследований, то все же полиция, дворники (которые были тогда домовою полицией) и стаи шпионов были сильнее. И они выследили наконец Владимира Ильича и его товарищей, которым приходилось маленькой кучкой исполнять множество различных неразрешенных дел: встречаться на конспиративных собраниях, куда очень мудрено было не привести никому шпиика, посещать рабочие квартиры, которые были приметны и за которыми следили, добывать и передавать нелегальную литературу, писать, перепечатывать и раздавать листки и т. п. Разделения труда было мало, ибо и работников было мало, и каждый поэтому быстро привлекал внимание полиции. А затем кроме уличных ищеек были еще провокаторы, втирающиеся под видом «своих» в кружки; таков был в то время зубной врач Михайлов, входивший хотя не в тот кружок, где работал Владимир Ильич, но имевший сведения и о других кружках. Насаждались такие провокаторы и в рабочих кружках, а кроме того, тогдашние рабочие были наивны и легко попадались на удочку. При нелегальной работе люди «жили» в то время недолго: лишь с осени 1895 года стала она разветвляться, а 9 декабря Владимир Ильич и большая часть его товарищей были «изъяты».

*Из письма директора департамента полиции
Н. Сабурова петербургскому градоначальнику
фон Валу 17 октября 1895 года:*

Считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что поступательное движение социал-демократической пропаганды в империи вообще и проявление активной деятельности петербургского кружка в частности, выразившееся в переиздании ручными способами последних брошюр народовольческой типографии, приводит к мысли о настоятельной необходимости прекратить в ближайшем будущем вредную агитацию

этого кружка и не допустить возникновения стачек рабочих, подобно вызванным в начале 1895 года на Невском механическом заводе московского товарищества и среди портовых рабочих. Определить заранее день для ликвидации кружка представляется, конечно, затруднительным, так как желательнее, чтобы обыски дали возможно более фактических доказательств виновности подлежащих привлечению к дознанию лиц, но, с другой стороны, дальнейшая отсрочка ареста, способствуя внедрению пропаганды интеллигентов в рабочую среду, укореняет в ней опасную уверенность в бессилии полиции обнаружить тайные проiski революционеров. Признавая вследствие сего своевременным не позднее начала декабря 1895 года произвести обыски и аресты интеллигентных руководителей рабочего движения в г. Петербурге, а также привлечь к делу тех из рабочих, которые, увлекаясь пропагандой социалистических учений, вредно влияют на своих и т. п., я имею честь просить ваше превосходительство предложить охранному отделению усилить ныне агентурное наблюдение за всеми активными членами кружка и по получении от секретной агентуры сведений о производстве интеллигентными членами кружка чтений в среде рабочих или о появлении и распространении между упомянутыми лицами новых революционных изданий произвести у всех руководителей движения одновременные обыски с заключением их, до ближайшего ознакомления с вещественными доказательствами, под стражу. Одновременно могут быть произведены обыски и у тех рабочих, которых ваше превосходительство признает наиболее опасными в политическом отношении, с тем, однако, чтобы общее число обысков не достигло значительных размеров, могущих подать повод к тревожным и преувеличенным толкам в обществе.

*Из сообщения директора департамента полиции
Н. Сабурова помощнику петербургского градоначальника
И. Турчанинову 8 декабря 1895 года:*

...Вследствие переписки, происходившей между департаментом полиции и петербургским градоначальником о привлечении к ответственности лиц, занимающихся преступной пропагандой среди петербургских заводских и фабричных рабочих, сего числа в департаменте полиции состоялось частное совещание при участии прокурора судебной палаты для установления... списка лиц, подлежащих обыску и аресту по сему делу...

...Сделать распоряжение о производстве сегодня ночью у означенных в списке лиц, в порядке положения об охране, обысков и подвергнуть содержанию под стражей тех из лиц, которые подлежат аресту.

*Из донесения помощника петербургского градоначальника
И. Турчанинова директору департамента полиции Н. Сабурову
10 декабря 1895 года:*

Вследствие письма вашего превосходительства от 8 сего декабря... в ночь на 9-е число сего же месяца были произведены обыски у лиц, поименованных в списке, представленном вашему превосходительству начальником охранного отделения полковником Серкинским.

Из полицейского «Доклада»:

...У Ванеева оказалось собрание рукописей, предназначенных для первого номера предполагаемой преступным сообществом к изданию подпольной газеты «Рабочее дело». Эти рукописи следующие: 1) Листок бумаги, на котором изложено содержание первого номера газеты «Рабочее дело»... эта рукопись написана Ульяновым. 2) Вступительная статья газеты «К русским рабочим»... эта статья, как установлено экспертизой, написана Петром Запорожцем. 3) Рукопись под заглавием «Фридрих Энгельс»... 4) Рукопись под заглавием «О чем думают наши министры»... Эта рукопись, а равно и предшествующая написаны также Петром Запорожцем. 5) Две рукописи о стачках папиросниц на фабрике «Лаферм» и рабочих на фабрике Торнтонна, бывших в Петербурге в 1895 году; в этих статьях описывается ход стачек, притеснение и насилие, которым будто бы подвергались при этом рабочие. Почерк этих рукописей не представилось возможным определить. 6) Рукопись, озаглавленная «Ярославская стачка 1895 года»... 7) Две рукописи — о стачке ткачей, бывшей 6 октября 1895 года в Иваново-Вознесенске, и стачке в С.-Петербургской мастерской механической обуви 8 ноября того же года. Обе статьи, как признано экспертизой, написаны рукою Ульянова, и 8) статья, написанная Запорожцем, в виде корреспонденции из С.-Петербурга, Вильно и Минска также о стачках рабочих.

Все означенные рукописи, по-видимому, были изготовлены для печатания, так как текст их написан на одной стороне каждого листа. Содержание указанных статей убеждает, что социал-демократическое сооб-

щество, задумавшее издавать газету «Рабочее дело», в своей пропаганде среди рабочих следовало программе действий... направленной как к своей конечной цели к ниспровержению существующего в России государственного строя...

По обыску у Ульянова оказались: 1) гектографированное воззвание к прядильщикам фабрики Кеннига, тождественное с отобранным у Анатолия Ванеева, 2) разорванная рукопись, озаглавленная «Мастерская приготовления механической обуви» и написанная, как признано экспертизой, Петром Запорожцем... и 3) написанная самим Ульяновым статья «Ярославская стачка 1895 года», тождественная по содержанию с рукописью под тем же заглавием, найденною у Анатолия Ванеева в числе статей, заготовленных для газеты «Рабочее дело». Кроме сего, у Ульянова была найдена вырезка из «Московских ведомостей» о стачке рабочих на еврейской фабрике Эдельштейна в Вильно; в этой заметке упоминается, что местный еврейский проповедник (магид) взял на себя роль примирителя евреев рабочих с их хозяином.

*И. Турчанинов
доносил Н. Сабурову:*

Ввиду сего и согласно распоряжению вашего превосходительства подвергнуты личному задержанию в С.-Петербургском доме предварительного заключения: 1) Владимир Ульянов, 2) Глеб Кржижановский, 3) Василий Старков, 4) Анатолий Ванеев, 5) Стефан Быковский, 6) Александр Нагоров, 7) Александр Ергин, 8) Пантелеймон Лепешинский, 9) Александр Малченко, 10) Петр Запорожец, 11) Павел Романенко, 12) Марк Шат, 13) Вера Сибилева, 14) Елена Сибирская, 15) Елизавета Агринская, 16) Иван Яковлев, 17) Василий Антушевский, 18) Василий Шелгунов, 19) Николай Полетаев, 20) Борис Зиновьев, 21) Петр Карамышев, 22) Петр Акимов, 23) Никита Меркулов, 24) Николай Рядов, 25) Анна Катаурова, 26) Степан Гуляницкий и 27) Наталия Кейзер, рожденная Степанова.

Независимо от сего арестованы Василий Ванеев и Иван Кейзер по требованию начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления...

Сообщая об изложенном вашему превосходительству с препровождением описи всего обнаруженного по обыскам 9 сего декабря, имею честь присовокупить, что арестованные и все вещественные доказательства вместе с сим передаются в С.-Петербургское губернское жандармское управление для возбуждения дознания.

Принимая во внимание, что за последние месяцы кружок стал проявлять особо энергическую деятельность, приобретать материалы и инструменты для печатания и воспроизведения преступных изданий, а равно принял деятельное участие в происходивших в ноябре и декабре месяцах рабочих волнениях на Путиловском и Торнтоновском заводах,— признано было своевременным приступить к обыскам и арестам участников названного кружка. Обыски эти произведены в ночь на 9 сего декабря и вполне подтвердили имеющиеся указания на преступную деятельность заподозренных лиц.

Из числа лиц, у коих произведены обыски, подвергнуты аресту 29 и оставлены на свободе 17; в числе арестованных: 1 помощник присяжного поверенного, 3 инженера-технолога, 1 кандидат университета, 1 врач, 4 студента технологического института, 1 студент университета, 2 слушательницы Высших женских курсов, 5 человек разного звания и 11 рабочих.

«Вырваны из рук рабочих...»

Н. К. Крупская: Наутро (9 декабря 1895 года) я пошла к Ваневу за исправленным экземпляром (*рукописей газеты «Рабочее дело»*), но прислуга мне сказала, что он накануне съехал с квартиры. Раньше мы условились с Владимиром Ильичем, что я в случае сомнений буду наводить справки у его знакомого — моего сослуживца по Главному управлению железных дорог, где я тогда служила, — Чеботарева. Владимир Ильич там обедал и бывал каждый день. Чеботарева на службе не было. Я зашла к ним. Владимир Ильич на обед не приходил: ясно было, что он арестован. К вечеру выяснилось, что арестованы очень многие из нашей группы. Хранившийся у меня экземпляр «Рабочего дела» я отнесла на хранение к Нине Александровне Герд — моей подруге по гимназии, будущей жене Струве. Чтобы не всаждать еще больше арестованных, было решено пока «Рабочее дело» не печатать.

М. А. Сильвин: В первый же вечер, установив, кто арестован и что у них могло быть найдено... ближайшие товарищи... решили, что издание «Рабочего дела» придется отложить надолго, а в первую очередь заняться уси-

ленным выпуском листовок и как можно скорее создать расширенное собрание организации, чтобы подсчитать силы, заново распределить обязанности и наметить более детально программу действий.

Собрание состоялось 15 декабря на Аптекарском острове в квартире дьякона. И. А. Шестопалову удалось достать эту квартиру, очень удобную для многолюдного и весьма конспиративного собрания... Здесь были из старых С. И. и Л. Н. Радченко, Мартов, Крупская, З. П. Невзорова, Якубова, Ляховский, Сильвин, Пономарев и, наряду с ними, новые товарищи, которыми мы теперь решили немедленно пополнить центральный кружок... Председатель собрания формально не избирался... По выяснении того, кто арестован и кто уцелел, какими силами располагается организация, какие связи остались в рабочей среде, каковы наши денежные средства, нелегальный библиотечный фонд и техника, было прежде всего решено, единогласно и без прений, продолжать агитационную деятельность главным образом путем выпуска листовок-соответственно притоку информации с фабрик и заводов, тут же было прочитано и одобрено к выпуску воззвание ко всем петербургским рабочим, написанное еще до арестов, кажется, Кржижановским... Был выбран новый организационный центр... которому поручались сношения с другими организациями, изыскание денежных и технических средств, привлечение новых членов, редактирование листовок, распределение районов между пропагандистами и всякого рода общие вопросы организации.

Из листовки «От «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»»:

Верные своему долгу — оберегать интересы богачей, — власти горячо взялись за дело, чтобы на будущее время избавить господ Торнтонов от неприятных уступок ненавистным рабочим. Как же сделать, чтобы впредь не было таких стачек? По мнению жандармов, стачки и беспорядки вызываются не нищетой и страданиями тех, чьим трудом живет все общество, по их мнению, все это — дело «подстрекателей», беспокойных людей. Еще бы! Кто как не подстрекатели распространяют при каждой новой прижимке те воззвания, от одного вида которых у капиталистов дыбом встают волосы. И вот, чтобы разом вырвать с корнем зло, в ночь с 8 на 9 декабря по всем концам города жандармы произвели набеги: десятки подозреваемых людей брошены в тюрьму, фабрики наводнены

шпионами. «Порядок водворен, стачек более не будет, листки исчезнут» — так думают капиталисты, в то время как их полицейские друзья облизываются при мысли о предстоящей праздничной награде за дикое усердие. Сейчас же после арестов господ Торнтоны выбрасывают перед праздниками на улицу несколько десятков ткачей из числа стачечников, вымещая на них свою вынужденную уступчивость. Новый градоначальник (*Н. В. Клейгельс*) любезно предлагает им единственную помощь — даровой билет на родину, в голодающую деревню... Денежный кошель и полицейский мундир не знают жалости. Тем не менее стачки не прекращаются. Поговаривают о новых волнениях на фабрике «Лаферм», о стачке на лесопилке Лебедева и на Сампсониевской мануфактуре. А листки появляются по-прежнему, читаются и встречаются повсюду сочувствие, а «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма. **ТОВАРИЩИ, БУДЕМ ПО-ПРЕЖНЕМУ ДРУЖНО ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ИНТЕРЕСЫ.**

В. И. Ленин:

...Руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих...

...Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов»* среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу подействовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

И. В. Бабушкин:

Ареста ожидали, но не так скоро и не в таком широком размере. Конечно, это произвело очень сильное впечатление на меня, но не такое сильное, как если бы это случилось раньше; я уже привык к арестам и переносил их довольно спокойно. В школе на лицах учительниц можно было видеть почти слезы и страх, страх скорее за дело, чем за себя. Общее впечатление, конечно, было очень тяжелое; прекратилась работа в смысле доставки литературы и листов, местами на

---

* Так называли арестованных в декабре 1895 года.

целые районы приходилось смотреть как на прекратившие всякое существование в смысле революционной деятельности; нужно было вновь завоевать эти места, но сил не было, местами прекратились занятия в кружках, это же частью происходило и у нас. У нас было взято трое рабочих, особенно чувствовалось отсутствие Н. (В. А. Шелгунова). И все же наш край мог продолжать деятельность, не чувствуя особого ущерба в работниках по заводам и фабрикам; недостаток являлся со стороны интеллигенции, которая не могла так скоро оправиться, но все же через неделю уже начались правильные собрания и наладилась связь.

Н. К. Крупская: Когда я пришла в первый раз после ареста нашей публики в школу, Бабушкин отозвал меня в угол под лестницу и там передал мне написанный рабочими листок по поводу ареста. Листок носил чисто политический характер. Бабушкин просил передать листок в технику и доставить им для распространения. До тех пор у нас с ним никогда не было прямой речи о том, что я связана с организацией. Я передала листок нашим. Помню это собрание — было оно на квартире Степана Ивановича Радченко. Собрались все остатки группы. Прочитав листок, Ляховский воскликнул:

— Разве можно печатать этот листок, — он ведь написан на чисто политическую тему.

Однако так как листок был, несомненно, написан рабочими, по собственной инициативе, так как рабочие просили его непременно напечатать, решено было листок печатать. Так и сделали.

Из листовки «Что такое социалист и политический преступник?», написанной И. В. Бабушкиным:

Вы сами, товарищи, знаете, что нас грабит хозяин — фабрикант или заводчик, сторону которого держит правительство. Социалисты — это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов хозяев. Называют же их политическими или государственными преступниками потому, что они идут против целей нашего варварского правительства, которое защищает интересы фабрикантов и заводчиков и желает удержать бедняка рабочего в своих руках, чтобы спокойно отымать от него на роскошь и животные прихоти чиновников последние кровные гроши...

Силы наши велики, ничто не устоит перед нами, если мы будем идти рука об руку все вместе.

Ваш товарищ рабочий

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

...Первый период деятельности Владимира Ильича закончился дверями тюрьмы. Но за эти 2½ года был пройден большой этап как им лично, так и нашим социал-демократическим движением. Владимир Ильич за эти годы провел решающие бои с народниками, он выявил вполне определенно свою революционную марксистскую сущность, отмежевавшись от разных уклонов, он завязал связь с заграничной группой основоположников марксизма. Но что еще важнее, он начал практическую работу, он завязал связь с рабочими, он выступил в качестве вождя и организатора партии в те годы, когда считалась еще сомнительной возможность зарождения ее в условиях тогдашней России.

Глава шестая

Сквозь тюремные решетки

Следствие началось

Первый допрос

«У меня есть план...»

Жандармы собирают улики

В центре всего происходящего

Проект программы партии

«Союз борьбы» держит экзамен

Промышленная война

Листовка «Царскому правительству»

Близится финал

В административном порядке

Последние дни в Петербурге

Следствие началось

Из незаконченной автобиографии В. И. Ленина:

В декабре 1895 г. арестован второй раз⁶² за социал-демократическую пропаганду среди рабочих в Питере...

Г. М. Кржижановский:

...8 декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось петербургской «предварилкой» (Дом предварительного заключения).

Д. М. Герценштейн:

Главная часть здания, мужское отделение, непрерывной постройкою окаймляет большой квадратный двор, на который выходят окна всех 6 этажей камер. Ни на улицу, ни на соседние дворы камеры окон не имеют. Внутри здания коридор четырех нижних этажей отделен от верхних двух сплошным каменным потолком, тогда как вокруг камер других этажей тянутся железные узкие, не доходящие до противоположной стены галереи, сообщающиеся одна с другой довольно крутыми железными лестницами с высокими ступенями.

Это был мрачный, сырой, огромный склеп, где хоронили живых, и не только томиться там в неволе, но даже служить — мне, по крайней мере, — становилось очень тяжело.

П. Н. Лепешинский:

Перед Владимиром Ильичем... гостеприимно раскрылись двери камеры (№ 193) в Доме предварительного заключения, и он на долгие, долгие месяцы стал хозяином полутемной камеры, имеющей шесть аршин в длину и три в ширину. Окно на высоте свыше сажени, с двойными рамами и крепкою решеткою, выходит на тюремный двор, окруженный с четырех сторон высокими стенами... тюремного здания и имеющий вид огромного колодца. Владимир Ильич не видит дна этого колодца и может лишь наблюдать через глубокую амбразуру оконного отверстия кусочек серого петербургского неба.

Обстановка камеры простая... Кровать в форме привинченной к стене железной откидной рамы с ножками; на раме тюфячок; подушка (отнюдь не из пуха), казенное одеяло из серого сукна и грубое постельное белье, нестерпимо пахнущее поташом или какими-то специями, составляющими секрет казенного прачечного искусства. По другую сторону к стене привин-

«Это был мрач-
ный, сырой, ог-
ромный склеп, где
хоронили жи-
вых...»

чена железная доска, играющая роль столика (при-
близительно в 9 квадратных четвертей), и другая же-
лезная доска для сиденья за этим столом. Хотя и не
очень просторно, но писать все-таки можно. Еще бли-
же к двери — с той же стороны, где и столик, — на вы-
соте человеческого роста две маленькие полочки, одна
над другой. Там помещается посуда узника: жестяная
миска для супа, из того же материала тарелка для
каши, деревянная ложка, кружка. Ножей не пола-
гается (ибо нож может быть орудием самоубийства),
а вилку можно иметь свою, но только деревянную.

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Владимир Ильич был арестован измученным нерв-
ной сутолокой работы последнего времени и не
совсем здоровым. Известная «охранная» карточка
1895 года дает представление о его состоянии.

*Из предписания директора департамента полиции
Н. Н. Сабурова начальнику Петербургского губернского
жандармского управления В. И. Оноприенко о производстве дознания
по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:*

Появление... воззваний вслед за произведенными
на... заводах беспорядками подтверждало имевшиеся...
в с.-петербургском охранном отделении сведения об
организовавшемся в С.-Петербурге, преимущественно
среди учащейся молодежи, социал-демократическом
кружке, члены которого занимались революционной

пропагандой в рабочем классе, образованием среди рабочих кружков саморазвития и организацией рабочих для поддержки стачек и забастовок.

По агентурным сведениям охранного отделения, участниками этого кружка явились студенты С.-Петербургского технологического института Василий Старков и Петр Запорожец и рабочие Василий Андреев Шелгунов и Иван Иванов Яковлев... Участие в кружке в первое время его возникновения принимали также слесари Балтийского завода Матвей Фишер и Константин Фокин (он же Норинский), арестованный за участие в революционной пропаганде в июне 1894 года.

Постепенно разрастаясь, кружок этот к осени 1894 года кроме названных выше лиц считал в составе своих членов еще студентов Технологического института Германа Красина, Александра Малченко, Степана Радченко, помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова и рабочих Балтийского завода Константина Куприянова и С.-Петербургского арсенала Александра Павлова Ильина. Лица эти, по агентурным сведениям, составили из себя так называемую «Центральную группу» для руководства рабочим движением, собирали рабочих на сходки преимущественно в квартире Ивана Яковлева и, в видах приобретения средств на пропаганду, устроили между ними сбор для так называемой рабочей кассы и библиотеки, хранившейся у упомянутого выше Шелгунова. К концу 1894 года, благодаря деятельности центральной группы, было сформировано несколько отдельных рабочих кружков, программа которых заключалась в ознакомлении рабочих с социалистическим движением как путем устной пропаганды, так и раздачи им соответствующих брошюр и других изданий. К числу этих кружков принадлежали: 1) кружок в Гавани, собиравшийся в квартире Яковлева и находившийся под руководством Ульянова, 2) кружок Шелгунова за Невской заставой, руководимый Старковым, 3) Путиловский, в котором роль руководителя принадлежала Запорожцу, и 4) кружок на Выборгской стороне, где с рабочими занимались Малченко и Красин.

Независимо сего, некоторые из наиболее сочувствовавших делу пропаганды рабочих составили из себя особый «Центральный рабочий кружок»...

Установленным за... рабочими наблюдением удалось выяснить сношения их как с упомянутыми Старковым, Запорожцем, Ульяновым и другими, так и с новыми личностями, принявшими на себя впоследствии также руководство рабочим движением...

Из числа упомянутых лиц Ульянов в конце апреля текущего года выбыл за границу, по-видимому, с целью по поручению кружка завязать сношения с русскими эмигрантами и приискать способы для правильного водворения в империю революционной литературы...

Вскоре... возвратился из-за границы Владимир Ульянов, цель которого, изложенная выше, по-видимому, была достигнута. На это указывает появление вслед за возвращением Ульянова заграничных революционных изданий в значительном количестве как в рабочих кружках, так в особенности у Зиновьева и Карамышева; в числе этих изданий были, между прочим: «Кто чем живет», «Хитрая механика» и т. п. По агентурным сведениям, Ульянов успел войти за границу в сношения с известным эмигрантом Плехановым, который будто бы и обещал доставить в империю революционную литературу. С возвращением Ульянова деятельность кружка оживилась. Ульянов немедленно имел свидание с Анатолием Ваневым и Яковом Пономаревым...

Деятельность.. Ульянова и Анатолия Ванеева, по данным наблюдения, за последнее время представляется в следующем виде.

27 сентября Ванеев посетил дом № 20 по Клинскому проспекту, исключительно населенный рабочими.

30 сентября, выйдя из квартиры в штатском платье, с нахлобученной шапкою и спрятанной в воротник плаща нижнею частью лица, он отправился к Названову, куда прибыла слушательница Высших женских курсов Елена Сибирская. В это же время к дому, в котором проживает Названов, подошел и Ульянов, но, не заходя в дом, вскоре же удалился. Через четверть часа Ванеев вместе с Сибирской отправились на извозчике в дом № 48 по Горюховой улице; Сибирская осталась ожидать на извозчике, а Ванеев направился к студенту С.-Петербургского университета Виктору Серезникову. Спустя около получаса Ванеев вышел от последнего в сопровождении студента того же университета Николая Митрофанова-Шеманова, причем они вынесли и поставили на извозчика чехол из желтой кожи, который Сибирская и отвезла на свою квартиру... *

Что касается Владимира Ульянова, то последний по возвращении из-за границы, по данным наблюдения, постоянно находился в сношениях с Названовым,

---

* С. м. стр. 229 наст. издания.

Ванеевым, Сибирской, Сибилевой и Кржижановским. 30 сентября он посетил дом № 139 по Невскому проспекту, исключительно населенный рабочими, а 1 октября отправился в дом № 8/86 по 7 линии Васильевского острова, где проживают рабочие Степан Иванов, Владимир Ипатьев, Владимир Горев, Александр Шнявин, Николай Александров и Тиц Франгольц. В доме этом Ульянов пробыл три часа, после чего вышел оттуда вместе с Глебом Кржижановским, с которым и отправился затем к себе домой. Последний, как установлено наблюдением, находился в означенное время также в сношениях с Пономаревым, Названовым и сестрами Невзоровыми.

Данные наблюдения, а равно указания агентурного характера дают основания предполагать, что за последнее время петербургский кружок социал-демократов выработал по отношению к себе следующую организацию.

Руководители кружка составили из себя особую группу, присвоившую себе название «Центрального кружка»...

Рабочие, близко стоящие к руководителям, образуют так называемую «Центральную рабочую группу», к которой и принадлежат рабочие: Шелгунов — как представитель рабочего населения за Невской заставой, Карамышев (он же Петька) и Зиновьев (он же Борис) — представители Путиловского завода, Яковлев — от арсенала и Иван Кейзер — от рабочих посада Колпино.

«Центральный кружок»... разделяется на два отдела: 1) Центральный комитет, имеющий обязанность следить за рабочими кружками, вырабатывать и посылать в последние агитаторов-руководителей и издавать произведения подпольной литературы; в состав комитета входят от интеллигенции Ульянов, Старков и Кржижановский, а от рабочих несколько представителей, в том числе Яковлев и Шелгунов; комитет имел свою «агитационную кассу», составленную из пожертвований, сборов с вечеринок, лотерей и т. п.; 2) Литературная группа, состоящая из нескольких лиц, в том числе тех же Ульянова, Старкова и Кржижановского.

Что касается рабочей группы, то последняя делится на кружки, распределенные по особым районам столицы, имеющим каждый особого руководителя. Районы эти следующие: Невская застава (руководители Старков и Кржижановский), Васильевский остров (Ульянов и Названов), Выборгская сторона (Малченко) и Путиловский завод (Запорожец). Цель органи-

зации этих кружков кроме общей пропаганды вообще революционных идей среди рабочих — подготовка «боевой рабочей группы»; каждый кружок имеет свою кассу, предназначенную для помощи рабочим во время стачек, а также при арестах; касса эта составляется из ежемесячных взносов членов кружка.

Наконец, к рабочей группе принадлежит также особый «Рабочий комитет», назначение которого заключается в сборе сведений о положении рабочих на фабриках и сообщении таковых Литературной группе...

Ввиду такого усиления пропаганды и распространения революционных изданий департамент полиции признал своевременным приступить к немедленной ликвидации с.-петербургской социал-демократической группы, почему и предложил и.д.с.-петербургского градоначальника в ночь на 9 декабря сего года сделать распоряжение о производстве одновременных обысков...

Сообщая об изложенном, департамент полиции покорнейше просит ваше превосходительство приступить по изложенным данным к производству при вверенном вам управлении дознания в порядке статьи 1035 устава уголовного судопроизводства, присовокупляя, что о передаче в ваше распоряжение арестованных и всего обнаруженного по обыску вместе с сим предложено с.-петербургскому градоначальнику.

12 декабря 1895 года началось следствие по делу «Союза борьбы».

Первый допрос

Г. М. Кржижановский:

Переход от активной революционной деятельности к мучительному режиму абсолютно одиночного заключения с томительными мыслями о злоключениях близких лиц и с весьма невеселыми перспективами на ближайшее будущее, конечно, не мог быть легким.

И. Н. Чеботарев:

До приезда сестры его, Анны Ильиничны, Владимир Ильич писал несколько раз моей жене, прося некоторые вещи и книги. Жена отвозила ему книги и передачу. Кроме того, она добилась по его просьбе разрешения приехать к нему зубному врачу, у которого он не успел долечить перед арестом зубы.

П. Н. Лепешинский:

Владимир Ильич быстро ориентируется в условиях и обстановке своеобразной тюремной жизни. Он не унывает и даже готов юмористически реагировать на

постигшее его «несчастье». Его трезвый ум подсказывает ему самое простое отношение к случившемуся. Все, дескать, в порядке вещей. Царское правительство изловило своего политического противника и сделало своим пленником. В свою очередь, пленник, если только он не хлюпкий, расслабленный интеллигент, а серьезный политический деятель, должен как можно меньше расходовать свои силы на нервные реакции и никчемные протесты против «жестоких палачей» и «насильников» (если бы в социальной борьбе классовый враг поступал по христовским рецептам, то это был бы круглый идиот), должен стараться перехитрить своего победителя и извлечь максимум пользы для своего дела даже из условий своего тюремного бытия...

Проезд по улицам города в карете, хотя и с занавешенными окнами, хотя и под присмотром двух жандармов, все-таки ласкает исстрадавшуюся тоскою по воле души и приятно будоражит нервы. Мелькающие через щель, оставленную занавеской, каменные громады домов, попадающие на одно мгновение в поле зрения силуэты снующих взад и вперед людей, «обжиряющихся, черт их возьми, престестями свободы»... все это шевелит на дне сердца какие-то долго молчавшие струны и приятно тревожит душу, как призрак чего-то красочного, когда-то пережитого, но теперь столь далекого...

К сожалению, неотступная мысль о предстоящей беседе «по душам» с Кичиным или с кем там еще придется отравляет все удовольствие путешествия. И действительно, есть от чего прийти в состояние тревожного, беспокойного выжидания. О, они очень вежливы, эти враги. Они будут называть тебя по имени-отчеству... и заботливо справятся о здоровье, и обедом очень вкусным во время перерыва накормят, но все это означает, что ох, милый человек, держи ухо востро. Умный инквизитор стережет каждую твою фразу, каждый твой звук, по отношению к которым более всего применима пословица: слово не воробей, вылетит — не поймаешь... Сейчас начнется нешуточная борьба. Жандарм и прокурор начнут закидывать свою жертву перекрестным огнем вопросов, стараясь уловить момент, чтобы поразить ее неожиданностью преподнесения тех улик, которые им удалось так или иначе получить. С своей стороны я, жертва, должен врать так искусно, чтобы не быть застигнутым врасплох и парировать нападение проклятых скорпионов осторожными, не лишенными иногда юмора и веселого лукавства репликами.

Нужно заметить, что в те времена, о которых здесь идет речь, не существовало такого твердо установленного этического правила или традиций, в силу которых каждый уважающий себя политический пленник должен был бы реагировать на допросах гордым отказом давать какие бы то ни было показания... Что касается «декабристов» — участников процесса 1895 года, то тогда, по-видимому, никому из них и в голову не приходила мысль держаться тактики абсолютного молчания.

Из показаний А. А. Ванеева 19 декабря 1895 года:

Я не признаю себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было революционному или противоправительственному кружку или группе, и в частности к сообществу, именуемому социал-демократическим кружком или группой, о существовании которых мне известно лишь по слухам, но из каких членов они состоят, я не знаю. Сам я никакой революционной деятельностью, и в частности пропагандой среди рабочих, не занимался. Никогда никаких рабочих кружков не посещал...

С помощником присяжного поверенного Владимиром Ильичем Ульяновым я знаком, хотя очень мало, и познакомился с ним, насколько припоминаю, в прошлом году на технологическом балу. У Ульянова я был на квартире раза два, когда он проживал на Большом Казачьем переулке, он же у меня, кажется, не бывал. В последний раз я виделся с Ульяновым недели за две до моего ареста на улице. С Ульяновым в близких отношениях не находился.

Глеба Кржижановского я знаю как студента нашего института, бывал у него изредка, а он у меня был не более одного-двух раз. Никого из рабочих у меня знакомых нет... Революционных изданий среди рабочих я не распространял...

...Мне были принесены дня за два до обыска рукописи, мне ныне предъявляемые и означенные вами под №№ с 4 по 13. Перечень их изложен в заметке под № 13 и озаглавлен «Рабочее дело, 1895 год, № 1, январь». Содержание этих рукописей мне неизвестно, и, кто их писал, не знаю.

П. Н. Лепешинский:

...Лучше всех держал себя на допросах Владимир Ильич. И он, если хотите, не отказался от показаний, но его протоколы дознания тощи, как фараоновы коровы.

1895 года, декабря 21 дня, в г. С.-Петербурге, я, Отдельного Корпуса Жандармов Подполковник Клыков, на основании статьи 1035⁷ Устава Уголовного Судопроизводства (Судебных Уставов Императора Александра Второго, изд. 1883 г.), в присутствии Товарища Прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты А. Е. Кичина допрашивал обвиняемого, который показал:

Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался. По поводу отобранных у меня по обыску и предъявляемых мне вещественных доказательств объясняю, что воззвание к рабочим и описание одной стачки на одной фабрике находились у меня случайно, взятые для прочтения у лица, имени которого не помню.

Предъявленный мне счет составлен лицом, имени которого я назвать не желаю, по порученной им мне продаже книг, во-первых, Бельтова (О монизме в истории) и, во-вторых, «Сборника в пользу недостаточных студентов Университета Св. Владимира». Что же касается до упоминаемого в этом счете Ив. Никол. (должен два рубля), то это относится к моему знакомому Ивану Николаевичу Чеботареву, купившему у меня один том вышеозначенной книги Бельтова за два рубля. Почерк, коим писана рукопись под №№ 2 и 3 по протоколу осмотра, мне не известен, и рукопись, означенная под № 4, где описана ярославская стачка 1895 года, писана мною с рукописи, полученной мною, как выше было указано, и возвращенной обратно. На заданный мне вопрос о знакомстве с студентом Запорожцем отвечаю, что вообще о знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было. При поездке за границу я приобрел себе, между прочим, французские, немецкие и английские книги, из которых припоминаю: Schönlanck, B. «Zur Lage der arbeitenden Klasse in Bayern»; Stadthagen, A. «Das Arbeiterrecht...»; «Les paysans»* и другие. Когда я поехал

---

* Шенланк, Б. «О положении рабочего класса в Баварии»; Штадтгаген, А. «Законодательство о труде...»; «Крестьяне».

за границу, я имел при себе чемодан, которого теперь у меня нет, и где я его оставил, не помню. Уезжая за границу, я переехал границу, кажется, 1 мая, а возвратился в первой половине сентября. По возвращении из-за границы я прямо проехал к матери в Москву: Пречистенка, Мансуровский переулок, дом Лоськова (ее тогдашний адрес), а оттуда в 20-х числах сентября приехал в С.-Петербург и поселился в Таировом переулке, дом № 44/6, кв. № 30. Вещи на квартиру я перевез с вокзала. В день ли приезда я нашел эту квартиру или спустя несколько дней, я не помню. Мне кажется, что 17 числа я не был еще в С.-Петербурге, но положительного ответа о числах, сверх вышеизложенного, дать не могу...

*Из протокола допроса Г. М. Кржижановского
22 декабря 1895 года:*

Я не признаю себя виновным в принадлежности к социал-демократическому кружку или к какому-нибудь иному противоправительственному сообществу. Лично я противоправительственной пропагандой среди рабочих никогда не занимался...

Помощника присяжного поверенного Ульянова я знаю, познакомился в прошлом году; где и при каких обстоятельствах, теперь не помню. Мы изредка посещали друг друга... Старкова знаю по Технологическому институту (кончили вместе). Отобранные у меня книги Маркса, Энгельса и Каутского принадлежат мне. Рукопись-конспект «Эрфуртской программы» и тетрадь с записками Шелгунова, Лаврова, Щедрина, Туна, Локка, Чернышевского, Спенсера написана мною; тетрадь со статьей «Фр. Энгельс» не моя, получил не помню от кого; все это я читал, интересуясь научными вопросами.

А. И. Ульянова-Елизарова:

После первого допроса он (*Владимир Ильич*) послал к нам в Москву Надежду Константиновну Крупскую с поручением. В зашифрованном письме он просил ее срочно предупредить нас, что на вопрос, где чемодан, привезенный им из-за границы, он сказал, что оставил его у нас, в Москве.

«Пусть купят похожий, покажут на мой... Скорее, а то арестуют». Так звучало его сообщение, которое я хорошо запомнила, так как пришлось с различными предосторожностями покупать и привозить домой чемодан, относительно внешнего вида которого Надежда Константиновна сказала нечто очень неопределенное и который оказался, конечно, совсем непо-

хожим на привезенный из-за границы, с двойным дном. Чтобы чемодан не выглядел прямо с иголки, новеньким, я взяла его с собой в Петербург, когда поехала с целью навестить брата и узнать о его деле.

В первое время в Петербурге во всех переговорах с товарищами, в обмене шифром с братом и в личных беседах с ним на свиданиях чемодан этот играл такую большую роль, что я отворачивалась на улицах от окон магазинов, где был выставлен этот настолько осатаневший мне предмет: видеть его не могла спокойно. Но хотя на него и намекали на первом допросе, концов с ним найдено не было, и обвинение это, как часто бывало, потонуло в других, относительно которых нашлись более неопровержимые улики.

«У меня есть план...»

Н. К. Крупская: (Владимир Ильич) попал в 1895 году в тюрьму и через три недели уже организует пользование библиотечными книгами. Он пользуется не только книгами тюремной библиотеки, он заботится о том, чтобы, сидя в тюрьме, пользоваться библиотеками с воли.

Из письма В. И. Ленина

А. К. Чеботаревой 2 января 1896 года:

У меня есть план, который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее. Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал, предполагая издать свою работу отдельной книгой, если она превзойдет размеры журнальной статьи. Бросить эту работу очень бы не хотелось, а теперь, по-видимому, предстоит альтернатива: либо написать ее здесь, либо отказаться вовсе.

Я хорошо понимаю, что план написать ее здесь встречает много серьезных препятствий. Может быть, однако, следует попробовать?

Препятствия, так сказать, «независящие», как жется, отстраняются. Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справился об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет. Далее, книги разрешается возвращать обратно,— сле-

довательно, можно пользоваться библиотеками. С этой стороны, значит, дела обстоят хорошо.

Гораздо серьезнее другие препятствия — по добыче книг. Книг нужно много, — я ниже прилагаю список тех, которые намечаются у меня уже сейчас⁶³, — так что доставанье их потребует порядочных хлопот. Не знаю даже, удастся ли достать все. Можно, наверное, рассчитывать на библиотеку Вольно-экономического общества*, выдающую книги под залог на дом на срок 2 месяца, но она очень неполна. Вот если бы воспользоваться (через какого-нибудь писателя или профессора⁶⁴) библиотекой университетской и ученого комитета Министерства финансов, — тогда бы вопрос о добыче книг можно считать разрешенным. Некоторые книги придется, конечно, купить, и я думаю, что смогу ассигновать на это некоторую сумму.

Последнее, и самое трудное — доставка книг. Это уж не то, что принести пару-другую книжек: необходимо периодически, в течение продолжительного времени, собирать их из библиотек, приносить** и относить. Это уж я даже не знаю, как бы можно устроить. Разве вот как: подыскать какого-нибудь швейцара, или дворника, или посыльного, или мальчика, которому я мог бы платить, и он ходил бы за книгами. Обмен книг — и по условиям работы, и по условиям выдачи из библиотек — потребует, конечно, правильности и аккуратности, так что все это необходимо наладить.

«Скоро сказка сказывается...». Я очень чувствую, что затея эта не так-то легко осуществима и что «план» мой может оказаться химерой. Может быть, Вы сочтете бесполезным передать это письмо кому-нибудь, посоветоваться, — а я буду ждать ответа.

Список книг разделен на 2 части, на которые делится и мое сочинение: А. — Общая теоретическая часть. Она требует меньше книг, так что ее я во всяком случае надеюсь написать, — но больше подготовительной работы. В. — Применение теоретических положений к данным русским. Эта часть требует очень многих книг. Главное затруднение представляют: 1) земские издания. Впрочем, часть их у меня есть, часть можно будет выписать (мелкие монографии), часть достать через знакомых статистиков; 2) правительственные издания — труды комиссий, отчеты и прото-

---

* У меня уже оттуда взяты книги и оставлено 16 руб. залога.

** Я думаю, что вполне бы достаточно было одного раза в 2 недели, а может быть, даже в месяц, — если бы доставать побольше книг сразу.

колы съездов и т. д. Это — важная вещь; доставать их труднее. Некоторые есть в библиотеке ВЭО, кажется, даже большинство.

Список я прилагаю длинный, потому что намечаю его на широкие рамки работы*. Окажется, что нельзя достать таких-то книг или таких-то отделов книг,— тогда можно будет сообразно с этим сузить несколько тему. Это, особенно по отношению ко второй части, вполне возможно.

Из моего списка я опускаю книги, имеющиеся в дешней библиотеке, а те, которые есть у меня, отмечаю крестиком.

Цитируя на память, я, кажется, перепутываю кое-что в заглавиях и ставлю в этом случае?

М. А. Сильвин:

Одно из курьезных его писем было из Дома предварительного заключения... вскоре после ареста. Он просил прислать ему книги и прилагал к письму целый список их. Мы много смеялись, потому что среди действительных авторов были совершенно мифические имена, не бывшие никогда известными в литературе, но хорошо нам известные, потому что это были имена и прозвища, которые мы давали друг другу отчасти в шутку, отчасти по соображениям конспирации. Владимир Ильич, очевидно, хотел знать, кто из нас арестован, кто на свободе.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Вторым (*после Н. К. Крупской*) приехавшим к нам в Москву после ареста брата был Михаил Александрович Сильвин, уцелевший член его кружка; он рассказал о письме, полученном от Владимира Ильича из тюрьмы на имя той знакомой, у которой он столовался. В этом первом большом письме из тюрьмы Владимир Ильич развивал план той работы, которой хотел заняться там,— подготовлением материала для намечаемой им книги «Развитие капитализма в России». Серьезный тон длинного письма с приложенным к нему длиннейшим списком научных книг, статистических сборников искусно замаскировал тайные его цели, и письмо дошло беспрепятственно, без всяких помарок. А между тем Владимир Ильич в письме этом ни больше ни меньше как запросил товарищей о том, кто арестован с ним; запросил без всякого предварительного уговора, но так, что товарищи поняли и ответили ему тотчас же, а бдительные аргусы ничего не заподозрили.

---

* Конечно, если удастся сохранить эти рамки,— список еще много удлинится при самом ходе работы.

— В первом же письме Владимир Ильич запросил нас об арестованных,— сказал мне с восхищением Сильвин,— и мы ответили ему.

К сожалению, уцелела только первая часть письма, приложенного к ней списка книг нет: очевидно, он застрял и затерялся в процессе розыска их. Бóльшая часть перечисленных книг была действительно нужна Владимиру Ильичу для его работы, так что письмо метило в двух зайцев и, в противовес известной посылке, попало в обоих. Я могу только восстановить по памяти некоторые из тех заглавий, которыми Владимир Ильич, искусно вплетая их в свой список, запросил об участии товарищей. Эти заглавия сопровождался вопросительным знаком, которым автор обозначал якобы неточность цитируемого на память названия книги и который в действительности отмечал, что в данном случае он не книгу просит, а запрашивает. Запрашивал он, пользуясь кличками товарищей. Некоторые из них очень подходили к характеру нужных ему книг, и запрос не мог обратиться внимания. Так, о Василии Васильевиче Старкове он запросил: «В. В. Судьбы капитализма в России». Старков звался «Вева». О нижегородцах — Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский, запрос должен уже был остановить более внимательного контролера писем заключенных, так как книга не относилась к теме предполагавшейся работы — это был Костомаров «Герои смутного времени». Но все же это была научная, историческая книга, и, понятно, требовать, чтобы просматривающие кипы писем досмотрели такое несоответствие, значило бы требовать от них слишком большой дозы пронизательности. Однако же не все клички укладывались так сравнительно удобно в рамки заглавий научных книг, и одной из следующих, перемеженных, конечно, рядом действительно нужных для работы книг была книга Брема «О мелких грызунах». Здесь вопросительный знак запрашивал с несомненностью для товарищей об участии Кржижановского, носившего кличку Суслик. Точно так же по-английски написанное заглавие: Maune Rid «The Мупога» — обозначало Надежду Константиновну Крупскую, окрещенную псевдонимом Рыба или Минога. Эти наименования могли как будто остановить внимание цензоров, но серьезный тон письма, уйма перечисленных книг, а кроме того, предусмотрительная фраза, стоящая где-то во втором (потерянном) листке: «Разнообразие книг должно служить коррективом к однообразию обстановки», усыпили их бдительность.

«Получение книг из библиотек и доставку их в тюрьму Владимиру Ильичу взяла на себя Анна Ильинична»

К сожалению, в памяти моей сохранились лишь эти несколько заглавий, по поводу которых мы когда-то немало хохотали. Еще я вспоминаю только «Goutchoul» или «Goutchioule», намеренно сложным французским правописанием написанная фамилия фантастического автора какой-то исторической книги (название ее уже не помню). Это должно было обозначить Гуцул, то есть Запорожец. Помню еще, что по поводу «Героев смутного времени» Сильвин рассказывал, что они ответили: «В библиотеке имеется лишь I том сочинения», то есть арестован лишь Ванеев, а не Сильвин.

Н. К. Крупская: Получение книг из библиотек и доставку их в тюрьму Владимиру Ильичу взяла на себя Анна Ильинична.

А. И. Ульянова-Елизарова: Я приехала в Петербург в первой половине января 1896 года, пробыла приблизительно с месяц, получила несколько свиданий с братом, доставила ему большое количество книг (тогда выдавалось без ограничений), выполнила, кроме того, некоторую дозу поручений, которых у Ильича и вообще всегда бывало много, а в тюрьме, понятно, тем больше, подыскала ему «невесту» на время моего отсутствия и уехала. Относительно «невесты» для свиданий и передач помню, что на роль таковой предлагала себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной не-

весты ничего не имеет, но что Надежде Константиновне и другим знакомым показывать себя не следует».

...То была полоса довольно благоприятных условий свидания. Свидания разрешались обычно через месяц после ареста и по два раза в неделю: одно личное, другое общее, за решеткой. Первое в присутствии надзирателя продолжалось полчаса; второе — целый час. При этом надзиратели ходили взад и вперед — один сзади клетки с железной решеткой, в которую вводились заключенные, другой — за спинами посетителей. Ввиду большого галдежа, который стоял в эти дни, и общего утомления, который он должен был вызывать в надзирателях, а также низкого умственного развития их можно было при некоторых ухищрениях говорить на этих свиданиях почти обо всем. Передачи пищи принимались три раза в неделю, книги — два раза. При этом книги просматривались не жандармами, а чиновниками прокурора суда... и просмотр этот, при массе приносимых книг, был, вероятно, в большинстве случаев простой формальностью.

...Книги можно было принести в любой день, даже довольно поздно — часов в 5 дня — в канцелярию, помещавшуюся в верхнем этаже здания суда на Литейном, и попросту вписать их в лежащую там большую книгу на имя такого-то заключенного, так что можно было приносить любому товарищу, не боясь обнаружить свое с ним знакомство. Помню, что мне подбрасывали еще книг для кого-нибудь, которому никто не носил регулярно, и я вписывала их от вымышленного имени, пока чиновник предоставлял мне вписывать кучу принесенных для брата. Особенно удобно было прийти попозже, когда чиновники разойдутся и, кроме сторожа у двери — да и то не особо усердного, — никого уже нет. Я приносила книги два раза в неделю — по средам и субботам. В каждой пачке книг была одна с шифрованным письмом — точками или штрихами карандашом в буквах. Таким образом мы переписывались во все время заключения брата. Получив кипу книг, он прежде всего искал ту из них, где по условленному значку было письмо. Доставка книг от прокурора происходила без всякой задержки, — на другой же день они обычно передавались заключенным. Помню несколько случаев, когда я, торопясь передать какие-нибудь сведения или запросить о чем-нибудь Ильича, приносила ему книги в среду к вечеру и получала от него шифрованный ответ в сдаваемой мне книге на следующий день, в четверг, от тюремных надзирателей.

Обмен, таким образом, происходил идеально быстро. А в тот же четверг на свидании за решеткой брат уточнял мне кое-что в письме...

Говоря о впечатлениях прочитанной им книги (с шифрованным письмом), Ильич беседовал об этом письме.

...Кроме книг, необходимых для его работы, ему переправлялись все вновь выходящие, в том числе все ежемесячные, журналы; разрешались и еженедельники, из которых можно было черпать сведения о политических событиях; выписывала я для него какой-то немецкий еженедельник, кажется «Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik»...⁶⁵

Из писем В. И. Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой.

*12 января
1896 года:*

Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеба я ем очень мало, стараясь соблюдать некоторую диету, — а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю, и он достигнет, вероятно, не меньшей крепости, чем воскресный пирог достигал в Обломовке.

Все необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого*. Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день, как закажу. Сплю я часов по девять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги...

Если случится быть еще как-нибудь здесь, — принеси мне, пожалуйста, карандаш с графитом, вставляемым в жестяную ручку. Обыкновенные карандаши, обделанные в дерево, здесь неудобны: ножа не полагается. Надо просить надзирателя починить, а они исполняют такие поручения не очень охотно и не без проволок.

14 января:

Получил вчера твое письмо от 12-го и посылаю вторую доверенность тебе⁶⁶. Собственно, не знаю, не лишнее ли это: вчера я получил некоторые свои вещи, и это заставило меня подумать, что получена первая моя доверенность. На всякий случай посылаю, по тво-

---

* Например, кто-то принес сюртук, жилет и платок. Все это, как лишнее, прямо «проследовало» в цейхгауз.

ему письму и письму Александры Кирилловны.— Теперь у меня и белья и всего *вполне достаточно*: белья больше не присылай, потому что держать негде. Впрочем, можно будет сдать в цейхгауз, чтобы покончить с этим раз навсегда.

Очень благодарю Ал. К. за хлопоты о дантисте: мне, право, совестно, что я причинил столько беспокойства. Пропуска особого дантисту не требуется, потому что есть уже разрешение прокурора, по получении которого я только и написал дантисту. В какой день приехать и в какое время — все равно. Не могу, разумеется, поручиться, что не буду в отлучке — например, по случаю допроса, — но думаю, что чем раньше он приедет, тем больше шансов избежать этой маловероятной помехи. Я не пишу г-ну Добковичу (дантист, ассистент Важинского): он живет рядом с моей бывшей квартирой (Гороховая, 59), и, может быть, ты зайдешь к нему объяснить дело.

Относительно своих книг я послал уже список тех, которые желал бы получить⁶⁷. За присланные вчера книги Головина и Шиппеля⁶⁸ очень благодарен. Из своих книг должен только добавить *словари*. Сейчас перевожу с немецкого, так что словарь Павловского просил бы передать.

Мне было прислано белье, видимо, чужое: его должно вернуть обратно; для этого нужно спросить, когда будешь здесь, чтобы принесли от меня белье и лишние вещи, — и я передам их.

Я вполне здоров.

16 января:

Вчера получил твое письмо от 14 и спешу ответить, хотя мало надежды, чтобы ты получила ответ до четверга⁶⁹.

О том, что следовало бы отослать обратно чужое белье, я уже писал. Теперь собрал его, и надо, чтобы ты *спросила* его, когда будешь здесь, или попросила того, кто будет, спросить от твоего имени. Возвращаю не все, потому что часть в стирке (может быть, ты попросишь кого-нибудь получить как-нибудь впоследствии остальное), а затем позволяю себе оставить пока плед, который оказывает мне здесь очень большие услуги.

Затем относительно книг наводил справки: небольшой ящик можно будет поставить здесь в цейхгауз*. Все мои книги, конечно, не стоит свозить сюда.

---

* туда же можно платья немного: пальто да пару верхнего, шляпу. Принесенные мне жилет, сюртук и платок взять обратно.

В том списке, который ты мне прислала, есть некоторые книги не мои: например, «Фабричная промышленность», «Кобеляцкий» — это Александры Кирилловны, и еще, кажется, я брал у нее какую-то книгу. Затем сборники саратовского земства и земско-статистические сборники по Воронежской губернии даны, кажется, на время каким-то статистиком. Может быть, ты узнаешь, можно ли их пока оставить. Сюда везти их сейчас не стоит. — «Погожев» и «Сборник обязательных постановлений по СПб.» тоже, кажется, не мои (не библиотечные ли?). — Своды законов и юридические учебники, понятно, не нужны вовсе. Сейчас просил бы доставить из книг только *Рикардо*, *Бельтова*, *Н.—она*, *Ингрэма*, *Foville'я*⁷⁰. Земские сборники (тверские, нижегородские, саратовские) связать в одну кипу* по счету, переписывать не стоит: думаю, что эту связку тоже можно поставить в цейхгауз. Тогда бы можно сразу покончить с моими книгами и не хлопотать больше. Из цейхгауза (после просмотра) можно будет получать книги.

Я очень боюсь, что причиняю тебе слишком много хлопот. Пожалуйста, не трудись чересчур — особенно относительно доставки книг по списку: это все успеется, а сейчас у меня книг довольно...

Из белья попросил бы добавить наволочки и полотенца.

Перечитываю с интересом Шелгунова и занимаюсь Туган-Барановским: у него солидное исследование, но схемы, напр., в конце настолько смутные, что, признаться, не понимаю⁷¹; надо будет достать II том «Капитала».

Из письма М. Т. Елизарова
И. Х. Лалаянцу 6 февраля 1896 года:

Жена (*А. И. Ульянова-Елизарова*) живет уже почти месяц в Петербурге. Пишет, что больной** выглядит очень бодро, но что надеяться на скорый выход из больницы нельзя.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Владимир Ильич, налаживаясь на долгое сидение, ожидая далекой ссылки после него, решил использовать за это время и питерские библиотеки, чтобы собрать материал для намеченной им работы — «Разви-

---

* вместе с «Военно-статистическим сборником» и «Сводным».

** В целях конспирации Владимир Ильич назван в письме «больным», а тюрьма — «больницей».

тие капитализма в России». Он посылал в письмах длинные перечни научных книг, статистических сборников, которые доставались ему из Академии наук, университетской и других библиотек... Мне приходилось таскать ему целые кипы книг, которыми был завален один угол его камеры. Позднее и с этой стороны условия стали более суровы: число книг, выдаваемых заключенному в камеру, было строго и скупо определено. Тогда же Ильич мог не спеша делать выписки из статистических сборников и, кроме того, иметь и другие — научные, беллетристические — книги на русском и иностранном языках.

Г. М. Кржижановский:

...Когда в... коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что пожирателем этих книг мог быть только один Владимир Ильич.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Таким образом, отрыва от жизни — одной из самых тяжелых сторон одиночного заключения — не было. Была довольно богата и библиотека «предварилки», составившаяся из разных пожертвований, так что многие товарищи, особенно из рабочих, серьезно пополняли в ней свое образование.

П. Н. Лепешинский:

Все политические, попадавшие в «предварилку», не упускали случая использовать свой вынужденный досуг в интересах своего интеллектуального развития. В «предварилке» имелась недурная библиотека в несколько десятков тысяч томов. В ней, например, можно было найти старые народнические журналы — «Современник», «Отечественные записки» и т. д., книжки по политической экономии, по естествознанию и прочее и прочее; словом, в целях самообразования не только рабочий с очень скромным умственным багажом, но и гордый своей «сознательностью» студент кое-что подходящее мог всегда отыскать там для себя. Принимая же во внимание, что заключенные имели право получать с воли книжки (конечно, проходящие через прокурорскую или жандармскую цензуру), легко себе представить, какую энергию мог бы развить каждый политический узник по части насыщения своих мозгов книжной премудростью. Но в огромном большинстве случаев заключенные не спасли этой работой своей психики от разлагающего влияния тюремной обстановки, очень часто впадали в состояние умственной и нравственной протрации, в особенности после той или иной полосы напряженного чтения запоем, хандрили, нервничали, вздорили с надзирателями и не

находили в себе достаточной силы сопротивляемости против своей, столь обычной для всякого политического пленника, склонности к проявлениям тюремного бунтарства.

Что же касается Владимира Ильича, то его и в тюрьме никогда не покидала жизнерадостность. Окруженный в своей клетке грудой нужных ему источников, главным образом земско-статистических сборников, он с упоением отдавался процессу научно-литературного творчества, подготавливая к печати свой большой труд «Развитие капитализма в России». Быстро бегаёт перо по бумаге. Из-под пера выползают на свет божий ряды бисерных букв — это мысль Ильича, крепкая, могучая и в то же время подвижная, как ртуть, яркая, самосветящаяся, многогранная, «играющая», стремительно прокладывает себе дорогу к тысячам и десяткам тысяч других, неизмеримо более скромных познавательных аппаратов, заимствующих свой свет от центральных солнц в царстве науки. На сосредоточенном лице Ильича все время вспыхивают светлые блики, отображающие внутренний огонь его творческих эмоций.

...Прежде всего, напрашивается мысль о таком алчном чувстве творчества, которое знакомо далеко не всякому и которое составляет подлинную стихию его жизни. Он живет по-настоящему только тогда, когда его мысль творит, когда он весь, целиком, без остатка, отдается творческой работе. Сидит он, например, в четырех стенах тюремной камеры, обложенный статистическими сборниками, и с увлечением набрасывает на широкое полотно свою огромную картину «развития капитализма в России». Каждая статистическая иллюстрация, каждая таблица блестяще подтверждает все его теоретические прогнозы. И глаза его излучают радость. И под белокурыми усами шевелится улыбка. Пленник царской опричнины, лишенный свежего воздуха, солнечного света, общества друзей, всех обычных аксессуаров культурной жизни, он тем не менее счастливейший из смертных, ибо он весь во власти творческих инстинктов.

Жандармы собирают улики

Из протокола допроса

В. М. Волюнкина 23 декабря 1895 года:

...При второй моей встрече с Меркуловым он дал мне адрес Василия Шелгунова, жившего по Александ-

ровской улице, дом № 23, кв. 5, и велел прийти к нему, потому что будет у него собрание. Я отправился к Шелгунову, застал у него рабочих Меркулова и Ивана Васильева с Обуховского завода и неизвестную мне до тех пор личность из интеллигентных... Этого последнего я теперь вполне признаю в показываемой мне вами фотографической карточке помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, имя, отчество, фамилию и звание которого я здесь слышу впервые. Я помню, что его называли рабочие, а именно Шелгунов, Василием, Владимиром, а как по отчеству, теперь позабыл. При моем появлении Ульянов прямо обратился ко мне и стал расспрашивать, подобно тому как это делал... Кржижановский, о расценке и т. п.

Я только один раз был у Шелгунова, а Ульянова раньше видел в квартире Кржижановского; он отворял мне дверь в первое мое посещение его... При встрече Ульянова в квартире Шелгунова я его спросил, приехал ли Григорий Иванович (Кржижановский) с дачи; Ульянов ответил, что не знает последнего, а когда ему напомнил о своей встрече на квартире Григория Ивановича, то Ульянов сказал, что передаст ему о моем желании с ним видиться и он придет на квартиру Меркулова.

Из протокола допроса П. И. Акимова 3 января 1896 года:

Из числа предъявляемых вами мне фотографических карточек разных лиц я узнаю тех из них, которых вы называете Владимиром Ульяновым, Глебом Кржижановским, Иваном Яковлевым и Василием Старковым. Всех этих лиц я видел на... сходке у Зиновьева и Карамышева... Сходка эта происходила... в общей квартире Зиновьева и Карамышева, на Огородном переулке, дом № 6, и, кажется, это было 3 сентября... Там было человек шесть-семь кроме самих Карамышева и Зиновьева...

Относительно лиц, которых вы мне по карточкам называете Ульяновым, Кржижановским, то я положительно утверждаю, что обоих их я видел на упомянутой сходке, так как Ульянова помню, что он рыжий и лысый, а Кржижановского вы мне показывали, кроме того, здесь, в управлении.

У Зиновьева и Карамышева я был в сентябре еще два раза кроме описанного случая... Чтобы сказать точно, когда я именно видел Ульянова на сходке в квартире Зиновьева и Карамышева, нужно справиться в лавке общества потребителей по Петергофскому

шоссе, когда мною были куплены в сентябре штаны за 2 рубля 50 копеек, так как я помню, что именно, купив штаны, идя из лавочки, я зашел к Зиновьеву и там застал сборище и в числе лиц, там находившихся, был и Ульянов. Тогда выяснится, когда я его видел, на сборище ли третьего сентября или в этот второй раз.

Из полицейского «Доклада»:

24 сентября он (П. И. Акимов) принес (данную ему Карамышевым книгу)... обратно и снова застал у Зиновьева и Карамышева сходку, на которой он видел Кржижановского и Владимира Ульянова, а также, сколько помнит, Яковлева и Старкова. Зиновьев сказал Акимову, что присутствующие, которые его не знают, стесняются, а потому он, отдав книгу, ушел.

*Из протокола допроса П. М. Михайлова
13 января 1896 года:*

В течение зимы 1895 года я посетил раз пять или шесть рабочего Никиту Меркулова, жившего по Шлисельбургскому проспекту в доме Чугунова, и там мне приходилось встречать сходки, на которых присутствовали: интеллигентный, которого я теперь признаю в карточке Владимира Ульянова, и рабочие Семяникова завода Влас и фабрики Максвеля Илья, фамилий которых я не знаю; бывали там и другие рабочие, но я их совсем не знаю.

Ульянова, которого я фамилию здесь слышу в первый раз, я застал за чтением вслух брошюры «Ткачи», и мне Меркулов сообщил, что он руководит занятиями их кружка. Ульянова я раза два заставал в квартире Меркулова и нигде более его не встречал.

Из протокола допроса Б. И. Зиновьева 20 января 1896 года:

Как я уже говорил, моя деятельность выражалась большей частью в личной пропаганде среди рабочих, без всякой организации, но мной же был устроен кружок на квартире Петра Карамышева... В конце июня (1895 года) я познакомился с Акимовым, которого посещал вместе с Карамышевым.

Еще ранее я познакомился с Старковым, с Кржижановским, Запорожцем и Ульяновым, которые и посещали меня в квартире в Огородном переулке, дом № 6, кв. 2.

А. И. Ульянова-Елизарова: ...Доказано было сообщество и сношение с целым рядом арестованных одновременно с ним (*Владимиром Ильичем*) лиц... была доказана связь с рабочими в кружках, с которыми — за Невской заставой — Владимир Ильич занимался. Одним словом, доказательств для того, чтобы начать жандармское расследование, было вполне достаточно.

*Из письма А. И. Ульяновой-Елизаровой
М. Т. Елизарову 15 марта 1896 года:*

Путешествую еще усиленно к Волькенштейну; он делает некоторые попытки, но все они, боюсь, не приведут ни к чему. С Володей поболтали нынче целый час; он бодр по-прежнему.

19 марта 1896 года мать Владимира Ильича обратилась в департамент полиции с просьбой освободить его на поруки.

*Из донесения начальника жандармского управления
В. И. Оноприенко в департамент полиции:*

Вследствие отношения от 28 сего марта... с возвращением прошения вдовы действительного статского советника Марии Ульяновой имею честь уведомить департамент полиции, что ввиду упорного запираательства Ульянова я полагал бы прошение Марии Ульяновой оставить без последствий.

*Из письма председателя совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты В. О. Люстиха на имя вице-директора департамента полиции
С. Э. Зволянского 27 мая 1896 года:*

Позвольте обратиться к вашему доброму содействию по следующему поводу: помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов довольно давно уже арестован по обвинению в государственном преступлении; мать и сестра его удостоверяют, что за это время здоровье его сильно расстроилось, и просят освободить его до решения дела на поручительство; присяжный поверенный Волькенштейн, при котором г. Ульянов состоит помощником, также об этом просит и готов принять сам поручительство. Зная вас как человека, всегда готового оказать посильную помощь страдающим, если обстоятельства это позволяют, я и решил просить вас не отказать в содействии и Ульянову к освобождению его с поручительством матери или г. Волькенштейна.

*Из письма вице-директора департамента полиции
В. О. Люстиху 12 июня 1896 года:*

Вследствие письма от 27 минувшего мая имею честь уведомить, что вопрос об освобождении из-под стражи привлеченного к дознанию по делу политического характера помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова уже неодновременно был возбуждаем его матерью, тем не менее ни жандармское управление, ни прокурорский надзор не признали возможным, по обстоятельствам дела, сделать что-либо в этом отношении. В настоящее время дознание об Ульянове производством уже закончено и находится в рассмотрении министерства юстиции.

Из протокола допроса В. И. Ульянова 30 марта 1896 года:

В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей: 1) листок, на котором написано «Рабочее Дело» и по рубрикам указаны разные статьи; 2) рукопись о стачке ткачей в Иваново-Вознесенске; 3) стачка в мастерской механического изготовления обуви,—отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева,—объясняю, что они писаны моей рукой, а также предъявляемая мне рукопись «Фридрих Энгельс» (из венской газеты «Neue Revue») писана мной, составляя перевод, сделанный мной во время пребывания за границей и приготовленный для напечатания в одном из русских изданий; фактических объяснений о рукописях под рубриками 1), 2) и 3) я представить не могу.

Из протокола допроса В. И. Ульянова 7 мая 1896 года:

К показанию своему от 30 марта сего года я довить ничего не могу. Относительно же свертка, в котором, по словам лица, производящего допрос, оказались предъявленные мне на предыдущем допросе мои рукописи, я ничего сказать не могу. По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания — объясняю, что не могут дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица. Относительно своей заграничной поездки объясняю, что я предпринял ее, поправившись только что от болезни, воспаления легких, которою был болен весной 1895 г. в С.-Петербурге, причем я воспользовался при этом

возможностью заняться по предметам своей специальности в Париже и Берлине — главным образом в Берлинской королевской библиотеке. Ни в какие сношения с эмигрантами я не вступал.

Из протокола допроса 27 мая 1896 года:

По поводу предъявляемого мне письма за подписью А. Полова, адресованного на Казанскую улицу (д. 61, кв. 11 или в скобках: д. 11, кв. 61), объясняю, что ни почерк письма, ни фамилия писавшего мне совершенно неизвестны, и письмо это, адресованное на адрес квартиры, в которой я никогда не жил, писано, очевидно, не ко мне. Предъявленная мне телеграмма из Regensburg'a от 25 апреля 1896 г., адресованная W. Ulianoff 3 St. = Petersburg, такого содержания: * послана, очевидно, не ко мне, а к какому-нибудь торговцу, судя по ее содержанию. Так как по поводу предъявленного мне на предыдущем допросе указания, что есть сведения о моих сношениях за границей с эмигрантом Плехановым, мне не сообщено, каковы эти сведения и какого рода могли быть эти сношения, то я считаю нужным объяснить, что эмигрант Плеханов проживает, как я слышал, вблизи Женевы, а я ни в Женеве, ни вблизи ее не был и, следовательно, не мог иметь с ним сношений.

К. М. Тахтарев:

Само собой разумеется, что и находясь в руках жандармов в департаменте полиции, Владимир Ильич проявил свой замечательный ум и железную волю, не обнаружив своего действительного значения для развития движения.

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

Привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого помощник присяжного поверенного Владимир Иванов ** Ульянов не признал себя виновным в принадлежности к социал-демократическому сообществу, отказался давать какие-либо объяснения о своем знакомстве с другими лицами и утверждал, что никогда не бывал в каких-либо кружках рабочих. Относительно найденных у него и у Анатолия Ванеева рукописей, из коих объявление к первому номеру газеты «Рабочее

---

* Немецкий текст телеграммы неразборчив.

** Так в тексте.

дело» и две статьи о стачках оказались написанными рукою Ульянова, он уклонился от дачи показаний, но не отрицал, что эти рукописи и найденные у него статьи об Ярославской стачке * написаны им. Свою поездку за границу Ульянов объяснил желанием приобрести некоторые книги, из которых он мог указать только два сочинения.

...Из... данных дознания оказывается, что студент С.-Петербургского технологического института Петр Кузьмин Запорожец был деятельным соучастником социал-демократического сообщества, так называемой «старой интеллигенции», и, судя по найденным у Анатолия Ванеева рукописям, является автором противоправительственного содержания статей, озаглавленных «К русским рабочим», «Фридрих Энгельс», «О чем думают наши министры» и корреспонденций о стачках, предназначавшихся для подпольной социал-демократической газеты «Рабочее дело»⁷²; а кроме сего написал найденное у Ульянова воззвание к рабочим «Мастерской приготовления механической обуви» и оказавшиеся у Малченко: описание Белостокской стачки и революционного характера воззвание под заглавием «Борьба с правительством».

...По обыску у Шелгунова оказались: 1) брошюра «Кто чем живет» Дикштейна, 2) три экземпляра брошюры «Ткачи», 3) три экземпляра брошюры «Рабочий день», 4) два экземпляра брошюры «Царь-голод», 5) воспроизведенное на mimeографе воззвание, начинающееся словами «Рабочие и работницы фабрики Торнтона» **; это воззвание тождественно с найденным у Лепешинского и было разбросано на названной фабрике Шелгуновым.

На допросах в качестве обвиняемого запасный ефрейтор Василий Андреев Шелгунов, не признавая себя виновным, отрицал устройство им у себя на квартире тайных сходок и свое участие в кружке Меркулова. Никого из названных выше интеллигентов и рабочих, за исключением Меркулова и Семена Афанасьева, он не знает⁷³... Найденные у него революционные издания он получил от какого-то «Григория Николаевича», которого не признал по предъявляемым ему фотографическим карточкам лиц, привлеченных к дознанию.

...Обвиняемый Бабушкин на допросе заявил, что будто бы он никого из участвующих в сем дознании лиц не знает и ни на каких сходках рабочих не бывал.

---

* С.м. стр. 298—299 наст. издания.

** Это воззвание написано В. И. Лениным.

П. Н. Лепешинский:

В общем и целом, из 88 лиц, привлекавшихся к делу, нашлась кучка в 5—6 человек, которые не просто старались отбояриться в своих показаниях какими-нибудь выдумками или пустяками с явным намерением втереть допрашивающим очки в глаза, а стали болтать все, что знали, не за страх, а за совесть, давши, таким образом, ценный материал, на котором прокуратура и построила все свое обвинение. К числу этих откровенных свидетелей принадлежал, между прочим, интеллигент Михайлов (зубной врач), уличенный впоследствии в провокаторстве, и рабочий Галл, тоже оказавшийся более чем предателем.

М. А. Сильвин:

Мартов почти с уверенностью говорил мне о нем (*Н. Н. Михайлове*) как о провокаторе. Я... уже не стесняясь, предупреждал товарищей, в особенности рабочих, не иметь дела с этим мерзавцем. Это было ему передано, и он заявил тому же Мартову, что лично расправится с теми, кто будет распространять о нем позорящие слухи...

Из составленного В. И. Лениным в тюрьме в 1896 году сообщения от имени «стариков» членам петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»:

На нашем следствии стариков предъявлено было обвинение в знакомстве с несколькими из этих народовольцев, но случай... * Вскоре после того кончилось первое дело Михайлова... * и др. сосланы, он остался безнаказан и повсюду говорил, что он подавал просьбу о помиловании и что это сделано им с намерением работать по-прежнему. К несчастью, нашлись люди, которые нашли этот факт недостаточно позорящим и приняли его под свое покровительство, и он, не пользовавшийся лично уважением рабочих, получил возможность упрочить и расширить свои связи.

Следует описание его приемов, навязывание рабочим денег, приглашение их на свою квартиру, открытие псевдонимов и пр. Благодаря этому и пользуясь полным доверием упомянутых лиц, он скоро узнал личности многих членов разных групп. Все они были арестованы. Когда один рабочий... * сказал, что получал книги от Михайлова, то он был взят, но сейчас же выпущен и до сих пор находится в СПб. На следствии он в качестве обвиняемого оговорил всех своих товарищей, некоторым обвиняемым... * читали подробный его доклад о составе разных групп.

---

* В рукописи не разобрано.

В центре всего происходящего

П. Н. Лепешинский:

Щелкает ключ в дверной форточке. Высовывается голова надзирателя с бледным засушенным лицом, с глазами мертвеца и с рыжей редкой растительностью на облысевой голове. Он молча просовывает через форточку полотерную щетку и кусок воску.

— Гм... черт побери!..— мысленно реагирует недовольный узник на этот молчаливый акт приглашения поработать ногами. Не то чтобы он считал ниже своего достоинства обращаться из человека науки в потеющего полотера, а уж больно некстати подоспел этот перерыв. В самом ведь интересном месте прервали, когда подытоженная таблица однолошадных и многолошадных должна была развернуть перед восхищенным взором автора великолепную картину расслоения деревни... Еще бы с четверть часа, и все было бы готово... А тут вот эта щетка с воском. Досадно, очень досадно!

Ильич мог бы отказаться от этого полотерного удовольствия. Натирание асфальтовых полов в камере рекомендуется заключенным в интересах санитарии и их физического самочувствия, не представляя очень уж обязательной повинности. Но было бы совершенно непохоже на Ильича уклониться от этого дела. Во-первых, его крепкий организм требует моциона, а во-вторых, он вовсе не хотел бы приобрести репутацию барчука, страдающего боязнью физического труда. Да в конце-то концов и таблица с безлошадными не убежит. И так, за дело.

И вот Ильич со всей свойственной ему энергией начинает танцевать по камере, наблюдая за тем, как из-под его ноги со щеткой тусклая, матовая поверхность давно не подвергавшегося натиранию асфальта превращается мало-помалу в зеркальную гладь. Он тяжело уже дышит от непривычных для его организма трудовых процессов, сердце бьется учащенным темпом, обильный пот покрывает крупными каплями лоб, но ему ни на одну секунду не приходит в голову соблазнительная идея «слукавить», оставить неотполированным какой-нибудь уголок, не доделать работы.

Опять щелкает ключ в двери.

— Прогулка,— коротко объявляет надзиратель.

Это тоже не из последних наслаждений в мире. Интересно прогуляться по ажурным лестницам тюрьмы, спускаясь вниз и питая некоторую надежду на один миг увидеть поворачивающую за угол фигуру товарища. Приятно хватить жадными легкими све-

жего воздуха на дворе. Очень хорошо бывает на душе и тогда, когда из своей прогулочной клетки в течение 15 минут наблюдаешь кусочек трудовой жизни на тюремном дворе: видишь, как дворники колют дрова, а уголовные распиливают поленья, или же вскидываешь глаза к небу, где в голубой дали тают от весеннего солнца кусочки белой кисеи.

Н. К. Крупская: ...Как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска. В одном из писем он развивал такой план. Когда их водили на прогулку, из одного окна коридора на минутку виден кусок тротуара Шпалерной. Вот он и придумал, чтобы мы — я и Аполлиария Александровна Якубова — в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлиария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке. Только что-то из плана ничего не вышло, не помню уже отчего.

Г. М. Кржижжатовский: За все 14 месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичем в каком-нибудь из длинных коридоров «предварилки». Выход каждого из нас на прогулку или на допрос сопровождался целой стратегией предупредительных на этот счет средств, вплоть до длительного повсуста включительно, предупреждавшего тюремных надзирателей других поперечных флангов здания об опасности встречи.

М. А. Багаев: Это была довольно большая круглая клетка, разделенная радиусами на 18 отделений, одно из них служило коридором, через который проходили в свои клетки заключенные. Середина клетки внутри представляла площадку, на которую выходили 17 узеньких дверок отделений для гуляний. Над площадкой возвышалась вышка-беседка, где расхаживало трое надзирателей, зорко следящих за заключенными...

Место для гуляния оказалось небольшим: шириной около двери $1\frac{1}{4}$ метра, а на наружной стороне метра два с половиной, длиной метров семь. Одно отделение от другого отделялось тесовым, окрашенным в коричневую краску плотным забором высотой до 3 метров. Увидеть заключенного, гуляющего в соседнем отделении, было невозможно.

Гуляли политические и уголовные одновременно и располагались по отделениям так, что соседями политического заключенного с той и другой стороны были

Загородки для прогулок Владимир Ильич, по свидетельству Сильвина, называл шпациренстойлами...

С рисунка художника В. Бескаравайного

уголовные. В таком же порядке размещались заключенные и в камерах. Во всем видна была продуманная система изоляции политических заключенных друг от друга.

Г. М. Кржижановский:

Окошки в камерах Дома предварительного заключения расположены таким образом, что видеть через их решетку тюремный двор можно было только несколько подтянувшись, что делает такую операцию не особенно легкой, тем более что сквозь тюремное окошко тяжелой запертой двери надзиратели почти непрерывно следят, чтобы такие манипуляции заключенными не производились. Тем не менее никакие силы зла не могли бы удержать меня от подобного рода маневра в те часы, когда, по моим наблюдениям, в той клетке для прогулок, которая была видна из окна моей камеры, должен был находиться Владимир Ильич. Он точно так же был убежден в том, что вероятность такого свидания на расстоянии в некоторых случаях велика, и мы немедленно вступали в переговоры путем сигнализации пальцами по тюремной азбуке. И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на ходящего в центре круга прогулок угрюмого часового. Вот глядит он на меня с какой-то особо веселой напряженностью и спешно телеграфирует:

— Под тобой хохол!

Я бросаюсь на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, пронизывающую пол моей камеры, кричу своему соседу... Увы наш самый изощренный конспиратор... С. И. Радченко полузадушенным голосом приветствует меня.

— Неужели это ты здесь?

Да, тюремное начальство на этот раз действительно дало маху: однопроцессники очутились рядом, без прослава уголовного элемента, как это делалось обычно,— и Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию. А прокурору и жандармам, вероятно, пришлось немало удивляться той согласованности показаний... С. И. Радченко⁷⁴ с нашими показаниями и такой его ориентированности в ходе нашего процесса, которые могли получиться только в результате такого удачного соседства.

А. И. Ульянова-Елизарова:

К счастью для Ильича, условия тюремного заключения сложились для него, можно сказать, благоприятно. Конечно, он похудел и, главным образом, пожелтел к концу сидения, но даже желудок его, относительно которого он советовался за границей с одним известным швейцарским специалистом, был за год сидения в тюрьме в лучшем состоянии, чем в предыдущий год на воле. Мать приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предписанной ему указанным специалистом диетой; кроме того, он имел платный обед и молоко. Очевидно, сказалась благоприятно и регулярная жизнь этой российской «санатории», жизнь, о которой, конечно, нечего было и думать при нервной беготне нелегальной работы.

...С мая (1896 года) мы вместе с матерью и сестрою Марией Ильиничной приехали туда (в Петербург) с тем, чтобы поселиться на даче поблизости, навещать брата и заботиться о нем. Для меня выезд из Москвы на это лето диктовался еще отношением ко мне московской полиции и жандармерии, предложившей мне выехать перед коронацией Николая II из Москвы.

Мы разделили свидания. Мать с сестрой отправлялись на личные, по понедельникам — в те времена на них давалось по 1/2 часа,— а я по четвергам, на свидания за решеткой, которые мы с братом предпочитали, во-первых, потому, что они были более продолжительны — минимум час (помню одно свидание, длившееся 1 1/2 часа), — а главным образом потому, что на них можно было сказать гораздо больше: надзира-

тель полагался один на ряд клеток и говорить можно было свободнее.

Н. К. Крупская: ...Арестуют его — она (*мать Владимира Ильича*) опять на посту, часами просиживает в полутемной приемной Дома предварительного заключения, ходит на свидания, носит передачи, и только чуть-чуть дрожит у нее голова.

А. И. Ульянова-Елизарова: Свидания с ним бывали очень содержательны и интересны. Особенно много можно было поболтать на свиданиях за решеткой. Мы говорили намеками, впутывая иностранные названия для таких неудобных слов, как «стачка», «листовка». Наберешь, бывало, новостей и изощраешься, как передать их. А брат изощрался, как передать свое, расспросить. И как весело смеялись мы оба, когда удавалось сообщить или понять что-либо такое запутанное. Вообще наши свидания носили вид беспечной оживленной болтовни, а в действительности мысль была все время напряжена: надо было суметь передать, суметь понять, не забыть всех поручений. Помню, раз мы чересчур увлеклись иностранными терминами, и надзиратель за спиной Владимира Ильича сказал строго:

— На иностранных языках говорить нельзя, только на русском.

— Нельзя,— сказал с живостью, обертываясь к нему, брат,— ну, так я по-русски говорить буду. И так, скажи ты этому золотому человеку...— продолжал он разговор со мной.

Я со смехом кивнула головой: «золотой человек» должно было обозначать Гольдмана, то есть не велили иностранных слов употреблять, так Володя немецкое по-русски перевел, чтобы нельзя было понять, кого он называет...

Зимой 1896 года, после каких-то арестов (чуть ли не после ареста Потресова), я запоздала случайно на свидание, пришла к последней смене, чего обычно не делала; Владимир Ильич решил, что я арестована, и уничтожил какой-то подготовленный им черновик.

Но подобные волнения бывали лишь изредка, по таким исключительным поводам, как новые аресты: вообще же Ильич был паразитально ровен, выдержан и весел на свиданиях и своим заразительным смехом разгонял наше беспокойство...

...У меня была тесная связь с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», и я специально видалась с ними перед свиданием, чтобы получить из первых рук — от Надежды Константиновны, Якубовой, Силь-

вина и других — сведения о ходе работы и забастовки, которые, кроме того, и из более широких источников слышала.

П. Н. Лепешинский:

Одинокое заключение в так называемой «предварилке», в сущности говоря, нисколько не достигает предназначенных авторами этой системы целей изоляции «преступника» от общения с другими людьми и даже с другими его товарищами по тюрьме...

Во-первых, нет ничего проще, как завязать сношения с внешним миром. Можно зашивать записочки на клочках тонкой бумаги в белье, которое сдается «на волю» в стирку, можно с воли в «приношениях» (например, в ягодах вишневого варенья) получать крошечные комочки бумаги с драгоценными информацией, можно переписываться с помощью чуть заметно отмеченных точками букв в книгах и т. д. и т. д.

И Владимир Ильич со свойственной ему подвижностью вечно творческой мысли довольно быстро одолевает «технику» этого дела.

П. К. Крупская:

Сношения с Владимиром Ильичем завязались очень быстро... Техника конспиративной переписки у нас быстро совершенствовалась.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Обилие передаваемых книг благоприятствовало нашим сношениям посредством их. Владимир Ильич обучил меня еще на воле основам шифрованной переписки, и мы переписывались с ним очень деятельно, ставя малозаметные точки или черточки в буквах и отмечая условным знаком книгу и страницу письма.

Ну и перепортили мы с этой перепиской глаза немало! Но она давала возможность снести, передать что-либо пужное, конспиративное и была поэтому несцененна. При ней самые толстые стены и самый строгий начальнический надзор не могли помешать нашим переговорам. Но мы писали, конечно, не только о самом пужном. Я передавала ему известия с воли, то, что неудобно было, при всей маскировке, сказать на свидании. Он давал поручения такого же рода, просил передать что-либо товарищам, завязывал связи с ними...

...Через волю же сговаривался Ильич о внутритюремной переписке, указывал, где именно на прогулке следовало искать его корреспонденту закатанную в хлебный мякиш и прилепленную записку. Прогулка происходила тогда в так называемых «стойлах», или «загонах»... Так вот подробное указание, в которой из клеток, между какими по счету досками и в каком

конец следовало искать почту, устанавливало место ее и на дальнейшее время.

П. Н. Лепешинский:

Что же касается сношений с товарищами по работе, одновременно вместе с ним (или немного позже, в 1896 году) водворенными в «предварилку» (Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец, Цедербаум), то это для него (*Владимира Ильича*) не представляло никаких трудностей...

...Возможностей для сношения между заключенными было многое множество, и никакие меры борьбы тюремного начальства с этим «злом» не могли его пресечь. Разговоры посредством перестукивания в «предварилке» пользовались полным правом гражданства. Перестукивались не только с соседними камерами справа и слева, но и по паровой трубе — по вертикали — с любым этажом. Все книжки тюремной библиотеки носили следы разговоров между заключенными посредством чуть заметного укола иголкой под буквами. Не без успеха можно было подбросить скомканную записочку через забор к соседу во время прогулки. Не брезгали и возможностью дать знать о себе путем росчерка своей фамилии в камере, куда предварительно приводят заключенного, позванного на свидание, или же в бане, на заборе во время прогулки и в тому подобных местах. Изредка даже можно было видеть кого-нибудь из товарищей по заключению, если при путешествии по веренице лестниц несколько замедлить ход, к величайшей досаде надзирателя, или поторопиться при повороте за угол, причем другой заключенный или покажется сзади по той же стороне из-за угла или мелькнет спереди, мелькнет лишь на одно мгновение, как метеор, но и этого бывает иногда достаточно, чтобы судить о том, кто еще из знакомых лиц попал под гостеприимную сень «предварилки».

Г. М. Кржижановский:

Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «предварилки», нам все же удалось при посредстве тюремной библиотечки и при посредничестве лиц, приходивших к нам на свидание, вступить в деятельные сношения друг с другом. Дело при этом не обошлось без некоторого курьеза. Вышло как-то так, что вместо моего первого письма, написанного точками в условленной книге шифром по определенному стихотворению, Владимиру Ильичу попала другая книга в тюремной библиотеке, в которой тоже точками оказалось написанным шифрованное письмо. Владимир Ильич рассказывал мне потом, что, применив условленный шифр и получив осечку, он весьма вознегодовал на меня за недопустимую путаницу. Но не в его

правилах было отступить. Шифровальщик во всяком случае не из числа опытных, обдумывая ситуацию, он немедленно делает простые и правильные выводы. Знаки, которыми он будет пользоваться, по своей повторяемости будут, вероятно, вполне соответствовать повторяемости букв в любом обычном тексте. Тогда он начинает высчитывать, сколько раз и в каком соотношении друг к другу повторяется та или иная буква и ищет соответствия этой повторяемости в цифири зашифрованного письма. После двухдневной работы письмо было прочитано, и оказалось, что я тут ни при чем: Владимир Ильич расшифровал переписку одного уголовного с другим.

М. А. Сильвин:

Однажды я получил отмеченное точками в одной из книг тюремной библиотеки дружеское письмецо Владимира Ильича.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Брат переписывался с товарищами точками в книгах местной библиотеки, и тогда надо было передать через родных совет взять такую-то книгу. М. А. Сильвин рассказывает, что более года спустя, получая книги из тюремной библиотеки, обнаружил переписку точками и иной раз расшифровывал ее, установив однажды переписку Владимира Ильича с Кржижановским или Старковым. Переписка эта, говорит Михаил Александрович, была большею частью невинного содержания. Добавлю к этому, что Владимир Ильич вел переписку главным образом с целью ободрить товарищей и особенно часто писал и высказывал и мне заботу о тех, кто, по его сведениям, нервничал и чувствовал себя плохо. Очень внимательно расспрашивал меня о здоровье, о том, не нуждаются ли они в чем-нибудь.

Г. М. Кржижановский:

Для меня лично и для большинства других товарищей неоценимым спасительным и подкрепляющим средством была дружба с Владимиром Ильичем...

Я не в состоянии воспроизвести теперь нашей деятельной тюремной переписки с Владимиром Ильичем, но отчетливо помню лишь одно: получить и прочесть его письмо — это было равнозначно приему какого-то особо укрепляющего и бодрящего напитка, это означало немедленно подбодриться и подтянуться духовно. В этом человеке было такое громадное духовное богатство, такое умение по-хорошему и с нужной стороны воздействовать на настроение нуждающегося в этом другого человека, что уже одни эти качества при всяких условиях, а в тюрьме в особенности, делали его совершенно незаменимым товарищем.

А. И. Ульянова-Елизарова: Он (*Владимир Ильич*) очень заботился о товарищах: писал ободряющие письма тому, кто, как он слышал, нервничал; просил достать тех или иных книг; устроить свидание с тем, кто не имел его. Эти заботы брали много времени и у него и у нас. Его неистощимое, бодрое настроение и юмор поддерживали дух и у товарищей.

Н. К. Крупская: Характерна была заботливость Владимира Ильича о сидящих товарищах. В каждом письме на волю был всегда ряд поручений, касающихся сидящих: к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки, на такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги и прочее. Он переписывался с очень многими из сидящих товарищей, для которых эта переписка имела громадное значение. Письма Владимира Ильича дышали бодростью, говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу. Я помню впечатление от этих писем (в августе 1896 года я тоже села). Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверись, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заварить чай и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде), и такой бодростью оно дышит, с таким захватывающим интересом читается. Как на воле Владимир Ильич стоял в центре всей работы, так в тюрьме он был центром сношений с волей.

А. И. Ульянова-Елизарова: Было чрезвычайно бодрое и подъемное настроение. Год коронации Николая II с его знаменитой Ходынской⁷⁵ отмечен первым пробным выступлением рабочих двух главных центров, как бы первым, зловещим для царизма маршем рабочих ног, еще не политическим, правда, но уже тесно сплоченным и массовым. Более молодым товарищам трудно оценить и представить себе все это теперь, но для нас, после тяжелого гнета 80-х годов, при кротообразном существовании и разговорах по каморкам стачка эта была громадным событием. Перед нами как бы «распахнулись затворы темницы глухой в даль и блеск лучезарного дня», как

бы выступил сквозь дымку грядущего облик того рабочего движения, которым могла и должна была победить революция. И социал-демократия из книжной теории, из далекой утопии каких-то марксистов-буквоедов приобрела плоть и кровь, выступила как жизненная сила и для пролетариата и для других слоев общества. Какое-то окно открылось в душном и спертном каземате российского самодержавия, и все мы с жадностью вдыхали свежий воздух и чувствовали себя бодрыми и энергичными, как никогда...

С одной стороны, это настроение воли должно было, вероятно, вызывать во Владимире Ильиче и его товарищах более страстное стремление выйти на простор из тюрьмы; а с другой, бодрое настроение за стенами при общении с ним, которому тогдашние — очень льготные как сравнительно с предыдущим, так и с последующим периодом — условия заключения давали широкую возможность, поддерживало, несомненно, бодрость в заключенных. Известно ведь, что никогда тюрьма не переносится так тягостно, как в годы затишья и реакции: естественная в тюрьме склонность преувеличивать мрачные стороны питается общей атмосферой.

...Он (*Владимир Ильич*) сумел устроить свою жизнь так, что весь день был наполнен. Главным образом, конечно, научной работой. Обширный материал для «Развития капитализма в России» был собран в тюрьме. Владимир Ильич спешил с этим. Раз, когда к концу сидения я сообщила ему, что дело, по слухам, скоро оканчивается, он воскликнул:

— Рано, я не успел еще материал весь собрать.

Но и этой большой работы было ему мало. Ему хотелось принимать участие в нелегальной, революционной жизни, которая забила тогда ключом.

Н. К. Крупская: ...И из тюрьмы Ильич руководил движением.

К. М. Тахтарев: ...Связь Владимира Ильича со своими товарищами... не порвалась и после того, как Владимир Ильич был заключен в тюрьму. Он не только мысленно продолжал жить на воле, но и продолжал участвовать в рабочем движении, даже находясь в одиночной камере Дома предварительного заключения. Через своих друзей, передававших ему припасы, книги и журналы и приходивших к нему на свидание, когда, наконец, свидания были разрешены, Владимир Ильич получал сведения о дальнейшем ходе рабочего движения и о продолжавшейся деятельности «Союза». В свою очередь, Владимир Ильич передавал на волю

свои пожелания, советы товарищам... Даже находясь в тюрьме, он всеми силами помогал развивавшемуся социал-демократическому движению и до известной степени руководил его направлением...

Находясь в тюрьме, Владимир Ильич зорко следил за всем, что происходит на воле. Осведомляемый постоянно друзьями о ходе рабочего движения и деятельности «Союза», Владимир Ильич и в тюрьме продолжал жить одной жизнью с товарищами, действовавшими на свободе, радуясь их успехам.

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Он (*Владимир Ильич*)... не мог оставить вне поля своего зрения нелегальную работу. И вот Ильич стал писать... нелегальные вещи и нашел способ передавать их на волю.

П. Н. Лепешинский:

Из занимаемой им (*Владимиром Ильичем*) камеры время от времени вылетают его мысли-ласточки, которые в форме призывных прокламаций то там, то сям будят сознание и волнуют сердца пролетариев.

Н. К. Крупская:

Владимир Ильич написал молоком целую брошюру «О стачках», которая потом была проявлена, переписана и сдана в типографию.

П. Ф. Куделли:

...Брошюра В. И. Ульянова (Ленина) «О стачках» была передана «Союзом борьбы» (*в типографию*) 10 мая 1896 года, когда автор ее сидел в Доме предварительного заключения. О ней сохранились некоторые более подробные сведения: брошюра «О стачках» была передана Аполлинарией Якубовой Л. М. Книпович, а последняя передала народовольцам через Канскую. Брошюра была принята народовольцами, но, по мнению Е. Прейс... требовала исправлений и с этой целью была снова отправлена «Союзу» и затем получена обратно. Прейс в своем показании говорит, что «О стачках» была написана на 98 четвертушках от руки. Брошюра хотя и была назначена к набору, но напечатать ее не успели, ибо... Лахтинская типография 24 июня 1896 года была арестована и рукопись попала в охранное отделение или в департамент полиции и, по-видимому, бесследно пропала...

Проект программы партии

Н. К. Крупская:

Весной 1896 года, когда Владимир Ильич сидел в тюрьме, мы переписывались с ним о подготовке съезда...

Ильич из тюрьмы стал настаивать на созыве I съезда, писать популярную программу партии, говорил, какое организующее значение имеет программа.

В. И. Ленин:

В этом проекте * точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»; «захват рабочим классом политической власти»; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; — указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения.

...Это была программа группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России.

---

* Речь идет о плехановском «Проекте программы русских социал-демократов».

Н. К. Крупская: Когда составлялся этот проект, массового рабочего движения у нас в России еще не было, и это не могло не наложить печати на весь проект. Когда в 1896 году началась подготовка I съезда партии, Ленин, сидя в тюрьме, думал о том, что теперь надо дать уже иного типа программу, популярную, понятную каждому сознательному рабочему, программу, которая была бы непосредственным руководством к действию. И... Ильич в своей камере строчил молоком и пересылал на волю проект популярного изложения программы партии и объяснительную записку к ней.

В. И. Невский: Если сравнить «Проект программы» Ленина с двумя программами группы «Освобождение труда», то прежде всего бросается в глаза различная архитектоника этих программ. В то время как в плехановских программах в начале дается характеристика конечных целей, к которым стремится партия рабочего класса, в программе Ленина в пункте первом дается характеристика российского капитализма в конце 90-х годов...

Блестяще изложен комментарий к первой части программы — описание развития капитализма в России, возросшей невиданной эксплуатации рабочих, разорение крестьянства, стихийный рост рабочего движения, его переход из отдельных восстаний на отдельных фабриках и заводах в общероссийское, роль правительства и государства как аппарата подавления рабочих и крестьян со стороны господствующих классов.

Программа Ленина разделена на три части: в первой части указывается, какое положение занимает рабочий класс в современном обществе, какой смысл и значение имеет его борьба с фабрикантами и каково политическое положение рабочего класса в русском государстве; во второй части изложены задачи партии и в третьей — программа-минимум...

Плехановские (*программы*) являются в большой степени сколками с заграничных программ, у Ленина же — продуктом творчества для русских рабочих тогдашней стадии их развития. И в этой одной из первых работ Ленина мы видим... умение подойти к массам, изложить им на их языке, а не «по-ученому», достижения современной науки...

В высшей степени интересны шесть пунктов части Б, где определяется *задача* партии. Комментарий к этой части является самым блестящим местом из всего «объяснения программы». И сам Ленин считает эту часть программы самой важной частью ее.

Он так и говорит: «Этот пункт программы самый важный, самый главный...» «Деятельность партии,— говорит он дальше,— должна состоять в содействии классовой борьбе рабочих. Задача партии состоит не в том, чтобы сочинить из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести. Задача партии защищать интересы рабочих и представлять интересы всего рабочего движения».

Это определение, в чем должна заключаться *помощь* рабочим со стороны партии, является наиболее ярким местом всего объяснения.

Здесь даются удивительные по краткости, меткости и точности формулировки *классового самознания* рабочих, характеристики исторических фаз русского рабочего движения и оттеняется ярко его политическая тенденция.

В высшей степени важны еще две черты ленинского проекта, это — пункт о «поддержке всякого общественного движения» и аграрные требования.

Комментарий к первому из указанных моментов не оставляет никакого сомнения в том, что эта поддержка всякого революционного движения буржуазии против самодержавия имеет единственную цель — очистить классовую борьбу рабочих от всех пережитков феодального строя и сделать ее чисто классовой борьбой против буржуазии...

Переходя к аграрным требованиям ленинского проекта, мы видим, что все они (только в развитой и более точной формулировке), вплоть до требования возвращения отрезков, вошли в программу 2-го съезда (партии).

А. И. Ульянова-Елизарова:

«Объяснения» к программе кончаются пунктом Б. З., между тем как в проекте имеются пункты Г. Д. Не хватает, таким образом, объяснения к большей части программы и к наиболее интересной аграрной ее части.

Между тем последнюю часть объяснений переписывала я и помню прекрасно, что передала Потресову вполне законченный список; да и воспоминания последнего говорят, что переданный ему экземпляр был с концом.

Чем объясняется появление гектографированного списка с оборванным концом, а равно и то, каким образом дошел до нас этот документ, который в то время считался уничтоженным (что подтверждается и

А. Н. Потресовым),— это остается пока под вопросом...

Надежда Константиновна припоминает, что летом 1896 года, когда она переписывала «Объяснения», целый ряд страничек книги не проявился вовсе. Не является ли гектографированный список отпечатком какого-либо неполного, не доведенного до конца экземпляра? Не повторил ли Владимир Ильич не проявившееся сначала — снова? Это вполне возможно при непрерывававшейся конспиративной переписке его как со мною, так и с Надеждой Константиновной со времени ее ареста...

Н. К. Крупская: «Объяснения» писаны Владимиром Ильичем... Это можно определить сразу, так как среди работников того времени не было никого, кто так хорошо знал бы фабричные законы. (Владимир Ильич специально изучал их, как это видно и по брошюре «О штрафах», и по брошюре «Новый фабричный закон».) «Объяснения» обнаруживают также прекрасное знакомство автора со статистическими данными об отхожих промыслах, о переселениях и прочем,— из работавших в то время в Питере только Владимир Ильич так хорошо знал эти данные, так внимательно изучал их. Характерен и свойственный брошюрам Владимира Ильича, написанным им в тот период времени, «разъяснительный» тон.

А. И. Ульянова-Елизарова: Сначала Владимир Ильич тщательно уничтожал черновики листовок и других нелегальных сочинений после переписки их молоком, а затем, пользуясь репутацией научно работающего человека, стал оставлять их в листах статистических и иных выписок, нанизанных его бисерным почерком. Да такую, например, вещь, как подробную объяснительную записку к программе, и нельзя было бы уничтожить в черновом виде: в один день ее нельзя было переписать, а потом Ильич, обдумывая ее, вносил постоянно исправления и дополнения. И вот раз на свидании он рассказывал мне со свойственным ему юмором, как на очередном обыске в его камере жандармский офицер, перелистав немного изрядную кучу сложенных в углу книг, таблиц и выписок, отделался шуткой:

— Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься.

Брат говорил мне тогда, что он особенно и не беспокоился:

— Не найти бы в такой куче,— а потом добавил с хохотом:— Я в лучшем положении, чем дру-

гие граждане Российской империи,— меня взять не могут.

Он-то смеялся, но я, конечно, беспокоилась, просила его быть осторожнее и указывала, что если взять его не могут, то наказание, конечно, сильно увеличат, если он попадется; что могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме.

И поэтому я всегда с тревогой ждала возвращения от него книги с химическим посланием. С особенной нервностью дожидалась я возвращения одной книги: помнится, с объяснительной запиской к программе, которая, я знала, вся сплошь была исписана между строк молоком. Я боялась, чтобы при осмотре ее тюремной администрацией не обнаружилось что-нибудь подозрительное, чтобы при долгой задержке буквы не выступили — как бывало иногда, если консистенция молока была слишком густа,— самостоятельно. И, как нарочно, в срок книги мне не были выданы. Все остальные родственники заключенных получили в четверг книги, сданные в тот же день, а мне надзиратель сказал кратко: «Вам нет», в то время как на свидании, с которого я только что вышла, брат заявил, что вернул книги. Эта в первый раз случившаяся задержка заставила меня предположить, что Ильич попался; особенно мрачной показалась и всегда мрачная физиономия надзирателя, выдававшего книги. Конечно, настаивать было нельзя, и я провела мучительные сутки до следующего дня, когда книги, в их числе книга с программой, были вручены мне.

Н. К. Крупская: Летом 1896 года я поехала в Киев, чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Крыжановскую и Тучапского⁷⁶. Но, захватив предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Арона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве.

«Союз борьбы» держит экзамен

М. А. Сильвин: Поводом к забастовке была неуплата рабочим за прогульные не по их вине три дня «священного коронования» Николая II, 14—16 мая. Требование этой уплаты уже само по себе в условиях того времени было политическим выступлением. Петербургские ткачи как бы отказались присоединиться к общему «национальному» празднику и пожертвовать трехдневный заработок во славу монархии. Это говорит о

довольно уже высоком уровне классового сознания петербургского пролетариата...

Забастовка... была организована всецело самими рабочими, инициативные группы которых переходили с одной фабрики на другую, призывали к забастовке, организовывали ее всюду, выдвигая одинаковые требования. В отличие от прежних «бунтов», наподобие того, какой еще в 1894 году был на Семянниковском заводе (с разгромом фабричных контор, избиемием мастеров и управляющих, разрушением машин), забастовка проходила мирно, с большой выдержкой, в чем, без сомнения, сказалось влияние «Союза борьбы»...

Движение началось 23 мая (1896 года) на Российской бумагопрядильной мануфактуре на Обводном канале...

Б. И. Горев:

Забастовка... к началу июня... уже охватила весь текстильный Петербург, то есть не меньше 30—35 тысяч рабочих обоего пола (даже официальное правительственное сообщение, выпущенное после забастовки, называло цифру в 25 000). Эти цифры, по тем временам ошеломляющие, быстрота распространения забастовки, однородность требований и особенно организованность, сознательность, выдержка, проявленные рабочими,— все это как громом поразило все так называемое русское «общество». Только что произошла в Москве страшная Ходынская катастрофа. Новое царствование, как стали потом говорить в народе, «пошло по крови». И когда не замолкли еще придворные коронационные торжества и балы, ни капельки не смущенные тысячными жертвами Ходынки, а интеллигентное «общество» раболепно и позорно молчало, эта многотысячная стройная забастовка тех самых пролетариев, над которыми как над надеждой марксистов еще совсем недавно так весело смеялись народники всех сортов, оказалась единственным голосом, свидетелем существовавшим, что в новом царствовании не все обстоит благополучно. Это был поистине первый подземный удар того грозного и страшного землетрясения, которое двадцать лет спустя поглотило романовскую династию и затем потрясло до основания весь капиталистический мир.

Неудивительно, что застигнутое врасплох правительство совершенно растерялось в первый момент, что полиция беспомощно толкалась на месте, переходя от угроз к увещаниям и обратно, а то и просто не вмешиваясь в ход забастовки. Неудивительно, что весь Петербург буквально только и говорил о забастовке, явно сочувствуя рабочим и с чувством тайного уваже-

ния глядя с проезжавших мимо конок на пустые и безмолвные громады фабричных корпусов.

Ну, а мы, «юные марксисты», на этот раз не только «задирали нос», мы были буквально пьяны от радости и гордости. Это ведь был наш экзамен на аттестат зрелости, на право существования *рабочей социал-демократической партии в России*. Это было торжество марксизма...

Но после первого порыва радости, после первых маленьких листочков с простым перечислением требований забастовщиков надо было приниматься за огромную, лихорадочную агитационную и организационную работу, которую принесла с собой забастовка. И работа закипела.

Она облегчалась тем, что на этот раз не мы искали рабочих, а они искали нас, жадно искали «студентов» для формулирования требований, для организационных советов и особенно для «листочков» «Союза», которые пользовались огромной популярностью. Наша популярность и доверие к нам рабочих возросли до необычайных размеров, когда на вторую неделю забастовки мы стали кой-где раздавать собранные нами деньги. Приятной неожиданностью оказалось для нас то открытие, что к началу забастовки у рабочих... уже была какая-то самочинная организация, что у них появился зародыш боевой стачечной кассы и что самая забастовка распространилась так быстро и организованно по всему Петербургу благодаря специальным ходакам-агитаторам, посылавшимся рабочими с одной фабрики на другую. Радовались мы и проявленной рабочими сознательности в выставлении ими в качестве *главного требования* сокращения рабочего дня до 10½ часов и тому здоровому организационному инстинкту, с каким рабочие не поддавались на полицейскую провокацию, вели себя скромно, не пьянствовали, много сидели дома.

К устной агитации в широких размерах нам, членам «Союза», интеллигентам, приходилось мало прибегать. Ее вели сами рабочие на фабричных дворах и загородных массовках. На нас лежала зато вся работа по печатной агитации. И эта работа была колоссальна.

В течение двух недель забастовки мы выпустили на mimeографе около 25 прокламаций, в том числе несколько общих ко всем ткачам и прядильщикам Петербурга и ко всем вообще питерским рабочим. Местные прокламации мы выпускали в количестве 200—800 экземпляров, общие — до 2000. Были дни, когда надо было напечатать и распространить целых три прокламации сразу.

*В. Н. Катин-
Ярцев:*

«Союз», открывший агитационную эру в рабочем движении и с самого начала привлекая к себе симпатии рабочих, все больше и больше приобретал популярности. А так как спрос на интеллигентов в рабочей среде все возрастал, то рабочие, желавшие получить интеллигентов именно от «Союза», тем самым избавили нас от труда отыскивать способы приобретения знакомств... Наоборот, не хватало интеллигентов. Приходилось буквально рваться на части. Существовал у нас, правда, свой резерв, были попытки... организовать кадр интеллигентов-революционеров, готовых выступить в поход во всеоружии революционных знаний. Но жизнь разбивала наши предположения: так как организация все время находилась на военном положении, то для пополнения убыли резервы выступали «в поле», не пройдя соответствующей школы. Установилась связь со всеми крупными и многими мелкими фабрично-заводскими предприятиями столицы.

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса».. становился все более и более популярным. Предприятия одно за другим обращались к нему с просьбой выпустить и для них листовки. Посылались и жалобы: «Почему нас союз забыл?» Требовались и листовки общего характера...

Н. К. Крупская:

В момент самой острой нужды надо было печатать листки, приходилось печатать их на восковой бумаге на пишущей машинке и потом гектографировать. За время стачки написан был и издан целый ряд листовок... «Общество» — «интеллигенция» — сочувствовало этой забастовке, давало денег, прятало литературу. Это была пора весны русского рабочего движения...

У себя на службе (я служила в Главном управлении железных дорог) я устроила «явку», ко мне приходили тогда и рабочие и работницы, студентки и курсистки, инженеры, подъезжавшие на рысаках. Чиновники, на глазах которых происходили наши разговоры, недоумевали. Но и они «сочувствовали».

Приехав из Полтавы, я тотчас направилась в нашу штаб-квартиру, к Степану Ивановичу Радченко. У него концентрировались обычно все связи. Он был осторожен и мучил нас своими конспирациями, запрещал подходить к окнам, громко разговаривать, приходиться гурьбой и т. п. Но тут в его квартире я застала необычайную картину: на окне сидел представитель чернышевской группы Ленгник, у стола сидел Тахтарев, несколько человек из нашей группы ходили по

комнате и громко разговаривали. Стачка текстильщиков заставила все группы социал-демократов объединить свои силы. Произошло слияние этих групп. Прикнули отдельные лица: Бауэр, Леман и другие... Новая группа «Союза борьбы» насчитывала в своей среде 17 человек. Эта группа идейно была гораздо менее сплочена, в ней имелись различные оттенки, но пока что разногласия были в скрытом состоянии — надо было не терять ни минуты, писать листки, распространять их, давать лозунги...

З. П. Невзорова-Кржижановская: Наши товарищи в тюрьме были в курсе всех наших дел.

А. И. Ульянова-Елизарова: Это, пожалуй, самые интересные страницы из его (*Владимира Ильича*) тюремной жизни. В письмах с воли ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их. Конечно, никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этого книги. Владимиру Ильичу посылались специально беллетристика, которую не жаль было бы рвать для этой цели, а кроме того, мы утилизировали для этих писем страницы объявлений, приложенных к номерам журналов. Таким образом, шифрованные письма точками были заменены этим, более скорым способом. В письме точками Ильич сообщал, что на такой-то странице имеется химическое письмо, которое надо прогреть на лампе.

Вследствие трудности прогревания в тюрьме этим способом пользовался больше он, чем мы. Надежда Константиновна указывает, впрочем, что можно было проявлять письма опусканием в горячий чай и что таким образом они переписывались молоком или лимонном, когда сидели (с осени 1896 года) одновременно в «предварилке».

Вообще Ильич, всегда стремившийся к уточнению всякой работы, к экономии сил, ввел особый значок, определявший страницу шифрованного письма, чтобы не рыться и не разыскивать его в книгах. Первое время надо было искать этот значок на странице 7. Это был тоненький карандашный штрих, и перемно-

жение числа строк с числом букв на последней строке, где он находился, давало страницу: так, если была отмечена 7-я буква 7-й строки, мы раскрывали 49-ю страницу, с которой и начиналось письмо. Таким образом легко было и мне, и Владимиру Ильичу в полученной, иногда солидных размеров, стопке книг отыскать быстро ту, в которой письмо, и страницу письма. Этот способ обозначения,— страницы время от времени менялись,—сохранялся у нас постоянно...

Владимир Ильич мастерил намеренно чернильницы крохотного размера: их легко было проглотить при каждом щелчке форточки, при каждом подозрительном шорохе у волчка. И первое время, когда он не освоился еще хорошо с условиями «предварилки», а тюремная администрация не освоилась с ним как с очень уравновешенным, серьезно занимающимся заключенным, ему нередко приходилось прибегать к этой мере. Он рассказывал, смеясь, что один день ему так не повезло, что пришлось проглотить целых шесть чернильниц.

Помню, что Ильич в те годы и перед тюрьмой и после нее любил говорить:

— Нет такой хитрости, которой нельзя было бы перехитрить.

И в тюрьме он со свойственной ему находчивостью упражнялся в этом. Он писал из тюрьмы листовки...

К. М. Тахтарев:

Массовые летние стачки петербургских ткачей и прядильщиков 1896 года, во время которых вокруг «Союза борьбы» объединились все действовавшие среди рабочих социал-демократические группы, были для Владимира Ильича истинным торжеством. Имя «Союза борьбы», выпускавшего в это время одно воззвание к рабочим вслед за другим, гремело по всему Петербургу...

Промышленная война

*Из листовки «Ко всем петербургским рабочим»
от 3 июня 1896 года:*

Вот уже целую неделю в Петербурге стачка. Наши товарищи, рабочие на бумагопрядильнях, не выдержали хозяйских притеснений и бросили работу. 27-го числа стала Екатеринбургская (Волынкинская) мануфактура из-за того, что рабочим не выплатили сполна за коронационные дни; через день к ним пристали ра-

бочие Кенига, Митрофаньевской мануфактуры и другие, а в настоящее время уже 17 фабрик не работают...

Рабочие всего Петербурга, скажите же, разве много требуют наши товарищи и разве не одно у нас с ними общее дело: когда ткачи требуют сокращения непомерно длинного рабочего дня, вспомним, как многие из нас также надрываются по 12—13 часов над работой; не забудем также и того, что и у нас из году в год везде понижаются расценки, и, наконец, разве мало у нас всяких прижимок и несправедливостей?..

Уже давно петербургские рабочие стали подумывать, как бы устроиться по-иному, по-лучшему. Ткачи первые показали пример.

Петербургские рабочие, поддержим же наших товарищей — протянем же братски руку помощи в их трудной борьбе с грабителями хозяевами; станем у себя устраивать сборы в пользу стачечников, не забудем, что и у нас могут настать такие же тяжелые дни, и тогда ткачи наверняка вспомнят о теперешней нашей поддержке.

*Из телеграммы товарища министра финансов
А. П. Иващенко министру финансов С. Ю. Витте о ходе стачки
на бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга 4 июня 1896 года:*

Сегодня установлены работы у Кенига и на Митрофаньевской, а прекратились на Ново-Сампсониевской и у Бека. На остальных забастовавших фабриках с числом 13 500 рабочих положение прежнее. Наружных беспорядков нет, но настроение с каждым днем становится более беспокойным. Полицейские меры мало энергичны, несмотря на настояния фабричной инспекции. Последние дни обнаружены среди рабочих прокламации от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в которых требуется сокращение рабочего дня без уменьшения заработка и советуется действовать сообща, без буйства и насилия, с уверенностью на успех. По-видимому, в этом смысле организуется вся стачка до настоящего времени. Очень желательно принятие более энергичных мер со стороны полиции к скорейшему прекращению стачки, ввиду несомненной ее незаконности, без каких-либо компромиссов с рабочими в отношении рабочего дня, так как такие компромиссы могут еще более ухудшить дело. Завтра утром ожидается сюда приезд министра внутренних дел, вызванного экстренно.

Из ответной телеграммы С. Ю. Витте:

Никаких уступок делать невозможно и опасно. Нужно всех зачинщиков выслать из города.

Из сообщения «Стачка рабочих с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик», опубликованного в № 1 «Листка «Работника»»:

В первые же дни стачки состоялось совещание, на котором участвовали министр финансов, министр внутренних дел, градоначальник, помощник его и фабричные инспекторы. Градоначальник и его помощник высказывались против крутых мер. Опасения их перед мерами строгости объясняются очень просто. По сообщениям офицеров войск, стянутых в тех частях города, где происходила забастовка, у солдат этих войск оказывались земляки среди стачечников; последние вступали с ними в беседы, угощали их, и таким образом между теми и другими установились добрые отношения.

Все собравшиеся были, однако, против уступок до тех пор, пока стачка будет продолжаться. Сообразно с этим власти начали действовать.

Из протокола совещания, созванного 7 июня 1896 года департаментом торговли и мануфактур «по выяснению причин стачек на бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга и мер к их прекращению и устранению в будущем возможности их повторения»:

Председателем были поставлены на обсуждение совещания нижеследующие вопросы: 1) какими причинами обуславливается возникновение забастовок на петербургских фабриках, начавшихся с 27 мая и продолжающихся до настоящего времени; 2) чем объясняется столь значительная продолжительность указанных беспорядков; 3) какие меры должны быть приняты к скорейшему восстановлению работ на фабриках, забастовавших уже, а равно и на тех, какие примкнули бы вновь к забастовке; и 4) не следует ли принять каких-либо общих мер к устранению возможности повторения беспорядков в будущем и обеспечению спокойствия рабочих и правильного хода работ на фабриках и заводах.

I. По первому из вышеизложенных вопросов совещание остановилось на следующих соображениях. Главнейшею причиною беспорядков, принявших столь значительные размеры в настоящее время, служит тяжелое положение, в которое поставлены рабочие мануфактурной промышленности, именно чрезмерно тяжелый и утомительный труд при сравнительно малой материальной обеспеченности...

...Совещание не могло не признать, что продолжительность рабочего дня вообще во всех округах представляется чрезмерно большой, в особенности же на петербургских фабриках, где она в среднем составляет от 12 до 14 часов ежедневно. Столь продолжительная работа в мастерских со спертым воздухом и высокою температурой, доходящей до 23—28 градусов по Реомюру, не может не вызывать чрезмерного переутомления рабочих...

Насколько тяжело отражается работа прядения на здоровье рабочих, можно наглядно убедиться по их внешнему виду: изможденные, испытые, изурнанные, со впалою грудью, они производят впечатление больных, только что вышедших из госпиталей...

Нельзя при обсуждении причин забастовок не обратить также должного внимания на те лишения, которые испытывают рабочие в жилищах... Дороговизна и неудобства жилищ обуславливают собою, между прочим, бесхозяйственность рабочих...

Среди других обстоятельств, могущих служить и неоднократно служивших поводом к неудовольствиям рабочих, должно быть признано дурное обращение с ними фабричною администрациею. Большинство здешних директоров и мастеров — иностранцы, преимущественно великобританские, швейцарские и прусские подданные, не знакомые ни с языком, ни со складом жизни русского рабочего...

К тому же здешние фабриканты проявляют вообще мало заботливости об устройстве своих рабочих...

Таким образом, ряд тяжелых условий, против которых фабричная инспекция *(на совещании присутствовали чины фабричной инспекции)* в большинстве случаев по отсутствию прямых указаний в законе совершенно бессильна, создал чрезвычайно восприимчивую, легко возбуждающуюся почву, на которой нетрудно было вырасти крупному неудовольствию. Неудивительно, что обнаружившимся еще полгода тому назад среди рабочих брожением легко воспользовались лица, по-видимому не только подстрекавшие рабочих к стачке рассылкой массы свободно и открыто распространявшихся прокламаций, но и воспитывавших их в этом направлении, объединяя их и научая, как ее вести...

II. При обсуждении вопроса о том, почему последние забастовки рабочих на фабриках Петербурга приняли такое быстрое и широкое распространение и почему они так долго не прекращаются, совещание

пришло к следующим выводам. Стачки рабочих на прядильных фабриках могли быстро распространиться благодаря тому, что прядильщики и их подручные, ведя кочевой образ жизни, знали хорошо недостатки многих петербургских фабрик и после производства забастовки на той или другой фабрике знали, к кому из своих старых товарищей обратиться с убеждениями организовать стачку на новой фабрике. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», действовавший безнаказанно в течение 6—7 последних месяцев среди рабочих столицы, мог найти, конечно, самую плодотворную почву среди прядильщиков и их подручных и мог при их содействии вызвать в самом скором времени стачки рабочих почти на всех прядильных фабриках столицы...

...1) Необходимо уничтожить убеждение рабочих в том, что требование их о нормировке рабочего дня может быть исполнено немедленно...

2) Необходимо немедленно же и решительно приступить к осуществлению тех карательных мер, о которых рабочие были осведомлены градоначальником и чинами инспекции, дабы рассеять у рабочих явившееся у них представление о случайном или намеренном бессилии администрации при подавлении беспорядков...

Как бы сурово ни была подавлена нынешняя стачка, но едва ли можно рассчитывать, что спокойствие на фабриках водворится на сколько-нибудь продолжительное время. Удаленный из среды рабочих беспокойный элемент, руководящий стачечниками ныне, народится вновь. Его немедленно создаст остающаяся нетронутой наличность все тех же тяжелых условий, которые создали из рабочих столь восприимчивую почву для восприятия зловердных учений. Поэтому легко можно опасаться, что нынешней крупной стачкой, характеризующейся невиданной для наших фабричных рабочих стойкостью и выдержкой, дисциплиной, благопристойным с внешней стороны поведением и ясной формулировкой единодушного требования сокращения рабочего дня — признаками, говорящими, что нынешние фабричные рабочие далеко уже не те, какими они были 10—20 лет тому назад, — дело не кончится.

Напротив, легко можно ожидать периодических повторений стачек, и притом все более и более трудных к разрешению, так как, несомненно, опыт будет сплачивать рабочих в лучше и лучше организованную массу.

Из листовки «К рабочим бумагопрядильных и ткацких фабрик в Петербурге», выпущенной 12 июня 1896 года «Союзом борьбы»:

Друзья-товарищи! Уже прошло около 2-х недель, как мы смело объявили нашим притеснителям наши справедливые требования. Еще не так давно нас всячески стращали. Нас пугали и тюрьмой, и расчетом. За нами, как за ворами и разбойниками, зорко следят и полиция, и жандармы, и войска, и сыщики. Но нас не застрашает. «Вам дадут расчет»,— говорят нам.— Пустое, не так-то скоро найдешь тысячи новых рабочих рук на наше место. «Вы бунтовщики, вас посадят в тюрьму, отдадут под суд, вышлют на родину».— Ой ли? Хватит ли тюрем для десятков тысяч рабочих? Да уж и дорого очень обойдется содержать столько человек. Нас с квартир ташут на фабрику. Пусть ташут: мы и там не будем работать. А фабриканты все терпят да терпят убытки. Десятки и сотни тысяч уходят из их карманов. Увидели они, что с такой громадной силой, как 30—40 тысяч рабочих, шутить невозможно. И вот стали с нами говорить помягче. Вы, мол, только ступайте на работу, а там уж ваше дело разберут и ваши требования уважат. Знаем мы эти обещания! Эх, товарищи, знаем мы эту песню! Старых воробьев на мякине не проведешь.

Пройдет еще несколько дней, и с нами заговорят еще ласковее, а наконец уважат наши требования. А до тех пор пустыми угрозами и обещаниями нас нечего смущать. Мы не уступим, пока не получим своего.

Бодрей и смелей, товарищи!

*Из записки товарища прокурора
Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина:*

В декабре 1895 года и в январе 1896 года в С.-Петербурге были арестованы члены двух сообществ социал-демократов, которые вели преступную пропаганду исключительно среди фабричных и заводских рабочих путем образования среди последних тайных кружков и распространения брошюр и воззваний от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», постоянно подстрекавших рабочих к борьбе с их хозяевами и устройству стачек. Почти в каждом из этих воззваний рабочим внушалась мысль, что главным их врагом будто бы является правительство, обещающее лишь права капиталистов. Эта преступная пропаганда охватила окраины Петербурга, где груп-

пируются фабрики и заводы, и вызвала на некоторых из них в течение 1895 года волнения рабочих и стачки. Социал-демократы, как видно из их подпольной литературы, имели своей целью создать из рабочих организованную массу на почве борьбы ее за экономические интересы, а затем направить эту силу против правительства...

Упомянутые выше аресты в конце предыдущего и в начале текущего года временно приостановили преступную деятельность социал-демократов, но в течение апреля вновь появились среди рабочих в весьма значительном количестве воспроизведенные мимеографом воззвания по поводу «социалистического праздника» 1 мая (19 апреля)...

Преступная пропаганда социал-демократов не могла не оказать некоторого влияния на рабочих, подготовив в их массе почву для возникшего в ней во второй половине мая брожения.

*Из заключения прокурора Петербургской судебной палаты
В. Ф. Дейтриха о дознании по делу «Союза борьбы»:*

В первые дни возникновения стачек не было замечено непосредственного участия в возбуждении волнений среди рабочих со стороны интеллигентных агитаторов противоправительственного направления, но быстро распространения волнения в рабочей массе, охватившего большую часть столичного бумагопрядильного фабричного района, единство требований, предъявленных рабочими различных фабрик, одна система развития каждой стачки, которую начинали на фабрике прядильщики, а их забастовкой оправдывали свой отказ от работы ткачи, обрабатывающие материал, доставляемый прядильщиками, наконец, необычное внешнее спокойствие массы при этом брожении — все это указывало на то, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшей преступной пропагандой среди рабочих.

Социал-демократы, пользуясь возникшими на отдельных фабриках неудовольствиями рабочих, поспешили вмешаться в движение и путем воззваний от «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которые с 30 мая стали распространяться по фабрикам и отчасти разбрасывались на улицах, способствовали передаче движения с одной фабрики на другую и последовательному присоединению рабочих к общей стачке. 30 мая появился «листок», озаглавленный «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядильен»; в этом листке лица, принадлежащие к назван-

ному преступному сообществу, формулировали по пунктам требования рабочих с очевидной целью установить единство этих требований на всех забастовавших фабриках. На другой день содержание этого листка, как бы наскоро составленного, вошло в воззвание «Союза», озаглавленное «К рабочим всех петербургских бумагопрядилен». В этом воззвании, призывающем рабочих добиться исполнения своих требований путем стачек, рекомендуется стачечникам действовать дружно и спокойно, без буйства и насилия в интересах самого движения. В последующие дни «Союз» выпустил ряд воззваний, а именно 3 июня — «Ко всем петербургским рабочим» и 4 июня — «Ко всем рабочим петербургских заводов»; эти воззвания были попыткой вовлечь в движение кроме бумагопрядильщиков и рабочих иных по роду занятий фабрик и заводов, причем первоначальные требования дополнены некоторыми новыми и вместо рабочего дня в 10½ часов, как это выражено в первом воззвании, предъявляется требование ввести повсюду восьмичасовой рабочий день. 4 же июня появились прокламации «К рабочим бумагопрядильни Кенига» и «К рабочим Невской писчебумажной фабрики Варгунина». К этому времени на некоторых фабриках забастовки стали прекращаться, а потому 5 июня «Союз» издал воззвание «К прядильщикам, возобновившим работу», в котором старается снова вовлечь этих прядильщиков в стачку, обещая им поддержку рабочих других производств и обольщая стачечников надеждою на материальную помощь со стороны заграничных рабочих. 9 июня появилось воззвание «К рабочим Новой бумагопрядильни», а 10 июня... прокламация «Русскому обществу». Все эти воззвания были воспроизведены мимеографическим способом...

Начавшиеся во второй половине мая волнения рабочих вызвали «Союз борьбы» к усиленной агитации, которая, не ограничиваясь тесными рамками того или другого рабочего кружка, выразилась в устройстве сходок рабочих на улице в окраинах столицы, куда собирались рабочие с разных фабрик и откуда ими разносились для возможно более широкого распространения многочисленные воззвания «Союза».

Из сообщения «Стачка рабочих с.-петербургских бумагопрядильных и ткацких фабрик», опубликованного в № 1 «Листка «Работника»»:

Такое огромное значение петербургская стачка приобрела не потому только, что в ней участвовало

так много рабочих. Столько же, если еще не больше, она обязана этим тому обстоятельству, что руководителем ее выступила рабочая организация — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Союз этот образовался всего только год назад и уже за это короткое время успел многое сделать для разьяснения рабочим необходимости дружной борьбы против эксплуататоров. Он уже неоднократно помогал петербургским рабочим при столкновениях с их «хозяевами». А в последней стачке помощь его оказалась особенно важной. Он был лучшим советником рабочих, им напечатаны и распространены в большом количестве экземпляров требования стачечников. «Союз» заботился о том, чтобы привлечь к ним симпатии общества; он делал сборы в их пользу и раздавал накопившиеся суммы наиболее нуждающимся; он старался привлечь новые фабрики и заводы на сторону стачечников; он словом и делом поддерживал колеблющихся; он же разьяснял рабочим значение мер, принимаемых начальством, и смысл прокламаций градоначальника и министра финансов. Наконец, благодаря его прокламациям и его деятельности о стачке узнали заграничные рабочие и весь образованный мир.

*Из письма английских рабочих организаций
«Союзу борьбы за освобождение рабочего класса»
13 августа 1896 года:*

Соединенный комитет, организованный здесь для собирания денег в помощь великой С.-Петербургской стачке, шлет вам свои братские поздравления и выражает свое сердечное удовольствие по поводу результатов, достигнутых вашими усилиями... Соединенный комитет желает также сообщить вам, что известие о вашей стачке было принято здесь с величайшим удовольствием, лучшим доказательством чему и служит выражение своего сердечного сочувствия британскими рабочими в самой практической форме подписки в пользу основанного нами фонда русской стачки.

*Из № 34 (за 1896 год) «Летучих листков»,
издаваемых Фондом вольной русской прессы в Лондоне:*

Петербургская стачка явилась первым случаем применения к России великого принципа международной братской помощи в борьбе за права труда. Это великое дело. Им установлена не отвлеченная только, а фактическая связь между русским рабочим и западным. Отныне и тот и другой будут сражаться за свои

права в одном строю, одинаковым оружием, и, что всего важнее, стоя рядом, они будут одушевлены тою уверенностью в конечной победе, которая дается взаимным уважением и уверенностью в поддержке двух испытанных в бою товарищей.

Помощь петербургским стачечникам оказана была из Франции, Швейцарии, Германии, Австрии и Англии.

Из доклада Г. В. Плеханова Международному рабочему социалистическому конгрессу в 1896 году:

Впечатление от стачки получилось потрясающее. Петербургское буржуазно-чиновничье общество, ошеломленное неожиданным для него явлением, задавало себе вопрос: неужели и у нас на Руси есть рабочий вопрос, неужели и у нас проснулся беспокойный дух пролетария, не дающий спать «гнилому Западу»? В особенное недоумение приводило петербургского обывателя необычайное спокойствие, дисциплина забастовавшей массы рабочих... Изумленный Петербург в первый раз громко заговорил о рабочем движении: стачку обсуждали, ее защищали, на нее нападали, о ней толковали все, она у всех была на устах, даже у тех, кому впервые приходилось обращать внимание на подобного рода вопросы...

Каков, спросят нас, результат стачки, что дала она, если вообще дала что-нибудь петербургскому рабочему? Некоторые требования рабочих были удовлетворены, другие было обещано рассмотреть впоследствии. Это немного. Но не в этом смысл и великое значение только что закончившейся стачки. Нам важен и дорог ее поистине огромный нравственный результат. Она служила живым свидетельством того, что русский рабочий умеет дружно и стойко стоять за свои интересы, что он способен к дисциплине, к организации, вызывающей слова удивления у злейших врагов его.

Стачка была, и это главное, живым уроком самому рабочему. Постоянные столкновения с полицией чрезвычайно наглядно и чувствительно показали ему его бессилие в нынешнем русском государстве; он понял, что за спиной капитализма стоит другой враг — русское самодержавие; он понял, что ему нужно прежде всего и больше, чем кому бы то ни было, добиваться политической свободы. Фактически политический вопрос всплыл во время стачки на поверхность русской общественной жизни.

В. И. Ленин:

Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX века), сопровождаясь

«стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение... Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед, какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

...Теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая впадала к рабочим.

Из статьи В. И. Ленина «Первые уроки»:

1896-ой год: петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих. Массовое движение с началом уличной агитации, при участии уже целой социал-демократической организации. Как ни мала еще, по сравнению с теперешней нашей партией, эта почти исключительно студенческая организация, все же ее сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, что движение приобретает гигантский размах и значение против мо-

розовской стачки. Правительство опять идет на экономические уступки. Стачному движению по всей России положено прочное основание.

Листовка

«Царскому правительству»

Н. К. Крупская. ...В («Союз борьбы»)... входили новые товарищи, но это была публика уже менее идейно закаленная, а учиться уже было некогда, движение требовало обслуживания, требовало массы сил, все уходило на агитацию, о пропаганде некогда было и думать. Листковая агитация имела большой успех. Стачка 30 тысяч питерских текстилей, разразившаяся летом 1896 года, прошла под влиянием социал-демократов и многим вскружила голову.

М. А. Сильвин: Заветным нашим желанием было именно внести в массовое движение сознательную политическую идею, идею борьбы за низвержение самодержавия, за политическую свободу. Но из опасения сделать преждевременный, тактически ошибочный шаг мы бессознательно скатывались к «экономизму»... Ленин, как это можно видеть теперь по статьям в «Рабочем деле», по «Друзьям народа» и другим его работам, стремился в нашей пропаганде и агитации заострить политические мотивы, определенно, решительно и ясно при всех условиях и во всякой обстановке подчеркивать политический характер нашей борьбы, наших очередных задач. Без Ленина мы постепенно скатывались к оппортунизму. Резким подчеркиванием политических задач движения мы боялись отпугнуть от «Союза борьбы» рабочую массу, которая казалась нам более «серой», чем она была в действительности.

Н. К. Крупская: Помню, как однажды (кажется, в начале августа) на собрании в лесу, в Павловске, Сильвин читал вслух проект листовки.

В одном месте там попала фраза, прямо ограничивающая рабочее движение одной экономической борьбой. Прочтя ее вслух, Сильвин остановился:

— Ну и загнул же я, как это меня угораздило,— сказал он, смеясь.

Фраза была вычеркнута.

М. А. Сильвин: Это «загнул» очень хорошо сказано. Успех «аполичности» опьянил нас, и мы действительно скатывались к экономизму. Освободиться от этого уклона и вновь выпрямиться мне самому удалось только в сибирской ссылке благодаря возобновившемуся личному общению с Владимиром Ильичем.

Н. К. Крупская: Во время стачки 1896 года в нашу группу вошла группа Тахтарева, известная под кличкой Обезьяны, и группа Чернышева, известная под кличкой Петухи*. Но пока «декабристы» сидели в тюрьме и держали связь с волей, работа шла еще по старому руслу.

В. И. Ленин: Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы)...

*Из докладной записки градоначальника Петербурга
Н. В. Клейгельса министру внутренних дел
И. Л. Горемыкину 5 августа 1896 года:*

Поступившие в мои руки данные о нравственных и материальных условиях существования рабочих на петербургских бумагопрядильнях привели меня в свое время к убеждению в необходимости параллельно с мерами, непосредственно направленными к подавлению забастовок, охвативших в минувшем июне месяце упомянутые выше фабрики⁷⁷, приступить к выяснению многих вопросов, всестороннее и беспристрастное исследование которых должно было, по моему мнению, способствовать устранению глубокого антагонизма, доселе составляющего характеристическую черту взаимных отношений фабрикантов и рабочих...

...Промедление в разрешении столь острого и давно назревшего вопроса, каковым представляется нормирование продолжительности рабочего дня без сокращения в то же время размера заработка, может вызвать новые беспорядки, так как настроение рабочих отнюдь не может быть названо устойчивым... Разочарование в близкой осуществимости питаемой в течение длинного ряда лет надежды может повести к волнениям, объем и последствия которых трудно предсмотреть.

---

* 12 августа 1896 года произошел новый провал: провалились почти все «старички» и многие из «петухов». Я тоже была арестована тогда же.

*Резолюция министра внутренних дел
на записке Клейгельса:*

Весьма нужное. Внести в письмо министру финансов.

В. И. Ленин:

Правительство отвечало на стачки дикими преследованиями, хватало и высылало без суда массы рабочих; правительство пыталось с перепугу повлиять на рабочих глупенькими фразами о христианской любви фабрикантов к рабочим (циркуляр министра Витте фабричным инспекторам, изданный в 1895—1896 гг.). Но на эти фразы рабочие отвечали только смехом, и никакие преследования не могли остановить движения, охватившего десятки и сотни тысяч рабочих. Правительство поняло тогда, что необходимо уступить и исполнить хоть часть требований рабочих. Кроме зверской травли стачечников и лживо-ханжеских фраз, петербургские рабочие получили в ответ обещание правительства издать закон о сокращении рабочего дня.

Н. К. Крупская: ...Прокламация «Царскому правительству» подводила итоги забастовки и звала к дальнейшей, более углубленной борьбе.

*Из листовки В. И. Ленина «Царскому правительству»
(ноябрь 1896 года):*

...На этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикое насилия правительства. Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках,— и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ...

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов Витте, разослал циркуляр фабричным инспекторам, и в этом циркуляре обзывал рабочих и социалистов «злейшими врагами общественного порядка», советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помysel фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны «хороших чувств». О самых стачках правительство не говорило, оно

не сказало ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона, чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки *изолгало* все бывшие летом и осенью 1895-го года стачки, попыталось отделаться избитыми казенными фразами о насильственных и «противозаконных» действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайну, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство, видя себя по обыкновению одуроченным со своими всем известными «тайнами», напечатало его в газетах... Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось,— оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 «Правительственного Вестника». На этот раз не удалось уже по-прежнему изолгать рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело, в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие вели себя «чинно». Таким образом, рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи: они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением,— добиться своего права...

На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, обрушилась вся сила государственной власти, с полицией и войском, жандармами и прокурорами,— против рабочих, державшихся на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам фабрикантам.

Рабочие были не объединены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других

рабочих, их травили повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило!..

Рабочие увидели ясно политику правительства — замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы. Стачки 1895—1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать *политическое положение и политические нужды рабочего класса.*

Вскоре после написания ленинская листовка «Царскому правительству» была распространена «Союзом борьбы» на заводах и фабриках Петербурга.

Близится финал

2 декабря 1896 года Владимир Ильич обратился к прокурору со следующим «прошением»:

Его Высокоородию Господину Прокурору СПб. Округного Суда

Помощника присяжного поверенного
Владимира Ульянова (камера № 193)

ПРОШЕНИЕ

Имею честь просить о передаче сестре моей Анне Ильиничне Елизаровой прилагаемых при этом

- 1) письма
- 2) рукописи № 1 («Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни») и
- 3) рукописи № 2 («Очерки политической экономии начала XIX века»).

Помощник присяжного поверенного
В. Ульянов

На «прошении» Владимира Ильича прокурор поставил резолюцию, разрешающую выдать указанные рукописи.

Расписка сестры Ленина: Обе рукописи получила Анна Елизарова.

*Из письма М. Т. Елизарова А. П. Скляренко
21 октября 1896 года:*

Дело путешественников * перешло в министерство внутренних дел. Надо думать, что до рождества окончится. Наши теперь живут в Питере, а в Москве я с младшими.

Брат (*В. И. Ленин*) чувствует себя отлично. Пишет без конца. Выглядит очень бодро, хотя нельзя сказать, что на нем все это не отразилось.

Из письма М. Т. Елизарова И. Х. Лалаянцу:

Наши живут в Питере. Ждут финала... Уже все прошло в последней инстанции, от министерства юстиции до министерства внутренних дел; надеются, что ноябрем все кончится... Брудер (*В. И. Ленин*) чувствует себя отлично. Работает над капитальной статьей о внутренних рынках. Когда эта статья выйдет, то вперед можно сказать, что «удивит мир злодейством» и «упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли»...

До последнего времени все собирал материалы⁷⁸, но теперь засел писать. Боится, что не окончит к окончанию предварительного следствия.

Из «Доклада по делу о возникших в С.-Петербурге в 1894 и 1895 годах преступных кружках лиц, именующих себя «социал-демократами»»:

Ближайшим поводом для деятельности социал-демократов среди рабочих и распространения между последними воззваний, призывавших рабочих к борьбе с капиталистами, служили возникавшие разновременно на фабриках и заводах недоразумения между рабочими и хозяевами из-за заработной платы; и заявления социал-демократов о том, что они ведут борьбу за освобождение рабочего класса от гнета капиталистов, по-видимому, указывали, что целью их является единственно улучшение быта рабочих, хотя и преступным

---

* Так М. Т. Елизаров называет *В. И. Ленина* и его товарищей по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса».

путем стачек, и что, таким образом, агитационная их деятельность имеет исключительно экономический характер.

Но произведенное в С.-Петербургском губернском жандармском управлении по означенным сообщениям департамента полиции дознание, начавшееся 12 декабря 1895 года, выясняет, что борьба рабочих с капиталистами-хозяевами, на которую постоянно и деятельно подстрекали рабочих социал-демократы, должна была, по их программе, служить лишь школою для постепенного развращения рабочих в политическом отношении и образования из них сплоченной и организованной силы для восстания в более или менее отдаленном будущем против правительства с целью ниспровержения существующего государственного строя.

...Дознанием установлены данные, указывающие, что группу народовольцев, совершенно расстроенную в 1894 году уголовным преследованием, заменили в противоправительственной пропаганде среди рабочих лица... начавшие действовать по иной программе и именовавшиеся социал-демократами. Эта программа излагалась в подпольных брошюрах, издававшихся в тайной типографии, и состояла в постепенном сплочении рабочих на почве их борьбы за свои экономические интересы в одну организованную массу, в тех видах, что борьба на экономической почве послужит для рабочих школою и последовательно увлечет массу в борьбу за политические права, которая разрушит существующий государственный строй. Ставя своей конечной целью государственный переворот посредством организованной силы рабочих, социал-демократы, как видно из распространявшихся ими подпольных брошюр и воззваний, которые призывали рабочих к стачкам или поддерживали уже возникшие столкновения рабочих с их хозяевами, неизменно указывали рабочим на правительство как на их главного врага, действующего будто бы за спиною хозяев во вред рабочим.

Дознанием установлено, что социал-демократы в 1894 году и 1895 году образовали между собой сообщество для совместной противоправительственной пропаганды через тайные рабочие кружки. К одному из этих сообществ, известному среди других социал-демократов под названием «старой интеллигенции», принадлежали обвиняемые Петр Запорожец, Глеб Кржижановский, Владимир Ульянов, Анатолий Ванеев, Василий Старков, Юлий Цедербаум, Яков Ляховский, Александр Малченко... Социал-демократиче-

ское сообщество в своей преступной пропаганде в рабочих кружках встретило деятельных сотрудников из числа наиболее распропагандированных рабочих, которые собирали вокруг себя отдельные рабочие кружки; постепенным развращением в политическом отношении участников этих тайных кружков и занялись члены указанного социал-демократического сообщества. Такими сотрудниками социал-демократов, как выяснено дознанием, были рабочие: Василий Антушевский, Николай Иванов, Николай Рядов, Никита Меркулов, Василий Шелгунов, Иван Бабушкин, Борис Зиновьев и Петр Карамышев. К этим лицам примыкают группы рабочих, которых они вовлекли в свои кружки.

В «обвинительном заключении» о В. И. Ульянове говорилось:

...Помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов летом 1895 года ездил за границу, где, по агентурным сведениям, вошел в сношения с эмигрантом Плехановым с целью установить способ для правильного водворения в Петербург революционной литературы, затем, по возвращении в Петербург, участвовал в составлении статей для подпольной газеты сообщества «Рабочее дело», руководил кружками Меркулова и Шелгунова за Невской заставой, посещал сходки у Ивана Федорова на Васильевском острове и в квартире Зиновьева и Карамышева в Огородном переулке, именуясь Федором Петровичем, и передал Меркулову деньги для поддержания рабочих, сделавших в ноябре 1895 года забастовку на фабрике Торнтона.

Зная о том, что ее сына ждет ссылка в Восточную Сибирь, Мария Александровна в первой половине декабря 1896 года обратилась в департамент полиции с просьбой назначить Владимиру Ильичу местом пребывания город, где условия жизни были бы менее тяжелыми. В ответ на это департамент полиции направил петербургскому градоначальнику такое отношение:

Департамент полиции имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении к объявлению проживающей по Литейной, дом 25, кв. 10, дворянке Марии Ульяновой на поданное прошение, что вопрос о назначении сыну ее Владимиру Ульянову города для водворения под надзор полиции зависит от усмотрения иркутского генерал-губернатора, к которому она и может обратиться со своим ходатайством по объявлении Владимиру Ульянову о месте высылки.

В административном порядке

Из справки департамента полиции 23 декабря 1896 года:

Ульянов, Владимир Ильин, помощник присяжного поверенного, привлечен к делу с.-петербургского кружка социал-демократов. Сидит под стражей с 9 декабря 1895 года. Министр юстиции полагает выслать Ульянова в Восточную Сибирь на 3 года. Департамент согласился с этим мнением, и дело возвращено в министерство юстиции 18 декабря за № 2778.

*Резолюция вице-директора
департамента полиции Г. К. Семякина:*

Надо при случае сказать С. Г. Ковалевскому, что Ульянов не заслуживает особых снисхождений, это Елизарова хлопочет.

Прокурор петербургской судебной палаты «полагал разрешить настоящее дознание на основании 1035 статьи Устава уголовного судопроизводства в административном порядке» и признал всех обвиняемых «изобличенными по дознанию в преступлении, предусмотренном 250 статьей Уложения о наказаниях».
Меры наказания прокурор предлагал следующие:

...Студента С.-Петербургского технологического института Петра Кузьмина Запорожца, 24 лет... студента того же института Анатолия Александрова Вансеева, 24 лет... инженера-технолога Глеба Максимилианова Кржижановского, 23 лет... инженера-технолога Василия Васильева Старкова, 26 лет... помощника присяжного поверенного Владимира Ильина Ульянова, 28 лет*... сына потомственного почетного гражданина Юлия Иосифова Цедербаума, 23 лет... лекаря из виленских мещан Якова Лейбова Ляховского, 25 лет... как главных деятелей социал-демократического сообщества, выслать под надзор полиции в Восточную Сибирь... Запорожца... на 5 лет... а Вансеева... Кржижановского, Старкова, Ульянова, Цедербаума и Ляховского на три года каждого;

обвиняемых... инженера-технолога Александра Леонтьева Малченко, 25 лет... крестьянина Вологодской губернии, Тотемского уезда, села Лейденского Ивана Васильева Бабушкина, 23 лет... запасного ефрейтора Василия Андреева Шелгунова, 28 лет... выслать под надзор полиции в Архангельскую губернию на три года каждого...

---

* Владимиру Ильичу шел в это время 27-й год.

*Из секретного письма министра юстиции
Н. В. Муравьева министру внутренних дел И. Л. Горемыкину
29 января 1897 года:*

Государь император по всеподданнейшему докладу моему обстоятельств дела о студенте С.-Петербургского технологического института Петре Запорожце и других, обвиняемых в государственном преступлении, в 29 день января 1897 года высочайше повелеть соизволил разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы:

1) Выслать под гласный надзор полиции: а) в Восточную Сибирь Петра Запорожца на пять лет, а Анатолия Ванеева, Глеба Кржижановского, Василия Старкова, Якова Ляховского, Владимира Ульянова, Юлия Цедербаума, Пантелеймона Лепешинского на три года каждого...

*А. И. Ульянова-
Елизарова:*

Все мы — родственники заключенных — не знали, какого приговора ждать. По сравнению с народовольцами социал-демократов наказывали довольно легко. Но последним питерским инцидентом было дело М. И. Бруснева, которое кончилось сурово: 3 года одиночки и 10 лет ссылки в Восточную Сибирь — так гласил приговор главе дела.

Мы очень боялись долгого тюремного сидения, которого не вынесли бы многие, которое, во всяком случае, сильно подорвало бы здоровье брата. Уже и так к году сидения Запорожец заболел сильным нервным расстройством, оказавшимся затем неизлечимой душевной болезнью; Ванеев худел и кашлял (умер в ссылке... от туберкулеза); Кржижановский и остальные тоже более или менее нервничали.

Поэтому приговор к ссылке на три года в Восточную Сибирь был встречен всеми прямо-таки с облегчением.

П. Н. Лепешинский:

Административный приговор для всех участников дела получился довольно мягкий. Почти все ответственные, с точки зрения жандармов, персонажи получили по 3 года Восточной Сибири, за исключением Запорожца, который в качестве предполагаемого лидера сообщества получил 5 лет ссылки. Ергин, квалифицируемый как народоволец да еще имевший контакт с народовольческой типографией, работавшей и на социал-демократов, сначала был приговорен к 8 годам ссылки, но министр внутренних дел уменьшил этот срок до 5. Таким же образом и мне первоначальный проект 5-летнего срока ссылки был заменен пригово-

ром, который уравнивал меня с положением членов кружка В. И. Ульянова (ссылка на 3 года в Восточную Сибирь).

А. И. Ульянова-Елизарова:

...Помню, как я успокаивала мать тем, что три года — срок недолгий, что физическое здоровье брата поправится в хорошем климате Минусинского уезда, а также и тем, что к нему поедет, наверное, по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело) и он будет не один.

Назначение Владимиру Ильичу Минусинского уезда произошло вследствие прошения о том матери...

10 февраля 1897 года мать Владимира Ильича обратилась с ходатайством к директору департамента полиции:

Его превосходительству господину директору департамента полиции.

Вдовы действительного статского советника Марии Александровны Ульяновой.

ПРОШЕНИЕ

Вследствие того, что высылаемый в Восточную Сибирь сын мой Владимир Ульянов слабого здоровья, почему я не решаюсь отпустить его одного и вознамерилась сопутствовать ему в ссылку, то имею честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить ему проследовать на место ссылки на свой счет с проходным свидетельством.

Вдова д. с. с. *Мария Ульянова.*

10-го февраля
1897 г.

На «прошении» Марии Александровны — две резолюции.

Первая:

В доклад г. министру и на два дня разрешить приезд в Москву. 12/II.

Вторая:

Разрешить ввиду совместной поездки с матерью, с правом остановки в Москве на два дня. 12/II.

Из письма исполняющего должность директора департамента полиции С. Э. Зволянского в Главное тюремное управление 12 февраля 1897 года:

Министерством внутренних дел признано возможным разрешить высылаемому на основании высочай-

шого повеления 29 января 1897 года за государственное преступление в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на три года Владимиру Ильину Ульянову следовать из Петербурга в ссылку на свой счет по проходному свидетельству.

Сообщая об изложенном, в дополнение к отношению от 7 сего февраля... департамент полиции имеет честь покорнейше просить Главное тюремное управление не отказать в зависящем распоряжении об освобождении Ульянова из-под стражи с передачей его в ведение петербургского градоначальника.

А. И. Ульянова-Елизарова:

Питерские знакомые очень настаивали на необходимости этого (*поездки к месту ссылки на свой счет*), чтобы сберечь его недюжинные силы. А. М. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающегося, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства...

Всем освобожденным «декабристам», пишет Анна Ильинична, разрешено было пробыть до отправки три дня в Петербурге, в семьях:

Говорили, что полиция спохватилась уже после времени, что дала маху, пустив гулять по Питеру этих социал-демократов, что совсем не такой мирный они народ; рассказывали также, что Зволянскому был нагоняй за это.

13 февраля 1897 года Владимир Ильич был вызван к помощнику начальника Дома предварительного заключения, где ему объявили следующее постановление:

От департамента полиции объявляется помощнику присяжного поверенного Владимиру Ильину Ульянову, что на основании высочайшего повеления, последовавшего в 29 день января 1897 года в разрешение дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Ульянов, подлежит высылке в Восточную Сибирь под надзор полиции на три года, сроком по 29 января 1900 года.

На документе пометка:

Настоящее постановление мне объявлено 13 февраля 1897 г.

Помощник прис. поверенного В. Ульянов.

Последние дни в Петербурге

14 февраля 1897 года Владимир Ильич был выпущен из Дома предварительного заключения.

Из письма и. д. директора департамента полиции Зволянского петербургскому градоначальнику 14 февраля 1897 года:

Министерством внутренних дел признано возможным разрешить высылаемому на три года в Восточную Сибирь Владимиру Ильину Ульянову, ввиду ходатайства следующей вместе с ним по назначению матери названного лица, остаться в С.-Петербурге до вечера 17-го сего февраля для сборов в дорогу и совета с врачами.

Об изложенном департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, в дополнение к отношению от 12 сего февраля за № 1417, для зависящего распоряжения и объявления о том Ульянову, покорнейше прося сделать распоряжение об учреждении за названным лицом на время пребывания его в столице независимо гласного надзора полиции также негласного наблюдения и о последующем сообщить департаменту.

П. Н. Лепешинский:

...Ильич выходит из тюремных ворот такой же радостный, быстрый, с таким же всепожирающим аппетитом к революционной творческой работе, как и в то время, когда он подымал вокруг себя свежую новь пролетарской классовой борьбы «на берегах Невы».

А. И. Ульянова-Елизарова:

Ко дню его освобождения мы занимали с матерью комнату на Сергиевской (*дом № 13, кв. 16*)... Помню, как в тот же день к Владимиру Ильичу прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, А. А. Якубова. И очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой.

Он мог развезжать в конке по питерским улицам, мог повидаться с товарищами...

Собрания были встречами «старых» и «молодых». Велись дебаты о тактике. Особенно таким, чисто политическим собранием было первое — у Радченко... На первом собрании разгорелась дискуссия между «декабристами» и позднейшими сторонниками «Рабочей мысли»⁷⁹: спорил Ильич, которого поддерживали

все «старики», с Якубовой. Последняя очень разволновалась: слезы выступили у нее на глаза. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать. Оно клонилось к тому, что газета должна быть подлинно рабочей, ими составляться, их мысли выражать; она радовалась пробуждающейся инициативе рабочих, массовому характеру ее. Ильич указывал на опасность «экономизма», который он предвидел раньше других. Спор вылился в поединок между двумя. Мне было жаль Якубову; я знала, как беззаветно предана она революции, с какой трогательной заботливостью относилась лично к брату за время заключения...

В. И. Ленин:

В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку, на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «Уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка «Работника»»... Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упорчение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами...

Н. К. Крупская:

Когда Владимир Ильич вышел из тюрьмы, я еще сидела (в Доме предварительного заключения). Несмотря на чад, охватывающий человека по выходе из тюрьмы, на ряд заседаний, Владимир Ильич ухитрился все же написать письмишко о делах. Мама рассказывала, что он в тюрьме поправился даже и страшно весел.

Между 14 и 17 февраля В. И. Ленин сфотографировался с членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» А. А. Ваневым, П. К. Запорожцем, Г. М. Кржижановским, А. Л. Малченко, Л. Мартовым, В. В. Старковым. Сфотографировался он также и отдельно.

А. И. Ульянова-Елизарова: На третий день мы все трое (*Владимир Ильич, Мария Александровна и Анна Ильинична*) уехали в Москву. Не помню уже, было на этот счет дополнительное напоминание со стороны «начальства» или мы сами сочли благоразумнее не откладывать отъезда.

Из донесения петербургского охранного отделения в департамент полиции 20 февраля 1897 года:

Вследствие отношения от 14 сего февраля за № 1510 имею честь уведомить департамент полиции, что освобожденный из С.-Петербургского дома предварительного заключения и подлежащий высылке в Восточную Сибирь сын действительного статского советника Владимир Ильин Ульянов 17 числа сего месяца выбыл по проходному свидетельству в г. Иркутск, с правом остановки на два дня в г. Москве.

Н. К. Крупская: Этот петербургский период работы Владимира Ильича был периодом чрезвычайно важной, но невидной по существу, незаметной работы. Он сам так характеризовал ее. В ней не было внешнего эффекта. Вопрос шел не о героических подвигах, а о том, как наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой. Но именно в этот период петербургской работы выковался из Владимира Ильича вождь рабочей массы.

Е. М. Ярославский: То, что Ленин писал в 1894 году, оправдалось полностью. Именно так произошла революция, как тогда о ней писал и говорил Ленин. Ленин правильно предвидел ее ход и исход. Революция действительно совершилась так, что рабочий класс под руководством своей партии стал вождем (гегемоном) революции, что за ним пошли миллионы крестьян. Благодаря этому удалось свергнуть царское самодержавие, помещиков и капиталистов, совершить социалистическую революцию...

А. И. Ульянова-Елизарова: Владимир Ильич пошел в ссылку вождем, признанным многими.

А. С. Шаповалов: Уже тогда, на заре деятельности нашей партии, в глазах всех, знавших Владимира Ильича, личность его вырисовывалась как личность вождя.

З. П. Невзорова-Кржижановская: Утро нашей партии. И сами мы на пороге жизни... Маленькая кучка рабочих и интеллигентов среди миллионов резко враждебных или глубоко безразличных масс...

Маленькая кучка без средств, без литературы, без оружия и — огромный могущественный государственный механизм со всеми усовершенствованными орудиями борьбы и подавления: полиция тайная и явная, войска, миллионные средства, вся пресса, университетская наука, школа и прочее, и прочее...

— Ваше дело безнадежное, вы безумцы и хотите прошибить лбом каменную стену,— говорил нам знаменитый в те времена профессор истории на прощальном студенческом вечере, когда мы, то есть группа курсисток Высших женских курсов, доказывали ему неизбежность и необходимость бороться революционным путем за низвержение существующего строя и за осуществление социализма.

И вот 25 лет пролетело в истории народа⁸⁰. Каменная стена, казавшаяся несокрушимой ученому профессору, уже три года лежит в развалинах и только отдельные уцелевшие бастионы ее то тут, то там пытаются оказывать сопротивление. А маленькая кучка «безумцев» выросла в огромную, охватывающую самые глубокие слои народа партию, сумевшую осуществить в жизни власть рабочих и крестьян и поднявшую красное знамя над всем миром.

Линия развития неукротимо стремительная и в своей стремительности — неукротимо жизненная.

Что же случилось? Что дало силу этой горстке людей начала 90-х годов, как могли осуществиться через 25 лет, в течение одной человеческой жизни, самые «безумные» надежды ее, самые «дерзкие» лозунги?

Дело было просто: у нее в руках был ключ к неизвестному будущему — великая теория Маркса, прорубавшая ясную дорогу для работы, за ней стояли огромные пролетарские массы, еще неподвижные, еще пассивные, но полные глубокой и скрытой жизненной силы.

Среди них каждое слово пропагандиста-марксиста было в точку, каждое слово освещало тот или иной угол действительности, создавало волю к тому или иному действию.

Работа среди них была поистине благодарная работа, и я не раз удивлялась внутренне, с какой легко-

стью усваивалась ими теория прибавочной стоимости Маркса, как были они самой жизнью подготовлены к восприятию ее.

Все это создавало глубокую уверенность в правильности пути, в несокрушимости нашей линии, в несомненности нашей победы. Будущее было за нас, и мы то и дело получали подкрепление в виде известий об образовании все новых и новых групп в различных промышленных центрах России.

И еще было огромное историческое счастье для работы — это то, что во главе РСДРП был с самого начала В. И. Ульянов, без которого вся ее работа имела бы и иной темп, и иное русло, и иной характер. С самого ее рождения... его ум, его воля, его огромное политическое чутье проникали всю работу, давали ей направление, ставили основные вехи на ее пути.

И вся история партии есть вместе с тем история его жизни и работы.

Примечания

Указатели

Примечания

¹ К этому месту воспоминаний М. К. Названова Н. К. Крупская делает такое примечание: «Насчет массы: не вели с ней широкой работы не потому, что не хотели, а не было найдено еще способов связи» («Пролетарская революция», 1931, № 2-3, стр. 97).— 20.

² Василий Иванович Сергеевич (1835—1910) — известный историк русского права, автор трудов «Вече и князь», «Лекции и исследования по истории русского права», «Русские юридические древности» и других. В 1891 году Владимир Ильич сдавал экзамены комиссии Петербургского университета, возглавляемой деканом юридического факультета В. И. Сергеевичем.— 25.

³ Александра Яковлевна Ефименко (1848—1918) — русский и украинский историк и этнограф, автор ряда трудов по истории общественных отношений и землевладения в России, привлечших к себе внимание Ленина.— 26.

⁴ Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) — юрист-государствовед, философ и историк, родоначальник юридической школы в буржуазной историографии.— 26.

⁵ Позднее в труде «Развитие капитализма в России» Ленин писал, что «связь переселений с разложением крестьянства вполне доказана И. Гурвичем в его превосходном исследовании: «Переселения крестьян в Сибирь» (М. 1888). Мы усиленно рекомендуем читателю эту книгу, которую усердно старалась замолчать наша народническая пресса» (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 175).— 26.

⁶ А. И. Скворцов (1848—1914) — буржуазный экономист, автор исследований по политической экономии и экономике сельского хозяйства. В своих ранних работах Владимир Ильич неоднократно выступал против попыток причислить А. И. Скворцова к марксистам.— 26.

⁷ На указанную книгу экономиста и публициста А. К. Корсака (1832—1874) Владимир Ильич много раз ссылается в «Развитии капитализма в России».— 27.

⁸ В своем имени Батищеве Смоленской губернии публицист-народник А. Н. Энгельгардт (1832—1893) экспериментировал в ведении рационального хозяйства. Этому эксперименту В. И. Ленин посвятил одну из главок «Развития капитализма в России», где убедительно показал, что «собственное хозяйство Энгельгардта лучше всяких рассуждений опровергает народнические теории Энгельгардта» (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 213).— 27.

⁹ Максим Максимович Ковалевский (1851—1916) — историк, этнограф, социолог и политический деятель, исследователь родовых отношений и обычного права народов Кавказа, а также истории крестьянской общины.— 27.

¹⁰ Основанная в 1893 году М. А. Натансоном, О. В. Аптекманом, Н. С. Тютчевым и другими партия «Народное право» представляла собой народническую организацию, выступавшую с требованиями политических свобод—

представительности правления, свободы сходов, печати, вероисповедания, самоопределения населяющих Россию народов. Летом 1894 года была разгромлена царским правительством.— 28.

¹¹ По совету Владимира Ильича С. П. Шестернин написал брошюру «Десятилетие морозовской стачки», которая была дважды издана за границей — в 1897 году «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и в 1901 году ленинской «Искрой».— 30.

¹² «Новости» — издававшаяся в Петербурге с 1871 года ежедневная газета, выражавшая интересы крупной промышленной буржуазии. С 1880 года, после слияния с «Биржевой газетой», стала называться «Новости и Биржевая газета».— 38.

¹³ С И. Н. Чеботаревым Владимир Ильич был знаком еще по Симбирску. Столоваться у Чеботаревых он стал с поздней осени 1895 года (см. стр. 295 наст. издания).— 39.

¹⁴ 1 марта 1881 года в Петербурге народовольцами был убит Александр II.— 72.

¹⁵ Егор Афанасьевич Климанов (Афанасьев) (1866—1918) — рабочий-революционер, член «Товарищества с.-петербургских мастеровых», организованного П. В. Точисским, а затем группы М. И. Бруснева, участник трех русских революций.— 73.

¹⁶ Михаил Иванович Бруснев (1864—1937) — создатель одной из первых (вслед за группами Д. Н. Благоева и П. В. Точисского) социал-демократических организаций. Один из организаторов празднования первой маевки в России (1891 год). Им были созданы кружки в Москве, установлена связь с другими городами, а также с группой «Освобождение труда».— 73.

¹⁷ Владимир Илларионович Прошин — рабочий-революционер, член группы М. И. Бруснева, один из ораторов на первомайском рабочем собрании в 1891 году в Екатерингофском парке в Петербурге.— 73.

¹⁸ М. Я. Сущинский — один из руководителей петербургской «группы народовольцев». В апреле 1894 года был арестован за революционную пропаганду, сидел в тюрьме, а затем, в январе 1896 года, на восемь лет сослан в Восточную Сибирь.— 79.

¹⁹ Б. Л. Зотов — один из создателей изданного народовольцами «Рабочего сборника». В апреле 1894 года был арестован вместе с Сущинским и М. С. Ольминским и погиб в Петропавловской крепости.— 80.

²⁰ Сергей Иванович Фунтиков — рабочий-революционер, самоотверженный борец за рабочее дело, принимавший активное участие в организации рабочих кружков и в налаживании связей между рабочими. В 1894 году Фунтиков был арестован и на три года выслан из Петербурга под надзор полиции.— 89.

²¹ К. М. Норинский рассказывает: «Петр Андреевич Морозов — мой старый товарищ по Петербургу... по профессии ткач... Человек очень много читавший, с хорошей памятью, он был и поэтом... Это был на редкость чудный товарищ, всей душой преданный революции» («От группы Благоева к «Союзу борьбы»). (Ростов-на-Дону, 1921, стр. 35). В мае 1901 года ленинская «Искра» писала о П. А. Морозове как о «лучшем агитаторе нашего движения».— 89.

²² В своем труде «Исторические письма» П. Л. Лавров пытался дать молодому поколению руководство для «сознательного участия в общественной жизни». Провозглашая теорию «героев» и «толпы», он утверждал, что про-

гресс человечества — результат деятельности «критически мыслящих личностей». — 103.

²³ Николай Иванович Зибер (1844—1886) — экономист, один из первых в России популяризаторов экономических идей К. Маркса. В его «Очерках первобытной экономической культуры» дан анализ общинной собственности у древнейших народов. — 108.

²⁴ Имеется в виду изданная в 1882 году под псевдонимом В. В. книга В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России». — 108.

²⁵ Павел Николаевич Скворцов (1854—1931) — статистик, литератор, организатор социал-демократических кружков в Нижнем Новгороде. В статье «Некритическая критика» В. И. Ленин писал, что П. Н. Скворцов «пятится назад, от анализа конкретной и исторически особой действительности к простому списыванию Маркса» (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 615). — 128.

²⁶ Кроме С. И. Мицкевича и А. Н. Винокурова в московскую марксистскую группу входили М. Н. Лядов, П. И. Винокурова, Е. И. Спonti, С. И. Прокофьев. — 141.

²⁷ Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891) — общественный деятель, публицист, литературный критик. Последователь В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. Похороны Н. В. Шелгунова вылились в антиправительственную демонстрацию. — 142.

²⁸ «Социал-демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся группой «Освобождение труда» в 1890—1892 годах. — 142.

²⁹ Переписка В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым, начавшаяся с 1893 или 1894 года, осталась неразысканной. — 142.

³⁰ В. И. Ленин имеет в виду письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» в конце 1877 года. — 145.

³¹ Статья Н. К. Крупской «Ленинские установки», из которой взят настоящий отрывок, написана в 1931 году. — 152.

³² Имеется в виду первый выпуск работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». — 158.

³³ Г. М. Кржижановский писал эти строки в 1954 году. — 164.

³⁴ «Народная воля» — орган тайного революционно-народнического общества, носившего такое же название, — выходила в Петербурге с октября 1879 по октябрь 1885 года (всего вышло 12 номеров). — 166.

³⁵ Александр Семенович Розанов (род. в 1870 году) — один из руководителей нижегородских социал-демократов. Будучи в 1892 году исключен из Московского университета, поселился в Нижнем Новгороде, где вел пропаганду в рабочих кружках, издавал прокламации, организовывал сходки рабочих. — 169.

³⁶ Николай Львович Сергиевский (род. в 1871 году) — организатор социал-демократических кружков во Владимире, соратник и близкий друг Н. Е. Федосеева. — 170.

³⁷ Вольное экономическое общество — научное экономическое общество, созданное для «распространения в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений». Руководствуясь интересами либеральных помещиков и буржуазии, оно занималось изучением различных отраслей народного хозяйства, регулярно издавало свои «Труды». — 171.

³⁸ Вадим Андреевич Ионов (1863—1904) — участник революционных кружков в Петербурге и Сызрани, знакомый В. И. Ленина по Самаре. Позднее корректировал статистические таблицы в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». — 181.

³⁹ Бернштейниада, бернштейнианство — правооппортунистическое течение в немецкой и международной социал-демократии, ревизовавшее основные философские, экономические и политические положения марксизма. — 183.

⁴⁰ Брентанизм (по имени немецкого экономиста Л. Брентано) проповедовал «социальный мир» между капиталистами и рабочими. — 193.

⁴¹ Вера Владимировна Сибилева (1873—1898) — учительница вечерне-воскресной школы, организатор рабочих кружков. Была арестована по делу петербургского «Союза борьбы», сослана в Архангельскую губернию, затем в Астрахань, где и умерла. — 202.

⁴² Сестра Владимира Ильича Ольга Ильинична умерла в 1891 году — 202.

⁴³ Исключенный из Таганрогской гимназии «за хранение книг, изъятых из обращения, и заметок подозрительного характера», Л. М. Богораз в 1887 году приехал в Казань, где встречался с Владимиром Ильичем. — 202.

⁴⁴ Имеется в виду происшедший 22 февраля 1889 года в Цюрихе взрыв бомбы, предназначавшейся для покушения на Александра III. — 203.

⁴⁵ Речь идет о брошюре В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». — 210.

⁴⁶ Работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» была издана в 1895 году в Берлине с введением, написанным Ф. Энгельсом. — 211.

⁴⁷ Александр Дмитриевич Михайлов (1855—1884) — революционер-народник, талантливый организатор и конспиратор (подпольная кличка Дворник), один из создателей и активных деятелей тайной организации «Земля и воля» 70-х годов, затем член Исполнительного комитета «Народной воли». В 1882 году по «процессу 20-ти» был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой. Умер в Петропавловской крепости. — 211.

⁴⁸ В вопросе об отношении социалистов к либералам проявилось принципиальное разногласие между Лениным, с одной стороны, и Плехановым и Аксельродом — с другой. В отличие от Ленина Плеханов и Аксельрод не верили в руководящую роль пролетариата, считали, что только либеральная буржуазия сможет стать гегемоном будущей буржуазно-демократической революции в России. — 214.

⁴⁹ Аксельрод называет псевдоним В. И. Ленина, под которым он выступал в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». — 216.

⁵⁰ Драма Г. Гауптмана «Ткачи» с 8 августа 1894 года шла в Немецком театре на Шуманштрассе. — 218.

⁵¹ Имеется в виду сборник «Работник». — 222.

⁵² Речь идет об арестах московских социал-демократов в июне 1895 года. — 222.

⁵³ Александр Генрихович Штанге (1854—1931) — кооператор-либерал, считавший революционную борьбу бесполезной и носившийся с идеей созыва «земского собора», как «истинно русского» конституционного учреждения. — 250.

⁵⁴ Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942) — историк-медиевист, автор трудов по социально-экономической и политической истории Англии и других стран Западной Европы.— 251.

⁵⁵ Елизавета Николаевна Водовозова (1844—1923) — педагог, детская писательница, мемуаристка. Автор популярных книг для детей и юношества: «Из русской жизни и природы», «На отдых», «Жизнь европейских народов» (три тома).— 251.

⁵⁶ 2 июня 1897 года царским правительством был издан закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах.— 261.

⁵⁷ «Самарский вестник» находился в руках «легальных марксистов» с 12 октября 1896 по 16 марта 1897 года.— 264.

⁵⁸ Г. Е. Тулупов, В. П. Приютов, Е. П. Ростковский — члены народовольческой группы, арестованные в связи с провалом нелегальной типографии в 1896 году.— 287.

⁵⁹ Написанная В. И. Лениным передовая статья «К русским рабочим» до настоящего времени не разыскана.— 291.

⁶⁰ На рапорте о событиях в Ярославле Николай II цинично «начертал»: «Спасибо молодцам фанаторийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».— 292.

⁶¹ Речь идет о двоюродном брате Владимира Ильича Д. А. Ардашеве и его жене Е. Н. Ардашевой.— 294.

⁶² Первый раз Владимир Ильич был арестован в декабре 1887 года за участие в студенческих волнениях в Казанском университете.— 307.

⁶³ Приложенный к письму список книг не сохранился.— 318.

⁶⁴ В первой публикации письма А. И. Ульянова-Елизарова объяснила: «Брат намекал тут на Струве, Потресова и на их связи, что было понятно товарищам» («Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 123).— 318.

⁶⁵ «Архив социального законодательства и статистики» — журнал, издававшийся с 1888 года Генрихом Брауном и публиковавший статьи об учении Карла Маркса.— 323.

⁶⁶ По доверенности получали от квартирной хозяйки Владимира Ильича его личные вещи.— 323.

⁶⁷ Список книг не сохранился.— 324.

⁶⁸ Имеются в виду книги: К. Ф. Головин. «Мужик без прогресса или прогресс без мужика (К вопросу об экономическом материализме)» (СПб., 1896); М. Шиппель. «Технический прогресс в современной промышленности» (Одесса, 1895).— 324.

⁶⁹ Четверг и понедельник были днями свиданий с заключенными.— 324.

⁷⁰ Речь идет о книгах: Д. Рикардо. «Начало политической экономии» (М., 1895); Н. Бельтов (Г. В. Плеханов). «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895); Николай — он (Н. Ф. Даниельсон). «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893); Д. Ингрэм. «История политической экономии» (М., 1891); А. Foville. «La France économiq̄ue» (Paris, 1887—1890).— 325.

⁷¹ Изданная в 1894 году в Петербурге книга М. И. Туган-Барановского называлась «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь».— 325.

⁷² Как известно, автором этих статей был В. И. Ленин.— 333.

⁷³ «Выше» были названы В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, В. В. Старков, И. В. Бабушкин и другие.— 333.

⁷⁴ С. И. Радченко был арестован в ночь на 12 августа 1896 года, но за недостаточностью улик вскоре освобожден.— 338.

⁷⁵ Речь идет о катастрофе на Ходынском поле в Москве, где 18 мая 1896 года состоялось массовое гулянье по случаю коронации Николая II. Из-за преступной халатности властей, не принявших мер для обеспечения порядка, возникла давка, в результате которой около двух тысяч человек погибло и несколько десятков тысяч получило увечья.— 343.

⁷⁶ В. Г. Крыжановская, П. Л. Тучапский — члены киевской социал-демократической организации.— 350.

⁷⁷ Против бастующих было возбуждено 17 «дел», по которым в качестве обвиняемых привлечено 1055 человек.— 367.

⁷⁸ Как известно, в тюрьме Владимир Ильич собирал материалы для книги «Развитие капитализма в России».— 371.

⁷⁹ «Рабочая мысль» — газета, выражавшая взгляды «экономистов», выходила под редакцией К. М. Тахтарева и других с октября 1897 по декабрь 1902 года (всего вышло 16 номеров). Критике «Рабочей мысли» посвящена статья В. И. Ленина «Попытное направление в русской социал-демократии» (Полн. собр., соч., т. 4, стр. 240—273).— 378.

⁸⁰ Воспоминания З. П. Невзоровой-Кржижановской были опубликованы в 1920 году.— 381.

Предметный указатель

А

- Абсолютизм (царизм, самодержавие) и борьба с ним — 30, 61, 88, 150, 152, 155, 169, 206, 209, 211, 215, 217, 238, 243, 261—262, 344, 346, 348, 364, 366, 380.
- Агитация и агитаторы — 79, 86, 103, 114, 147, 187, 198, 201, 227, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 247, 251, 253, 261, 266, 269, 281—282, 285, 289, 296, 301, 311, 315, 352, 362, 365, 366, 371.
- Аресты — 89, 116, 176, 227, 228, 233, 275, 284, 288, 294, 296—304, 307—308, 312, 314, 317, 319, 322, 339, 345, 349, 360—361, 367.
- Афольтерн (вблизи Цюриха, Швейцария) — 215.

Б

- Берлин — 218, 220, 332.
- Бернштейнианство и борьба с ним — 183.
- Библиотеки, читальни — 38, 49—50, 52, 89, 100, 105, 110, 153, 177, 189, 218, 219, 251—252, 309, 317—319, 321, 325, 326, 332, 341, 342, 343.

В

- Великая французская революция — 55, 111.
- Вечерне-воскресные школы — 72—73, 92, 105—107, 110, 111—114, 174, 200, 225, 258, 270, 292, 302—303.
- Вильно — 170, 221, 222, 225, 242, 248, 250, 298, 299.
- Вольно-экономическое общество — 171, 250, 252, 295, 318, 319.
- «Вопросник» — 84—86, 90.

Г

- Горки Владимирской губернии — 157, 159—160, 161.
- Группа «Освобождение труда» — 125, 142, 174, 180, 181, 198, 206, 207, 208, 215, 216, 225, 226, 227, 247, 251, 286, 290, 365.

Д

- Диалектический метод — 136, 144.
- Дискуссии (диспуты, споры, дебаты) — 129, 130, 136—139, 173, 175—178, 180, 181, 190, 192, 201, 222—223, 246—247, 251, 253, 254, 257, 272, 295, 378—379.
- Дом предварительного заключения («предварилка») — 299, 307—308, 319, 336, 337, 339, 340, 341, 344, 345, 354, 355, 377, 379.
- Допросы — 287, 312—317, 324, 327—329, 331—332, 333, 336.
- Дьяблере (район Ормон, Швейцария) — 211.

Ж

Женева — 210, 213, 225, 227, 332.

З

Заводы Петербурга

- Александровский сталелитейный — 277.
- Балтийский — 73, 81, 309.
- Обуховский — 73, 328.
- Путиловский — 73, 82, 104, 175, 258, 271, 281, 300, 311.
- Семянниковский — 86, 88, 91, 113, 115—117, 120, 329, 351.
- Судостроительный «Новое Адмиралтейство» — 72, 101—102, 118—120.

Законы фабричные — 85, 261, 269, 283—284, 293, 349, 368.

Зальцбург — 204.

И

Иваново-Вознесенск — 30, 86, 225, 248, 249.

Индивидуальные занятия с рабочими — 71, 75—76.

Иностранные языки — 26, 49, 52, 75, 204—205, 218, 320, 321, 326, 332, 339.

Инспекция фабричная — 267, 273—275, 278—280, 356, 357, 358, 359, 368, 370.

Исторический материализм — 144, 206.

К

Казань — 202, 203, 294.

«Капитал» К. Маркса — 18, 20, 31—32, 48, 50, 76, 83, 84, 108, 109, 112, 127, 131, 136, 145, 187, 188, 198, 200, 325.

Кассы рабочие — 272, 309, 312, 352, 378—379.

Квартиры в Петербурге, в которых жил В. И. Ленин

- Сергиевская улица, № 58, кв. 20 — 16, 17.
- Ямская улица, № 4, кв. 11 — 20, 21.
- Большой Казачий переулок, № 7/4, кв. 13 — 34, 35, 37, 60, 233, 314.
- Таиров переулок, № 6/44, кв. 30 — 224, 316.

Классовая борьба — 65, 67, 83, 115, 122, 151—152, 169, 170, 171, 186, 187, 217, 237, 238, 242, 261—262, 282, 348, 365, 378.

Коллективизм — 46, 58.

Компромиссы — 43, 178, 356.

Конспирация — 98, 111, 133, 141, 156, 159, 161, 162, 174, 197, 199, 223, 224, 226, 231—233, 237, 238, 255—256, 262—263, 272, 284, 296, 301, 319, 325, 340, 349, 353.

Крестьянская реформа 1861 года — 187.

Кружок технологов — 17, 21, 22, 24, 28, 29, 30, 108, 126, 130—131, 132, 154.

Л

«Легальный марксизм» и его разоблачение — 170—183, 189, 192.

Листовки (листки, прокламации, воззвания) — 88—89, 103, 114, 117, 119—121,

141, 237, 238, 242, 244, 245, 246, 249, 257, 258, 262, 266—268, 272—273, 276—279, 281—282, 285, 290, 296, 301, 302, 303, 315, 333, 345, 349, 352—356, 358, 360—363, 366, 368—370, 371—372.

«Листок «Работника»» — 357, 362, 378—379.

Лозанна — 205.

М

«Манифест Коммунистической партии» — 32, 163.

«Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (сборник) — 176, 180, 181, 182, 186—192, 201, 213—214, 264.

Международный рабочий социалистический конгресс — 364.

«Молодые» социал-демократы — 353—354, 367, 378—379.

Москва — 15, 132—133, 140, 141, 154—158, 161, 162, 167, 168, 197, 200, 203, 210, 222, 224, 225, 247, 248, 249, 250, 264, 316, 338, 371, 376, 379.

Н

Народничество и борьба с ним — 76, 125, 126, 132—136, 138—140, 141—152, 161, 166, 167, 169, 171, 174, 177, 179, 181—187, 189—192, 207, 208, 209, 211, 214, 222, 223, 290, 304.

Народовольцы — 22, 76, 78—81, 133, 138, 141, 166, 200, 206, 209, 211, 231, 254, 257, 284—287, 334, 345, 372, 375.

Нижний Новгород — 15, 20, 61, 140—141, 153, 161, 169, 225, 247, 248, 249.

О

«Об агитации» (брошюра) — 242—243, 246.

Община — 25, 26, 27, 134, 285.

Обыски — 169, 197, 232, 294, 297—300, 312, 314, 315, 333, 349.

Организационная работа — 28, 49, 68, 209, 237, 238, 239, 254—260, 266, 301, 352.

Орехово-Зуево — 222, 224.

Отношение к крестьянству — 132, 149, 207.

Отношение к либералам — 149, 150, 214, 215.

П

Париж — 63, 66, 216, 217, 332.

Парижская Коммуна — 67, 68, 209.

Партийность — 56, 60.

Партия (рабочая, социал-демократическая) — 61, 62, 77, 78, 87, 151, 152, 206, 208, 209, 225, 238, 254, 261—262, 263, 269, 286, 294, 304, 315, 345—350, 352, 365, 380—381.

Первый Интернационал — 145.

Первый съезд партии — 345—346, 347, 350.

Переход от пропаганды к агитации — 121, 141, 232, 237—251.

Полемика — 53—54, 61, 126, 142, 144—145, 146, 147, 149, 161, 163, 164, 179, 182, 379.

Предвидение научное — 40, 41, 151, 152, 164, 169, 327.

Провокаторы — 80, 233, 253, 262, 296, 302, 334.
Программы партии — 289, 345—350.
Производственные отношения — 132, 150, 184, 185, 186.
Пропаганда марксизма — 19, 20, 22, 28, 80, 81—84, 89, 90, 91—101, 114, 121, 125, 141, 153, 166, 167, 171, 178, 198, 201, 202, 204, 228, 237—238, 239, 256, 266, 285, 292, 296, 297, 307, 308—309, 366.
Публицистика — 55, 181.

Р

«Работник» (непериодический сборник) — 222, 225—227, 293.
Рабочее движение
— возникновение — 129, 170, 179, 198, 208, 244, 245, 253, 290.
— развитие — 241, 346.
— стихийность — 347, 364—365.
— организация — 151, 238, 352, 356, 360—363.
— подъем — 78, 180, 181—182, 241, 353, 365.
— связь с социал-демократией — 360—363, 365—367, 368—370.
— руководители — 77.
— Морозовская стачка — 30, 86, 284, 365—366.
— бунт на Семяниновском заводе — 115—117, 240, 351.
— волнения в Новом порту — 118—120.
— забастовка на фабрике Торнтон — 226, 270—278, 298, 300, 373.
— забастовка на фабрике «Лаферм» — 226, 278—280, 298.
— волнения на Путиловском заводе — 281.
— забастовка на фабрике механического производства обуви — 226, 293, 298, 331.
— стачка в Ярославле — 226, 249, 292, 298, 299, 315, 333.
— стачка в Иваново-Вознесенске — 226, 264, 298, 331.
— петербургские стачки 1896 года — 181, 350—353, 355—370.
«Рабочее дело» (газета) — 288, 290—294, 295, 298, 299, 300, 314, 331, 332—333, 366, 373.
Рабочие кружки — 18, 19, 20, 71, 79—80, 81—84, 87, 90, 91—101, 104, 110, 112, 114, 116—117, 141, 155, 167, 204, 225, 237, 239, 240, 241, 242, 246, 247, 258, 262, 266, 282, 289, 292, 296, 309—311, 314, 329, 330, 332, 333, 372—373.
Рабочий класс (пролетариат) — 32, 40, 41, 42, 43, 46, 64, 66, 68, 71, 83, 84, 87, 107, 122, 146, 149, 150, 151—152, 155, 164, 171, 174, 175, 179, 186, 188, 206, 207, 208, 209, 216, 217, 237, 238, 239, 241, 242, 243, 253, 261—262, 269, 288, 291, 294, 309, 315, 344, 346—348, 350, 370, 371, 380.
Расслоение деревни — 26, 27, 129, 130, 147, 156, 169, 335.
Рефераты — 126, 127—132, 136, 141, 144, 179, 180, 182, 192.
Рынок при капитализме — 126—130, 149, 184, 276, 371.

С

Самара — 15, 39, 140, 141, 143—144, 200, 203, 247, 248.
«Самарский вестник» (газета) — 264—265.

Свобода политическая — 237, 238, 261, 291, 364, 366.
Связь теории с практикой — 50, 68, 172.
Симбирск — 166.
Служба полицейская—89, 96, 199, 228—230, 232, 233, 296, 297, 309—311, 377—378.
«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (петербургский) — 17, 84, 120, 121—122, 151, 179, 242, 253, 254—264, 268, 269, 278, 279, 285, 286, 292, 294, 301, 302, 308, 312, 334, 339, 344, 345, 350—356, 360—363, 366, 370, 378—379.
Союзы политические — 178, 179, 182.
Статистика (сборники, исследования) — 25, 26, 48, 51, 130, 131, 135, 252, 319, 325, 326, 327, 349.

Т

Тактика — 27, 247, 249, 366.
Теория революционная — 31, 32, 150—151, 206, 208, 209, 238, 346, 365, 381.
Типография народолюбческая — 162, 284—287, 296, 345, 375.
Тред-юнионы — 255, 365.

У

Учение Маркса — 23, 28, 30, 31, 32, 33, 40, 41, 46, 50, 82, 83, 87, 103, 108, 109, 110, 121, 122, 135, 136, 141, 142, 151, 152, 164, 172, 173, 175, 176, 178, 179, 183, 187, 188, 191, 192, 193, 206, 207, 209, 214, 228, 237, 254, 352, 381.

Ф

Фабрики Петербурга
— «Лаферм» — 278—280, 298, 302.
— Максвеля — 90, 93, 114, 329.
— механического производства обуви — 226, 293, 298, 299, 333.
— Паля — 90.
— Торнтон — 90, 114, 225, 226, 270—278, 298, 300, 333, 373.
«Форвертс» (газета) — 220, 288.

Х

Ходынская катастрофа — 343, 351.
Художественная литература (беллетристика) — 54—56, 326, 341, 354.

Ц

Царское Село — 199.
Цензура — 181, 186, 187—189, 191, 198, 211, 213, 326.
Циркуляр Витте — 368—369.
Цюрих — 203, 213, 214, 286, 290.

Ш

Штрафы — 85, 118, 121, 274, 280, 283—284, 286, 287, 288, 290, 292, 349.

Э

«Экономизм» («экономисты») и борьба с ним — 227, 243—245, 366—367, 378—379.

Эксплуатация трудящихся — 146, 147, 149, 150, 151, 187, 188, 289, 293, 302, 303, 346, 347, 356, 357—358, 369.

Ю

Юридическая деятельность — 21, 34—36, 203, 294, 330.

Указатель использованных источников

- «Архивные документы к биографии В. И. Ленина (1887—1914)». «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 75, 76.— *15—16, 139.*
- Багаев М. А. Моя жизнь. Воспоминания ивановца большевика-подпольщика. Иваново, 1949, стр. 51—52, 72.— *169—170, 336—337.*
- Первые марксистские кружки. «Старый большевик». Сборник 2. М., 1933, стр. 127.— *65.*
- Бобровская (Зеликсон) Ц. Записки подпольщика. М., 1957, стр. 6—7.— *191—192.*
- Надежда Константиновна Крупская. В кн.: «Славные большевички». М., 1958, стр. 34.— *125.*
- Бодров А. И. Товарищ студент. В кн.: «Пропагандисты». (М.), 1936, стр. 20—27, 28.— *92—97.*
- Бодров Ф. И. Крепла наша воля. В кн.: «Об Ильиче. Воспоминания питерцев». Л., 1970, стр. 38—39.— *91—92.*
- Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 10, 11—13, 14—15.— *133—137, 139—140.*
- «Борьба классов», 1933, № 7, стр. 34.— *130.*
- «Былое», 1924, № 25, стр. 121.— *191.*
- «Вечно живой». Л., 1970, стр. 253, 255, 394.— *40—41, 43, 45.*
- Воден А. На заре «легального марксизма». (Из воспоминаний). «Летописи марксизма», 1927, III, стр. 75, 80.— *210—211, 212.*
- «Воинствующий материалист». Сборник. Книга IV. М., 1925, стр. 213.— *219—220.*
- Воровский В. В. Сочинения. Том I. М., 1933, стр. 29.— *132.*
- (Воровский В. В.) Орловский П. К истории марксизма. М., 1919, стр. 34.— *253.*
- «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина». М., 1955, стр. 19, 20, 22, 23, 24—25, 28, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46—47, 52, 53—54, 55—56, 58, 59, 63, 64, 67, 68.— *88—91, 106, 115—116, 117, 120, 241—242, 272—273, 281, 302—303.*
- «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Том I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 34—35, 37, 38—40, 41, 42, 43—45, 46—47, 48, 49—54, 55—57, 58, 72—73, 74, 75, 76.— *15, 16—17, 36, 78—79, 132—133, 143—144, 154, 168, 174—175, 189, 198, 220, 221, 222, 225, 228—229, 232, 239, 244—245, 285, 296, 304, 308, 316—317, 319—322, 325—326, 330, 338, 339, 340, 343—344, 345, 349—350, 353, 375—376, 377, 379, 380.*
- Том 2. М., 1969, стр. 39—40, 42—45, 59, 60—61, 62, 64—65, 220—221, 222.— *34—35, 36, 41, 49, 81, 97—98, 99—100, 140, 143, 154, 156—157, 160—161, 167, 170, 246, 255, 282.*

- Том 5. М., 1969, стр. 263.— 72.
- «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». (Часть) I. М., 1956, стр. 105, 111, 139—140, 142, 143—144.— 61, 130, 158—159, 197, 198, 201, 252.
- (Часть) 3. М., 1960, стр. 18—20, 22—23.— 25, 27, 44, 87, 100—102, 138, 139, 176—177.
- «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 348.— 16.
- Герценштейн Д. Воспоминания. В кн.: П. Н. Столпянский. Ленин в Петербурге. Л., 1924, стр. 17.— 307.
- Горев Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Л., 1924, стр. 17, 23—25.— 296, 351—352.
- Григорьев М. Г. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг. В кн.: «Товарищ Ленин. Воспоминания нижегородцев». Горький, 1969, стр. 45—46.— 140—141.
- (Даниельсон Н. Ф.) Николай — он. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. Спб., 1893, стр. 202, 205, 213. — 127.
- «Записки Института Ленина». Выпуск III, 1928, стр. 74—75.— 379.
- «Знамя», 1969, № 11, стр. 220.— 257.
- «Издание и распространение произведений В. И. Ленина». М., 1960, стр. 116.— 265.
- «Историко-революционная хрестоматия». Том I. М., 1923, стр. 286—287.— 242.
- «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 34, 38.— 114.
- 1958, № 6, стр. 209.— 212.
- «История рабочего класса Ленинграда». Выпуск II. Из истории рабочего класса Петербурга — Петрограда. Л., 1963, стр. 61, 68.— 110—111.
- «История СССР», 1960, № 2, стр. 266, 267.— 212.
- 1964, № 2, стр. 105, 111.— 216, 227.
- Калинин М. И. Воспоминания. В кн.: Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Том I. М., 1956, стр. 12.— 205—206.
- О работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (М.), 1952, стр. 11, 20.— 149, 166—167.
- Калмыкова А. М. Обрывки воспоминаний. «Былое», 1926, № 1, стр. 64—65.— 174.
- Карелина В. Три встречи. «Красная летопись», 1924, № 1, стр. 11.— 269.
- Катин-Ярцев В. Тени прошлого. Воспоминания. «Былое», 1924, № 25, стр. 114.— 353.
- «Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 102.— 191.
- «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 736.— 211.
- Колосов Е. О. В. Аптекман, как историк «Земли и воли». «Былое», 1924, № 27-28, стр. 336—337.— 170.
- Копельзон Т. М. Страничка из воспоминаний. В кн.: «О Ленине». Книга III. М.-Л., 1925, стр. 20—21, 22.— 120, 198, 222, 249—251.
- Красин Г. Б. Степан Иванович Радченко. «Старый большевик». Сборник 2. М., 1933, стр. 188.— 21—22.
- «Красная газета» (Ленинград), 1924, 31 января.— 281.
- «Красная летопись», 1924, № 2, стр. 20, 22.— 186—187, 188—189.
- 1925, № 2, стр. 144—145, 146, 192—193, 196, 198—199.— 175—176, 180, 189, 228, 230, 296—297.

- 1925, № 3, стр. 203.— 377.
- 1926, № 6, стр. 26.— 264.
- «Красный архив», 1923, № 4, стр. 308, 309, 310—312, 315—316.— 186, 187—189.
- 1934, № 1, стр. 76, 78, 79—81, 82, 84, 85, 86, 89—91, 92, 93, 95—97, 98, 99, 101, 102—103, 104, 105, 107, 109—110, 112—116, 118—119, 130.— 162, 191—192, 201—204, 221, 255—256, 271, 277, 297—298, 299, 308—312, 314, 316, 325, 327—329, 330—331, 371, 373—374, 376, 377—378.
- 1939, № 2, стр. 123, 124.— 120, 234, 300.
- Кржижановская З. П. Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В кн.: «Старая гвардия». М.-Л., 1926, стр. 66—67.— 239.
- Наброски воспоминаний о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». «Творчество», 1920, № 7—10, стр. 10, 11.— 247, 381—382.
- Несколько штрихов из жизни Ильича. «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 34.— 23, 44, 239, 247.
- Простой и величественный образ. В кн.: «Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской». М., 1966, стр. 11.— 114.
- Кржижановский Г. М. Великий Ленин. М., 1971, стр. 5—6, 7, 8—11, 13, 14, 17—24, 26—31, 32, 33—38, 58—61, 62, 63, 64—73, 79—81, 120, 121, 124—125, 126—127.— 22—25, 32—34, 40, 41, 42, 43—45, 46—47, 49—52, 53, 54, 56—57, 58, 59, 60, 62, 64, 65—67, 120—122, 130, 131—132, 144, 150—151, 164, 178, 212, 216—217, 224—225, 227, 231, 288—289, 290, 294, 307, 312, 326, 336, 337—338, 342.
- Воспоминания о Ленине. М., 1933, стр. 7.— 58.
- Ильич в тюрьме. В кн.: «Старая гвардия». М.-Л., 1926, стр. 204—205.— 341—342.
- О Владимире Ильиче. Доклад на вечере воспоминаний о В. И. Ленине 3-го февраля 1924 г. М., 1924, стр. 11—12, 21.— 16.
- Работа в кружках 90-х годов. «Заря Востока» (Тифлис) 1924, № 558а, 23 апреля.— 28, 83, 121, 164, 238—239, 260, 282, 285.
- Соратник великого Ленина. В кн.: «Воспоминания о Надежде Константиновне Крупской». М., 1966, стр. 5—6.— 114.
- Крупская Н. К. Будем учиться у Ильича. М., 1967, стр. 58—59.— 290—291.
- Воспоминания о Ленине. М., 1972, стр. 11—13, 14—19, 20—25, 43, 49, 93, 168.— 59, 111, 112—113, 122, 126, 128, 163, 170, 180, 198, 199, 200, 228, 231, 269, 273, 277, 279, 284, 290, 294, 300, 303, 336, 339, 340, 343, 366, 367, 379—380.
- Ленин и партия. М., 1963, стр. 7, 8, 15—16, 21, 22—23, 26, 34—35, 36, 37, 47, 51—53, 56, 58—59, 64, 227, 240.— 41, 48, 58, 71—72, 81, 83—84, 86—87, 198, 206, 231—232, 245, 254—255, 257, 260, 266, 288, 344, 345.
- О Ленине. М., 1965, стр. 80, 82, 84, 202—203, 206, 310, 311, 323, 324—325, 361, 362, 363.— 32, 50, 55—56, 78, 84, 150, 170—171, 181, 251—252, 317, 321.
- О Ленине. М., 1971, стр. 69, 70, 71, 84, 114, 138, 152, 159—160, 178, 179—180, 182, 245, 246, 247, 249, 257, 273—274, 275, 292, 293, 295.— 30—32, 45—46, 48—49, 57—58, 62, 83, 114—115, 121, 152, 163, 183, 208, 216, 217, 240, 282—283, 292, 347, 368.

- Памяти А. М. Калмыковой. «Правда», 1926, 2 апреля.— 174.
- Педагогические сочинения. Том I. М., 1957, стр. 32—37, 42, 47, 55.— 107—110, 112, 114, 273.
- Том 2. М., 1958, стр. 489, 490, 505—506.— 164, 186, 264—265, 292.
- Письмо — предисловие к специальному изданию «Фабрики Торнтон». В кн.: М. Шагинян. Собрание сочинений. Том 2. М., 1971, стр. 689—690.— 270—271.
- «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Творчество», 1920, № 7—10, стр. 5.— 117.
- Куделли П. Ф. Воспоминания. В кн.: П. Н. Столпянский. Ленин в Петербурге. Л., 1924, стр. 24—25.— 111—112.
- Ленин и ленинградские рабочие. Л., 1934, стр. 5, 6, 15, 18.— 16, 77, 80—81, 238.
- Народовольцы на перепутье. Дело Лахтинской типографии. Л., 1926, стр. 7, 13, 24, 27.— 284, 285, 286—287, 345.
- Кулябко П. И. Мои встречи с Владимиром Ильичем. «Красная летопись», 1926, № 6, стр. 26.— 248.
- Лафарг П. Воспоминания о Марксе. М., 1958, стр. 14.— 48.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Том 1, стр. 129, 144, 156, 194, 196, 198—199, 200, 205—206, 209, 238—239, 242, 243, 246, 248—249, 250, 269, 291, 292, 307, 309—310, 311—312, 351, 529—530, 532, 533—534.— 71, 144, 145—146, 147, 148—149, 150, 151—152, 153, 183—186.
- Том 2, стр. 5, 6, 13, 14, 56, 57—58, 59—60, 62, 70—71, 74, 77—78, 80, 103—105, 112—113, 115, 116, 118, 267, 446, 447—448, 450, 451, 459—461, 468—470.— 118, 237—238, 261—264, 265, 269, 276, 283—284, 289—290, 334, 368—370.
- Том 4, стр. 197, 216—217, 245, 247, 251, 268—269, 343.— 76—77, 206, 254, 346.
- Том 5, стр. 75.— 367.
- Том 6, стр. 15, 16, 17, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 54—55, 127, 131, 132, 133, 152.— 30, 77, 179, 243, 266—267, 273, 291, 292, 294, 302, 364—365, 378—379.
- Том 7, стр. 15.— 104.
- Том 9, стр. 250—251, 294—297, 396.— 241, 365—366.
- Том 12, стр. 340.— 193.
- Том 14, стр. 226—227.— 208.
- Том 16, стр. 95—98, 99.— 179, 181—183.
- Том 20, стр. 73—74, 79, 81, 82, 387—388.— 87—88, 117, 217, 253—254.
- Том 24, стр. 22.— 282.
- Том 25, стр. 93, 94, 96, 97, 98, 222.— 71, 206—207, 227, 243—244, 253.
- Том 26, стр. 88, 227.— 192—193, 206.
- Том 32, стр. 21.— 307.
- Том 41, стр. 7—8, 28.— 261.
- Том 42, стр. 290.— 206.
- Том 45, стр. 324, 325.— 142.
- Том 46, стр. 8—9, 10—11, 12, 443—444, 445—447, 448.— 222, 226—227, 286, 288, 290, 315—316, 331—332, 370.

- Том 49, стр. 340.— 132.
- Том 55, стр. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8—10, 11, 12, 13, 14, 15—19, 20—21, 72.— 20, 38, 62, 63, 64, 204—205, 216, 217, 218—219, 294—295, 317—319, 323—325.
- Ленинский сборник, II, стр. 93.— 212.
- Лепешинская О. Встречи с Ильичем. М., 1971, стр. 3—6.— 171, 172—174, 192.
- Лепешинский П. Н. Вокруг Ильича. (Думы, заметки, воспоминания). 1926, стр. 10, 11, 12, 13, 14, 22, 37, 150—151, 157—158.— 36, 44, 49, 52, 54, 125, 238, 327.
- Ленин о Марксе. «Старый большевик». Сборник 2. М., 1933, стр. 38, 42, 43, 47—48, 54—55, 61.— 31, 32, 40, 52, 64—65.
- На повороте. М., 1955, стр. 32, 34, 35—36, 39—40, 42, 43—47, 54—56, 57, 60, 61, 103—104, 112.— 53—54, 78, 105—106, 107, 285, 307—308, 312—314, 326—327, 334, 335—336, 340, 341, 345, 375, 378.
- «Летописи марксизма», 1926, № 1, стр. 83—84, 89.— 220.
- «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»». 1895—1897 гг. М., 1934, стр. 12, 13—14, 15—17, 18—19, 20—21, 24, 25, 56, 57, 68, 112, 113, 135.— 278, 279, 280, 281, 293, 301—302, 303, 355—356, 360, 363.
- Луначарский А. Силуэты. М., 1965, стр. 17.— 215—216.
- Лядов М. Н. Как начала складываться Российская Коммунистическая партия. М., 1926, стр. 80, 134—135, 136.— 142, 171, 243.
- Мои встречи с Лениным. «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, стр. 41.— 137—138.
- Маслов П. Владимир Ильич Ленин. (Отрывки из воспоминаний). «Экономический бюллетень Конъюнктурного института», 1924, № 2, стр. 2.— 42—43.
- Мицкевич С. И. Воспоминания. В кн.: В. И. Ленин. Сочинения. Издание 3. Том I, стр. 493.— 170.
- Встреча с В. И. Ульяновым-Лениным. В кн.: «Товарищ Ленин. Воспоминания нижегородцев». Горький, 1969, стр. 33.— 141.
- О работе В. И. Ульянова-Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 60, 61, 70.— 141—142.
- Могилянский М. В девяностые годы. «Былое», 1924, № 23, стр. 152, 156.— 162—163.
- «Молодая гвардия», 1924, № 2-3, стр. 34, 403.— 208—209.
- Мотовилова С. Минувшее. «Новый мир», 1963, № 12, стр. 120.— 205.
- «На заре рабочего движения в Москве». М., 1932, стр. 118, 147.— 157—158, 167—168.
- Названов М. Каким я помню Владимира Ильича. (Девяностые годы). «Пролетарская революция», 1931, № 2-3, стр. 96—97, 101, 102.— 20, 25, 62, 251.
- «Об Ильиче». Сборник статей, воспоминаний, документов и некоторых материалов. Л., 1924, стр. 137—138.— 312.
- «Огонек», 1969, № 6, стр. 8.— 159—160.
- «Первый съезд РСДРП». Март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958, стр. 130.— 350.

- «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». М., 1925, стр. 96, 133, 269—275.— 213—215, 220, 226.
- «Переписка семьи Ульяновых». М., 1969, стр. 68.— 330.
- Плеханов Г. В. Сочинения. Издание 2. Том IX, стр. 354—355, 360—361, 362—363.— 268, 269—270, 364.
- Том XII, стр. 79—80.— 243.
- Плеханова Р. М. Воспоминания. В кн.: Г. Жуйков. Группа «Освобождение труда». М., 1962, стр. 125—126, 127.— 211.
- Подвойский Н. И. Об Ильиче. «Правда», 1964, 20 апреля.— 71.
- «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 56, 57, 59—60, 64—65, 66, 74.— 133, 137, 139, 144—145, 146, 147, 167.
- 1924, № 3, стр. 115—117, 119—120, 202—204, 205.— 342, 347—349, 354—355, 378.
- 1924, № 7, стр. 73—74, 78—79, 256—257.— 224, 285, 290, 293, 319.
- 1931, № 2-3, стр. 100.— 230.
- «Рабочая Москва», 1930, 22 января.— 106—107.
- «Рабочее движение в России в XIX веке». Том IV. Часть I. (М.), 1961, стр. 1—3, 4, 11—12, 13—17, 18—19, 21, 227—228, 232—234, 235—237, 239, 240, 253—254, 269, 276, 300, 302—303, 314—316, 327, 329, 821, 839.— 84—85, 118—120, 273—276, 278—279, 285, 356—359, 360—364, 367—368.
- «Сборник материалов и статей». Редакция журнала «Исторический архив». Выпуск I. (М.), 1921, стр. 96, 99, 117, 119, 120, 124, 125—126, 127, 129, 130, 131, 133, 134, 139, 156, 157, 158, 159, 171, 176—177, 248.— 229—230, 246, 256, 277, 280—281, 291, 292, 293, 298—299, 329, 332—333, 371—373, 374—375.
- Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1954, стр. 294—296.— 168—169.
- Незабываемый образ. М., 1968, стр. 3—4, 19.— 46, 222—223.
- Прожитое и пережитое. М., 1960, стр. 78—79.— 47.
- Сильвин М. А. Воспоминания. В кн.: Б. А. Чагин. Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.-Л., 1963, стр. 39—40.— 207—208.
- К биографии В. И. Ленина. (Из воспоминаний). «Пролетарская революция», 1924, № 7, стр. 67, 69—70, 73, 75—76, 80.— 15, 25—26, 28, 30, 60, 129, 215, 256.
- Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958, стр. 27—28, 29, 32—33, 34, 35—36, 37—38, 39, 40, 41—44, 45—51, 52—53, 54—57, 59, 60, 61—62, 63, 64, 65—67, 68, 69, 70—72, 73—76, 77—78, 79, 82, 83—84, 85—86, 87—88, 89, 90, 91—95, 96, 97—98, 99—100, 101, 102, 103—104, 106, 107, 110, 111, 118—119, 125, 132, 138—139, 140, 142—143, 163.— 17—21, 22, 23, 26—27, 28, 36, 37, 38—40, 42, 46, 47, 49, 50, 54—55, 58—59, 60—61, 81—83, 84, 85—86, 103, 116—117, 119, 125—129, 130—131, 143, 152, 153, 154, 161—162, 164—166, 171—172, 177—179, 180—181, 190, 197, 198—200, 225—226, 230, 231, 233—234, 239, 240—241, 242—243, 246, 247, 248—249, 251, 252—253, 256, 257, 258, 266, 267, 272, 287—288, 289, 293, 300—301, 342, 350—351, 366, 367.
- «Социал-демократическое движение в России». Материалы. Том I. М.-Л., 1928, стр. 352.— 210, 211.
- Спonti Е. Встречи с Лениным. Записки Института Ленина. Выпуск III, 1928, стр. 71—72, 73.— 210, 250.

- «Старая гвардия». Сборник воспоминаний и материалов о подпольной работе русских марксистов 90-х гг. М.-Л., 1926, стр. 47—48.— 332, 344—345, 355.
- «Старый большевик». Сборник 2. М., 1933, стр. 134—135.— 264.
- Стеклов Ю. М. Воспоминания и публицистика. М., 1965, стр. 10, 17—18, 19.— 67—68, 190.
- Тахтарев К. М. В. И. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям). «Былое», 1924, № 24, стр. 11.— 277.
- Рабочее движение в Петербурге (1893—1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924, стр. 27—28, 37, 45, 46—47, 55, 167.— 73—74, 105, 247, 267—268, 271—272.
- «Творчество», 1920, № 7-10, стр. 6, 7, 12.— 286, 345, 353—354.
- Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971, стр. 56—57, 58, 62.— 154—156, 200, 224.
- Ульянова М. И. О Ленине. М., 1971, стр. 36—37.— 223—224.
- Предисловие к сборнику «Письма к родным» издания 1930 года. В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 55, стр. XV, XVI, XVII, XXVIII, XXX.— 36, 38, 64.
- Ульянова-Елизарова А. И. (Елизарова А. И.). Владимир Ильич в тюрьме. «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 107, 113—115.— 34, 322—323, 340.
- Ленинский сборник. Выпуск I. (Рецензия). «Пролетарская революция», 1924, № 7, стр. 256.— 143.
- По поводу писем Владимира Ильича к родным. В кн.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 55, стр. XLVIII—XLIX.— 39, 58.
- Профессор-оппортунист о Ленине. «Пролетарская революция», 1924, № 11, стр. 127.— 272.
- Страничка воспоминаний. «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 59, 60.— 138—139.
- Федосеев Н. Статьи и письма. М., 1958, стр. 253.— 192.
- Фишер А. (Г. М.). В России и в Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 гг.). М., 1922, стр. 24.— 240.
- Об Ильиче. «Старый большевик». Сборник I. М.-Л., 1930, стр. 124—125.— 59, 76.
- «Форвертс» («Vorwärts») (Берлин), 1896, № 40, 16 февраля. В кн.: «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника». Том I. М., 1970, стр. 125.— 288.
- X. Письмо В. И. Ленину. В кн.: Н. Прошунин. Сила ленинского слова. М., 1969, стр. 11—12.— 192.
- Цхакая М. Г. Воспоминания. В кн.: Г. Б. Гарибджанян. В. И. Ленин и большевики Закавказья. М., 1971, стр. 17.— 265.
- Чеботарев И. Встречи с Владимиром Ильичем. В кн.: «Об Ильиче». Л., 1924, стр. 137—138.— 104, 189—190, 279—280, 295.
- Шапалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1957, стр. 62.— 381.
- Шелгунов В. А. Воспоминания. В кн.: «От группы Благоева к «Союзу борьбы». (Ростов-на-Дону), 1921, стр. 52—53, 58.— 72—73, 74, 104, 225.
- Воспоминания о петербургском рабочем движении половины 90-х годов. В кн.: «Старая гвардия». М., 1926, стр. 49—50, 51, 52.— 79—80, 104—105.
- Из далекого прошлого Ильича. «Красная газета» (Ленинград), 1924, 31 января.— 74—75, 101, 102—103, 245.

- На заре ленинской партии. «Старый большевик». Сборник I. М.-Л., 1930, стр. 106—107, 108.— 75—76, 87, 232.
- Родной и близкий... «На страже», 1938, 22 января.— 81.
- Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940, стр. 85—87, 88, 89, 124.— 28—30, 47, 86, 106, 292—293.
- Эссен М. Встречи с Лениным. М., 1968, стр. 12—13, 14—15, 17—18, 22—23, 26, 28.— 45, 59, 62, 209—210, 216.
- Яковлев И. И. Воспоминания о В. И. Ленине и петербургском «Союзе борьбы». «Исторический архив», 1959, № 6, стр. 101—102.— 35—36, 76.
- Ярославский Е. Биография В. И. Ленина. (М.), 1940, стр. 26.— 380.
- Разгром народничества марксизмом. (М.), 1939, стр. 45.— 207.

Указатель цитируемых авторов

Айзенштадт Исай Львович (1867—1937) — в середине 90-х годов член социал-демократического кружка в Вильно. В 1896 арестован и сослан на 5 лет в Восточную Сибирь. С 1902 — один из руководителей Бунда, после II съезда РСДРП — активный меньшевик. Октябрь 1917 года встретил враждебно. В 1922 эмигрировал в Германию, где выступал против СССР, сотрудничал в меньшевистских изданиях.— 220—221.

Акимов Петр Иванович (род. в 1871) — рабочий Путиловского завода. В его комнате собирался рабочий кружок, руководимый социал-демократами. В 1895 арестован и в 1897 подчинен надзору полиции на два года с запрещением жить в столичных губерниях и университетских городах.— 328—329.

Аксельрод Павел Борисович (1850—1928) — один из создателей группы «Освобождение труда», в 1895—1896 входил в «Союз русских социал-демократов». С 1900 — член редакции «Искры» и «Зари». Уже в ряде работ 80-х годов идеализировал буржуазную демократию и парламентскую деятельность западноевропейских социал-демократических партий. На оценке Аксельродом роли крестьянства и либеральной буржуазии в русской буржуазно-демократической революции сказались те взгляды, которые на II съезде РСДРП привели его в лагерь меньшевиков. Аксельрод стал одним из лидеров и идеологов меньшевизма, идейным вдохновителем ликвидаторства. Активный деятель II Интернационала, сторонник реформизма. После Октября — эмигрант, ярый враг Советской власти, проповедник вооруженной интервенции против Страны Советов.— 213—215, 220, 226.

Бабушкин Иван Васильевич (1873—1906) — рабочий-слесарь Семянниковского завода в Петербурге, один из ближайших учеников и помощников В. И. Ленина, профессиональный революционер. Активный участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 арестован и в следующем выслан на 3 года в Екатеринослав под надзор полиции. Здесь под его руководством был создан екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а затем Екатеринославский комитет РСДРП. Активный агент и корреспондент ленинской «Искры»; вел революционную работу в Смоленске, Москве, Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Петербурге и других городах. В 1901—1902 и 1903 сидел в тюрьме, затем был сослан в Верхоянск. В 1905 после амнистии входил в состав Иркутского и Читинского комитетов РСДРП, являлся одним из руководителей вооруженного восстания в Чите. В январе 1906 во время перевозки оружия был схвачен карателями и расстрелян без суда и следствия.— 88—91, 106, 115—116, 117, 120, 241—242, 272—273, 281, 302—303.

Багаев Михаил Александрович (род. в 1874) — рабочий, в 1892—1893 возглавлял марксистский кружок в Иваново-Вознесенске, затем занимался революционной деятельностью в Костроме, Нижнем Новгороде; в октябре 1895 был одним из организаторов стачки иваново-вознесенских ткачей. В 1896 арестован и сослан на 3 года в Оренбург. Принимал участие в создании и работе

«Северного рабочего союза». Участвовал в Таммерфорской конференции большевиков. Неоднократно арестовывался и ссылался. Находясь в Сибири, отошел от революционной работы. В 1924 в Москве снова был принят в члены партии.— 65, 169—170, 336—337.

Бобровская (Зеликсон) Цецилия Самойловна (1876—1960) — активная революционерка, с 1894 — член первых социал-демократических кружков в Варшаве. Член партии с 1898, агент «Искры». Вела партийную работу в Костроме, Ярославле, Твери, Тифлисе, Баку, Москве, Иваново-Вознесенске и других городах. Много раз подвергалась арестам. Принимала деятельное участие в революции 1905 и Октябрьской революции 1917 года. В советские годы работала в МК РКП(б), Истпарте, Коминтерне, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 125, 191—192.

Бодров Арсений Ильич — рабочий текстильной фабрики Максвеля, ученик Смоленской воскресно-вечерней школы, участник кружка, руководимого В. И. Лениным. Погиб во время гражданской войны на посту председателя горсовета Мелитополя.— 92—97.

Бодров Филипп Ильич — рабочий текстильной фабрики Максвеля, ученик Смоленской воскресно-вечерней школы, член кружка, которым руководил В. И. Ленин. Брат А. И. Бодрова. С марта 1896 работал на заводах в Москве и Мытищах, активно участвовал в работе московской социал-демократической организации.— 91—92, 106—107.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — профессиональный революционер, с 1892 — участник московских марксистских кружков. С 1896 по 1905 жил за границей, поддерживал связь с группой «Освобождение труда». На протяжении многих лет занимался организацией партийной печати, деятельно сотрудничал в ряде большевистских газет и книгоиздательств. После Октябрьской революции — управляющий делами Совнаркома, создатель и первый директор Государственного литературного музея, директор Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР.— 133—137, 139—140, 167—168.

Бухгольц Вильгельм Адольфович (род. в 1866) — знакомый В. И. Ленина по Самаре, где некоторое время проживал после исключения из Петербургского университета и Ярославского лицея. В 1891 уехал в Швейцарию, познакомился с членами группы «Освобождение труда». С 1895 жил в Берлине, был связующим звеном между революционной эмиграцией и Россией, принимал участие в транспортировке нелегальной литературы. После II съезда РСДРП — меньшевик.— 220—221.

Валь Виктор Вильгельмович, фон (1840—1915) — петербургский градоначальник в 1892—1895, генерал-лейтенант. Начал свою карьеру как один из душителей польского освободительного движения 1863—1864 годов. Впоследствии виленский губернатор, товарищ министра внутренних дел, командующий отдельным корпусом жандармов.— 162, 201.

Ванеев Анатолий Александрович (1872—1899) — социал-демократ, в 1892 — член марксистского кружка в Нижнем Новгороде, в 1893 в Петербурге вступил в марксистский кружок студентов-технологов. Принимал активное участие в нелегальном издании и распространении произведения В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Один из создателей и руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вел занятия в рабочих кружках, занимался технической подготовкой издания газеты «Рабочее дело». В 1895 арестован, в тюрьме заболел туберкулезом. Трехлетний срок ссылки в Восточную Сибирь был затем увеличен еще на два года. На квартире А. А. Ванеева в селе Ермаков-

ском незадолго до его смерти состоялось заседание 17 ссыльных марксистов, на котором был принят написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Средо» «экономистов». На похоронах А. А. Ванеева Владимир Ильич выступил с речью.— 314.

Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель, в 1892 — министр путей сообщения, в 1892—1903 — министр финансов, в 1905—1906 — председатель Совета министров. В. И. Ленин характеризовал его как «министра-маклера», «агента биржи». Выражая интересы «военно-феодалного империализма» царской России, будучи убежденным сторонником и ярким защитником самодержавия, Витте в то же время заигрывал с либеральной буржуазией, содействовал развитию капитализма и усилению влияния на Россию западных держав.— 356.

Власовский Александр Александрович — исполняющий должность обер-полицейстера г. Москвы в конце 90-х годов XIX века, полковник.— 139.

Воден Алексей Михайлович (1870—1939) — литератор и переводчик, участник социал-демократических кружков. В 1891—1909 жил за границей, где встречался с членами группы «Освобождение труда», а также с Ф. Энгельсом. Переводил труды Гегеля, Жореса, Вундта, Риккерта, Домманже. В 1922—1931 работал в Институте Маркса и Энгельса, сотрудничал в ряде периодических изданий.— 16, 210—211, 212.

Волынкин Василий Михайлович (род. в 1863) — рабочий-ткац фабрики Торнтона, участник кружков за Невской заставой. После ареста членов «Союза борьбы» явился с повинной в полицию и дал «откровенные показания». В 1897 подчинен на 2 года надзору полиции и выехал на родину — в Смоленскую губернию. Неоднократно подавал прошения с выражением раскаяния. В 1899 вернулся в Петербург и стал работать на фабрике Паля.— 327—328.

Воровский Вацлав Вацлавович (1871—1923) — профессиональный революционер, старейший деятель большевистской партии, литератор. С 1894 — активный участник московского «Рабочего союза», тесно связанного с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». С 1897 по 1899 — в московской тюрьме, затем в ссылке, где присоединился к ленинскому «Протесту российских социал-демократов». В 1902 уехал за границу, сотрудничал в ленинской «Искре». В 1904 по заданию Ленина создал в Одессе Южное бюро РСДРП. Участник совещания 22-х большевиков в Женеве, делегат третьего и четвертого съездов РСДРП. После Октября — видный советский дипломат.— 40—41, 43, 132, 253.

Ганшин Алексей Александрович (1869—1940) — инженер-технолог, член московской социал-демократической организации. Принимал участие в издании нелегальной литературы. Им были изданы на гектографе первые два выпуска труда В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В 1895 арестован и сослан на 3 года в Вятскую губернию. После Октября — на хозяйственной работе (служил директором ткацкой фабрики).— 140, 154, 156—157, 158—159, 160—161.

Ганшин Иван Александрович (род. в 1878) — младший брат А. А. Ганшина.— 159—160.

Герценштейн Давид Маркович (1848—1916) — врач, общественный деятель. В 1877 работал врачом в Доме предварительного заключения, занимался вопросами общественной медицины, выступал со статьями в газетах и журналах. В 1905 — редактор меньшевистского органа «Начало». Председатель кассы взаимопомощи врачей, член Вольно-экономического и Литературного обществ.— 307

Голубева Мария Петровна (1861—1936) — участница революционного движения с 80-х годов. В 1891 была выслана под гласный надзор полиции в Самару, где познакомилась с В. И. Лениным. Под влиянием Ленина перешла на позиции революционного марксизма. С 1901 — член РСДРП, после II съезда РСДРП — большевичка. При Советской власти работала в Центральном совете фабрично-заводских комитетов, в Наркомюсте, в Петроградской ЧК, в аппарате ЦК ВКП(б).— 133, 139.

Горев (Гольдман) Борис Исаакович (род. в 1874) — социал-демократ. После первых арестов руководящих деятелей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» вошел в «Союз» и стал его активным работником. В 1897 арестован и сослан в Восточную Сибирь. В 1905 — член Петербургского комитета РСДРП, большевик. В 1907 примкнул к меньшевикам, сотрудничал в ряде меньшевистских органов, после Февральской революции 1917 года — оборонец, член меньшевистского ЦК. В 1920 вышел из меньшевистской организации. Преподавал в высших учебных заведениях, занимался научной и литературной деятельностью.— 208—209, 296, 351—352.

Горемыкин Иван Логгенович (1839—1917) — государственный деятель последних лет царского режима, в 1895—1899 — министр внутренних дел, в 1906 и в 1914—1916 — председатель Совета министров. Ярый монархист и реакционер, тесно связанный с распутинской кликой.— 120, 234, 300, 368.

Григорьев Михаил Георгиевич (1871—1934) — социал-демократ, член канского революционного кружка Н. Е. Федосеева. Работал в первых марксистских кружках в Нижнем Новгороде (1891—1893) и Самаре (1895—1896). Сотрудничал в «Самарском вестнике». В 1896 арестован, в 1897 выслан на 4 года в Архангельскую губернию. После окончания срока ссылки отошел от политической деятельности. После Октября служил в различных советских учреждениях, в том числе на транспорте.— 140—141.

Даниельсон (Николай — он) Николай Францевич (1844—1918) — литератор-экономист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов. В эволюции его взглядов отразилась эволюция народников — от революционных выступлений против царизма до примирения с ним. Завершил начатый Г. А. Лопатиным перевод на русский язык первого тома «Капитала», перевел второй и третий тома, переписывался с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но Даниельсону осталось чуждым существо марксизма, о чем свидетельствовали его «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», ставшие экономической платформой либерального народничества.— 127.

Дейтрих Владимир Федорович — председатель Петербургского окружного суда, а затем (с 1895) — прокурор судебной палаты. Вел дознание по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».— 110—111, 285, 361—362, 374.

Елизаров Марк Тимофеевич (1863—1919) — профессиональный революционер, большевик, муж А. И. Ульяновой-Елизаровой. Социал-демократ с 1893. В 1905 — один из руководителей забастовки железнодорожников. Был под постоянным полицейским надзором, несколько раз находился в тюрьме и в ссылке. После Октября — народный комиссар путей сообщения, а затем член коллегии Народного комиссариата торговли и промышленности.— 325, 371.

Ергин Александр Александрович (род. в 1868) — один из руководителей группы «молодых» народолюбцев. Принимал участие в организации народолюбческой типографии, в которой печаталась брошюра В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». По своим взглядам тяготел к социал-демократам. В 1895 был арестован и после двух лет пребывания в тюрьме сослан в Восточную Сибирь.— 285.

Зволянский Сергей Эрстович — вице-директор (1894—1897), а затем (1897—1902) директор департамента полиции, тайный советник.— 331, 376—377, 378.

Зиновьев Борис Иванович (1875—1899) — рабочий Путиловского завода, активный участник и организатор рабочих кружков, один из руководителей стачечной борьбы петербургского пролетариата. В 1895 арестован по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1897 выслан в Тверь под надзор полиции на 3 года, где продолжал революционную работу. В 1898 был опять арестован и скончался в тюремной больнице.— 246, 329.

Иващенко Анатолий Павлович — товарищ министра финансов при С. Ю. Витте, председатель совета торговли и мануфактур, тайный советник.— 356.

Ильин Александр Павлович (род. в 1870) — слесарь сталелитейного завода Нового Адмиралтейства, один из учеников В. И. Ленина, участник и организатор рабочих кружков. Арестован в 1896, а затем сослан на 3 года в Вятскую губернию. В 1901 вернулся в Петербург.— 100—102.

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства. С 1893 — ученик токаря на петербургском заводе «Старый арсенал», с 1896 — токарь Путиловского завода, где им был создан марксистский кружок. В партии с 1898 года. В 1899 арестован по делу петербургского «Союза борьбы». После этого еще много раз арестовывался и ссылялся. Вел революционную работу в Тифлисе, Ревеле, Петербурге, Москве. Активный участник Октябрьской революции. С 1919 — председатель ВЦИК, с 1922 — председатель ЦИК СССР, с 1938 — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1926).— 149, 166—167, 205—206.

Калмыкова Александра Михайловна (1849—1926) — прогрессивная общественная деятельница. Поддерживала тесную связь с группой «Освобождение труда», а затем с петербургским «Союзом борьбы», входила в редакции журналов «Новое слово» и «Начало». Содержавшийся ею в 1889—1902 книжный склад служил явкой для социал-демократов. В течение длительного времени оказывала финансовую помощь большевикам. Н. К. Крупская вспоминала, что В. И. Ленин относился к Калмыковой с чрезвычайным доверием, советовался с ней в целом ряде практических дел, говорил с ней о многих важных вопросах.— 174.

Карелина Вера Марковна (род. в 1870) — петербургская работница, участница кружка, которым руководил С. И. Радченко.— 269.

Катин-Ярцев Виктор Николаевич (1875—1928) — участник революционного движения 90-х годов, врач, в 1896—1897 — член петербургского «Союза борьбы». В 1897 арестован и в 1899 сослан в Якутию на 5 лет. В 1906—1908 вел пропагандистскую работу на Охтинском пороховом заводе, затем отошел от партии. После Октября работал врачом в разных учреждениях, сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка».— 353.

Кичин Александр Евгеньевич — товарищ председателя Петербургского окружного суда по уголовному отделению, с 1895 — товарищ прокурора судебной палаты.— 360—361.

Классон Роберт Эдуардович (1868—1926) — инженер-электротехник. В 90-х годах — «легальный марксист», участник социал-демократического кружка. Затем отошел от политической деятельности. В 1912—1914 под его руководством построена первая в мире районная электростанция, работавшая на торфе. В 1914 им предложен гидравлический способ добычи торфа, прак-

тически осуществленный уже после Октября. Участник подготовки плана ГОЭЛРО, директор 1-й Московской электростанции.— 175—176.

Клейгельс Николай Васильевич — в конце 90-х годов (с 7 декабря 1895) и в начале 900-х годов — петербургский градоначальник, генерал-лейтенант.— 367.

Князев Владимир Александрович (1872—1925) — слесарь Ново-Адмиралтейского завода, организатор рабочих кружков, участник петербургского «Союза борьбы». Привлекался к дознанию, но был обвинен лишь «в хранении противоправительственных изданий» и не понес наказания. Затем отошел от партийной деятельности. Был на хозяйственной работе (в кооперации).— 34—35, 97—100.

Колосов Евгений Евгеньевич — в 1895—1896 — член подпольного кружка гимназистов, реалистов и семинаристов в Томске. Был в партии эсеров. После Октября жил в Красноярске, Ленинграде, сотрудничал в журналах «Былое», «Каторга и ссылка». Автор брошюры «Сибирь при Колчаке», статей «Ленин в Красноярске» (подпись: Марк Горбунов) («Былое», 1924, № 25), «О. В. Аптекман, как историк «Земли и воли»» («Былое», 1924, № 27—28) и других.— 170, 192.

Копельзон (Гришин) Тимофей-Цемах Мордухович — в 80-х годах руководитель еврейских рабочих кружков в Вильно, член группы виленских социал-демократов. Один из основателей заграничного комитета Бунда. После 1905 организовал в Варшаве и Вильно легальное издательство Бунда. В 1908 эмигрировал в Америку. В 1923 вернулся в Россию, вступил в партию, работал в Госиздате.— 120, 198, 222, 249—251.

Косович Смаглад Игнатъевич — цензор, а затем (с 1896) исполняющий должность председателя Петербургского цензурного комитета.— 186—187.

Красин Герман Борисович (1871—1947) — один из создателей марксистского кружка студентов-технологов в 90-х годах в Петербурге, вел пропагандистскую работу среди рабочих. Впоследствии отошел от революционной деятельности. Инженер, конструктор-изобретатель. В 1920—1922 — председатель Совета Гидроторфа.— 21—22, 130.

Кремер Арон Иосифович (1865—1935) — один из основателей и лидеров Бунда. В 1893—1895 работал в виленских социал-демократических кружках; автор брошюры «Об агитации». Участвовал в I и II съездах РСДРП, после II съезда — меньшевик. После революции 1905—1907 годов отошел от политической деятельности. С 1921 участвовал в работе бундовских организаций в Польше.— 242.

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872—1959) — старейший деятель революционного движения, член партии с 1893 года, ученый, инженер-энергетик. Один из организаторов и руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1895 арестован, в 1897 выслан на 3 года в Сибирь. В 1901 поселился в Самаре, где работал агентом «Искры». Был одним из подготовителей II и III съездов РСДРП, активным участником революции 1905—1907 годов. После Октября восстанавливал и развивал энергетическое хозяйство Москвы, в 1920 по заданию Ленина возглавлял Государственную комиссию по электрификации России (ГОЭЛРО). В 1921—1930 — руководитель Госплана, в 1930—1932 — председатель Главэнерго Наркомата топливной промышленности, в 1932—1936 — председатель Комитета по высшему образованию при ВЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР. С 1929 по 1939 — вице-президент Академии наук СССР; директор созданного им в 1930 году Энергетического института Академии наук.—

16, 22—25, 28, 32—34, 40, 41, 42, 43—45, 46—47, 49—52, 53, 54, 56—57, 58, 59, 60, 62, 64, 65—67, 83, 114, 120—122, 130, 131—132, 144, 150—151, 164, 178, 212, 216—217, 224—225, 227—228, 231, 238—239, 257, 260, 282, 285, 288—289, 290, 293, 297, 307, 312, 316, 326, 336, 337—338, 341—342.

Крупская Надежда Константиновна (1869—1939) — профессиональный революционер, видный партийный и государственный деятель, талантливый педагог, соратник, жена и друг В. И. Ленина. Один из организаторов петербургского «Союза борьбы». В 1896 арестована и в 1898 сослана на 3 года. В 1901 за границей секретарь редакции «Искры». Участвовала в подготовке II и III съездов РСДРП. Работала секретарем редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий», поддерживала связи с партийными организациями в России, принимала активное участие в Октябрьской революции. После Октября — член коллегии Наркомпроса, с 1921 руководитель Главполитпросвета, с 1929 — заместитель наркома просвещения. Участница всех съездов партии (кроме I и V), член ЦК ВКП(б) (с 1927). Один из организаторов пионерского движения в СССР, дошкольного воспитания детей и образования взрослых. Автор многочисленных книг, брошюр, статей о В. И. Ленине, по вопросам партийной и советской работы. — 30—32, 41, 45—46, 48—49, 50, 55—56, 57—58, 59, 62, 71—72, 78, 81, 83—84, 86—87, 107—110, 111, 112—115, 117, 121, 122, 126, 150, 152, 163—164, 170—171, 174, 180, 181, 183, 186, 198, 199, 200, 206, 208, 216, 217, 228—229, 231—232, 240, 245, 251—252, 254—255, 257—258, 260—261, 264—265, 266, 269, 270—271, 273, 277, 279, 282—283, 284, 286, 288, 290—291, 292, 294, 300, 303, 317, 321, 336, 339, 340, 343, 344, 345—346, 347, 349, 350, 353—354, 366, 367, 368, 379, 380.

Куделли Прасковья Францевна (1859—1943) — общественная и партийная деятельница, литератор, преподаватель. В 90-х годах учительница Смоленской воскресно-вечерней школы. В 1896 арестована по делу народовольческой типографии. В 1901 — участница искровской группы в Пскове, в 1902 — пропагандист искровского комитета в Петербурге, в 1904—1905 — член Тульского комитета, делегат Таммерфорской конференции. После Октября — на партийной работе в Ленинграде. — 16, 77, 80—81, 111—112, 238, 284, 286—287, 345.

Кулябко Прасковья Ивановна (1874—1959) — профессиональный революционер. В революционном движении с 1893, участвовала в создании екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Член партии с 1898. В 1900 арестована и сослана в Сибирь, в 1902 выехала за границу, была членом «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии». С 1903 по 1905 — на подпольной работе в Одессе, Ярославле, Москве, Петербурге. После Октября — партийный работник, в 1941—1945 — политорганизатор среди населения Ленинграда. — 248, 264.

Лалаянц Исаак Христофорович (1870—1933) — участник социал-демократического движения. В 1888—1889 — член казанского марксистского кружка Н. Е. Фелосеева, в 1892 вел революционную пропаганду в Нижнем Новгороде, в 1893 вошел в самарский марксистский кружок, руководимый В. И. Лениным. С 1895 работал в Екатеринославе, участвовал в создании местного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Неоднократно был под арестом и в ссылке. Заведовал типографией ленинской «Искры». После II съезда РСДРП — большевик, агент ЦК партии в России. В 1906 — один из организаторов конференции военно-боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе. В 1913, будучи сослан на вечное поселение в Восточную Сибирь, отошел от политической деятельности. С 1922 работал в Главполитпросвете Наркомпроса. — 201.

Лафарг Поль (1842—1911) — выдающийся деятель французского и международного рабочего движения, талантливый пропагандист марксизма, близкий

друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. Член I Интернационала. Вместе с Ж. Гедом основал Рабочую партию Франции, разработал ее программу. Принимал участие в создании II Интернационала, боролся против оппортунизма в его рядах, приветствовал образование группы «Освобождение труда». Автор работ «Экономический детерминизм Карла Маркса», «Теория стоимости и прибавочной стоимости Карла Маркса», «Собственность, ее возникновение и развитие», «Миф о Прометее» и многих других, в том числе по философии, истории, атеизму, эстетике, языкознанию. Считая, что старость не дает возможности продолжать революционную борьбу, он и его жена Лаура (дочь К. Маркса) покончили с собой. На их похоронах 3 декабря 1911 с речью от имени РСДРП выступил В. И. Ленин.— 48.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924).— 20, 30, 38, 62—64, 71, 76—77, 87—88, 104, 117, 118, 132, 142, 144, 145—146, 147, 148—149, 150, 151—152, 153, 179, 181—186, 193—194, 204—205, 206—207, 208, 216, 217, 218—219, 222, 226—227, 237—238, 241, 243—244, 253—254, 261—264, 265, 266—267, 269, 273, 276, 281, 283—284, 286, 288, 289—290, 291, 292, 294—295, 302, 307, 315—316, 317—319, 323—325, 331—332, 334, 346, 364—366, 367, 368—370, 377, 379.

Лепешинская Ольга Борисовна (1871—1963) — участница социал-демократического кружка с 1894, член партии с 1898. Жена П. Н. Лепешинского, в 1897—1900 вместе с ним была в ссылке. В 1903—1906 в Женеве работала в группе большевиков-эмигрантов. С 1915 врач в Москве и Крыму. С 1919 — на преподавательской и научной работе в Ташкентском и Московском университетах, в Биологическом институте им. К. А. Тимирязева, Всесоюзном институте экспериментальной медицины. С 1950 — действительный член Академии медицинских наук СССР.— 171, 172—174, 193.

Лепешинский Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии, литератор. В 1895 арестован и в 1897 выслан на три года в Восточную Сибирь, где стал другом и учеником В. И. Ленина. После ссылки участвовал в организации распространения «Искры», в подготовке III съезда РСДРП. В 1905—1907 вел революционную работу в Екатеринославе и Петербурге. Активный участник Февральской и Октябрьской революций 1917 года. После Октября — член коллегии Наркомпроса РСФСР, заместитель наркома просвещения Туркестана, один из организаторов Истпарта, затем директор Исторического музея и Музея революции.— 31, 32, 36, 40, 44, 49, 52, 53—54, 64—65, 78, 105—106, 107, 125, 238, 285, 307—308, 312—314, 326—327, 334, 335—336, 340, 341, 345, 375—376, 378.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — профессиональный революционер, видный советский государственный деятель и строитель социалистической культуры. В социал-демократическом движении с начала 90-х годов. После II съезда РСДРП — большевик. Работал в редакциях большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». В годы столыпинской реакции стал на путь ревизионизма, один из организаторов антипартийной группы «Вперед». В работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) В. И. Ленин серьезно критиковал «богостроительские» ошибки Луначарского. В 1911 отошел от «передовцев», создал группу «Пролетарская литература». В 1917 вместе с группой «межрайонцев» принят в партию. После Октябрьской революции — нарком просвещения (до 1929), затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР, с 1930 — академик. В августе 1933 назначен полномочным представителем СССР в Испании. Автор многочисленных трудов по литературе и искусству.— 45, 215—216.

Лютих Вильгельм Осипович — в 90-х годах председатель Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты.— 330—331.

Лядов Мартын Николаевич (1872—1947) — профессиональный революционер, в 1893 — один из создателей московского «Рабочего союза». В 1895 руководил маевкой в Москве, был арестован и сослан на 5 лет в Верхоянск. Делегат II съезда РСДРП, искровец большинства, после съезда — агент ЦК партии. Активный участник революции 1905—1907 годов. В годы реакции примкнул к отзовистам, вошел в антипартийную группу «Вперед» (до 1911). После Февральской революции 1917 года занимал меньшевистскую позицию. В 1920 восстановлен в РКП(б), работал в ВСНХ, затем в Наркомпросе; с 1923 — ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.— 137—138, 142, 171, 243.

Масленников Владимир Н. — социал-демократ, в первой половине 90-х годов студент Московского высшего технического училища. Участник нелегального издания первых двух выпусков труда В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». В 1895 арестован, в 1897 отправлен на 3 года в ссылку. В годы Советской власти работал в Госплане.— 157—158.

Маслов Петр Павлович (1867—1946) — экономист, социал-демократ. В 1889 арестован по делу марксистского кружка Н. Е. Федосеева в Казани. В 1894 изучал политическую экономию в Венском университете. В 1896 работал в редакции «Самарского вестника». В 1897—1901 в Петербурге сотрудничал в журналах «Научное обозрение», «Жизнь», «Начало». После раскола РСДРП примкнул к меньшевикам (до 1917), выдвинул меньшевистскую программу «муниципализации земли». После Октября отошел от политической деятельности, вел преподавательскую и научную работу в Омске, Иркутске, Чите и Москве.— 42—43.

Матвеев Павел Александрович — цензор Петербургского цензурного комитета, подготовивший доклад о сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». — 187—189.

Михайлов Порфирий Михайлович (род. в 1871) — рабочий фабрики Торнтон, слушатель воскресно-вечерней школы за Невской заставой, участник кружков. Привлечен к дознанию по делу петербургского «Союза борьбы», в 1897 подчинен надзору полиции на 3 года с запрещением жить в столичных губерниях и университетских городах.— 329.

Мицкевич Сергей Иванович (1869—1944) — деятель революционного движения, врач. В 1893—1894 вел пропагандистскую работу в социал-демократических кружках, один из организаторов московского «Рабочего союза». В 1894 арестован и затем сослан в Якутию, где написал научный труд о специфических заболеваниях нервной системы у местного населения. В 1905—1906 занимался революционной деятельностью в Москве, затем в Нижнем Новгороде, с 1914 — в Саратове. Сотрудничал в большевистских газетах. В 1918 работал в Московском отделе народного образования, в 1919 — помощник начальника санитарной части Южного, а затем Юго-Западного фронтов. С 1921 — на профсоюзной работе. В 1924—1934 — директор Музея революции.— 141—142, 143, 144—145, 146, 147, 156, 161, 167, 170.

Могилянский Михаил М. (род. в 1873) — в 1892—1899 участник революционного движения петербургских студентов. В 1899 арестован, сидел в «Крестах», в черниговской тюрьме, затем находился под гласным надзором полиции. Литератор, издательский работник, автор воспоминаний «В девяностые годы» («Былое», 1924, № 23 и 24). — 162—163.

Мотовилова Софья Николаевна (род. в 1881) — племянница Р. Э. Классона; до революции долгие годы жила и училась за границей — в Лозанне,

Веймаре, Лейпциге, Лондоне. Встречалась с Г. В. Плехановым, Н. К. Крупской, В. П. Ногиним. После Октября — инструктор по библиотечному делу в Москве в губернском Совете рабочих депутатов, затем в Наркомпросе. В 1918 уехала в Киев, много лет работала в библиотеке Украинской академии наук. В 1963 опубликовала воспоминания «Миновавшее» («Новый мир», № 12). — 205.

Муравьев Николай Валерианович — в 90-х годах министр юстиции, статс-секретарь, тайный советник. Принимал участие в вынесении приговора по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — 375.

Названов Михаил Кондратьевич (род. в 1873) — инженер-технолог, член марксистского кружка технологов, организатор рабочих кружков, принимал участие в работе по созданию петербургского «Союза борьбы». В 1896 арестован, в 1897 подчинен надзору полиции на два года с запрещением жить в столичных губерниях и университетских городах. — 20, 25, 62, 230, 251.

Невзорова-Кржижановская Зинаида Павловна (1870—1948) — профессиональный революционер, член социал-демократической группы в Нижнем Новгороде (с 1894), петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (с 1895). Арестована в 1896, а в 1897 сослана на 3 года в Восточную Сибирь. Участвовала в работе искровских организаций, в редакциях большевистских периодических изданий. После Октября — заместитель заведующего внешкольным отделом Наркомпроса, член научно-методической секции государственного ученого Совета (с 1924), декан политпросветфакультета Академии коммунистического воспитания. — 23, 44, 114, 239, 247, 354, 381—382.

Невзорова-Шестернина Софья Павловна (1868—1943) — в революционном движении с 1893, член петербургского «Союза борьбы», учительница воскресно-вечерней школы за Невской заставой. В 1896 арестована и после шестимесячного одиночного заключения выслана в Нижний Новгород. Участница декабрьского вооруженного восстания 1905 года. В годы Советской власти работала во внешкольном отделе Наркомпроса, в Истпарте МК ВКП(б). — 61, 130, 197, 198, 252.

Невский Владимир Иванович (1876—1937) — профессиональный революционер, партийный и государственный деятель, историк. В революционном движении с 1895, один из создателей социал-демократической организации в Ростове-на-Дону. Вел партийную работу в Москве, Воронеже, Орле, Ярославле. Неоднократно арестовывался и ссылался. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После Октября — нарком путей сообщения, в 1919—1920 — заместитель председателя ВЦИК, в 1921 — ректор Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, с 1922 — заместитель заведующего Истпартом ЦК РКП(б), с 1924 — директор Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Автор и редактор ряда трудов по истории Коммунистической партии. — 347—348.

Ольбрахт Иван (Камил Земан) (1882—1952) — видный чехословацкий писатель, один из организаторов Коммунистической партии Чехословакии, с 1921 — редактор газеты «Руде право». В годы фашистской оккупации Чехословакии участник движения Сопротивления. — 72.

Ольминский Михаил Степанович (1863—1933) — профессиональный революционер, литератор. В революционном движении с начала 80-х годов, примыкал к народничеству. В 1894 арестован по делу группы народовольцев, в 1898 сослан в Якутию. Член редакций большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В 1911—1914 сотрудничал в газетах «Звезда», «Правда», в журнале «Просвещение». Активный участник Октябрьской революции. В 1920 —

председатель комиссии по истории партии, затем заведующий Истпартом ЦК РКП(б), редактор журнала «Пролетарская революция». Автор многочисленных литературно-критических и публицистических работ.— 36, 41, 49.

Оноприенко Виктор Иванович — в 90-х годах начальник Петербургского губернского жандармского управления, член столичного по фабричным делам присутствия, генерал-майор.— 330.

Петров Николай Иванович — директор департамента полиции в 1893—1895, генерал-лейтенант.— 201, 204, 228.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России, видный философ. В 1877 вступил в народническую организацию «Земля и воля»; в 1879, после ее раскола, возглавил «Черный передел». В 1883 в Женеве создал первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Боролся с народничеством, выступал против ревизионизма в международном рабочем движении. В начале 900-х годов вместе с В. И. Лениным редактировал газету «Искра» и журнал «Заря», участвовал в выработке проекта партийной программы; на II съезде РСДРП — искровец большинства. После съезда пошел на примирение с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. К Октябрьской революции отнесся отрицательно, но в борьбе против Советской власти не участвовал. Его важнейшие теоретические работы: «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885), «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), «Очерки по истории материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898) и другие.— 211, 212, 219—220, 268, 269—270, 364.

Плеханова (Боград) Розалия Марковна (1856—1949) — жена Г. В. Плеханова. Училась в Женской медицинской школе при Военно-медицинской академии в Петербурге. В 1880 эмигрировала в Швейцарию, где закончила медицинское образование. Работала врачом в Женеве, а затем в Сан-Ремо (Италия). Современники отзывались о ней как о самоотверженной труженице, сознательно жертвовавшей возможностью проявить свой незаурядный талант, чтобы посвящать себя заботам о Г. В. Плеханове и о детях.— 211, 212, 216.

Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — видный деятель революционного движения, партийный и военный работник. В революционном движении с 1898, член партии с 1901. Активный участник трех революций. В дни Октября — председатель Военно-революционного комитета в Петрограде, один из руководителей штурма Зимнего дворца. После Октября — член Комитета по военным и морским делам, командующий Петроградским военным округом. В 1919 — нарком по военно-морским делам Украины. В последние годы жизни — пропагандист и литератор.— 71.

Потресов Александр Николаевич (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-е годы примыкал к марксистам, был близок к петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Участвовал в создании «Искры» и «Зари». На II съезде РСДРП вместе с Мартовым и Троцким возглавил меньшевистскую фракцию. В годы столыпинской реакции руководил меньшевиками-ликвидаторами, во время первой мировой войны — шовинист, оборонец. После Октября — белоэмигрант, враг Советской власти.— 180, 186, 190, 210, 211.

Рыковский Георгий Иосифович — в 90-х годах старший фабричный инспектор Петербургской губернии, член столичного по фабричным делам присутствия.— 273—276, 278—279.

Сабуров Николай Николаевич (ум. в 1896) — директор департамента полиции (1895—1896), тайный советник.— 277, 296—298, 308—312.

Семашко Николай Александрович (1874—1949) — видный советский государственный деятель и ученый. В 1893, будучи студентом Московского университета, вступил в марксистский кружок. В 1895 арестован и выслан из Москвы. В 1905 участвовал в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде. В 1906—1917 — в эмиграции. Был секретарем Заграничного бюро ЦК партии, участник Пражской партийной конференции. В 1918—1930 нарком здравоохранения РСФСР. С 1930 — на работе во ВЦИК. Действительный член Академии медицинских наук СССР (с 1944) и Академии педагогических наук РСФСР (с 1945). В 1947—1949 — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук.— 46, 47, 168—169, 222—223.

Семякин Георгий Константинович — в 90-х годах начальник 3-го делопроизводства, а затем вице-директор департамента полиции.— 374.

Сильвин Михаил Александрович (1874—1955) — социал-демократ, в революционном движении с 1891. Участник петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 арестован, в 1898 выслан на 3 года в Восточную Сибирь. Подписал составленный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов» против «Средо» «экономистов». Будучи призван в армию, служил в Сибири, затем в Риге, куда к нему приезжал Ленин. В 1901 — агент «Искры», в 1902 арестован, сослан в Иркутскую губернию, откуда бежал за границу. В 1904 кооптирован в ЦК РСДРП, в 1905—1908 сотрудничал в большевистских газетах «Борьба», «Светоч», «Вопросы дня». Затем отошел от политической деятельности. После Октября работал в Наркомпросе РСФСР, в 1923—1930 — в торгпредстве СССР в Англии, с 1931 занимался педагогической деятельностью.— 15, 17—21, 22, 23, 25—27, 28, 30, 36, 37, 38—40, 42, 46, 47, 49, 50, 54—55, 58—59, 60—61, 81—83, 84, 85—86, 103, 116—117, 119, 125—129, 130—131, 143, 152, 153—154, 161—162, 164—166, 171—172, 177—179, 180—181, 190, 197, 198—200, 207—208, 215, 225—226, 230, 231, 233—234, 239, 240—241, 242—243, 246, 247, 248—249, 251, 252—253, 256—257, 258, 266, 267, 272, 285, 287—288, 289, 290, 293, 300—301, 319, 334, 342, 350—351, 366, 367.

Скляренко (Попов) Алексей Павлович (1870—1916) — профессиональный революционер. В 1889 в Самаре познакомился с В. И. Лениным и затем вошел в созданный им руководимый им первый марксистский кружок. В 1893 арестован и сослан на 3 года в Архангельскую губернию. В 1898—1903 работал в Туле, в Харбине. В 1905—1907 — один из руководителей саратовской организации РСДРП. Участник V съезда партии. В 1907 арестован и сослан на 3 года в Усть-Сысольск. С 1910 в Петербурге; сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». — 192.

Спонти Евгений Игнатьевич (1866—1931) — в начале 90-х годов участник социал-демократических кружков в Вильно, в 1893—1895 — член московской марксистской группы. В 1895—1897 — в тюрьме, затем два года в ссылке в Архангельске. После ссылки поселился в Минске, в 1905 участвовал в организации забастовок железнодорожных рабочих. Впоследствии отошел от революционного движения. В годы Советской власти работал землемером.— 210, 250.

Старков Василий Васильевич (1869—1925) — в первой половине 90-х годов участник марксистского кружка студентов-технологов, в 1895 вошел в руководящий центр петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего

класса». В 1895 арестован и в 1897 выслан на 3 года в Восточную Сибирь. После ссылки — механик на заводе, заведующий электростанцией в Баку. В годы реакции от партийной работы отошел. После Октября работал в Наркомвнешторге, был заместителем торгпреда СССР в Германии.— 25, 27, 44, 87, 138, 139, 176—177.

Стеглов Юрий Михайлович (1873—1941) — профессиональный революционер (с 1893). Один из создателей социал-демократической организации в Одессе. В 1894 арестован, а затем сослан в Якутию, откуда бежал за границу. Сотрудничал в ряде большевистских изданий. Участник Февральской революции 1917 года, затем занимал позицию оборончества, раскритикованную В. И. Лениным. После Октября — член ВЦИК и ЦИК, редактор газеты «Известия ВЦИК», журнала «Советское строительство», с 1929 — заместитель председателя Ученого комитета при ЦИК СССР.— 67—68, 190—191.

Тахтарев Константин Михайлович (1871—1925) — в социал-демократическом движении с 1893, входил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 привлекался к дознанию, в 1897 эмигрировал, в 1898 участвовал в работе съезда «Союза русских социал-демократов за границей», в 1900 редактировал газету «экономистов» «Рабочая мысль». После II съезда РСДРП сочувствовал меньшевикам. Вскоре отошел от партийной работы и занялся научной и преподавательской деятельностью. Написал «Очерки по истории первобытной культуры» (1907), «Сравнительную историю развития человеческого общества и общественных форм» (1924) и другое. С 1924 — научный сотрудник Института К. Маркса и Ф. Энгельса.— 73—74, 105, 247, 271—272, 277, 332, 344—345, 355.

Трапезников В. — участник казанских подпольных организаций. Автор письма Р. П. Поморцевой в Пермь от 29 декабря 1895, в котором давался отзыв о полученном в Казани сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». — 192.

Турчанинов Иван Николаевич — помощник петербургского градоначальника (не позднее 1893—1899), тайный советник.— 298, 299.

Ульянов Дмитрий Ильич (1874—1943) — профессиональный революционер, большевик, по образованию врач, младший брат В. И. Ленина. С 1894 участник студенческих марксистских кружков в Москве. В 1897 арестован, до осени 1898 сидел в тюрьме, затем в течение года находился под гласным надзором полиции в Подольске. Делегат II съезда РСДРП. В 1905—1907 член Симбирского комитета большевиков; работал врачом в Серпухове и Феодосии, был постоянно связан с центральными большевистскими организациями. В 1914 мобилизован в армию, вел революционную работу среди солдат. После Октября на партийной и советской работе в Крыму, с 1921 — в Наркомздраве, в 1925—1930 — в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, с 1933 — в лечебно-санитарном управлении Кремля. Автор ряда воспоминаний о В. И. Ленине.— 154—156, 200, 224.

Ульянова Мария Александровна (1835—1916) — мать В. И. Ленина. Родилась в Петербурге в семье врача А. Д. Бланка. Получила домашнее образование, в 1863 экстерном сдала экзамен на звание учительницы. Владела немецким, французским и английским языками, прекрасная музыкантша, хорошо знала русскую и мировую художественную литературу. Отличаясь большой силой воли, твердостью характера, большим воспитательным талантом, она растила своих детей честными, трудолюбивыми, глубоко понимающими жизнь народа. С большим мужеством перенесла смерть мужа (1886), казнь старшего сына Александра (1887), смерть дочери Ольги (1891). Постоянно вникала в стремления своих детей, была их идейным другом, поддерживала

в революционной борьбе. Умерла в Петрограде, похоронена на Волковом кладбище.— 376.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937) — профессиональный революционер (с 1898), видный партийный и государственный деятель, младшая сестра В. И. Ленина. В 1896 окончила гимназию в Москве, училась на Высших женских курсах, слушала лекции в Новом университете в Брюсселе. Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Самаре, Саратове, Вологде, неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. Активно участвовала в деятельности «Искры», секретариата ЦК партии. В 1917—1929 — ответственный секретарь и член редколлегии газеты «Правда». С XIV съезда партии — член ЦКК, с XVII съезда — член Комиссии советского контроля, заведовала Бюро жалоб этой Комиссии, член Моссовета. В 1935 избрана членом ЦИК СССР. Автор ряда работ о партийной и советской печати, воспоминаний о В. И. Ленине.— 36, 38, 64, 223—224.

Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864—1935) — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии, старшая сестра В. И. Ленина. В революционном движении с 1886. В 1898 — член Московского комитета РСДРП. В 1900—1905 — в ленинской «Искре» и большевистских газетах, член редакции газеты «Вперед». Вела партийную работу в Петербурге, Москве, Саратове; много раз арестовывалась и ссылалась. После Февраля 1917 — секретарь редакции газеты «Правда», редактор журнала «Ткач». Активный участник Октябрьской революции. В 1918—1921 — в Наркомсобесе и Наркомпросе, с 1921 — в Истпарте; член редколлегии журнала «Пролетарская революция». Активно участвовала в организации Института Ленина и была его научным сотрудником. Автор многочисленных книг и статей о В. И. Ленине и А. И. Ульянове.— 15, 16—17, 34, 36, 39, 58, 78—79, 132—133, 138—139, 143—144, 154, 168, 174—175, 190, 198, 220, 221, 222, 224, 225, 229, 232, 239, 244—245, 272, 285, 296, 304, 308, 316—317, 319—323, 325—326, 330, 338, 339—341, 342, 343—344, 345, 348—350, 353, 354—355, 371, 375, 376, 377, 378—379, 380.

Федорченко Леонид С. (род. в 1875) — участник революционного движения киевской молодежи. Учился в 1-й киевской гимназии и Киевском университете. За распространение нелегальной литературы в 1894 арестован и после годичного заключения сослан на 5 лет в Архангельскую губернию. В 1929 опубликовал воспоминания «В тюрьме и ссылке» («Каторга и ссылка», № 1 и 2).— 192.

Федосеев Николай Евграфович (1871—1898) — профессиональный революционер, один из первых революционных марксистов в России. В 1887 за участие в революционном движении был исключен из казанской гимназии. Организовал и возглавил первые казанские марксистские кружки, в одном из которых участвовал В. И. Ленин. В 1889 арестован, сидел в тюрьме в Казани и Петербурге. В 1892 занимался революционной деятельностью во Владимирской губернии. В том же году арестован и в 1893 выслан на 3 года в Сольвычегодск. В 1895 снова арестован и сослан на 5 лет в Восточную Сибирь, где кончил жизнь самоубийством. В его работах дан марксистский анализ экономического и политического развития России, подвергнуты критике воззрения либеральных народников. Роль Федосеева в революционном движении высоко оценена В. И. Лениным.— 192.

Фишер Генрих Матвеевич (1871—1935) — рабочий-металлист, участник социал-демократических кружков. Вел пропагандистскую работу среди рабочих. В 1894 был арестован, в 1896 сослан на 3 года в Архангельскую губернию. В 1899—1901 работал в саратовской социал-демократической органи-

зации. В 1901 эмигрировал в Англию, где участвовал в английском рабочем движении; на V съезде РСДРП встретился с В. И. Лениным. Член Коммунистической партии Великобритании с момента ее основания. В 1921 приехал в Москву, вступил в ВКП(б), работал в Коминтерне.— 59, 76, 240.

Царков Кузьма Григорьевич (род. в 1873) — рабочий, член кружка, руководимого Г. М. Кржижановским; принимал участие в распространении листовок. Привлекался к дознанию по делу петербургского «Союза борьбы», находился под стражей с 4 января по 20 апреля 1896. В 1897 приговорен к шести месяцам тюрьмы и трем годам гласного надзора полиции вне столичных губерний и университетских городов.— 271.

Цхакая Михаил Григорьевич (1865—1950) — профессиональный революционер, старейший деятель большевистской партии и международного рабочего движения. Один из пионеров социал-демократического движения в Грузии и в Закавказье. С 1880 вел революционную работу в Тифлисе, Баку, Батуме, Кутаиси, затем в Харькове и Екатеринославе. Один из руководителей Кавказского союзного комитета РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Делегат III и V съездов РСДРП. В 1907—1917 — в эмиграции; в Россию вернулся вместе с В. И. Лениным после Февральской революции. В 1917—1920 — член Тифлисского комитета партии. В 1921 — председатель ЦИК ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР, председатель ЦИК и член ЦК КП(б) Грузии. С 1931 работал в Интернациональной контрольной комиссии.— 265.

Чеботарев Иван Николаевич (1861—1934) — близкий знакомый семьи Ульяновых. После окончания в 1882 Симбирской гимназии учился в Петербургском университете, где подружился и жил на одной квартире с А. И. Ульяновым. С 1886 — в революционном движении, народовелец. В. И. Ленин пользовался в Петербурге его адресом для переписки с семьей и для пересылки нелегальной литературы. С 1906 — учитель средней школы на станции Поповка, затем бухгалтер в правлении Северо-Западной железной дороги.— 104, 190, 279—280, 295, 312.

Черкасов — в 90-х годах начальник Виленского губернского жандармского управления, полковник.— 221.

Чернов Виктор Михайлович (1876—1952) — один из лидеров и теоретиков партии эсеров. Политическую деятельность начал в 90-х годах. В 1902—1905 — редактор газеты «Революционная Россия» (центральный орган эсеров). В своих статьях пытался доказать неприменимость учения Маркса к решению аграрного вопроса в России, противопоставить марксизму буржуазный реформистский «конструктивный социализм». Министр земледелия Временного правительства. После Октября — один из организаторов антисоветских мятежей, эмигрант, противник нашего государства.— 137.

Шаповалов Александр Сидорович (1871—1942) — рабочий, с 1894 — народовец, один из организаторов Лахтинской типографии. С 1895 — член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 арестован и в 1898 сослан на 3 года в Восточную Сибирь, где познакомился с В. И. Лениным. В 1901—1906 работал организатором и пропагандистом среди рабочих Батума, Кинешмы, Иваново-Вознесенска, Киева, Твери, Екатеринослава, Одессы и Харькова. В 1905 — член Харьковского комитета партии большевиков. В 1906—1917 работал слесарем на заводах в Бельгии и Франции, был связан с иностранными большевистскими организациями. После Октября — на советской и партийной работе; на XIII съезде РКП(б) избран членом ЦКК. В последние годы занимался литературной деятельностью.— 381.

Шелгунов Василий Андреевич (1867—1939) — рабочий, профессиональный революционер, большевик. Один из организаторов и активных деятелей петербургского «Союза борьбы». В 1895 арестован, в 1897 выслан на 3 года в Архангельскую губернию. С 1900 вел партийную работу в Екатеринославе, Баку, Петербурге, Тифлисе. Принимал участие в создании газеты «Звезда» (был ее официальным редактором), а затем — газеты «Правда». В результате арестов и сылок лишился зрения. После Октября жил в Москве, участвовал в работе москворецкой партийной организации и Всесоюзного общества старых большевиков.— 72—73, 74—76, 79—80, 81, 87, 101, 102—103, 104—105, 232, 245, 246, 255, 281.

Шестернин Сергей Павлович (1864—1945) — участник революционного движения, юрист. Окончив в 1888 юридический факультет Московского университета, работал в Шуе, во Владимире, городским судьей в Иваново-Вознесенске и других городах. В 1894—1897 — член марксистского кружка в Иваново-Вознесенске. За участие в социал-демократическом движении был отстранен от судейской практики, преподавал в Народном университете Шанявского в Москве. После Октября — на партийной и советской работе.— 28—30, 47, 86, 106, 264, 292—293.

Шпейер — в 90-х годах начальник Вержбовловского пограничного отделения Петербургско-Варшавского полицейского управления железных дорог, ротмистр.— 221.

Эссен Мария Моисеевна (1872—1956) — социал-демократ, искровец, после II съезда РСДРП — большевик. В революционном движении с начала 90-х годов. С 1897 вела пропаганду марксизма среди рабочих в Саратове, Киеве, Екатеринбурге, неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. В 1902 бежала за границу, в 1903 кооптирована в ЦК, в 1906 — член Московского комитета. В 1907 от партийной работы отошла. В 1917 — член Тифлисского совета рабочих депутатов, в 1921—1922 — заведующая отделом агитации ЦК КП Грузии, Тифлисского комитета партии, Закавказского крайкома РКП(б). С 1925 — на научно-редакционной работе в Госиздате, Истпарте, в Институте Ленина, с 1930 — в Коммунистическом институте журналистики. С 1938 — член Союза советских писателей.— 45, 59, 62, 209—210, 216.

Яковлев Иван Иванович (1873—1927) — рабочий завода Сименс и Гальске, участник и организатор рабочих кружков. В 1895 арестован, в 1897 выслан на 3 года в Екатеринослав с лишением права жительства в обеих столицах и университетских городах. В 1900 вернулся в Петербург. В 1918 вступил в партию большевиков. Работал на ленинградских заводах.— 35—36, 76.

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943) — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии, историк и публицист. С 1898 — в РСДРП, организатор первого социал-демократического кружка среди рабочих Забайкальской железной дороги. Член Читинского, а затем Петербургского комитетов РСДРП. Вел партийную работу в Твери, Нижнем Новгороде, Киеве, Одессе, Туле, Ярославле, Москве. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Делегат IV, V, VI съездов партии. Во время Октябрьской революции — один из руководителей вооруженного восстания в Москве. После Октября — член Сиббюро ЦК, в 1921 — секретарь ЦК партии, в 1923—1934 — секретарь Центральной Контрольной Комиссии. Был членом ЦИК СССР, входил в состав дирекции Института Ленина, член редколлегий газеты «Правда» и журнала «Большевик». С 1939 — действительный член Академии наук СССР.— 207, 380.

Оглавление

<i>Мария Прилежаева</i>	Об этой книге	5
<i>Глава первая</i>	Марксист с берегов Волги	13
	<i>Животворный грозовой разряд</i>	15
	<i>Старик и «старики»</i>	24
	<i>Переключка гениев</i>	30
	<i>Прямая жизненная дорога</i>	33
	<i>Цельность характера</i>	40
	<i>Счастье — в борьбе</i>	43
	<i>Ученый-боец</i>	48
	<i>Любовь к литературе</i>	54
	<i>Человек-магнит</i>	56
	<i>Друг, сын, брат</i>	60
	<i>Богатырь земли русской</i>	64
<i>Глава вторая</i>	Среди питерских рабочих	69
	<i>Русские Бебели</i>	71
	<i>Народовольцы и социал-демократы</i>	78
	<i>К рабочим с Марксом</i>	81
	<i>«Поговорим о социализме...»</i>	91
	<i>Николай Петрович</i>	97
	<i>Каждый завод — наша крепость</i>	102
	<i>За Невской заставой</i>	105
	<i>Первая листовка</i>	114
	<i>Забастовка в Новом порту</i>	118
<i>Глава третья</i>	Против народничества и «легального марксизма»	123
	<i>Вопрос о рынках</i>	125
	<i>В Москве и Нижнем Новгороде</i>	132

	<i>Идейный разгром народничества</i>	141
	<i>Презрев царскую цензуру...</i>	152
	<i>Манифест революционного марксизма</i>	163
	<i>В борьбе с лжемарксистами</i>	170
	<i>Детище временного союза</i>	178
	<i>«Запретить и сжечь!»</i>	186
	<i>Как феникс из пепла...</i>	190
<i>Глава четвертая</i>	За границу	195
	<i>Перед поездкой</i>	197
	<i>По дороге в Женеву</i>	201
	<i>Встречи с Плехановым</i>	205
	<i>В Цюрихе и в Афельтерне</i>	213
	<i>Париж и опять Швейцария</i>	216
	<i>В Берлине</i>	218
	<i>Возвращение в Россию</i>	221
	<i>Снова в Петербурге</i>	224
<i>Глава пятая</i>	Зачаток пролетарской партии	235
	<i>От пропаганды к агитации</i>	237
	<i>Так был создан «Союз борьбы»</i>	253
	<i>Соединение социализма с рабочим движением</i>	261
	<i>Грозная сила — листовки</i>	266
	<i>Забастовка на фабрике Торнтонна</i>	270
	<i>У Лаферма и на Путиловском</i>	278
	<i>Возможность писать для рабочих</i>	281
	<i>Газета «Рабочее дело»</i>	288
	<i>Обыски и аресты</i>	294
	<i>«Вырваны из рук рабочих...»</i>	300
<i>Глава шестая</i>	Сквозь тюремные решетки	305
	<i>Следствие началось</i>	307
	<i>Первый допрос</i>	312
	<i>«У меня есть план...»</i>	317
	<i>Жандармы собирают улики</i>	327
	<i>В центре всего происходящего</i>	335
	<i>Проект программы партии</i>	345
	<i>«Союз борьбы» держит экзамен</i>	350

<i>Промышленная война</i>	355
<i>Листовка «Царскому правительству»</i>	366
<i>Близится финал</i>	370
<i>В административном порядке</i>	374
<i>Последние дни в Петербурге</i>	378
Примечания. Указатели	383
<i>Примечания</i>	385
<i>Предметный указатель</i>	391
<i>Указатель использованных источников</i>	397
<i>Указатель цитируемых авторов</i>	405

Ленин. Петербургские годы

На фронтисписе:
Владимир Ильич Ленин
Февраль 1897 года

Заведующий редакцией

Н. Р. Андрухов

Редактор В. Н. Светцов

Младший редактор

Д. В. Калько

Художественный редактор

Н. Н. Симагин

Технический редактор

Л. К. Уланова

Сдано в набор 21 февраля 1972 г. Подпи-
сано в печать 22 июня 1972 г. Формат
60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн.
печ. л. 26,16. Учетно-изд. л. 25,35. Тираж
50 тыс. экз. А06936. Заказ № 1237. Цена
1 р. 29 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

1 р. 29 к.

